

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ОСНОВАНА

М. ГОРЬКИМ

Большая серия
Второе издание

С О В Е Т С К И Й П И С А Т Е Л Ъ

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

*Вступительная статья, составление,
подготовка текста и примечания
И. С. Эвентова*

МОСКВА — ЛЕНИНГРАД · 1965

Настоящее издание является наиболее полным из всех однотомных собраний сочинений Демьяна Бедного, вышедших за последние двадцать пять лет. Оно содержит свыше двухсот стихотворений поэта (лирические стихи, фельетоны, эпиграммы, памфлеты и сказы), а также несколько стихотворных повестей и поэм. В их числе — ряд произведений, не входивших в прижизненные сборники Д. Бедного, а также стихотворения, не воспроизводившиеся в посмертных изданиях.

Во вступительной статье прослеживается творческий путь замечательного певца революции, приводятся архивные документы и факты, характеризующие малоизвестные обстоятельства жизни и деятельности поэта,

ПОЭЗИЯ ДЕМЬЯНА БЕДНОГО

Демьян Бедный стал известен русским читателям сперва как литературный персонаж.

Это был крестьянин-бунтарь, мутивший на сходе односельчан, угрожавший барину и даже властям. Стихотворение, где выведен этот персонаж, появилось в печати весной 1911 года, оно называлось «О Демьяне Бедном, мужике вредном». Его автором был не очень молодой, весьма крепкого сложения человек с открытым, несколько грубоватым крестьянским лицом, с чуть вызывающим взглядом узких насмешливых глаз. Общительный и прямой, со всеми на дружеской ноге, он быстро сблизился с сотрудниками газеты «Звезда», напечатавшей его стихотворение, с наборщиками и печатниками, работавшими по ночам. Часто приходил он к ним в поздний час, пристраивался незаметно у наборных касс или на талере метранпажа, писал стихи на злобу дня и тут же проверял их на слух у типографских рабочих. Стихи были хлесткие, свежие, остроумные — дружный смех слушателей подтверждал авторскую удачу.

Однажды поэт пришел к ним в обычный час, и кто-то из рабочих крикнул:

— Демьян Бедный идет!

Так эта кличка за ним и осталась. В кругу друзей и сотрудников его называли просто Демьяном. Произведения же свои он, как и прежде, подписывал собственной фамилией.

Прошло немного времени. Стихи молодого сотрудника очень нравились читателям, но приносили беспокойство властям. За газетой, которую издавали петербургские большевики, настороженно следили чиновники цензурного ведомства. Посыпались штрафы,

конфискации номеров. Стало небезопасно подписываться настоящей фамилией, понадобился псевдоним.

И 23 февраля 1912 года в той же газете появилась басня за подписью «Демьян Бедный». Так же быстро, как имя это закрепилось за поэтом в редакции, облетело оно круг читателей «Звезды».

За популярным псевдонимом забылось (а многим и просто неизвестно было) подлинное имя поэта, а его прошлое лишь угадывалось по некоторым стихотворениям. Весьма немногие знали о том, что он был крестьянином по происхождению, потомственным деревенским жителем, внуком военнопоселенца и сыном бедняка. Жизнь его могла сложиться так же, как жизнь многих бедняцких детей в старой России. Но сложилась она совершенно иначе.

1

Ефим Алексеевич Придворов (так звали поэта) родился 1 апреля 1883 года в деревне Губовка Александрийского уезда Херсонской губернии. Он рано научился читать — еще в детстве прослыл среди односельчан лихим грамотеем. Жители Губовки не считали для себя зазорным усесться около мальчика и слушать, как он внятно и голосисто читает подsunутую ему толстую книгу. Загадочной славянской вязью значилось на ней: «Путь ко спасению, или Благочестивые размышления о покаянии и непрестанном приуготовлении себя к смерти». Чтец живо расправлялся с десятками страниц душевспасительной книги, почти не вникая в ее содержание. Думал ли он, что с церковной премудростью он будет много лет спустя воевать и спорить уже как поэт? Нет, не думал.

Дед будущего поэта, Софрон Придворов, был известный в селе богохульник. Занятный, умный, знающий старик, он помнил множество народных сказов и легенд, хранил в уме сотни народных присловий, щедро пересыпал ими свою речь. В озорных и веселых историях, которые он рассказывал внуку, многое выглядело совсем не так, как в чинных и строгих псалмах. К тому же грамота открыла мальчику путь к науке, заронила любовь к книге, пробудила чувство словесного ритма, ощущение музыки слов... И так получилось, что чтение псалтыря стало обязанностью, выполняемой за мелкую мзду, а книги русских поэтов и слова русских песен и легенд стали частью души. Казалось бы, они-то и предопределили весь его жизненный путь. Но на деле все было сложнее.

Отец-бедняк, не сумев прокормиться в деревне, пошел служить сторожем в небольшую церквушку при духовном училище в ближайшем городе Елисаветграде. И единственного сына он хотел оставить на жительство в городе, обучив его надежному ремеслу. На этот счет он уже сторговался с обойным мастером в Елисаветграде. Но тут в судьбу мальчика вмешалась школьная учительница, стараниями которой удалось направить его на учение в Киев. Куда? Выбора почти не было. Искали места с «казенным коштом», дабы обучение и содержание его в чужом городе не стоило денег. Такой «кошт» давала военно-фельдшерская школа. И нежданно-негаданно Ефим Придворов впрягся в казарменную лямку. Спустя четыре года он стал военным фельдшером в унтер-офицерском чине.

Служба была нудной, тягостной, однообразной. Ничем решительно не привлекала она юношу, в котором уже прочно жила любовь к поэзии, к родной литературе. Но надо было — таков был закон — отслужить еще немалый срок, прежде чем думать о том, чтобы как-то изменить свою жизнь. Прошло наконец четыре года, возникла новая преграда: получить гуманитарное образование нельзя было без аттестата зрелости, между тем полного курса средней школы Придворов не проходил. И вот, когда ему пошел уже двадцать второй год, он сбросил военный мундир, оставил приобретенную в школе профессию и стал сдавать экстерном за все восемь классов мужской классической гимназии. Сдал и тут же отправил документы в Петербург. Осенью 1904 года он был уже студентом-филологом.

С усердием принялся он за науки, особенно за отечественную историю, древнюю литературу, фольклор, с успехом изучал немецкий язык и латынь. Но при этом почти не занимался сочинительством. Правда, в период военной учебы он что-то писал и даже печатал, но вспоминал о своих мальчишеских виршах с презрением, почти никогда о них впоследствии не говорил. Если б не дотошные биографы, разыскавшие эти вполне безвкусные (и притом совершенно верноподданнические) стихи в газете «Киевское слово» за 1899 год, никто бы о них и не узнал.

Между тем окончание университетского курса совпало с большими переменами в духовной жизни юноши. Внимательнее стал он присматриваться к окружающему, острее реагировать на происходящие в стране политические события, избавляться от груза «благонамеренных» настроений, привитых ему в годы военной муштры. Путь его к истине, к передовым убеждениям был извилистым и нелегким.

Сперва «путем угадки» молодой поэт пришел к осознанию общедемократических идеалов. Память о безрадостном детстве, поразившие тогда душу картины мужицкого горя, рассказы деда о царском произволе, жертвами которого были тысячи крестьян-военнопоселенцев, — все это теснейшим образом сплелось в его сознании с мрачными событиями столыпинской эпохи: с чудовищным полицейским террором, невиданным унижением крестьян, этапами арестантов. Переживания эти и определили основной тон первых стихотворений, написанных по выходе из университета. Сразу встал вопрос о том, где могут найти прибежище такие стихи.

На Басковой улице в Петербурге помещалась редакция широко известного ежемесячного журнала «Русское богатство». Журналом руководил В. Г. Короленко (Баскова улица теперь и носит имя писателя). Молодой филолог стал захаживать в редакцию, приносить свои стихи. Подолгу беседовал он в одной из комнат редакционной квартиры с П. Ф. Якубовичем-Мельшиным — человеком примечательным, незаурядным. Поэт-народоволец Якубович не так давно вернулся с царской каторги, где просидел много лет. За революционную деятельность он еще в 80-х годах был приговорен к смертной казни, которую ему заменили каторжными работами. В журнале Якубович заведовал отделом поэзии. Окруженный ореолом мученика и борца, он оказал большое влияние на молодого стихотворца — и это сказалось в тех произведениях, с которыми Придворов выступил на страницах «Русского богатства».

Но пристанище это оказалось временным и ненадежным. В стихах молодого автора все чаще пробивались революционные мотивы, к таким произведениям с опаской относились в либерально-народническом журнале. Несколько стихотворений Придворова по этой причине редакция отклонила. Куда было идти дальше — без имени, без средств, без знакомств в литературном мире?

Вспоминая эту пору, он писал: «Дав уже раньше значительный уклон в сторону марксизма, в 1911 году я стал печататься в большевистской — славной памяти — «Звезде». Мои перепутья сходились к одной дороге. Идейная сумятица кончалась. В начале 1912 года я был уже Демьяном Бедным».¹

Весь дальнейший путь идейного развития поэта проходил уже в недрах ленинской партийной печати. За «Звездой», просущество-

---

¹ Д. Б е д н ы й. Собрание сочинений в пяти томах, т. 5. М., 1954, стр. 258. Ссылки на это издание в последующем даются сокращенно — Собр. 5, с указанием тома и страницы.

вавшей до весны 1912 года, последовали «Невская звезда» и «Правда». В организации «Правды» — первой в России ежедневной рабочей газеты — Демьян Бедный принимал уже непосредственное участие. В день, когда прекратился выпуск «Звезды» (22 апреля 1912 г.), появился первый номер «Правды», и на первой ее полосе читатель мог увидеть стихотворение Д. Бедного.

В том же году поэт вступил в ряды ленинской партии. Так начался его путь литератора-большевика, так определилось его место в жизни, в литературе, в общественной борьбе.

Сотрудничеством талантливого поэта дорожили руководители большевистской печати. Но работа его проходила не без трудностей и препятствий. Это стало особенно ясно в недавнее время, когда была найдена переписка Д. Бедного с В. И. Лениным, относящаяся к 1912—1913 годам (ранее письма эти хранились в краковско-поронинском архиве Владимира Ильича; часть из них теперь опубликована).

15 ноября 1912 года Д. Бедный сообщил В. И. Ленину в Краков свой адрес для связи: «Пишу Вам первый раз и потому осторожен. Буду рад, если Вы на это письмо ответите более непременно, чем — поневоле — пишу Вам я».¹ Ответ Ленина не заставил себя ждать: он датирован 5 декабря. Началась переписка, которая охватила большой круг вопросов: и политическую жизнь того времени, и непосредственную область работы поэта.

Ленин интересовался положением в Питере, спрашивал Демьяна Бедного об его отношении к «впередовцам» и махистам, о нуждах партийных изданий. Зная, как дорогá Ленину информация из России, поэт сообщал ему и о питерских, и о деревенских делах («только 3 дня назад, — уведомлял он однажды, — получил письмо от голодающей в деревне матери о том, что ее поколотил урядник и выбил стекла в избе... Что делается теперь в деревне, до какой степени взяло дикую волю всякое «начальство», так это уму непостижимо»²).

Подробно знакомил поэт Ильича с обстановкой, сложившейся в редакции «Правды». Газета нуждалась в улучшении, необходимо было перестроить работу, но это долго не удавалось: «Мы уже стали было толковать о реорганизации... и назначили день детального обсуждения, но... день отодвинулся, и я опять не знаю, что будет... положение создается, вернее остается, то же

---

¹ «Исторический архив», 1960, № 2, стр. 10.

² Цит. по публикации А. Прямова в кн.: «День поэзии». М., 1963, стр. 248.

самое. *Кто-то мешает...*» И далее: «„Кто-то“ мешает и «кто-то» сидит крепко». ¹

Поэт не ошибся в своих догадках. Действительно «кто-то» мешал работе редакции и всеми силами стремился вызвать конфликт между правдистами и поэтом. Это был провокатор, подосланный в редакцию охранкой. Создалось положение, при котором Д. Бедный вынужден был на время приостановить работу в газете. В. И. Ленин с большой досадой узнал об этом и тотчас стал на сторону поэта. «Мы были очень огорчены Вашим временным уходом из «Правды» и очень обрадованы возвратом, — писал ему Владимир Ильич. — . . . Были бы очень рады, если бы Вы теперь, поверив адрес, т. е. убедившись, что Ваше письмо дошло, написали поподробнее и о себе, и о теперешней редакции «Правды», и о ведении самой «Правды», и о ее противниках, и о «Луче» и т. д.» ²

Теперь становится ясным, почему в одном из писем к работникам «Правды» (письмо это широко известно и цитировалось много раз) Ленин подчеркивал, что в вопросе о Демьяне Бедном он продолжает быть «за» и что большой грех совершат они перед рабочей демократией, если не обеспечат его участия в газете. В ответ на это двое сотрудников покинули «Правду», переметнулись к меньшевикам. Редакция без сожаления рассталась с ними. Зато Демьян Бедный возобновил активную работу. Ленин, таким образом, сыграл решающую роль в ликвидации конфликта, имевшего целью повредить делам большевистской редакции и помешать работе поэта.

При всех описанных трудностях, Д. Бедный опубликовал в «Правде» девяносто семь стихотворений, а всего в большевистских изданиях 1912—1914 годов — около двухсот. Он стал настоящим трибуном партийной печати, и его сотрудничество в ней прекратилось лишь в канун войны, когда царская охранка закрыла одновременно все большевистские газеты и журналы.

В августе 1914 года началась мобилизация, и Е. Придворов, имевший военное образование, сразу попал на фронт. Его отправили в район военных действий под Люблин, в качестве фельдшера. За мужественное поведение в боях он был удостоен георгиевской медали. ³ Но к нему уже присматривались как к «подозри-

¹ Цит. по публикации А. Прямова в кн.: «День поэзии». М., 1963, стр. 247.

² «Исторический архив», 1960, № 2, стр. 6.

³ Медаль, сделанную из чистого серебра, Д. Бедный весной 1917 года передал в «железный фонд „Правды“». Об этом газета сообщила в заметке «№ 85199» (цифра обозначала номер медали). — «Правда», 1917, 12 апреля.

тельному»: кое-кто догадывался о том, с кем был связан до войны этот бравый фельдшер.

Когда в декабре 1914 года ему предоставили короткий отпуск, по дороге из Петрограда в Мустамяки (ныне — село Горьковское), куда он направлялся на отдых, за ним увязался шпик. На следующий день в его квартиру ввалился жандармский полковник с охранниками и «понятыми». Не застав хозяина дома, они перетряхнули все вещи, унесли с собой бумаги и письма. Записные книжки, которые поэт вел на фронте (в них, по-видимому, были и стихи), он успел заблаговременно уничтожить. Потом охранная полиция сообщила в штаб гвардейского корпуса, где служил Д. Бедный, о произведенном обыске и о том, как поэт провел свой зимний отпуск (о встречах его с большевиками, беседах с А. М. Горьким). В конце концов от него решили избавиться, уволили из гвардейской части и перечислили в запас. Оттуда он попал на службу по вольному найму в Центральный военно-промышленный комитет. Таким образом осенью 1915 года Д. Бедный оказался снова в Петрограде. За пятнадцать месяцев, протекших со дня начала военных действий, ему удалось напечатать всего лишь два стихотворения, содержащих непосредственный отклик на войну («Пушка и соха», «Баталисты»).

После возвращения поэта с фронта встречи его с Горьким участились. Алексей Максимович ценил работу поэта и еще в 1913 году публиковал его басни в журнале «Просвещение» (где руководил беллетристическим отделом). Но за время войны Горький не смог продвинуть в столичные журналы ни одной его строки. Поэт печатался от случая к случаю, пользуясь, в частности, страницами провинциальных изданий. При этом он вынужден был трижды усилить эзопов язык своих стихов, а потом и перейти просто к переводам басен Эзопа.

Лишь в 1917 году, когда было свергнуто царское самодержавие, возобновилось издание большевистских газет, и с новой, невиданной ранее силой развернулась работа коммуниста-поэта. Но в июльские дни положение резко ухудшилось — юнкера и казаки разгромили редакцию «Правды»; партия во главе с В. И. Лениным, вернувшись из эмиграции, вынуждена была перейти в подполье. На «особом счету» у Временного правительства был и Д. Бедный. Целая серия новых псевдонимов, под которыми он скрывался в газетах, сменивших «Правду», не спасла его от преследований.

Почти три месяца (с перерывами) ему пришлось жить вне столицы, скрываясь в Финляндии. Время, проведенное там, он посвятил работе над большой стихотворной повестью, задуманной еще на фронте, в 1915 году. Теперь она не только смогла быть написана, но

и получила свое естественное завершение. Сама жизнь, весь ход событий подсказали автору финал эпопеи. Повесть о войне и революции — «Про землю, про волю, про рабочую долю» — была закончена поэтом в момент начала вооруженного восстания рабочих и солдат. Героев повести автор показал идущими на штурм Зимнего дворца.

Незадолго до начала восстания вышел из подполья В. И. Ленин, с которым поэт впервые встретился еще в апреле 1917 года в помещении редакции «Правды». Ленин высоко ценил не только литературный талант Д. Бедного, но и его организаторские способности и политическое чутье (по записи С. Виноградской, Владимир Ильич сказал однажды: «У нашего Демьяна хорошая ноздря!»¹). Именно поэтому в первые дни Октября, как свидетельствует В. Д. Бонч-Бруевич, возникла мысль привлечь Д. Бедного к руководящей государственной работе. Узнав об этом, поэт заявил, что он предпочел бы сосредоточить все свои силы на литературном труде, который он, как и прежде, намеревался вести на страницах ежедневной печати. И Ленин согласился с ним. «Пушай пишет, — сказал он Бонч-Бруевичу, — это будет его революционной работой».²

12 марта 1918 года, когда Советское правительство и центральные органы печати переехали из Петрограда в Москву, переселился туда и Д. Бедный. Ему отвели жилье на территории Кремля, он очень тесно общался с В. И. Лениным, Н. К. Крупской, М. И. Ульяновой (которая была ответственным секретарем «Правды»; нередко она показывала Владимиру Ильичу стихи Д. Бедного, прежде чем сдавать их в печать), Я. М. Свердловым, Ф. Э. Дзержинским. Он был в курсе всех важнейших государственных дел. «Квартира Д. Бедного в Кремле, — записал в своих воспоминаниях Ф. И. Шляпин, — являлась для руководящих советских работников чем-то вроде клуба, куда очень занятые и озабоченные люди забегали на четверть часа не то поболтать, не то посоветоваться, не то с кем-нибудь встретиться...»³

С необыкновенной энергией вел поэт свою почетную революционную работу. Он был постоянным сотрудником многих советских изданий (в первые годы после Октября особенно интенсивно работал в «Правде» и «Бедноте»), но материал для своих произведе-

---

¹ С. Виноградская. О поэзии, таланте, философии и жизне. — «Московский литератор», 1960, 22 апреля.

² В. Д. Бонч-Бруевич. В. И. Ленин и мир литераторов и ученых. — «На литературном посту», 1927, № 20, стр. 34.

³ Ф. И. Шляпин. Штрихи воспоминаний. — «Известия», 1962, 19 октября.

ний черпал отнюдь не за редакционным столом. Его всегда тянуло к массам, он не мог работать, не бывая там, где сражается и трудится народ, — и путь его с самых первых дней революции пролегал по деревням и поселкам, по военным фронтам, по заброшенным полустанкам и большим городам.

Ранняя осень 1918 года. Идут бои с Колчаком, с засевшими на волжских берегах белогвардейско-эсеровскими войсками. Демьян Бедный — на Восточном фронте, под Казанью и Самарой, он знакомится на фронте с В. И. Чапаевым, проходит по боевым цепям дивизий, освобождающих волжские города.

Май 1919 года. Владимир Ильич направляет Демьяна Бедного во главе группы студентов, изучающих советское строительство, в Тверскую губернию. В «Правде» появляется серия очерков Д. Бедного об этой поездке и обширное стихотворение «Рак на золотом поле» (о городе Весьегонске).

Проходит немного времени — и поэт снова на фронте: за подписью «красноармейского писаря Демьяна Бедного» появляется листовка «Деникинским добровольцам...». Поэт не успевает выехать в Петроград, который осаждали банды Юденича, — он диктует туда по телефону стихотворение «Танька-Ванька».

Весной 1920 года Д. Бедный в Харькове, потом в селах Полесья. Наступают белополяки, и вот появляются стихи поэта с пометами «Западный фронт». А спустя несколько недель его встречают уже на Южном фронте — там, где готовится штурм Перекопа, где куется победа над врангелевскими войсками. М. В. Фрунзе, С. М. Буденный, В. К. Блюхер, К. Е. Ворошилов, Е. А. Щаденко становятся его фронтовыми друзьями. Тысячи красноармейцев зачитываются его стихами. Один из них сказал уже после окончания гражданской войны: «Демьян Бедный принес столько пользы для победы пролетариата, сколько полк или дивизия».¹

Жить с массами, слышать сердце времени и всегда стоять на высоте партийного дела — вот что стало главным принципом работы поэта. Потому и в годы мирного труда он поглощен радостями новых встреч, богатством новых впечатлений — он в поиске, в движении, в постоянной работе.

«Готовлюсь к выезду в Донбасс», — сообщает он 1 января 1921 года, а спустя несколько месяцев его принимают у себя рабочие Харькова. В Кострому он едет писать «о советских чудесах в костромских лесах» — об электрификации деревни Шунги (1923), на

---

¹ См.: Д. Бедный. Полное собрание сочинений, т. 15, М., 1930, стр. 206.

Волховстрой — с мыслью о поэме, посвященной первенцу ленинской стройки, в Николаев (1924) — посланцем «Правды» и ЦК на разбор «дымовского» дела (дела о травле селькора и убийстве его кулаками села Дымовки), в Киев и Ленинград (1926) — защищать на партийных активах генеральную линию партии, отбивать атаки фракционеров. В бурные дни пятилеток он зовет поэтов «на горы на Уральские» — и сам едет к челябинским доменщикам, к строителям Днепрогэса, к артемовским горнякам. Он ведет обширную переписку с рабочими, колхозниками, учащимися, воинами, литераторами, собирателями фольклора. Он общается и дружит с актерами (И. М. Москвиным, М. М. Климовым, Б. С. Борисовым), работает для театра, пишет для эстрады.

Активным деятелем выступает Д. Бедный и в сфере политической жизни. Он участвует в работах партийных съездов и конференций, присутствует на Пленумах Центрального Комитета партии, на съездах Советов.

Он — энергичнейший литератор-общественник: работает в ассоциации пролетарских писателей, выступает на творческих конференциях, помогает растить новую смену советских поэтов. Дважды берет он слово на Первом всесоюзном съезде писателей (1934), горячо отстаивает от нападок принципы партийного, социалистического искусства.

Правительство и народ по достоинству оценивают его заслуги перед революцией. В апреле 1923 года празднуется его сорокалетие, поэта награждают орденом Красного Знамени. В 1929 году «Правда» поздравила Демьяна Бедного с двадцатилетием его литературной деятельности. В апреле 1933 года, когда ему исполнилось пятьдесят лет, правительство наградило его орденом Ленина. В мае 1936 года общественность отметила четверть века работы Д. Бедного в большевистской печати. «Правда» посвятила этой дате специальную полосу, на которой, в частности, привела первые стихотворения Д. Бедного, напечатанные в большевистской «Звезде».¹

Были у Демьяна и трудности, неудачи. В некоторых произведениях он допустил серьезные ошибки, и они особенно тяжело переживались поэтом, ибо в обстановке культа личности Сталина ошибки эти раздувались, им давалась незаслуженно резкая квалификация, автору предъявлялись обвинения политического характера. Положение осложнялось тем, что тон этой «критике» задавал Сталин. Последствия не заставили себя долго ждать: на основе ложных об-

---

¹ См.: «Правда», 1936, 20 мая. Такую же подборку дала в этот день «Литературная газета».

винений Д. Бедный в июле 1938 года был исключен из партии и отстранен от работы в печати.

Но, оставаясь поэтом-ленинцем, он с честью выдержал это испытание: продолжал упорно работать, и когда грянула война, обратился в Центральный Комитет партии с письмом, в котором просил зачислить его в ряды активных защитников Родины. Он снова начал писать для газет и трудился не щадя своих сил. В дни вражеских бомбардировок столицы он сочинял стихи в бомбоубежищах. В коллективе советских художников и поэтов он помогал выпускать «Окна ТАСС». Эвакуированный осенью 1941 года в Казань, он ни на день не прекращал работы и уже в апреле 1942 года вернулся в Москву. Сотрудничая во многих газетах, он одновременно писал плакаты и лозунги для двух московских предприятий («Серп и молот», Автозавод). Целый тираж написанных им стихотворных листовок был отправлен самолетом на один из уральских оборонных заводов. Между тем поэту шел уже седьмой десяток, его здоровье слабело. В конце октября 1943 года он жаловался одному из своих друзей: «Мои силы уже на исходе. Весной я был при смерти, сейчас еле-еле хожу. Не заживусь я на белом свете. . .»¹ В конце февраля 1945 года Д. Бедный принялся писать «Автоэпитафию» — прощальное стихотворение. Но, не закончив его, спрятал рукопись подальше и продолжал работать. Уже после этого был создан ряд произведений для ежедневной печати («На всякий случай», «Заплетаящимся языком. . .», «Окруженный Берлин» и др.), была собрана последняя книга военных стихов. Вместе со всем народом отпраздновал поэт День Победы. Через шестнадцать дней, 25 мая 1945 года, он умер.

Его похоронили в Москве на Новодевичьем кладбище, похоронили с почестями — как коммуниста-бойца.

2

Около сорока лет своей жизни Демьян Бедный отдал литературной работе. Работа эта была органическим содержанием жизни поэта, она полностью слилась с его общественно-политической деятельностью. Мы видим в ней отсвет пламени великих событий, пережитых нашим народом за годы, отделяющие первую русскую революцию от Великой Отечественной войны. Мы находим в ней и отражение литературных битв этой эпохи.

---

¹ Письмо А. А. Пьянкову от 28 октября 1943 г. Архив Д. Бедного (ИМЛИ).

Становление Д. Бедного как поэта происходило в обстановке сложной идейно-эстетической борьбы, разгоревшейся в литературе предоктябрьских лет. Основным стержнем этой борьбы была защита принципов народности и реализма, завещанных великими писателями XIX века, от нападков со стороны буржуазных эстетов; основной целью этой борьбы — создание новой, свободной литературы, отвечающей интересам борющихся за новую жизнь миллионов людей, — литературы, которую предвещал В. И. Ленин в 1905 году.

Демьян Бедный еще до своего прихода в большевистскую партию занял в этой борьбе твердую и недвусмысленную позицию. Нас убеждают в этом многие факты. Возьмем хотя бы неизвестную еще читателям заметку, которую Ефим Придворов предложил в 1909 году журналу «Русское богатство» (заметка не была напечатана и хранится в архиве поэта). Это — отклик на «Книгу о русских поэтах последнего десятилетия», изданную в том же году в Петербурге. Автор заметки не скрывает своего резко отрицательного отношения к декадентской литературе, говорит о ней с суровым осуждением. Став сотрудником «Звезды», он выступил с целой серией фельетонов против мещанской пошлости и ренегатства в искусстве. На примере одного из рассказов «литературной егеряльши», Зинаиды Гиппиус, он показал, к чему приводят претенциозность, бульварщина, обывательский анархизм (фельетон «Критическая гримаса» — «Звезда», 1912, 15 января). Резкую отповедь дал он Андрею Белому за статью в журнале «Русская мысль», где теоретик символизма отвергал принцип гражданственности в поэзии, утверждая «искусство для искусства» (фельетон «Их лозунг» — «Звезда», 1912, 12 февраля).

Затем — уже на страницах «Правды» и других изданий 1912—1913 годов — появляются эпиграммы, басни, стихотворные фельетоны Д. Бедного, обличающие приверженцев буржуазно-дворянского эстетизма. «Долой политику! Да здравствует эстетика!» — пишут на своем знамени люди, предпочитающие реальным фактам бытия свой тощий романтический вымысел. Д. Бедный берет эти слова эпиграфом к басне «Эстетик» (1912) и показывает тот мир «развалин и гнилья», в который погружает себя подобный романтик. Еще не формулируя своей позитивной программы, Д. Бедный говорит о том, чьим заветам он будет верен в литературном труде. Он защищает принципы некрасовского демократизма («Их лозунг»), он поддерживает М. Горького в борьбе с идеологами карамазовщины («Бесы»), оберегает от хулы великие имена Щедрина и Шевченко («Поминки», «Сын», «У могилы Тараса Шевченко»).

Борьба эта проходит на фоне напряженных творческих исканий поэта, который стремится найти свою стезю в русской лирике, заго-

ворить своим голосом в сатире. Такой свежести, самостоятельности, новизны явно не хватало стихам, с которыми он выступал в «Русском богатстве». В них было много гражданственной скорби, но по звучанию они напоминали и лирику Надсона, и поэтов суриковской школы, и поздних народников, в них было мало нового — того, чего требовал сегодняшний день русской жизни, жизни многострадальной, но полной великих надежд.

Найти этот путь поэт смог лишь тогда, когда перед ним раскрылись подлинные горизонты жизни, когда он приобщился к великому делу борьбы за освобождение рабочего класса. Нотки социального протеста, отличавшие его ранние стихи от эпигонских песнопений народников, были только малыми зёрнами тех настоящих, могучих идей, которым предстояло оплодотворить поэтический труд. Сила идей, проложивших ему путь к истинному творчеству, была подтверждена потом им самим. «Настоящим писателем, — говорил он. — я сделался тогда, когда столкнулся с большевиками... тут вдруг я как-то сразу обрел язык и обнаружил дарование какое-то...»¹

И действительно, его лирика начиная с 1912—1913 годов становится конкретной, самобытной, избавляется от скорбно-скептических интонаций, проникается оптимистическим духом. Она приобретает острую чувствительность к событиям дня. Поэт от расплывчатой гражданственности приходит к политической ясности, к трезвому историзму. Обращаясь к друзьям, поэт отрешивается от ненужной одописи, от «нарядной фальши», но он все же не утверждает, что «дня не будет»:

Да, говорю я, день далек,
Но пусть не робкий уголек,
Пусть ваше слово будет — пламя
Огня, горящего в груди;
Пусть, развернувшись, ваше знамя
Зареет гордо впереди;
Пусть гневом вспыхнут ваши очи
И с лиц сойдет унынья тень, —
Тогда скажу я: «Нет уж ночи,
Восходит день!..»

(«Друзьям»)

Жизнь была до предела насыщена борьбой, и священный гнев, о котором говорит поэт, надо было выразить не только в лирических

---

¹ Из речи на открытии Рабочего литературного университета (1933). — «Новый мир», 1963, № 4, стр. 218.

раздумьях, но и в прямых, воинственных нападках на врага — бичующей, острой сатире. Лирика на некоторый период времени перестала быть преобладающим жанром, уступив место обличительным формам поэзии, преимущественно басне, работе над которой Д. Бедный отдавал свои лучшие силы.

Это был нелегкий в творческом отношении шаг — попытаться возродить в русской поэзии жанр, который был прочно забыт и признавался лишь как явление литературного прошлого. «Смешно вспомнить, — рассказывал он, — но в большинстве распространенных старых учебников по теории словесности о басне было сказано буквально следующее: «Басня — вымершая литературная форма». Аминь, значит. Отжила свое время покойница. Мертвая форма! Так эта форма после Крылова и пребывала в могильном забвении».¹

Демьян Бедный пошел на риск, ибо он правильно понял свою творческую задачу. Она заключалась, во-первых, в многостороннем и глубококом усвоении крыловской традиции, минуя которую, конечно, невозможно было работать над басней, ибо традиция эта имеет корни в народе — она связана с народными истоками жанра, с особенностями русского насмешливого ума, наконец, со специфической русской речью. «Учителем нашим в применении этого испытанного оружия, — говорил Д. Бедный, — был и останется величайший мастер басни — Крылов. Он жив. Он неразлучен со своим родным народом».² С другой стороны, задача состояла в преодолении некоторых архаических особенностей жанра, в том, чтобы придать ему новое поэтическое звучание, сделать его оружием революционной пропаганды.

В решении этих задач поэт обнаружил и знание современности, и понимание литературных традиций, и незаурядное мастерство. Материал для басен он черпал из очень близких ему социальных пластов жизни — преимущественно из жизни крестьян и рабочих, а также из живой политической хроники дня. Темой басни становилась и столыпинская земельная реформа, и дарованная царским манифестом «свобода», и кадетская «оппозиция», и трусливая меньшевистская политика ликвидаторства и социал-реформизма. Будучи насыщена этим острым политическим материалом, басня сохраняла всю живость народного языка, весь юмор простодушной беседы.

Автор отлично владел художественной аллегорией — основным средством построения басенного сюжета. Аллегория в произведениях Д. Бедного выходила за рамки традиционных басенных иносказаний

¹ Из речи на юбилейном вечере, посвященном И. А. Крылову (21 ноября 1944 г.). — «Вопросы литературы», 1958, № 11, стр. 190.

² Там же, стр. 191.

ний: в ней глубже и острее давалась социальная оценка жизненных явлений. Заметим, например, как удачно «копеечный огарок» символизирует царскую щедрость («Свеча»), пустая деревянная ложка — народную нужду («Ложка»), лапоть — нищенскую мужицкую долю, сапог — пролетарскую твердость («Лапоть и сапог»).

По-своему выражала себя и басенная «мораль»: из нее полностью выветрился традиционный дидактизм, и она зазвучала уже не как поучение, а как революционный призыв (обращение к пролетариям: «Объединяйтесь, миляги!» или возглас рабочего сапога: «Попробуй-ка, нас тронь. Мы повоюем!»). Довольно часто прибегал автор к концовкам-намекам, которые не раскрывали полностью содержания басни (этому мешала цензура), но давали ключ к ее пониманию. «Здесь точки... Дело в том... Я объясню потом». Или: «Ответ, я знаю, был... И я бы повторить его не прочь, ей-богу, но... кто-то дергает за ногу!» — писал он, намекая на действия полиции, которая не дает выступать рабочим ораторам, стаскивая их с трибуны.

Творчески разрабатывал Д. Бедный и принципы построения басни. У Крылова басня, по справедливым наблюдениям Белинского, имела характер маленькой повести, юмористического рассказа, более того — комедии, сценки.

Поэтическое дарование Д. Бедного открывало новый простор для развития этих приемов. Отлично зная народный язык и понимая требования жанра, он добивался в своих баснях краткости экспозиции, остроты характеристик, выразительности диалога, и каждая его басня превращалась, как и у Крылова, в реалистическую сценку, полную жизненности и мудрого смысла.

Эта близость Д. Бедного к крыловским традициям не прошла незамеченной ни для читателей, ни для критиков. О ней говорили все, кто откликнулся на выход в свет первой его книги, составленной из шестидесяти басен (книга так и называлась — «Басни»). Выступивший со статьей в газете «Донская жизнь» критик П. Мирецкий назвал поэта «внуком дедушки Крылова». ¹ Л. Войтоловский заявил, что басни Д. Бедного «заслуживают не только признания, но и могут рассчитывать на долгую родословную в литературе». ² В. Д. Бонч-Бруевич писал о достоинствах поэтической речи Д. Бедного, которая «чарует читателя несомненной близостью к народному языку». ³ Появление книги отметил и один из столичных

---

¹ «Донская жизнь», 1913, 15 мая.

² «Киевская мысль», 1913, 13 апреля.

³ «Вятская речь», 1913, 7 сентября.

журналов, признавший, что наследник великого баснописца «сумел отразить пестроту нашей жизни, откликнувшись на явления, наиболее для нее типичные». ¹ В близости поэта к Крылову обнаружилось не простое следование его стиливой манере, а умение, на основе прочно усвоенной художественной традиции, по-своему подойти к изображению современности.

Наряду с басней Демьян Бедный разрабатывал в своей сатире еще один древний, во всяком случае имеющий многовековую историю, жанр — жанр аллегорической сказки.

Д. Бедный не был простым любителем фольклора. Он являлся знатоком его, горячим пропагандистом и вдумчивым интерпретатором. Особенно широко пользовался он фольклором в дореволюционные годы. Объяснялось это стремлением утвердить народное творчество как великое художественное начало — в противовес буржуазным историкам и филологам, видевшим в устной поэзии лишь памятник давно отжившего наивно-патриархального или религиозного сознания. Объяснялось это и тем, что фольклор помогал решению вставших перед поэтом художественных задач. В частности, этому способствовала народная сказка. Недаром подавляющее большинство стихотворных сказок Д. Бедного было написано в 1913—1916 годах. Наиболее известные из них — «Клад», «Куры», «Чертовщина», «Пирог да блин», «Усы да борода».

Часть этих сказок основана на фольклорных сюжетах (автор брал их из хорошо известных сборников, составленных А. Афанасьевым, С. Шамбинаго и др.). Так, в сказке «Пирог да блин» он использовал мотивы устной сказки «Петух и жерновцы», но не ограничился стихотворным переложением, а усилил заложенную в сказке социальную мысль (обличение жадности, присущей богачам) и попутно включил в нее атеистический мотив («Всё небо исходил, а никакого толку!!!»). Таким же образом он ввел антимонархическую идею в сказку «Усы да борода», тоже имеющую фольклорный источник.

Но поэт с успехом создавал и новые сказочные сюжеты, творчески следуя при этом традициям народной сатиры. Он щедро брал из фольклора и фабульные положения, и стилистические приемы, все это переосмысливая заново. Неудивительно, например, что сказка «Клад», содержащая многие привычные элементы народной легенды, получает не совсем традиционный финал: он гласит, что настоящий клад заключен не в материальных сокровищах (которыми часто ограничивалось представление о благоденствии

---

¹ «Современный мир», 1913, № 4, стр. 115.

мужика), а в «шири — воле», т. е. в социальном освобождении масс.

Публикуя свои сказки в дореволюционной печати, Д. Бедный нередко сопровождал их указанием на фольклорный источник. Но проверка этих указаний показывает, что далеко не всегда они соответствуют истине. В ряде случаев — например, при публикации сказки «Куры», содержащей ссылку на собрание Афанасьева, — он прибегал к этому способу для обмана цензуры. У Афанасьева действительно есть сказка под таким названием, но она не имеет ничего общего с произведением Д. Бедного. У Д. Бедного так резко обличен самодержавный произвол, что иначе как с «примечанием» сказка не могла бы появиться в печати. О своем секрете поэт доверительно сообщил в одном из писем 1913 года: «Разумеется, я дам и политические сказки, цензурность коих будет обеспечена возможностью сослаться на первоначальную основу».¹ Но для того чтобы такими путями обходить цензуру, нужно было действительно в совершенстве владеть поэтикой народной сказки.

Итак, в своей творческой работе дооктябрьских лет Демьян Бедный прочно стоял на почве реалистических традиций русской поэзии XIX века и устного народного творчества.

Но на фронте пролетарской революционной поэзии Д. Бедный был не один. Рядом с ним шла целая плеяда молодых стихотворцев, группировавшихся вокруг большевистских изданий и заботливо поддерживаемых М. Горьким. При всем своеобразии басен и стихов Д. Бедного, в них было много общего с сатирой И. Логинова, с романтической лирикой Самобытника (А. Маширова), А. Поморского, Л. Старка, с песнями и стихотворениями рабочих поэтов.

Творчество Д. Бедного этих лет — одно из ярких проявлений социалистических тенденций, заложенных в передовой русской поэзии. Пафос новаторства, владевший литератором-большевиком, глубокое понимание им роли художественных традиций, живое ощущение того, что потребует от искусства народ, — все это обеспечило его произведениям видное место в литературе нового, грядущего мира — литературе социалистического реализма.

3

Великий Октябрь был для поэта важным, значительным рубежом. «Октябрьская революция, — говорил он, — дала нам две вещи: во-первых, она дала нам правильное революционное дыхание, мы

---

¹ Д. Бедный. Собр. 5, т. 5, стр. 276.

вышли на воздух, грудь не придавлена, и мы широкой грудью хорошо дышим; во-вторых, она дала нам правильную походку, мы ее называем революционной чеканной походкой». Нельзя, заявил далее поэт, сбиваться с этой походки — подпрыгивать, кривляться, подскакивать. А в стихах и прозе такое кривляние бывает. Нам оно не нужно. «Уходите от чистоплюев, не верьте им. Вот мог же и я о цветочках и о платочках писать, так нет, я бился над той формой, которая мне присуща. Она мне долго не давалась... Я пробовал, где этот самый доходчивый слог, и увидел, что я его правильно нащупал».¹

Немало сил пришлось ему отдать литературной борьбе и в разгаре революционных боев, и в первые годы советской эпохи.

Недаром в самый канун Октября, за месяц до вооруженного восстания, он опубликовал свой поэтический манифест «Стиль» (позднейшее название — «Мой стих»), в котором говорил, что пришел в поэзию не баловнем судьбы, не избранником муз, а слугою народа и что лишь народ, «страдалец трудовой», может быть ему судьей.

С этими словами перекликаются рассуждения о поэзии, приведенные в зачине Октябрьской повести Д. Бедного («Про землю, про волю, про рабочую долю»): «Сладко свищут соловьи... Наша песенка попроще. Где уж нам да сладко петь! Нам бы горе дотерпеть...»; «Я пишу не шулки ради, Не для смеху, не для слез. Потолкуемте всерьез...» и далее: «Не за страх пишу — за совесть Быль доподлинную, повесть, Где нам в ровном ходе строк Жизнь сама дает урок...» Для повести, материал которой почерпнут из самой жизни и которая по своей суровой озабоченности судьбою народа ничем не напомнит читателю легкую соловьиную трель, автор избирает способ изложения, казалось бы, самый бесхитростный, но в то же время принципиально важный:

Облегчивши душу, сразу
Перейду теперь к рассказу.
С правдой-истиной в ладу
Речь простую поведу.

Сочетание жизненной правды с художественной простотой и должно создать тот заветный «лад», которым всегда отличалась высокая и неподдельная поэзия народа. Это — творческий принцип, который противопоставлен одновременно и мишуре эстетских украшений, и аскетической производственной сухости, и напыщенной громкости новых песен, сочинителям которых он позднее скажет:

---

¹ Из выступления на открытии Рабочего литературного университета (1933). — «Новый мир», 1963, № 4, стр. 220.

Гений шествует за гением...
— Эй, послушайте, юнцы,
«Пролетарским» самолюбьем
Зараженные певцы!

...Вы, привив себе клинический
«Пролеткультовский» порок,
Дали визг неврастенический
Вместо мужественных строк.

(«Бил бы лбом»)

И если до революции Д. Бедному приходилось защищать реализм от высокомерной пошлости эстетов, сейчас перед ним были кичливые пролеткультовские «ниспровергатели старья». Вот почему в самые трудные месяцы гражданской войны наряду с фронтовой частушкой и красноармейским маршем, наряду с оперативно-лирической сводкой Д. Бедный пишет стихи о роли поэзии в жизни народа («Просты мои песни») и о сокровищах русской национальной культуры. В «Горькой правде» он вспоминает «родных писателей возвышенные книги», — они с детства учили его жить и стремиться к лучшему. В предисловии к пушкинской «Гавриилиаде» он говорит о национальном гении поэта, который приходит к нам на помощь в освободительной борьбе. Наконец, в стихотворении «Семена» он воспеваает чистые семена некрасовской поэзии, дающие свои зрелые всходы.

Значение той литературной полемики, какую Д. Бедный вел в самое горячее время классовых битв, станет ясным, если учесть характер новых творческих задач, возникших перед поэтом. Революция многое изменила в его поэтическом труде, многое в нем усложнила. Надо было выйти из рамок иносказательной сатиры, из рабских условий эзопова языка на широкое поле революционной борьбы, на оперативный простор агитации словом. Надо было сделать поэзию истинным достоянием трудящихся и борющихся масс, дать им почувствовать стихи как силу, облегчающую в страданиях и воодушевляющую в борьбе. Надо было речью оратора, лозунгом и плакатом, телеграфным языком газеты говорить о текущем часе борьбы, о силе и слабости врага, о величии нашего дела.

Высокий эмоциональный накал, настоящая боевитость, беспредельная искренность и великая простота — все это стало насущной потребностью искусства. Вот почему, презирая всяческое кривляние и отменяя чистоплюев, Д. Бедный говорил, что он «бился над формой» и «пробовал искать самый доходчивый слог».

Лирический голос его зазвучал теперь с особенной силой, питаясь атмосферой великой борьбы и вдохновляясь идеей революционного обновления мира. Демьян Бедный в числе других революционных поэтов стоял у истоков социалистической лирики, помогал создавать ее на живительной почве новых, патриотических чувств боющегося народа.

Это была лирика песенная («Проводы», «Донская песня», «Путеводная звезда», «Красноармейская марсельеза»), лирика призывно-боевая («Революционный гудок», «На защиту красного Питера», «Под Казанью»), балладно-героическая («Честь красноармейцу!»), наконец, лирика задушевной деревенской беседы («На завалинке», «Рабоче-крестьянская власть», «Песня деда Софрона»). Она была иной по сравнению с дореволюционной лирикой поэта. Автор стремился выразить в ней коренные перемены в народном сознании, показать патриотическое воодушевление масс, не скрывая при этом ни трудностей борьбы, ни колебаний, характерных для некоторых социальных слоев, особенно для крестьянства.

Д. Бедный заметно расширил при этом диапазон своих поэтических средств, стремясь передать и в старых, традиционных формах, и в новых ритмах, новых словах биеение пульса эпохи. Принцип доходчивости и простоты стал теперь основным критерием его работы: самый затейливый ход поэтической мысли должен был найти свое выражение в самых понятных читателю, близких его сердцу словах.

Недаром такую широкую популярность завоевала лирическая поэзия Д. Бедного — его песни, агитки, беседы — в годы революции и гражданской войны. Поэт обладал удивительным даром проникновения в душу трудового крестьянина: с редким пониманием и завидным мастерством сумел он раскрыть двойственность сознания деревенского труженика, показать, что крестьянин дорожил всем полученным из рук Советской власти, но не всегда понимал, что добытое надо защищать от врагов. Поэт с передовых идейных позиций осуждал эти колебания; он воспевал красоту революционного подвига, воодушевлял на борьбу.

Большие изменения претерпела за эти годы и сатира Д. Бедного. Время наложило на нее свою печать, заставило поэта перевооружиться. На вторые места отошла столь излюбленная автором аллегорическая сатира: он не пишет теперь сатирических сказок, изредка прибегает к басне. На первый план выступает стихотворный памфлет, сатирическая пародия, обличительная песенка (иногда частушка) — формы, которые подсказаны обстановкой мощных революционных схваток, открытой классовой борьбой.

Сатира до предела насыщается материалом повседневной политической жизни; она становится оружием «кинжального» боя — бьет на близкие расстояния, непосредственно по цели. Такой характер она приобрела еще весной 1917 года в острых политических эпиграммах и песенках, обличающих новоявленную буржуазную власть («Народная примета», «Страдания следователя...» и т. п.). Значительно расширился ее художественный диапазон и углубились средства обличения, когда в сферу сатиры попали многочисленные представители ненавистного народу вражеского мира, с которыми пришлось столкнуться в гражданской войне. С уничтожающим сарказмом высмеял поэт барона-монархиста, слугу кайзера и палача народа, возмечтавшего подчинить себе Россию («Манифест барона фон Врангеля» и «Воззвание Врангеля к белым войскам»); хлестким каламбуром обыграл имя белогвардейского генерала Шкуро («Шкура важная фигура: с мужика семь шкур содрал...» и т. д.); заклеил жалких «гренадеров» буржуазной политики, пошедших на поклон к германским оккупантам («Два гренадера»).

Сатира Д. Бедного пользовалась в те времена не меньшим успехом, чем его лирика. Она выражала глубочайшее презрение народа к врагу, полна была искрометного народного юмора, дерзкой насмешливости, беспощадной издевки. Она, как и лирика поэта, пережила своих «героев» и свое время, став одним из самых приметных явлений ранней советской поэзии.

Наконец, в годы революции творчество Д. Бедного обогатилось жанром стихотворного эпоса — формой, возникшей отнюдь не случайно: она выразила тяготение поэта к широкому охвату действительности, к изображению современной истории не в дробных явлениях, а в целостных и объемных картинах. Ноябрьем 1917 года помечена его повесть «Про землю, про волю, про рабочую долю», годами военного коммунизма — повести «Мужики», «Красноармейцы», «О Митьке-бегунце и об его конце».

Отличительная черта стихотворного эпоса Д. Бедного — тяготение к жанру назидательной повести, внешне бесхитростной и простой, но глубоко значимой с точки зрения изображенной в ней человеческой судьбы: непреодолимо связана эта судьба с ходом революции, с судьбой народа, и либо возвысит она человека до подвига, как возвысила двух выходцев из деревни — Ваню и Машу, нашедших свое место в борьбе («Про землю, про волю, про рабочую долю»), либо ввергнет в позор и бесчестье, как ввергла Митьку-бегунца. Таков наиболее общий поучительный смысл и такова общая сюжетная канва этих произведений, по-своему реализованная в каждом из них.

Повесть «Про землю, про волю, про рабочую долю» благодаря широчайшему охвату времени и событий превращается в своеобразную поэтическую летопись, в эпос революции, тогда как в других повестях автор ставил перед собой более ограниченные задачи.

Судьбу героев своей эпопеи автор связал с политической жизнью страны, показав нам царскую Россию в испытаниях тяжелой, длительной, ненавистной народу войны и в очистительном огне двух революций. Повесть отвечала читателю на самые жгучие вопросы политики, от которых зависела участь страны, судьба трудящегося люда. Она раскрывала неизбежность и закономерность того хода событий, который привел к социалистической революции рабочих и крестьян. Повесть утверждала право народа на счастье, добываемое в борьбе.

Задачу построения такой сложной эпопеи автор решал двояким путем. Во-первых, по мере развертывания сюжета он переводил повествование из конкретного и малого плана (т. е. из плана изображения единичного места — деревни — и связанных с нею нескольких персонажей) в план общественно-исторический, план жизни страны. Во-вторых, основную ткань повести он прославлял произведениями злободневного политического характера — фельетонами, песнями, стихотворениями, посвященными фактам современной действительности. Так повесть вобрала в себя целый ряд газетных и журнальных произведений поэта. Так синтезировала она хронику и рассказ, историю и политику, лирику и сатиру.

Реалистический метод творчества Д. Бедного поднялся в повести на новую высоту, обрел новую силу. Поэт-газетчик оказался вдумчивым историком, фельетонист и баснописец — создателем народной эпопеи.

Справедливо будет отметить, что ни одна из творческих побед этого времени не достигалась автором без твердой и сознательной его ориентации на русскую поэтическую классику и фольклор. Мы уже говорили о том, как выразились традиции русской басни и сатирической сказки в произведениях Д. Бедного предыдущих лет. Без всякого труда можно указать на связь фронтовой лирики Д. Бедного с демократической русской поэзией. Но особенно интересно проследить эту связь на материале повести «Про землю, про волю, про рабочую долю».

Ближайшим литературным наставником автора эпопеи явился Некрасов. Интонации и ритмы некрасовской лирики слышались и в некоторых прежних стихах Д. Бедного («Сынок», «Бывает час...» и др.), но нигде так сильно не сказалось влияние на него поэзии великого демократа, как в стихотворной повести о войне и народе.

Это произведение непосредственно связано с традицией некрасовских крестьянских поэм, в центре которых стояли деревенские труженики, ищущие «доли» и жаждущие счастья для себя и для всего народа. Не напрасно тема «доли» подчеркнута Д. Бедным в заголовке его произведения («...про рабочую долю»). Неспроста в ведущих образах и в сюжете повести выделен мотив искания правды (Ваня, пройдя испытания войны, и Маша, уйдя из деревни на фабрику, находят эту правду у большевиков).

Подобно Некрасову, Д. Бедный раздвинул повествование о простых людях деревни до масштабов жизни всего русского общества, взятого в самых разнообразных пластах (буржуазия, царский двор, армия, рабочий класс, попы, кулачество и т. д.). Наконец, Д. Бедный ориентировался в своем произведении на конкретные образы некрасовской поэзии (бабушка Ненила, Яким Нагой).

Как поэт-импровизатор, полемист и сатирик, Д. Бедный был близок в эти годы и к традициям поэтов добролюбовской школы, славным труженикам «Искры» и «Свистка». Ему импонировали не только смелость и находчивость поэтов старой «Искры», их боевой демократизм, быстрота их откликов на события и точность ударов по избранным целям, но и художественные новшества, внесенные ими в сатиру.

По примеру искровцев Д. Бедный широко пользовался в своих стихах приемами пародии, перепева («Я б хотел...», «Два гренадера», «Левозероковский романс»), культивировал жанр стихотворного фельетона, прибегал к сатирической интерпретации сюжетов и образов, позаимствованных из классической литературы или из популярных песенок, романсов, куплетов («Мосье Трике», «Либердан», «Миллиончик-миллион», «Гулимджан», «Кукушечка» и др.). Позднее, в стихотворении «Знаменательные поминки» Д. Бедный с благоговением говорил о Василии Курочкине — ведущем сатирике «Искры» и лучшим переводчике на русский язык произведений Беранже (куплетный стих и ритмические фигуры песенок Беранже также нередко применялись Д. Бедным в его поэтических фельетонах).

Что же касается устной народной поэзии, то с нею творчество Д. Бедного было связано в эту пору еще теснее, чем когда бы то ни было. Легче всего проследить это на примере созданных им песен (в них использованы самые разнообразные формы народной лирики — от «рекрутской» песни до шуточной, обрядовой, плясовой), а также на материале бесед, повестей. Для последних характерны и чисто фольклорные способы построения (например, в повести «Про землю, про волю, про рабочую долю» — традиционный «Запев», обязательное «Прощание», стилистические переходы от одной части повествования к другой), и язык, насыщенный элементами народной

поэтики, и, наконец, широчайший набор образцов устного творчества, использованных автором в тексте (частушки, побывальщины, басни, легенды, пословицы, сказки).

Работа Д. Бедного в годы революции и гражданской войны была, несомненно, одной из вершин его поэтического развития. В то же время она отразила процессы, характерные для всей ранней советской поэзии. Могучая гражданственность, высокий лиризм, ненависть к эксплуататорскому миру — эти черты были характерны для целого ряда передовых, революционных, но не похожих друг на друга поэтов. Д. Бедный вносил свою лепту в дело развития новой поэтической культуры. Он помогал утверждать в литературе партийность, изживать отвлеченную патетику поэтов «Кузницы», приближать искусство к массам, ставить его на службу живому революционному делу.

4

В Кремлевской библиотеке В. И. Ленина хранится десять книг Демьяна Бедного: «Диво дивное», «Красный казак», «Песни прошлого», «Правда», «Царь Андрон» и другие. Это — издания первых лет революции, брошюры и книги в мягких обложках, напечатанные на серой бумаге и, как жаловался автор в одной из дарственных надписей, долго выбиравшиеся из «типографского плена» — для многих изданий не хватало тогда ни бумаги, ни печатных машин.

Ленин с большим вниманием следил за работой Демьяна Бедного, прочел немало его произведений, а незадолго до смерти, когда врачи запретили ему пользоваться книгами, с удовольствием слушал стихи поэта в чтении Н. К. Крупской.

Надежда Константиновна вспоминает, что среди стихов Д. Бедного, которые она читала Владимиру Ильичу, больше всего нравились ему стихи пафосные.¹ Это было в 1923 году, и значение того факта, что пафосная, героическая, жизнеутверждающая струя образовала тогда главную линию творчества Д. Бедного, бесспорно велико.

Следует вспомнить, что переход от военного коммунизма к мирному экономическому развитию был болезненно воспринят рядом писателей и поэтов, не увидевших в новом государственном курсе подлинно социалистической перспективы. Общественный скепсис стал модной тональностью поэтических сборников, авторы которых

---

¹ Н. К. Крупская. Воспоминания о В. И. Ленине. М., 1931, стр. 192.

искренне верили в то, что именно они стоят на защите революционных традиций. На деле же они обнаруживали простейшее неумение связать события дня с диалектикой века, частное — с общим, увидеть в новой экономической политике необходимый этап революции.

Проезжая однажды глухой, убогий полустанок в Полесье (это было на исходе гражданской войны), Д. Бедный написал стихотворение под настораживающим заглавием «Печаль». С нескрываемой горечью рассказал он о разрушениях и бедах, свидетелем которых сделался в пути. Но тут же, как бы очнувшись от гнетущего чувства, воскликнул:

О, если б я в такую пору,
Отдавшись власти черных дум,
В стихи оправил без разбору
Всё, что идет тогда на ум!
Какой восторг, какие ласки
Мне расточал бы вражий стан. . .

Нет, заявил далее поэт, «всё ж не умножил я собою печальных нитиков числа». Против этих «печальных нитиков» он и направил свою испытанную музу, которой не в первый раз приходилось исторгать из себя бодрые звуки тогда, когда было еще так много поводов для печали. В стихотворении «Азбука» он высмеял и обличил «одну любительницу поэзы, из крайне-«левых» героинь», которая рисовала мрачные прогнозы не потому, что разбиралась в событиях, а лишь потому, что следовала моде; ведь «на унынье нынче мода», с сарказмом заметил поэт. Нет, он не был безрассудным оптимистом, но всей душою ненавидел декадентское нытье, особенно опасное на том историческом переломе, который переживала тогда советская страна.

Первое крупное произведение, послужившее ответом маловерам и раскрывшее перед читателем — на основе исторического опыта борьбы — перспективы дальнейшего развития революции, было создано Д. Бедным в конце 1922 года. Это — поэма «Главная Улица», которая стала хрестоматийным произведением советской поэзии и приобрела у народа заслуженную любовь. Вероятнее всего, это произведение было в числе тех, которые В. И. Ленин ценил за выраженный в них революционный пафос и оптимизм.

Главная Улица в сюжете поэмы — это арена жесточайшей классовой борьбы. Лишь после горестных неудач и поражений овладел народ Главной Улицей и всем, что по праву ему принадлежит. История учит нас тому, что «красного фронта всемирная линия» пре-

рвыста и крива, она проходит через трудности и невзгоды, через испытания временем и огнем, терпением и трудом, и —

Мы ль разразимся словами упынния?
Разве не крепнет, не крепнет она?

Поэма утверждала, что путь к победе революции непреложен, что с ходом времени все новые и новые страны будут вовлекаться в революционный поток и что уже слышен отдаленный гул грядущих исторических перемен: «Это резервы идут закаленные... Идут на последний всемирный редут!»

Выше уже отмечалось, что каждое новое достижение Демьяна Бедного было не единичным, а общим завоеванием нашего поэтического искусства. Для начала двадцатых годов таким принципиально важным явлением была поэма «Главная Улица». Тяготение к эпичности, историзму, к пониманию живой связи настоящего с прошлым, реалистичность образов и осознанная устремленность вперед — все это знаменовало то новое, что рождалось в поэзии на одном из труднейших этапов социалистического развития нашей страны.

Одухотворяющий, пафосный тон этой поэмы был задан и всему дальнейшему творчеству Д. Бедного. Мы слышим эту неугасимую патетику борьбы и труда в стихотворении «Муза, воспой...» (для названия которого поэт избрал первые слова гомеровской «Одиссеи»). Не случайно стихотворению «В малом великое», повествующему о рождении нового в жизни рабочих, он придал подзаголовок «Коммунистическая ода». В ряде произведений также воспеваются строительный пафос пятилеток. Тут могут быть названы и «Шайтан-арба» — поэма о людях, проложивших через пустыню железную дорогу из Туркестана в Сибирь, и «Вытянем!» — поэма о героях Магнитки, и стихотворение «Пороги», написанное к дню пуска гигантской электростанции, воздвигнутой на Днестре.

Поэт ощущал настоятельную необходимость поставить в центре всего нашего искусства образ нового человека, «рыцаря правды и света», как он назвал одного из своих героев, сельского активиста, бесстрашно умершего под кулацкими пулями («Памяти Григория Малиновского»). И в слове «рыцарь», как и в обращении «Муза, воспой...» или в названии «Турксибиада», он не ощущал ничего архаического, чуждого сознанию нашего человека. Напротив, он стремился освятить подвиги советских людей, сближая их с героями классики, героями легенд; он доказывал, что современники наши достойны таких же од и песнопений, как и герои древнего эпоса. Мысли эти Д. Бедный развил в одной из своих статей («О революционно-писательском долге», 1933).

Не следует думать, что романтическая патетика в творчестве Д. Бедного сводила на нет или хотя бы сколько-нибудь умаляла роль другой стороны его поэтического дарования: умения видеть социальное зло и делать его предметом сатиры. Как поэт-обличитель Д. Бедный выступал и в двадцатые и в тридцатые годы.

Весьма широк был диапазон его тем (и «внутренних» и «внешних»), довольно разнообразным было поэтическое вооружение. Именно в эти годы сложился в его творчестве новый сатирический жанр, рассчитанный на широкий охват жизненных явлений, помогающий художнику брать определенный факт в сопоставлении с другими фактами, соразмерить его с событиями прошлого, давать ему освещение «сбоку», пользуясь вспомогательным материалом. Это — жанр сатирического обозрения или развернутого фельетона, где авторское повествование перемежается документом, хроникой, исторической справкой, газетным сообщением, читательским письмом, где ирония рождается не только в авторском рассказе, но и в неожиданном «столкновении» фактов, в умелом монтаже.

Разумеется, искусство композиции ничего не значит само по себе, без умения наблюдать жизнь, улавливать в ней достойные поэзии (в том числе и сатиры) черты, типизировать, обобщать. Демьян Бедный осознавал сложность этой задачи, когда он из пестрой каждодневной хроники международных событий брал то, что острее всего могло выразить характерные черты буржуазной действительности («Подлинно черный», «Мрак!», «Их юбилей» и др.); когда он оглядывался вокруг и находил такие явления, с которыми лучше всего бороться смехом, ибо смех, по словам Белинского, «часто бывает великим посредником в деле отличия истины от лжи». К услугам этого «посредника» и прибегал Д. Бедный, когда он обрушивался на индивидуалистов, себялюбцев, прощелыг, волокитчиков и прочих «никудашек» (фельетоны «Пряник на меду», «Философы», «Лодырский паек» и др.); он боролся с ними как с воплощением всей той фальши, отсталости и духовной рутины, которую Белинский объединил коротким словом «ложь».

Нельзя не заметить того, сколько жара своей души, сколько едкой сардонической насмешки и веселого озорства отдал поэт борьбе с религиозными предрассудками, с суеверием, поповщиной, церковным дурманом. Д. Бедный выступал здесь во всеоружии фактов, пользуясь превосходным знанием предмета и богатейшими своими наблюдениями над бытом церковников, над их мирскими заботами и делами. Его антирелигиозная сатира отличалась широчайшим разнообразием жанров. Тут были и короткие, полные юмора басни («Христос воскрес», «В монастыре»), и выразительные бытовые кар-

тинки, обличающие ханжество попов («На что покойнику сапоги?»), и веселые повести, рассказывающие о жизни в раю («Повесть о том, как четырнадцатая дивизия в рай шла...»), и обширный сатирический трактат «Новый завет без изъяна евангелиста Демьяна», где вскрываются нелепые вымыслы евангелических апокрифов и легенд.

Демьян Бедный утверждал свое право на известную сатирическую «кривизну», т. е. на допустимую в пределах реализма «деформацию» образа, дающую возможность сильнее типизировать отрицательные черты. Он писал об этом в фельетоне «О героическом» (1930), имея в виду не только свой труд, но и разработку общих методов советской сатиры.

Следует отметить в связи с этим пристальное внимание Д. Бедного к вопросам социалистической эстетики, к определению места художника в жизни и к решению проблем мастерства. Этим темам он посвятил ряд своих публичных выступлений, несколько статей и множество стихотворений («Вперед и выше!», «О соловье», «О писательском труде», «Первое слово», «Мой рапорт XVII съезду партии» и т. д.).

Д. Бедный критиковал идейные и творческие позиции некоторых литературных группировок двадцатых годов (особенно «Перевала» и «Лефа»), боролся против идеалистической трактовки вопросов искусства, против формалистических извращений. «Перевальцев» он уличал в безыдейности, субъективизме, в склонности притуплять классовые противоречия, лэфовцев критиковал за «ячество», формализм, за стремление доказать «будто Леф и марксизм составляют единую категорию» (фельетон «Лефче!.. Лефче!..»).

Д. Бедному претил нигилизм рапповцев, их самовлюбленность, зазнайство, насаждаемые ими приемы администрирования в литературе. Летом 1926 года специальным письмом в редакцию «Правды» он отмежевался от позиций, которые занимала наиболее воинственная рапповская группа «На литературном посту».¹ Не разделял поэт и тех схоластических взглядов на искусство, какие пропагандировал РАПП (хотя сам он, наряду с другими видными писателями — Серафимовичем, Фурмановым, Шолоховым, Фадеевым, — был членом этой организации). В высказываниях Д. Бедного на литературные темы иногда проскальзывали неверные нотки, но они не отражали той концепции художественного творчества, какую он развивал в своих произведениях и статьях.

Он рассматривал поэзию и искусство вообще как род идеологического оружия, призванный служить интересам народа. Источником

---

¹ См.: «Правда», 1926, 13 июня.

прекрасного для него была революционная деятельность масс, направленная к достижению великого идеала. Поэт, по мнению Д. Бедного, черпает вдохновение, образы, краски, материал для искусства из самой жизни. Поэт должен отразить в своем творчестве правду жизни, а для этого необходимо воспринимать жизнь в ее многогранности, в глубине ее внутренних конфликтов, в борьбе новых, побеждающих явлений против старых, отживающих. Красота поэтического произведения, его сила во многом зависят от глубины выявления художником жизненных противоречий, от умения закрепить в красках черты новой, побеждающей жизни. Творение художника призвано «объединять чувство, мысль и волю трудящихся на достижение указанного Марксом „единства цели“»,¹ т. е. на построение нового мира.

Непосредственно с этими мыслями связана трактовка Д. Бедным вопросов художественного новаторства. Напоминая о том, что новая жизнь требует новых форм, поэт говорил: «Труднейшее дело — эти самые новые формы. Особенно теперь, когда требуется отобразить невиданное в мире гигантское социалистическое жизнетворчество. Немудрено, что мы, писатели, нервничаем и бьем тревогу: Отстаем! Отстаем! Немудрено и отстать... если оторваться от жизни, замешкаться, не включиться своевременно в тот творческий поток, которым сносится, смывается старое и создаются новые формы жизни».² Подлинное новаторство художника, по мысли поэта, заключено не в ухищрениях отвлеченной поэтической формы, а в умении найти такие средства выражения мысли, какие более всего соответствуют новизне самой жизни, сложности нашего мировосприятия и глубине наших чувств.

Д. Бедный не терпел в искусстве приспособленчества и фальши. Чаще всего фальшь порождается незнанием жизни, снобистским высокомерием, «литературщиной гнилой». Но бывает и так, что фальшь возникает как результат слабой поэтической выучки, небрежения к мастерству. «Самое высокое вдохновение, — предупреждал Д. Бедный, — может остаться немым, безгласным, будучи связано отсутствием технической выучки».³ Потому он всегда призывал художника к труду, видя в труде залог творческого успеха. Той же мысли придерживался он еще на заре своей поэтической работы. В 1913 году одному из друзей он писал: «Смекните: Л. Толстой был величайшим работником. Гений — это труд. Любимый, конечно».⁴

¹ Д. Б е д н ы й. Вперед и выше. М., 1933, стр. 15.

² Там же, стр. 19.

³ Там же, стр. 46—47.

⁴ Д. Б е д н ы й. Собр. 5, т. 5, стр. 278.

Д. Бедный занимал передовые позиции и в спорах о языке, развернувшихся среди писателей и лингвистов в двадцатые, а затем и в тридцатые годы.

Поэт бдительно стоял на страже чистоты и богатства русского литературного языка. С убежденностью и страстностью разоблачал он попытки эстетского коверканья художественной речи, всякую словесную заумь, «косноязычный бред»; в то же время он возражал против натуралистического копирования диалектов, против того, чтобы литературный язык низводился до уровня социальных жаргонов. Д. Бедный считал, что долг художника использовать все богатства общенародного языка, культивировать и развивать лучшие его элементы. Приводя однажды слова Ленина о необходимости хранить чистоту языка и слова Пушкина о красоте народного просторечия, Д. Бедный воскликнул: «Смотрите, какая переключка гениев на расстоянии почти ста лет!.. Разве та изломанность, та изощренность, та «закрученность», какую нам предлагают со стороны, есть какое-либо особое, наивысшее формальное достижение? Разве, когда писатель «закручивает» и напускает туману, то это есть прелестная оболочка для сокровенной и глубочайшей мысли? Ничего подобного!.. Простая и ясная мысль требует простого и ясного выражения. Простой и ясный язык — это язык победителя, это язык силы, уверенной в себе. «Горе побежденным!» Язык трусости, язык отчаяния, язык шипящего и злорадствующего хамства — вот что такое «закрученный» язык». ¹

О том же Д. Бедный писал в одной из неопубликованных заметок: «*Косноязычное шаманство* бывает поэтично, но это не зрелая поэзия, туманы, одурь». ² А в стихотворении «О соловье» развернул целую декларацию борьбы за чистоту и богатство поэтической речи; путь к этому богатству лежит через постижение «здоровой красоты» того языка, который создал и шлифовал столетиями народ.

В своих произведениях Д. Бедный изображал людей из народа, пользуясь в их обрисовке приемами косвенной речи, диалогом, сказом.

В басни он щедро вводил идиомы, ходовые сочетания слов, усиливающие образность, картинность языка («нелегкая несет», «ума не приложу» и т. п.).

---

¹ «О пролетарской литературе». Речь на Всесоюзном совещании пролетарских писателей. — «Правда», 1925, 15 января.

² Архив Д. Бедного (ИМЛИ).

Если поэт и прибегал к натуралистическому просторечию — к диалектным словам типа «мотри», «хоша», «чего», «замест», то исключительно для характеристики людей, подделяющих свою речь под народный язык (так обрисованы купцы в басне «Свеча» и в цикле «Дерунов 1001-й»), так показаны деревенские богатеи, попы, разные проходимцы и ловкачи, норовящие «приладиться» к крестьянскому люду).

Если поэт употреблял архаизмы, то преимущественно для того, чтоб сообщить фразе иронический смысл («у поэтов в оны годы социальный был заказ»), стилизовать церковнославянскую речь («Аз, грешный, мало смыслю в коже»). Иногда же архаизмы заимствовались из былинной, героической поэзии (могутный богатырь, святой подвижник, бранная доблесть) — они применялись в стихах о подвигах, о героях.

Определенную стилистическую задачу выполняли в стихах Д. Бедного неологизмы. Они появлялись у него, главным образом, в сатирических произведениях. Придавая фразе насмешливый, саркастический тон, поэт искусно деформировал и нарицательные слова, и заимствованные из других языков выражения, и собственные имена, переводя их то в глагольные, то в прилагательные формы. Он писал: перефордит, гуверит, эйн-цвей-дрейно, фон-дер-гетманский и т. п.

Итак, Д. Бедный строил свою поэтическую речь, не нарушая законов внутреннего развития национального языка, а строго следуя этим законам. Его словотворчество, приемы построения фраз, сохраняя своеобразие поэтической речи, не выходили за рамки морфологических принципов русского языка, не посягали на исторически сложившиеся нормы грамматики.

В выборе приемов стихосложения Д. Бедный также опирался на традиции отечественной — письменной и устной — поэзии. Он культивировал самые разнообразные формы организации стиха, известные в классической силлабо-тонической системе, но в то же время, как и многие поэты нашего века, искал в стихосложении новых путей.

Наиболее широко Д. Бедный использовал в своем творчестве разностопный, «вольный», ямб, который раньше употреблялся лишь в особых жанрах поэзии: в комедии, басне. Д. Бедный заметно раздвинул границы применения этого размера. Он писал свободным ямбом не только басни, но и лирические стихи, поэтические декларации, сюжетные стихи героического содержания («Маяк», «О соловье», «Мой стих», «Товарищ борода»). Довольно часто пользовался он и трехсложными стиховыми размерами — тоже главным образом для

создания высоких, торжественных ритмов (дактилем написана «Главная Улица», амфибрахием — «Революционный гудок», анапестом — «Трудовое войско»).

Что касается поисков новых ритмов, новых поэтических звучаний, то эти поиски, как и у других поэтов, вели к разработке тонического или акцентного стиха, наиболее приближенного к особенностям живой речи. Но, в отличие от псевдоноваторов, Д. Бедный не допускал произвольного обращения с поэтической формой. Он презирал досужих стихотворцев, которые в интересах «чистой» новизны дергали, гнули, ломали привычный поэтический ритм. В своих новаторских исканиях он основывался на том, что «говорной» (речевой) стих существовал и раньше в отечественной поэзии, что его не надо выдумывать и сочинять, что он определен природою нашего разговорного языка.

Известно, что тоническая система стихосложения бытовала издревле в народном эпосе, в былинах и сказках. Первым обратил на нее внимание Пушкин, применивший народный раешник в некоторых своих сказках. Д. Бедный написал в 1918 году «Сказку о батраке Балде и о страшном суде» — своеобразное «продолжение» пушкинской «Сказки о попе и о работнике его Балде». Советского поэта привлек не только сюжет этой сказки, но и ритм, интонации, «растяжимость» строки, свобода рифмовки (с применением, в частности, рифм дактилических и гипердактилических) — все, что приближает стих к народной скороговорке.

«Я эту скороговорку, столь пренебрегаемую литературными бабрами, но почему-то особенно любимую народом, — говорил Д. Бедный, — вывожу умышленно на первое место. Довольно уж ее поддержали в черном теле! Один только Пушкин гениальным чутьем уловил ритм и динамику размера, которым он написал знаменитую «Сказку о попе и о работнике его Балде». . . Тут Пушкин несомненно был близок к разгадке нашей народной ритмики». ¹

Поначалу Д. Бедный стилизовал этот размер (в упомянутой выше «Сказке о батраке Балде и о страшном суде»), а потом более органично применял его в своем творчестве. Целый ряд стихотворных бесед, большинство фельетонов, сатирическое обозрение «Новый завет без изъяна. . .», несколько стихотворений («Тяга» и др.) написаны этим «райком». Кроме того, автор продолжал разрабатывать и тот вид повествовательного, речевого стиха, мастером которого был Некрасов. Кроме повести «Про землю, про волю, про рабочую

---

¹ Д. Бедный. Полное собрание сочинений, т. 19. М., 1933, стр. 222.

долю» этим стихом написаны «Степан Завгородний», «Хозяин» и другие произведения Д. Бедного.

Любопытны и те виды строфики (кроме обычных, традиционных), которыми пользовался Д. Бедный. В ряде случаев он прибегал к методу многократного рифмового повтора. Примером может служить стихотворение «Братские могилы». В нем с помощью однородной рифмовки автор постепенно наращивает поэтическое звучание, придавая стиху торжественность и строгость. Тем же приемом автор всячески разнообразил традиционную строфику. Скажем, «Благословение» он писал обычными четверостишиями, но в двух местах — в двух опорных по смыслу строфах (седьмой и девятой) — усилил этот строй, дав пятистишия с повторной рифмовкой. Особенно ярко выражен этот прием в стихотворении «Честь красноармейцу!», которое целиком состоит из пятистиший, а последняя строфа — шестистишие, где одна и та же рифма встречается четырежды:

Герой, принесший гибель змею,
Твоих имен не перечесть!
Тебе — Вавиле, Фалалею,
Кузьме, Семену, Еремею —
Слагаю стих я, как умею,
И отдаю по форме *честь!*

Широко применялась Д. Бедным и строфика народных песен, в которых система повторов играет организующую роль (см.: «Как у питерских господ», «Танька-Ванька» и др.).

Д. Бедный придавал большое значение рифме как одному из выразительных элементов стиха. Он не признавал ассонансов, в крайне редких случаях прибегал к белому (нерифмованному) стиху и требовал рифмы полновесной и точной. Опасность применения однообразных созвучий (кровь — любовь, пламя — знамя и т. п.) Д. Бедный преодолевал путем сочетания различных частей речи и вариации грамматических форм (злится — ситца, кричат — барчат, кадрили — хитрили, разбойных — войнах, холодею — идею, невредим — поглядим); в некоторых случаях применялась и составная, «каламбурная» рифма (поп ли — вопли, Ломже — костолом же, думы — в поту мы, на Дон — ладан).

В подборе рифм поэт стремился не только к благозвучию и конструктивной прочности стиха, но и к заострению авторской мысли. Эту сторону поэтической работы превосходно сформулировал Маяковский: «Рифма возвращает вас к предыдущей строке, заставляет вспомнить ее, заставляет все строчки, оформляющие одну мысль, держаться вместе», и далее: «я всегда ставлю самое характерное слово

в конец строки и достаю к нему рифму во что бы то ни стало». ¹ Рифма — это, следовательно, не только созвучие, но и смысловая перекличка в стихе. У Д. Бедного есть стихи, в которых все смысловые ударения сделаны на рифмующихся словах, например:

На фабрике — отрава,
На улице — расправа.
И там свинец и тут свинец. . .
Один конец!
(«И там и тут»)

Здесь концевые созвучия заключают всю схему стихотворения — не только лишь конструктивную, но и смысловую. Следуя тому же принципу, автор предпочитал выносить в конец строки имена собственные, а особенно — иностранные: дать смысловую рифму в обличительном стихотворении, «привязав» иностранную фамилию к русскому слову, значило приковать к этим строчкам основное внимание читателя, выразить в них основную идею. Так рифмовались слова: Вильгельм — шельм, бобби — дробь, цергигели — погигели, дуче — круче и т. п. Наряду с этим новые слова, рожденные революцией, ставились автором в конце строки для того, чтобы они лучше прозвучали, легче запомнились читателю, вошли в речевой обиход. Так поэт подбирал рифмы к словам: субботник, МОПР, комбед, Добромхим, Сельмаш и другие.

Позиции, которые занимал Д. Бедный в вопросах языка и поэтики, отвечали творческим устремлениям большинства советских поэтов, видевших свою задачу в обогащении и развитии основ русской поэтической речи.

6

Работа Д. Бедного в поэзии не была ровной и гладкой; далеко не все написанное им может быть отнесено к числу художественных достижений. Вполне трезво говорил поэт о своих стихах в 1933 году:

В них были промахи, не скрою
(Впадают в дурь и мудрецы!),
Но удавалось мне порою
Давать в работе образцы.

(«Мой рапорт XVII съезду партии»)

---

¹ В. Маяковский. Полн. собр. соч., т. 12. М., 1959, стр. 105, 106.

А незадолго до этого, беседуя с молодыми литераторами, сказал: «...я бы мог лучше сделать, лучше написать многое из моих двухсот тысяч строк. Если вы их начнете разбирать и если скажете, что там много слабых моментов, — это не в обиду мне будет сказано».¹

В чем же были основные слабости работы художника и почему они выявились именно в тридцатые годы?

Первое, о чем необходимо здесь сказать, это об известном разрыве между поэтом и читателями, который образовался в эти годы. Разрыв наметился давно — в период, когда страна вступала на широкий путь культурной революции, когда стал заметно расти наш читатель. Общеизвестны слова В. И. Ленина о Д. Бедном, записанные А. М. Горьким, — слова о том, что при всем агитационном значении своего творчества поэт бывает порой грубоват, что иногда он плетется за читателем, вместо того чтоб идти впереди.² Разговор о Демьяне Бедном происходил между Лениным и Горьким не позднее осени 1921 года,³ в период, когда имя поэта было особенно популярно. Ильич с гениальной прозорливостью усмотрел в его поэзии опасность упрощенчества, — опасность, которая для всех стала очевидной спустя примерно десять лет.

Неизмеримо выросли за это время требования и вкусы наших читателей, а поэт частенько обращался к ним на том же языке, каким он пользовался в беседе «на завалинке» с сельскими жителями в первые советские годы. Неудивительно, что в ряде своих произведений он стал грешить поверхностной трактовкой тем, схематизмом, однообразием формы и языка.

Существенная слабость его работы заключалась также в том, что он чрезмерно увлекся излюбленным мотивом противопоставления нового, современного — старому, пережитому. Недостатки, наблюдаемые в нашей жизни, он относил за счет «дооктябрьского былого», считая это бывшее беспросветной тьмой, в которой якобы прозябал русский народ. Такой характер носили стихотворные фельетоны, написанные во второй половине 1930 года, — «Слезай с печки», «Без пощады», «Перерва». В них говорилось о сонливой, медлительной лени, якобы издревле присущей русскому человеку и мешающей ему теперь трудиться и строить новую жизнь: из дореволюционного про-

---

¹ Из выступления на открытии Рабочего литературного университета (1933). — «Новый мир», 1963, № 4, стр. 220.

² См.: М. Горький. Собрание сочинений в тридцати томах, т. 17, М., 1952, стр. 45.

³ Последний раз при жизни В. И. Ленина Горький был в Москве в первой половине октября 1921 г.

шлого русские люди будто бы принесли с собою одни лишь вековые слабости и пороки. . .

Произведения эти заслуживали серьезной критики и внимательного разбора. Характерно, что автор сам, в конце концов, признал их неудачу и откровенно сказал об этом на встрече с молодыми писателями, устроенной редакцией «Комсомольской правды» в феврале 1931 года.¹ Он не включал эти фельетоны в сборники и пересмотрел в свете допущенных в них промахов ряд других своих произведений.

Однако в трудных условиях того времени критика ошибок не ограничивалась задачами их исправления, она переросла в целую кампанию, имевшую целью развенчать виднейшего поэта, опорочить его политически. Решающую роль в этом повороте событий сыграло одно обстоятельство, о котором пишет в своих воспоминаниях О. Литовский: «Не секрет, что отношение к Демьяну со стороны Сталина сильно изменилось к худшему».² Действительно, письмо Сталина к Демьяну Бедному по поводу его ошибок проникнуто личной неприязнью к поэту и помимо прямых выпадов и угроз³ содержит тяжелые политические обвинения. В фельетонах поэта Сталин усмотрел «клевету на СССР, на его прошлое, на его настоящее», «клевету на наш народ, развенчание СССР» и т. д.

Следует сказать, что видные общественные и литературные деятели нашей страны не разделяли этого резкого, неоправданного тона обращения с поэтом, явной попытки дискредитировать его в глазах народа. Они совершенно иначе отзывались о творческой работе поэта, имея в виду его работу в целом, особенно в предыдущие годы.

Так, М. И. Калинин в беседе с молодыми крестьянскими писателями рекомендовал им учиться у Д. Бедного.⁴ А. В. Луначарский в июне 1931 года выступил в Коммунистической академии с обширной речью, в которой охарактеризовал Д. Бедного как поэта, обладающего острым чутьем и большим партийным темпераментом: «Демьян Бедный — по существу реалист. Он занимает свои темы у жизни. Он всегда чуток к жизненным явлениям, к тому, как сочетаются партийные директивы и подлинная социальная реальность».⁵

¹ См.: Д. Бедный. Вперед и выше. М., 1933, стр. 40—42.

² О. Литовский. Так и было. М., 1958, стр. 110.

³ Эта часть письма не публиковалась. Полный текст его сохранился в подлиннике (Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС). Письмо датировано 12 декабря 1930 г.

⁴ См.: «Беседа М. И. Калинина с низовыми авторами». М., 1934, стр. 13.

⁵ «Октябрь», 1963, № 4, стр. 195.

Наконец, А. Серафимович в том же году обратился к секретарям Центрального Комитета партии с большим письмом (точнее с рукописью неопубликованной статьи «Гнилостные пятна»). Критикуя лозунг «одемянивания» советской поэзии, выдвинутый в свое время рапповцами (этот вульгаризаторский лозунг, игнорировавший стилевое многообразие нашей поэзии, отвергал сам Д. Бедный — см. об этом текст его февральской беседы 1931 года, упоминавшейся нами выше), Серафимович утверждал: «Демьян Бедный — один из крупнейших наших писателей... Общественно-политический сарказм его (сарказм — самое трудное литературное оружие) убивает. И в этом у него никаких из современных писателей соперников нет...»¹ Серафимович, иными словами, обратил внимание на сатирический талант Д. Бедного, т. е. на ту сторону его работы, которая более всего подвергалась нападкам в 1930—1931 годах.

Все эти факты говорили о высоком гражданском и творческом авторитете поэта, который — скорее всего — и защитил его от гонимости расправы. Д. Бедный получил возможность продолжать свою общественную и литературную деятельность, хотя его поэтические сборники стали выходить заметно реже (в двадцатые годы они насчитывались десятками, теперь же — редкими единицами), а выпуск полного собрания сочинений, начатый еще в 1925 году, был приостановлен.

Более тяжелые последствия вызвала неудача пьесы «Богатыри», написанной через несколько лет. Пьеса была создана по просьбе Московского Камерного театра, решившего возобновить на сцене комическую оперу того же названия (музыка А. П. Бородина), имевшую старое либретто Виктора Крылова. Новый текст, предложенный Д. Бедным, не отличался глубиной содержания и не отвечал требованиям строгого вкуса. Это была попытка устроить комическое зрелище из легенд о богатырях, истории крещения Руси и других эпизодов, которые в единстве должны были получить антирелигиозный акцент. Такого рода инсценировки псевдонсторического характера, эстрадные и мюзик-холльные обозрения на антицерковные темы были нередки в художественной практике двадцатых и тридцатых годов. «Богатыри» явились лишь одним из примеров буффонно-сатирической трактовки тем, связанных с религиозным или поэтическим вымыслом (древний эпос в таких случаях отождествлялся с религиозной легендой).

---

¹ Цит. по неопубликованной диссертации А. К. Романовского: «Из истории подготовки Первого всесоюзного съезда советских писателей». Академия общественных наук при ЦК КПСС. М., 1958.

Критика, которая обрушилась на эту пьесу и на спектакль, показанный Камерным театром в октябре 1936 года, была по своему тону и резкости несоразмерима с характером ошибки, допущенной автором пьесы и режиссером спектакля (А. Я. Таировым). Их обвинили в злостной фальсификации исторического прошлого народа. В печати появилась «директивная» статья, которая так и называлась — «Фальсификация народного прошлого». В ней — совсем в духе сталинского письма — утверждалось, что пьесой «Богатыри» автор и постановщик играют на руку врагам Советского государства. Специальным решением Комитета по делам искусств пьеса была снята с репертуара как «чуждая советскому искусству».

Вокруг поэта начала создаваться атмосфера политического недоверия. Она усиливалась по мере того, как в обстановке культа Сталина насаждалась всеобщая подозрительность и тенденция видеть в каждой ошибке «присокри преступления». Имя Д. Бедного перестали упоминать в печати. Его стихотворения и поэмы были вычеркнуты из школьных и вузовских программ. На протяжении трех лет, предшествовавших Великой Отечественной войне, произведения Д. Бедного не публиковались.

Поэт чрезвычайно тяжело переживал эти события.

Но как ни горек был для него длительный отрыв от газетно-журнальной работы, Д. Бедный продолжал трудиться, продолжал писать.

Давно была им задумана большая поэма, точнее — целый венок поэтических легенд, сюжеты которых ему подсказала народная муза. Они были сосредоточены в устных сказах уральских и алтайских горнорабочих. Сказы эти переходили из поколения в поколение и только в наше время стали достоянием всего народа. Многие из них известны в обработке П. П. Бажова, другие сохранились в записях фольклористов. Д. Бедный, отобрав наиболее выразительные и яркие, переложил их в стихи.

Это было творческое пересоздание народных сюжетов, сделанное с пониманием их исконной поэтической природы; кое-что поэт в них домысливал, очень многое оттачивал, шлифовал, стремясь передать читателю все очарование этих легенд. «Уральские рабочие сказы изумительны своей глубиной, красочностью, — писал он. — Я буду счастлив, если попытка переложить эти сказы в форме, рассчитанной на массового читателя, хоть в малой степени удалась».¹

К середине 1941 года огромный труд, предпринятый поэтом, был

---

¹ Из заметки 1939 г., хранящейся в архиве поэта (ИМЛИ). Частично опубликована в журнале «Смена», 1951, № 7, стр. 18.

в значительной своей части завершен. Д. Бедный написал семнадцать сказов и стихотворное вступление к ним — всего около тринадцати тысяч строк. Он дал им общее название — «Горная порода» — и снабдил предисловием. Он признавался, что «работал с напряжением, порой изнурительным, и черпал недостающие силы в самом материале». ¹ Но ни одна строка этой обширной рукописи при жизни автора не увидела света.

Грянула война, и поэт со всем присущим ему энтузиазмом газетчика и трибуна ринулся на боевую работу. Она воскрешала в памяти лучшие страницы его творческой биографии, связанные с гражданской войной. Дар художественной импровизации, так ярко сказавшийся в его оперативной фронтовой работе тех лет, помог ему теперь не отставать от событий, шагать со стихом по дорогам войны, писать то, что нужно сегодня. Многолетний опыт агитатора подсказал ему строки для «Окон ТАСС» и плакатов. Природный талант баснописца заговорил в его антифашистской сатире. Дарование народного рассказчика выразилось в новых стихотворных беседах и повестях.

Неизмеримо выросли в условиях войны национальное самосознание народа, его любовь к сокровищам нашей национальной культуры. Демьян Бедный, который всегда был творчески связан с традициями классики, с русским фольклором, сумел подчеркнуть в своих произведениях эти чувства народа, передать в них ощущение «связи времен» (стихи о Куликовом поле, о партизанах 1812 года и т. п.). В верном свете предстали ему теперь и традиции богатырского эпоса, превратно истолкованные раньше в пьесе «Богатыри». Вспоминая былины, сложенные русским народом, поэт говорил:

Мы любим слушать их, в них узнавать черты
Свои — наследственно-живые, коренные.
Великих предков мы наследники родные,
А не убогого народа — сироты.

(«Вперед к победам!»)

Черты воина-богатыря поэт узрел теперь в советских людях, которых он воспел в своих стихах («Богатырская переправа», «Праздник победы», «Богатырский наказ»).

Работа этих лет не только завершила, но как бы подытожила творческий путь Д. Бедного, подчеркнув его индивидуальные черты, выделив сильные стороны, преодолев недавние ошибки.

---

¹ Демьян Бедный. Горная порода. М., 1959, стр. 8.

Поэт, остро чувствующий современность и прочно связанный с народом, Демьян Бедный оставил в нашей литературе живой и ясный след. Он был в числе немногих русских писателей, которые первыми — еще в канун Октября — подняли знамя социалистического искусства. Его боевая решимость сражаться под этим знаменем и его целеустремленный поэтический труд благотворно повлияли на других советских поэтов.

Едва ли можно не заметить того, что художником, наиболее близким Д. Бедному в революционную эпоху, оказался В. Маяковский. Это были не похожие друг на друга поэты. Маяковский всегда тяготел к сложной поэтической метафоре, неологизму, для него было характерно активное индивидуальное восприятие окружающего, которое сказывалось в сильном звучании авторского «я» и сопровождалось целым каскадом обновленных поэтических форм. Демьян Бедный был, напротив, ближе к стихотворному сказу, к народному языку, он предпочитал авторскому «я» голоса своих героев, по-своему использовал, обновлял приемы отечественного стихосложения.

И, тем не менее, начиная с первых лет революции Маяковский и Д. Бедный делали общее дело и сближались не только в плане идейных позиций, но и в конкретных жанровых, интонационных и лексических решениях тем. Достаточно сравнить хотя бы фронттовую лирику Д. Бедного с «Последней страничкой гражданской войны» Маяковского, плакаты первого — с «Окнами Роста» второго, «Гатчинский урок» — с «Песней рязанского мужика», «Сказку о дезертире» — с повестью о Митьке-бегунце и т. д.

Выступая в Праге с лекцией в 1927 году, Маяковский сказал: «Революционное государство оценивает развитие искусства... по тому, как искусству удастся проникнуть в массы». И далее, касаясь уже непосредственно Д. Бедного: «для советского общества, если красноармейцы с его стихами на устах бросались против танков, его поэзия имеет огромное значение».¹

А в записках Демьяна Бедного, оставшихся после его смерти, можно прочесть такую строчку: «Мы с Маяковским так работали, что временами казалось, что нас всего только двое».²

Конечно, на самом деле их было больше. Но если говорить о последующем развитии советской поэзии, она многое восприняла из

¹ «Людове новины», Прага, 1927, 28 апреля.

² Архив Демьяна Бедного (ИМЛИ).

опыта своих зачинателей, и каждый из них повлиял на судьбу ряда крупных поэтических дарований.

То особое звучание напевного, легкого, искрящегося простонародной лексикой стиха, которое характерно для Д. Бедного, мы встречаем в песенной лирике М. Исаковского, А. Прокофьева, В. Гусева, А. Суркова.

Алексей Сурков еще при жизни поэта (в 1936 г.) говорил: «Мы ворчим иногда на Демьяна, встречая на страницах печати «серые» фельетоны... Но мы знаем, что в сегодняшней поэзии у нас нет родни ближе. Мы знаем, что в час, когда, по выражению Маяковского, снова потребуется «перекричать и вьюги, и пушки, и ругань», голоса наши будут равняться по гневному голосу нашего первого пролетарского песенника». ¹ Вспомним и слова М. Исаковского, сказанные уже после смерти Д. Бедного: «В его жизненном опыте, в его творчестве есть немало поучительного и для нас, теперешних поэтов... Он по каждой своей фразе, по своему стиху, по образному мышлению — одним словом, по всему складу своей поэзии — был так близок народу, что народ понимал его с полуслова». ²

Не только лирики и создатели песен ощутили на себе благотворное влияние поэзии Д. Бедного. Отзвуки рассудительного, мудрого и задушевного слова, каким написаны стихотворные повести Д. Бедного, мы находим в поэмах А. Твардовского. Живительный юмор басен и сатир Д. Бедного отозвался в произведениях А. Безыменского, С. Михалкова и других писателей, работающих в области стихотворной публицистики и сатиры.

Можно не сомневаться, что художественные традиции, выкованные одним из ветеранов советской поэзии, сыграют свою роль и в деле воспитания нашей поэтической молодежи.

И. Эвентов

---

¹ А. л. Сурков. Зеркало нашей судьбы. — «Литературная газета», 1936, 20 мая.

² М и х а и л И с а к о в с к и й. Первый поэт Октября. — «Правда», 1963, 13 апреля.

СТИХОТВОРЕНИЯ

* * *

С тревогой жуткою привык встречать я день
Под гнетом черного кошмара.
Я знаю: принесет мне утро бюллетень
О тех, над кем свершилась кара,
О тех, к кому была безжалостна судьба,
Чей рано пробил час урочный,
Кто дар последний взял от жизни — два столба,
Вверху скрепленных плахой прочной.
Чем ближе ночь к концу, тем громче сердца стук...
Рыдает совесть, негодуя...
Тоскует гневный дух... И, выжимая звук
Из уст, искривленных злой судорогой мук,
Шепчу проклятия в бреду я!
Слух ловит лязг цепей и ржавой двери скрип...
Безумный вопль... шаги... смятенье...
И шум борьбы, и стон... и хрип, животный хрип...
И тела тяжкое паденье!
Виденья страшные терзают сердце мне
И мозг отравленный мой сушат,
Бессильно бьется мысль... Мне душно... Я в огне...
Спасите! В этот час в родной моей стране
Кого-то где-то злобно душат!
Кому-то не раскрыть безжизненных очей:
Остывший в петле пред рассветом,
Уж не проснется он и утренних лучей
Не встретит радостным приветом!..

1908

БРАТУ МОЕМУ

Порой, тоску мою пытаюсь превозмочь,
Я мысли черные гоню с досадой прочь,
На миг печали время скину, —
Запросится душа на полевой простор,
И, зачарованный мечтой, рисует взор
Родную, милую картину:

Давно уж день. Но тишь в деревне у реки:
Снят после розговен пасхальных мужики,
Утомлены мольбой всенощной.
В зеленом бархате далекие поля.
Лучами вешними согретая, земля
Вся дышит силою живительной и мощной.
На почках гибких верб белеет нежный пух.
Трепещет ласково убогая ракирка.
И сердцу весело, и замирает дух,
И ловит в тишине дремотной острый слух,
Как где-то стукнула калитка.
Вот говор долетел, — откуда, чей, бог весть!
Сплелися сочный бас и голос женский,
тонкий,
Души восторженной привет — о Чуде весть,
И поцелуй, и смех раскатистый и звонкий.
Веселым говором нарушен тихий сон,
Разбужен воздух бодрым смехом.
И голос молодой стократно повторен
По всей деревне гулким эхом.
И вмиг всё ожило! Как в сказке, стали
вдруг —
Поляна, улицы и изумрудный луг
Полны ликующим народом.
Скликают девушки замедливших подруг.
Вот — с песней — сомкнут их нарядно-пестрый
круг,
И правит солнце хороводом!
Призывно-радостен торжественный трезвон.
Немых полей простор бескрайный напоен
Певцов незримых звучной трелью.
И, набираясь сил для будущих работ,
Крестьянский люд досуг и душу отдает

Тревогой будничных забот
Не омраченному веселью.

...О брат мой! Сердце мне упреком не тревожь!
Пусть краски светлые моей картины — ложь!
Я утолить хочу мой скорбный дух обманом,
В красивом вымысле хочу обрести бальзам
Невысыхающим слезам,
Незакрывающимся ранам.

1909

О ДЕМЬЯНЕ БЕДНОМ, МУЖИКЕ ВРЕДНОМ

Поемный низ порос крапивою;
Где выше, суше — сплошь бурьян.
Пропало всё! Как ночь, над нивою
Стоит Демьян.

В хозяйстве тож из рук всё валится:
Здесь — недохватка, там — изъян...
Ревут детишки, мать печалится...
Ох, брат Демьян!

Строчит урядник донесение:
«Так што нееловских селян,
Ваш-бродь, на сходе в воскресенье
Мутил Демьян:

Мол, не возьмем — само не свалится, —
Один конец, мол, для крестьян.
Над мужиками черт ли сжалится...»
Так, так, Демьян!

Сам становой примчал в Неелово,
Рвал и метал: «Где? Кто смутьян?
Сгною... Сведу со света белого!»
Ох, брат Демьян!

«Мутить народ? Вперед закается!..
Связать его! Отправить в стан!..
Узнаешь там, что полагается!»
Ась, брат Демьян?

Стал барин чваниться, куражиться:
«Мужик! Хамье! Злодей! Буян!»
Буян! . . . Аль не стерпеть, отважиться?
Ну ж, брат Демьян! . . .

1909

* * *

Мысль изреченная есть ложь.

Тютчев

Бывает час: тоска щемящая
Сжимает сердце. . . Мозг — в жару. . .
Скорбит душа. . . Рука дрожащая
Невольню тянется к перу. . .

Всё то, над чем в часы томления
Изнемогала голова,
Пройдя горнило вдохновения,
Преображается в слова.

Исполненный красоты пленительной,
И буйной мощи, и огня,
Певучих слов поток стремительный
Переливается, звеня.

Как поле, рдеющее маками,
Как в блеске утреннем река,
Сверкает огненными знаками
Моя неровная строка.

Звенит ее напев рыдающий,
Гремит призывно-гневный клич.
И беспощаден взмах карающий
Руки, поднявшей грозный бич.

Но — угасает вдохновение,
Слабеет сердца тетива:
Смирив нестройных дум волнение,
Вступает трезвый ум в права,

Сомненье точит жала острые,
Души не радуется ничто.
Впиваясь взором в строки пестрые,
Я говорю: не то, не то. . .

И, убедаясь в тоске мучительной,
Косноязычие кляня,
Что нет в строке моей медлительной
Ни мощи буйной, опьянительной,
Ни гордой страсти, ни огня,

Что мой напев — напев заученный,
Что слово новое — старо,
Я — обессиленный, измученный,
Бросаю в бешенстве перо!

1909

* * *

Чудных три песни нашел я в книге родного поэта.
Над колыбелью мою первая песенка пета.
Над колыбелью моею пела ее мне родная,
Частые слезы роняя, долю свою проклиная.
Слышали песню вторую тюремные низкие своды.
Пел эту песню не раз я в мои безотрадные годы.
Пел и цепями гремел я и плакал в тоске безысходной,
Жаркой щекой припадая к железу решетки холодной.
Гордое сердце вещует: скоро конец лихолетью.
Дрогнет суровый палач мой, песню услышавши
третью.

Ветер споет ее буйный в порыве могучем и смелом
Над коченеющим в петле моим опозоренным телом.
Песни я той не услышу, зарытый во рву до рассвета.
Каждый найти ее может в пламенной книге поэта!

<Июнь> 1910

СОНЕТ

В родных полях вечерний тихий звон, —
Я так любил ему внимать когда-то
В час, как лучи весеннего заката
Позолотят далекий небосклон.

Милей теперь мне гулкий рев, и стон,
И мощный зов тревожного набата:
Как трубный звук в опасный бой — солдата,
Зовет меня на гордый подвиг он.
Средь суеты, средь пошлости вседневной
Я жду, когда, как приговор судьбы,
Как вешний гром, торжественный и гневный,
В возмездья час, в час роковой борьбы,
Над родиной истерзанной и бедной
Раскатится набата голос медный.

<7 мая> 1911

* * *

По просьбе обер-прокурора,
Дабы накинуть удила
На беглеца Илиодора,
Шпиков испытанная свора
Командирована была.
Шпики ворчали: «Ну, дела!
Почесть, привыкли не к тому мы!
Гранить панель, торчать у Думы,
Травить эсдека иль жида —
Наш долг святой, — а тут беда:
Паломник, мол, и всё такое.
Паломник в холе и покое
В палатах вон каких сидит!
А не «найти» его — влетит,
«Найти» — влетит, пожалуй, вдвое!»

<26 января> 1912

КУКУШКА

Кукушка,
Хвастливая болтушка,
Однажды, сидя на суку,
Перед собранием кукушечьим болтала
О чем попало,
Что ни взбрело в башку.
Сначала то да се, по общему примеру:

Врала, да знала меру.
Но под конец — поди ж ты! — соврала,
Что видела орла.
«Орла! Ведь выпадет же случай! —
Кукушки все тут в крик наперебой. —
Скажи ж скорей, каков орел собой?
Чать, туча тучей?!»
— «Ну, это — как кому, — хвастуньи был ответ, —
Особого в орле, пожалуй, мало.
По мне, так ничего в нем нет,
Чего бы нам не доставало:
Те ж когти, клюв и хвост,
Почти такой же рост,
Подобно нам, весь сер — и крылья и макушка...
Короче говоря,
Чтоб слов не тратить зря:
Орел — не более как крупная кукушка!»

Так, оскорбляя прах бойца и гражданина,
Лгун некий пробовал на днях морочить свет,
Что, дескать, обсудить — так выйдет всё едино
И разницы, мол, нет,
Что Герцен — что кадет.

<23 февраля> 1912

ЗВЕЗДА

Почти каждый номер газеты «Звезда» конфискуется.

Земная хроника

Ученым Энебо открыта близ созвездия Близнецов новая звезда.

Небесная хроника

Куда ни кинь, везде беда!
Прикосновенно стало небо!
Узнав, что неким Энебо
Открыта новая звезда,

Вскипело грозное начальство:
«Еще Звезда! Ведь вот нахальство!
Ну что ж тут долго толковать?
Конфисковать!!»

<8 марта> 1912

•Трибуна•

Трибуна славного, любимца муз и граций,
Раз некий юноша спросил: «Скажи, Маклаций,
Что значит этот сон? Ты с некоторых пор
Таковыми стал не брезговать речами,
Что вчуже пожимать приходится плечами!
Недавно вынес суд строжайший приговор
Лихому вору. Ты ж, не устыдясь позора,
Так на суде стоял за вора,
Как будто сам ты вор!
Беру другой пример — совсем не для эффекта:
Известный взяточник-префект влетел под суд,
А ты уж тут как тут,
Готовый выволить преступного префекта.
Не ты ль в защитники был позван богачом,
Чью знают все звериную натуру,
Кто, на врага напав из-за угла, всю шкуру
Содрал с него бичом?
Ты с этим палачом
Предстал перед судом, хваля и обеляя,
Сам знаешь, — негодяя!
А между тем забыт тобой твой долг прямой —
Быть люду бедному защитой!
Ответь же, ритор знаменитый,
Скажи по совести и не кривя душой:
Кто для тебя всего дороже —
Почтивший ли тебя доверием народ,
Иль всякий темный сброд,
Пред коим честный люд быть должен настоже?»
И юноше отвечивал трибун,
Любимец муз и граций,
Маклаций:
«Хотя ты очень юн,

Рассудка у тебя, пожалуй, всё же хватит
Понять — да и дурак поймет! —
Что всех дороже тот,
Кто всех дороже платит».

<13 марта> 1912

ХОЗЯИН И БАТРАК

Государственный совет постановил
увеличить до 15 часов рабочий день
приказчиков и лишить их праздни-
чного отдыха.

Из газет

Над мужиком, над Еремеем,
В деревне первым богатеем,
Стряслась беда:
Батрак от рук отбился,
Батрак Фома, кем Еремей всегда
Хвалился.
Врага бы лютого так поносить не след,
Как наш Фома Ерему:
«Людоед!
Чай, вдосталь ты с меня повыжал соку,
Так будет! Больше мне невмочь
Работать на тебя и день и ночь
Без сроку.
Пусть нет в тебе на грош перед людьми стыда,
Так побоялся б ты хоть бога.
Смотри! ведь праздник у порога,
А у тебя я праздновал когда?
Ты так с работой навалился,
Что впору б дух лишь перевести.
За недосугом я почесть
Год в церковь не ходил и богу не молился!»
На батрака Ерема обозлился:
«Пустые все твои слова!
Нанес ты, дурья голова,
Большую гору
Вздору.
Никак, доведь меня ты хочешь до разору?»

Какие праздники ты выдумал, Фома?

Бес праздности тобой, видать, качает.

Смекай — коль не сошел еще совсем с ума:

Кто любит праздновать, тот не добром кончает.

Ты чем язвишь меня — я на тебя дивлюсь:

«Год богу не молюсь!»

А не подумал, Каин,

Что за тебя помолится хозяин?!»

<22 марта> 1912

•ДИВО•

«Андрюха — вот столяр! Андрюха — вот мастак!»

С кем речь ни заведи, с мальцом аль со старухой,

Все не нахвалятся Андрюхой.

Захвален под конец был бедный парень так,

Что стал как ошалелый.

«Постойте ж, удивлю, — кричит, — весь свет я белый!

На кой мне ляд верстак?

Плевать мне на рубанки!

Одним лишь топором

Такую штуку я сварганю из болванки —

Не описать пером!

С ней — и пахать и сеять,

С ней — полосу полоть,

С ней — урожай убрать, помолотить, провеять

И хлеб смолоть!»

Андрюха зря болтать не любит,

Он времени не губит:

В горячке скор,

Схватив топор,

Колоду парень рубит.

Набилося народу полон двор.

Всяк видеть первым рад неслыханное диво.

Работает меж тем затейник наш ретиво;

Хоть пар с него валит, ему ништо: упрямя!

Зато деревню всю впрямь удивил Андрюха.

Все ахнули, узрев диковинку: «Ай, срам!

Да это ж... рюха!»

Писатель так иной: за дело б молча сесть —
Так нет, он про него каких чудес натрубит!
А взялся за перо, — глядишь, ну, так и есть:
Андрюха рюху рубит!

<5 апреля> 1912

ЛЕНА

4 апреля 1912 года
Ленский расстрел рабочих.

Жена кормильца-мужа ждет,
Прижав к груди малюток-деток.
Не жди, не жди, он не придет:
Удар предательский был меток.
Он пал, но пал он не один:
Со скорбным, помертвелым взглядом
Твой старший, твой любимый сын
Упал с отцом убитым рядом.
Семья друзей вокруг них лежит —
Зловещий холм на поле талом!
И кровь горячая бежит
Из тяжких ран потоком алым.
А солнце вешнее блестит!
И бог злодейства не осудит!
«О братья! Проклят, проклят будет,
Кто этот страшный день забудет,
Кто эту кровь врагу простит!»

Между 4 и 7 апреля 1912

ГУМАННОСТЬ

С.-Петербургское Общество при-
зрения животных сообщило Перм-
ской городской управе, что вешать
бродячих собак — не гуманно.

Удобнее пользоваться специальным
удушливым газом.

Из газет

«Барбос!» — «Трезор!»
— «Ты что же смотришь истуканом?»
— «Собачник, вижу я, бежит сюда с арканом!»
— «Шмыгнем-ка под забор!»

Шмыгнули,
Улепетнули
На чей-то задний двор
И продолжают разговор:
«Слыхал, Барбос, ты новость эту?
Намедни в мусоре я выудил газету,
Так в ней прочел я: дан по городам приказ,
Что вешать, мол, собак бродячих... не гуманно...
А дальше... как-то так... туманно:
Удушливый удобней, дескать, газ...»
— «Туман — в твоей башке!.. Однако же как
странно! —

Ворчит в ответ Барбос
Трезору: —
Ты, чай, слыхал про Лисий Нос?
Не дай господь попасть туда в ночную пору!
И всё же это — пустяки.
Хоть я учен на медяки,
Газетки ведь и я читаю, между прочим, —
Так слушай: у людей — какую богачи
На Ленских приисках пустили кровью рабочим!
Вот тут гуманность-то людскую и сличи:
Без виселиц, без газу,
А живота лишить сумели город сразу!»

Барбосу выводов подсказывать не будем.
Сказать по совести, не знаю я и сам,
Кому завидовать кто должен: люди — псам
Иль псы-бродяги — людям?

Между 4 и 11 апреля 1912

ПРИТОН

Дошел до станového слух:
В селе Голодном — вольный дух:
У двух помещиков потрава!
И вот — с несчастною, покорною толпой
Кровавая учинена расправа.
Понесся по селу и плач, и стон, и вой...
Знал озверевший становой,

Что отличиться — случай редок,
Так лил он кровь крестьянскую рекой.
Что ж оказалось напоследок?
Слух о потраве был пустой:
От мужиков нигде потравы никакой.
«Ах, черт! Дела на слабом грунте!
Не избежать плохой молвы!»
Но, не теряя головы,
Злодей строчит доклад об усмиренном бунте.
Меж тем, очнувшись от бойни, мужики
На тайном сходе у реки
Постановили: быть Афоне
За дело общее в столице ходоком,
Пред Думой хлопотать, — узнать, в каком законе
Дозволено всё то, что ноше
Лихие вороги творят над мужиком?
Уехал наш ходок и через две недели
Привозит весть.
Не дали мужики Афоне с возу слезть,
Со всех сторон насели:
«Был в Думе?» — «Был».
— «Ну что?»
— «Да то:
Судились овцы с волком...»
— «Эй, не томи!.. Скорее толком
Всё говори, — кричит Егор, —
Нашел на извергов управу?»
— «Не торопись ты... Больно скор...
Мы казнены и впрямь совсем не за потраву.
Шел в Думе крепкий спор
Про наше — слышали? — про наше изуверство!
Но всех лютей чернил нас некий старичок...
По виду так... сморчок...
А вот — поди ж, ответ держал за министерство:
«Потравы не было. Да дело не в траве:
У мужика всегда потрава в голове».
Так, дескать, господа нас малость постращали,
Чтоб мы-де знали:
Крепка еще на нас узда!
А кровь... Так не впервой у нас ее пущали...
Что, дескать, было так и будет повсегда!»
— «Ай, горе наше! Ай, беда!

Ни совести в тебе, скотина, ни стыда! —
Тут с кулаками все к Афоне. —
Ты ж в Думу послан был, а ты попал куда?
Ведь ты же был, никак, балда,
В разбойничьем притоне!»

<15 апреля> 1912

Святая истина была в словах толпы:
Ведь в Думе кто сидел? Помещики, попы.
А с мужиком у них была какая спайка?
Крест да нагайка!

1918

* * *

Полна страданий наших чаша,
Слились в одно и кровь и пот,
Но не угасла сила наша:
Она растет, она растет!

Кошмарный сон — бывшие беды,
В лучах зари — грядущий бой.
Бойцы в предчувствии победы
Кипят отвагой молодой.

Пускай шипит слепая злоба,
Пускай грозит коварный враг,
Друзья, мы станем все до гроба
За правду — наш победный стяг!

<22 апреля> 1912

ПОРОДА

У барыни одной
Был пес породы странной
С какой-то кличкой иностранной.
Был он для барыни равно что сын родной:
День каждый собственной рукой
Она его ласкает, чешет, гладит, —

Обмывши розовой водой,
И пудрит и помадит.
А если пес нагадит —
Приставлен был смотреть и убирать за ним
Мужик Аким.
Но под конец такое дело
Акиму надоело.
«Тьфу, — говорит, — уйду я к господам другим!
Без ропота, свободно
Труд каторжный снесу,
Готов служить кому угодно,
Хоть дьяволу, но только бы не псу!»
Так порешив на этом твердо,
Оставшись как-то с псом наедине,
Аким к нему: «Скажи ты мне,
Собачья морда,
С чего ты нос дерешь так гордо?
Ума не приложу:
За что я псу служу?
За что почет тебе, такому-то уроду?!»
— «За что? — ответил пес, скрывая в сердце
злость. —
За то, что ты — мужичья кость,
И должен чтить мою высокую породу!»

Забыл Аким: по роду и удел!
Так ведь Аким — простонародье.
Но если я какого пса задел,
Простите, ваше благородье!

<29 мая> 1912

СЫНОК

Помещик прогорел, не свесть конца с концом,
Так роща у него взята с торгов купцом.
Читателям, из тех, что позлословить рады,
Я сам скажу: купчина груб,
И рощу он купил совсем не для прохлады,
А — дело ясное — на сруб.
Всё это так, чего уж проще!

Однако ж наш купец, бродя с сынком по роще,
    Был опьянен ее красой.

    Забыл сказать — то было вешним утром,
Когда, обрызгана душистою росой,

    Сверкала роща перламутром.

    «Не роща — божья благодать!

Поди ж ты! Целый рай купил за грош на торге!

Уж рощу я срублю, — орет купец в восторге, —

Не раньше осени, как станет увядать!»

Но тут мечты отца нарушил сын-мальчонок:

«Ай, тятенька, гляди: раздавленный галчонок!»

— «И впрямь! . . Ребята, знать, повадились сюда.

Нет хуже гибели для птиц, чем в эту пору!

Да ты пошто ревешь? Какая те беда?»

— «Ой, тятенька! Никак, ни одного гнезда

    Мне не осталось. . . для разору!»

    Что скажешь о сынке таком?

Он жадность тяткину — в количестве сугубом, —

    Видать, усвоил с молоком,

    Был тятка — кулаком,

    Сын будет — душегубом!

<2 июня> 1912

ГОСТИ

В участке выяснилось, что задержанный помощником пристава у Художественной типографии легковой извозчик и несколько заступившихся за него неизвестных лиц — все агенты охранного отделения.

Приятель мне сказал: «Демьян, голубчик мой,

Не вышла бы с тобой вдруг басня наизнанку:

Из типографии поедешь ты домой,

    А попадешь — в охранку!»

Ответил другу я: «Спасибо и на том!

    Скажу без лишней злости:

Приятней самому быть приглашенным в гости,

    Чем ждать к себе гостей «приятных» в дом.

<8 июня> 1912

ПРАВДОЛЮБ

«В таком-то вот селе, в таком-то вот приходе», —
Так начинают все, да нам — не образец.
Начнем: в одном селе был староста-подлец,
Ну, скажем, не подлец, так что-то в этом роде.
Стонали мужики: «Ахти, как сбуть беду?»
Да староста-хитрец с начальством был в ладу,
Так потому, когда он начинал на сходе
    Держать себя подобно воеводе,
    Сражаться с иродом таким
    Боялись все. Но только не Аким:
        Уж подлинно, едва ли
Где был еще другой подобный правдолюб!
Лишь попадись ему злодей какой на зуб,
    Так поминай как звали!
Ни перед кем, дрожа, не опускал он глаз,
А старосте-плуту на сходе каждый раз
    Таковую резал правду-матку,
Что тот от бешенства рычал и рвался в схватку, —
Но приходилось смирять горячий нрав:
    Аким всегда был прав
И вся толпа в одно с Акимом голосила.
    Да что? Не в правде сила!
В конце концов нашел наш староста исход:
    «Быть правде без поблажки!»
Так всякий раз теперь Аким глядит на сход...
    Из каталажки.

<10 июня> 1912

МЕТАМОРФОЗА

Играй, моя гармошка,
Играй, играй, играй!
Прославился Тимошка
На весь на русский край.

«Тимошка!» — «Честь имеем!»
— «Ты — парень с головой.
    Был Маркову лакеем,
    Так будешь — становой!»

То слыша, бабка Фекла
Вздохнула: «Как нам быть?
Вставлял Тимошка стекла,
А нынче — будет бить!»

<10 июня> 1912

«СОСЕДКА»

Бедняжка «Земщина» в горячечном припадке!
Трясет ее как в лихорадке
И невесть что плетет, сердечная, в жару:
«Городовой!.. Спаси!.. Помру!..
Прибегни, брат, скорей к какому-нибудь средству,
Чтоб не было, когда я вру,
Со мною «Правды» по соседству!»

<15 июля> 1912

ЛЕТО

Над высохшим Ингулом
С ружьем в руках бреду,
Поля рабочим гулом
Полны: косьба в ходу.

Блестят на солнце косы,
Стучат о сталь бруски,
Широкие покосы
Ложатся до реки.

Мелькают часто грабли,
Вязальщицы в поту.
«Что, милые, ослабли?
Жара невмоготу».

— «Ништо!.. Вот ты бы, право,
Прошел с косой хоть раз!»
И смотрит так лукаво
И шурит черный глаз!

«Что ж думаешь, воструха?
Аль не видал я ржи?!
Дай косу мне, Петруха,
А сам за мной вяжи».

Рукам от поту склизко.
Мой первый взмах — высок.
Пустил я косу низко:
Коса вошла в песок!

«Умора! . . Фу-ты ну-ты!» —
Смеются косари.
На пальцах в три минуты
Натер я волдыри.

Но боль сношу геройски, —
Уж как ни есть — кошу.
С крестьянами по-свойски
Под вечер — к шалашу.

Вкусна простая каша
Из общего котла.
Бесхитростная наша
Беседа весела.

«Так завтра к вам опять я!
Прощайте, земляки!»
И любви мне пожатъя
Мозолистой руки.

<17 июля> 1912

* * *

Большевистская демагогия! . .

Н. Коробка

Про «демагогию» слова,
И — к удивлению — не робко!
Я думал: пишет голова,
Ан оказалось — Коробка!

<5 августа> 1912

ДОМ

В шестиэтажном доме г. Торкачева, выходящем на Лиговскую, Разъезжую и Глазовую ул. и Скорняков пер., произошла катастрофа: обвалились своды, потолки и балки всех шести этажей. Утверждают, что обвал произошел вследствие того, что из экономии большая часть дома построена из старого кирпича.

«Новое время», № 13056, 1912 г.

Знавал я дом:
От старости стоял, казалось, он с трудом
И ждал разрухи верной.
Хозяин в оны дни весьма любил пожить,
И расточительность его была безмерной,
А тут — пришлось тужить:
Дом — ни продать, ни заложить,
Жильцы — вразброд бежали,
А кредиторы — жали,
Грозили под конец судом.
Хозяин их молил: «Заминка, братцы, в малом.
В последний раз меня ссудите капиталом.
Когда я новый дом
Наместо старого построю,
Доходами с него я все долги покрою».
Вранье не всякому вредит:
Хозяин получил кредит.
А чтоб вранье хоть чем загладить,
Он к дому старому почал подпорки ладить,
Подлицевал его немного кирпичом,
Кой-где скрепил подгнившие устои,
Переменил обои
И — смотрит богачом!
Дом — только б не было насчет нутра огласки —
По виду ж — ничего: жить можно без опаски.
Тем временем пошла охота на жильцов:
Хозяин нанял молодцов,
Чтоб распускали слухи,
Что в «новом» доме всё с заморских образцов:
От притолок до изразцов;
Покои все светлы и сухи;
Жильцам — бесплатные услуги и дрова
И даже —

Живи в подвале, в бельэтаже —
Всем честь одна и та же
И равные права.

Порядков новых-де хозяин паш поборник:
Он для жильцов — всего послушный только дворник,
Хозяева ж — они. А что насчет цены,
Так дешевизне впрямь дивиться все должны.
Для люда бедного вернее нет привадки,
Как нагрузить ему посулами карман.
Хоть были голоса, вскрывавшие обман:
Снаружи, дескать, дом сырой, вчерашней кладки,
Внутри же — весь прогнил, —
На новые позарившись порядки,
Жилец валил!

Хозяин в бурное приходит восхищенье:
«Сарай-то мой, никак, жилое помещенье!»
Набит сарай битком
Не только барами, но и простым народом.
Трясет хозяин кошельком,
Сводя расход с приходом.
Как только ж удалось свести
Ему концы с концами,

К расправе приступил он с черными жильцами:
Пора-де голытьбе и время знать и честь,
И чтоб чинить свои прорехи и заплаты,
Ей след попроще бы искать себе палаты,
Не забираться во дворец.

Контрактов не было, так потому хитрец
Мой проявить хозяйский норов
И выгнать бедноту без дальних разговоров.
А чтобы во «дворец» не лез простой народ,
Он рослых гайдуков поставил у ворот
И наказал швейцарам:

Давать проход лишь благородным барам,
Чинам, помещикам, заводчику, купцу
И рыхлотелому духовному лицу.

Слыхали? Кончилась затея с домом скверно:
Дом рухнул. Только я проверить не успел:
Не дом ли то другой, а наш куда цел.
Что ж из того, что цел? Обвалится, наверно.

Между 18 июля и 11 августа 1912

На днях, отдавши дань «очередным делам»,
 Ушел я с головой в бумажный старый хлам:
 Пред тем как сбыть его на кухню для растопки,
 Попробовал я в нем произвести «раскопки».

И до чего был рад,
 Когда нашел пяток полузабытых басен,
 Что мною писаны «сто лет» тому назад.
 По скромности своей, конечно, я согласен,
 Что басни — не ахти какой великий клад.

И всё ж, считаясь со сроком
 И с тем, какой я «дом» тогда имел в виду,
 Вы скажете, что я в двенадцатом году

    Был недурным пророком.
 «Дом» — сами знаете: стряслась над ним беда, —
 «Хозяин» и «жильцы» из благородной кости
 Махнули кто куда,

    По большей части — к черту в гости;
 А уцелевшие, осатанев от злости,
 Досель еще чинят немало нам вреда.
 Но, вырвав все клыки из их широкой пасти,
 Мы барской сволочи вернуться снова к власти

    Уж не позволим никогда —
 Ни им самим, ни их лакеям,
 Всей «демократии» гнилой, —

Мы знаем цену всей работе их былой

    И «учредительным» затеям:
 В руке их — красный флаг, а белый — под полой.
 Глупцами лестно ли нам быть в глазах потомков?
 Быть осужденными суровым их судом?

Дом старый рушился. Но мы наш новый дом
 Не станем строить из обломков.

Мы, «черные жильцы», дадим врагам ответ:
 Как их искусные строители ни бойки,
 Но скоро убедить сумеем мы весь свет,
 Что дома лучшего не может быть и нет,
 Чем дом советской стройки.

<17 июля> 1919

ЛАПОТЬ И САПОГ

Через года полтора
Все уйдут на хутора.
Худо ль, лучше ль будет жить,
А нет охоты выходить.

*«Псковская жизнь», 1911 г., № 557.
«Деревенские частушки»*

Где в мире найдем мы пример,
подобный русской аграрной реформе?
Почему не могло бы совершиться
нечто подобное и среди тружеников
промышленного дела?

«Россия», 17/VIII 1912 г.

Над переулочком стал дождик частый крапать.

Народ — кто по дворам, кто под навес бегом.

У заводских ворот столкнулся старый лапоть

С ободренным рабочим сапогом.

«Ну что, брат-лапоть, как делишки?» —

С соседом речь завел сапог.

— «Не говори... Казнит меня за что-то бог:

Жена больна и голодны детишки...»

И сам, как видишь, тощ,

Как хвощ...»

Последние проели животишки...»

— «Что так? Аль мир тебе не захотел помочь?»

— «Не, мира не порочь.

Мир... он бы, чай, помог... Да мы-то

не миряне!»

— «Что ж? Лапти перешли в дворяне?»

— «Ох, не шути...»

Мы — хуторяне.»

— «Ахти!

На хутора пошел?! С ума ты, что ли, выжил?»

— «Почти!

От опчества себя сам сдуру отчекрыжил!

Тупая голова осилить не могла,

Куда начальство клонит.

Какая речь была: «Вас, братцы, из села

Никто не гонит.

Да мир ведь — кабала! Давно понять пора:

Кто не пойдет на хутора,

Сам счастье проворонит.

Свое тягло
Не тяжело
И не надсадно,
Рукам — легко, душе — отрадно.
Рай — не житье: в мороз — тепло,
В жару — прохладно!»
Уж так-то выходило складно.
Спервоначально нам беда и не в знатье.
Поверили. Извели житье.
Ох, будь оно неладно!
Уж я те говорю... Уж я те говорю...
Такая жизнь пришла; заранее гроб сколотил!
Кажинный день себя, ослопину, корю.
Да что?! Пропало — не воротил!
Теперь по местам по разным, брат, пойду
Похлопотать насчет способья». —
Взглянув на лапоть исподлобья,
Вздыхнул сапог: «Эхма! Ты заслужил беду.
Полна еще изрядно сору
Твоя плетеная башка.
Судьба твоя, как ни тяжка,
Тяжеле будет, знай, раз нет в тебе «душка»
Насчет отпору.
Ты пригляделся бы хоть к нам,
К рабочим сапогам.
Один у каши, брат, загинет.
А вот на нас на всех пусть петлю кто накинёт!
Уж сколько раз враги пытались толковать:
«Ох, эти сапоги! Их надо подковать!»
Пускай их говорят. А мы-то не горюем.
Один за одного мы — в воду и в огонь!
Попробуй-ка нас тронь.
Мы повоюем!»

17—18 августа 1912

КЛАРНЕТ И РОЖОК

Однажды летом
У речки, за селом, на мягком берегу
Случилось встретиться пастушьему рожку
С кларнетом.

«Здорово!» — пропищал кларнет.
— «Здорово, брат, — рожок в ответ, —
Здорово!

Как вижу — ты из городских...
Да не пойму: из бар аль из каких?»
— «Вот это ново, —

Обиделся кларнет. — Глаза вперед протри
Да лучше посмотри,

Чем задавать вопрос мне неуместный.

Кларнет я, музыкант известный.

Хоть, правда, голос мой с твоим немного схож,
Но я за свой талант в места какие вхож?!
Сказать вам, мужикам, и то войдете в страх вы.

А всё скажу, не утаю:

Под музыку мою

Танцуют, батенька, порой князья и графы!

Вот ты свою игру с моей теперь сравни:

Ведь под твою — быки с коровами одни

Хвостами машут!»

— «То так, — сказал рожок, — нам графы
не сродни.

Одначе помяни:

Когда-нибудь они

Под музыку и под мою запляшут!»

<Октябрь> 1912

РАЗМАХНУЛСЯ Б Я БАСНЕЙ ЗАДОРНОЮ...

Задержаны и арестованы три народ-
ных певца, распевающих по дворам пес-
ни революционного содержания.

Размахнулся б я басней задорною,
Распростясь на минуту с кручиною,
Да боюсь, чтобы слезы не брызнули
Под веселой личиною.

А и спел бы я, братцы, вам песенку
Обо всем, что на сердце скрывается,
Да не всякая песенка
До конца допевается.

<11 ноября> 1912

ПОЛНОПРАВНЕ

Группа студентов С.-Петербургского университета совершила экскурсию в царкосельскую тюрьму. Предполагается экскурсия в Дом предварительного заключения (в «предварилку») и в пересыльную тюрьму.

Из газет

Первокурсник Голодаев
Завопил на всю курилку:
«Чер-рт возьми, хоть экскурсантом,
А поеду в «предварилку!»
Не печалься, Голодаев!
Будь сегодня экскурсантом!
Бог поможет, будешь завтра
Полноправным... арестантом!

<13 ноября> 1912

ЭСТЕТИК

Долой политику! Да здравствует эстетика!

Из современных лозунгов

Ослу, каких теперь немало,
Наследство с неба вдруг упало.
Добро! За чем же дело стало?
Схватив что было из белья
Да платье модного покроя,
Летит на родину Илья
(Так звали нашего героя.)
«Ах! Ах! — приехавши домой,
Заахал радостно детина. —
Какая прелесть, боже мой!
Ну что за дивная картина!
Обвеян славной стариной,
Как ты прекрасен, дом родной!
Привет, почтенная руина!
В тебе живут былые дни.
Священна каждою песчинкой,
Стой, как стояла искони!

Тебя я — боже сохрани —
Чтоб изуродовал починкой!»
Избравши для жилья покой
Полуразрушенный, с пролетом,
Лишенным кровли, наш герой
Ликует, хоть его порой
То куры угостят пометом,
То сверху треснет кирпичом,
То дождь промочит. Ровным счетом
Илье все беды нипочем.
Сроднясь душой и телом с грязью,
Леча ушибы — пудрой, мазью,
Среди развалин и гнилья,
Среди припарок и косметик,
Не падал духом наш Илья.
Он был в восторге от «жилья»,
Зане — великий был эстетик!

<Ноябрь> 1912

ОНЕКУН

Такое диво в кои веки:
Совсем на днях саповник пекий
Сиротский посетил уют.
«Великолепно! Превосходно!
Ну прямо рай: тепло, уют...
Детишки — ангелы. А честь как отдают!
И маршируют?»
— «Как угодно —
По отделеньям и повзводно...»
— «Быть может, «Славься» пропоют?
Восторг! Божественно! И этому виновник?...»
Смотритель дал ответ: «Я-с и моя жена».
— «За всё вам русское мерси! — изрек
саповник. —
Такая именно нам школа и нужна,
С патриотической основой.
Я очень ваш почин ценю.
Я доложу о вас... Я в долг себе вменю...
А здесь — столовая? Доволен и столовой.
Позвольте мне меню.

Как?! — вдруг вскипел наш гость. — Молочный суп... Жаркое...

И это... это — в пост!
Черт знает что такое!
— «Ваш-сясь! Питание... Малышки... Хилый рост...
Из бедноты сиротки...
Родные померли всё больше от чахотки...
Врачи...»
— «Врачи нахально врут!
Не допущу потворства!
С поста не мрут,
А мрут — с обжорства!»

«Ведь этакий вандал!» —
Иной читатель скажет гневно.
А я б опекуна такого оправдал:
Ведь он от голоду ни разу не страдал,
А от обжорства — ежедневно!

<Декабрь> 1912

БУНТУЮЩИЕ ЗАЙЦЫ

Взбежавши на пригорок,
Зайчишек тридцать — сорок
Устроили совет.
«Житья нам, братцы, нет».
«Беда. Хоть с мосту в воду».
«Добудемте права!»
«Умремте за свободу!»

.....

От смелых слов у всех кружилась голова.
Но только рядышком шелохнулась трава,
Как первый, кто кричал: «За волю в землю лягу!» —
С пригорка задал тягу.
За ним все зайцы, кто куда,
Айда!

Зайчиха с зайницей под кустиком сидела.
«Охти мне, без тебя уж стала тосковать,
Ждала тебя, ждала: глаза все проглядела.
Договорились, что ль, в Совете вы до дела?»
— «Договорилися. Решили бунтовать!»

О бунте заячьем пошли повсюду толки.
    Не говоря уж о лисе,
Теперь поди хвосты поджали звери все, —
    А больше всех, понятно, волки?!

1912

•ПОМИНКИ•

Салтыков, Гончаров и Чернышевский
называли меня лучшим писателем
моего времени.

Иер. Ясинский

Иероним Ясинский, по слухам,
пишет литературные воспоминания.

Однажды в час, когда дню знойному на смену
Сошла на землю ночь, — в пустыне встретил Барс
Проклятую могильщицу Гиену.
    «Куда ты?» — молвил Барс.
    — «Да на кладбище в Тарс! —
    Ответила Гиена без заминки. —
    Ведь там, голубчик, у меня
    Вся похоронена... родня,
Так хочется по ней устроить мне... поминки!»

Когда, о господи, мне пресечешь ты дни
И отпоет меня смиренный поп иль инок,
    Мой прах — молю я — сохрани
    От этакой родни
    И от таких поминок!

1912

СВЕЧА

«Хозяин! Пантелей Ильич! Гляди-ко...
Волга...

Взбесилась, видит бог. И потонуть недолго.

А не потонем — всё равно

Водой промочит всё зерно».

Приказчик мечется, хлопочет.

А Пантелей Ильич, уставя в небо взор,

Дрожащим голосом бормочет:

«Святители! Разор!

Чины небесные, арханделы и власти!

Спасите от лихой напасти!

Я добрым делом отплачу...

Сведу в лампадах пуд елею...

Под первый праздничек свечу

Вот с эту мачту закачу...

И сотельной не пожалею!»

То слыша, говорит приказчик Пантелею:

«Ты это что ж, Ильич? Про мачту-то... всурьез?

Да где же ты свечу такую раздобудешь?»

— «Молчи, дурак, — умнее будешь! —

Хозяин отвечал сквозь слез. —

Дай только вымолить скорей у неба жалость,

Чтоб я с моим добром остался невредим, —

А там насчет свечи мы после... поглядим...

Укоротим, пожалуй, малость!»

Читатель, за вопрос нескромный извини:

Скажи, ты помнишь ли те дни,

Когда везде толпы народа

Гудели, как шмели

У меда:

«Свобода!»

«Свобода!» —

А дела до конца не довели.

На радостях, забыв о старом,

Обмякли перед вольным даром.

Читатель, ежели ты один из тех шмелей,

Сам на себя пеняй и сам себя жалея, —

А мне тебя не жаль. Польстившись на подарок,
Что заслужил, то получи:
Заместо сотенной свечи —
Копеечный огарок.

<Февраль> 1913

МОЯ МОЛИТВА

Благодарю тебя, создатель,
Что я не плут и не предатель,
Не душегуб, не идиот,
Не заскорузлый патриот.
Благодарю тебя, спаситель,
Что дан мне верный «охранитель»
На всех путях, во всех местах,
Что для меня всегда в *Крестах*
Готова тихая обитель.

<Апрель> 1913

УРОЖАЙ

Как у попа Ипата
Не борода — лопата.
Расправивши ее оплывшею рукой,
Печальных мужиков намедни
В конце обедни
Поп речью потчевал такой:
«Ох, вижу: в помыслах мирских погрязли все вы.
Не богомольцы вы весной.
Все только думки про посевы:
А не побил бы град, а не спалил бы зной.
Почто мятетесь и плачетесь вскую?
Бог видит вашу скорбь и всю нужду людскую,
Казня и милуя нас, грешных, поделом.
Не судьи мы господней воле.
Идите же со мною в поле, —
На всходах отпоем молебен всем селом.
И ущедрит вас бог зерном по вашей вере,

И будет хорошо приходу и попу.
С вас много ль надо мне: с копенки по снопу,
Аль с закрома по мере».

Читатель, не мудри и зря не возражай.
Поп линию свою ведет примерно:
Помолится, и будет урожай —
У мужиков? Бог весть! А у попа — наверно.

<Май> 1913

ПРЕДПРАЗДНИЧНОЕ

Полиция не позволяла говорить за продолжение стачки и одного говорившего рабочего стащила за ногу с трибуны.

Из письма рабочего

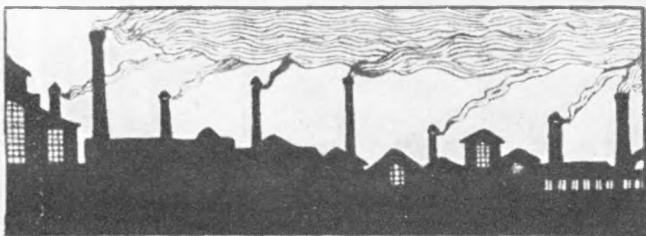
Хозяин потчует под праздник батраков:
«Я, братцы, не таков,
Чтоб заговаривать вам зубы.
Судьбину вашу — кхе! — я чувствую вполне...
Кому по рюмочке?»
— «Да что ж? Хотя бы мне», —
Илья облизывает губы.
— «Кто, други, по второй?»
— «Да я ж и по второй!»
— «Ребята! Аль к вину мне подгонять вас плетью?
Ну, кто по третьей? А?.. Раздуло б вас горой...»
— «Да я ж! — крихтит Илья. — Как третью, так
и третью». —
— «А как же с праздничком?.. Пропаший, значит,
день?
Аль потрудились бы... кому из вас не лень», —
Вздыхнув, умильно речь повел хозяин снова.
«Что ж, братцы, — батракам тут подмигнул
Илья, —
Всё я да я!
А вы — ни слова!»

Демякъ Бѣдный.

БАСНИ.

Обложка первой книги Д. Бедного. 1913 г.

Нет, не совсем-то так. Ответ, я знаю, был.
    Ответ такой, что наш хозяин взвыл.
И я бы повторить его не прочь, ей-богу,
    Но... кто-то дергает за ногу!

<8 июня> 1913

ДОМА

    Так много слов —
    И мало дела.
Меж тем уж Дума поредела:
Не наберешь двухсот голов,
    А было триста.
О, Дума! Точно ковш прогорклого вина,
    И не хмельна
    Она
    И не игриста.

Вот басенка еще про октябриста.

Жена звала: «Мишель! Весна!»
(Причина, кажется, ясна?)
Подобно многим депутатам,
Махнув рукой на «вермишель»,
    Летит Мишель
    К родным пенатам.
В вагоне душно. Думать лень.
Колышет ласково пружина.
Как сон, мелькнул в дороге день.
    Под вечер — стоп, машина!
«Но-силь-щик!.. А, вот мой Антон!..»
Уселся барин в фаэтон.
Дорога ровная к поместью.
Айда — поехали честь честью.
«Ну что, брат? Как твои дела?» —
Не доезжая до села,
Антон спрашивает барин.
«Премного вами благодарен! —
Кряхтит Антон. — Дела какие?..
Вот всё толкуют мужики...»

— «Про что?»
— «Про всякое толкуют.
Едва получатся листки...»
— «Листки?!»
— «Газетки... Распакуют
И судят вслух... про то да се...
Про Думу, значит, и про всё...
Твои вот речи... обсуждали...»
— «И... и... и что ж?»
— «Тебя все ждали...
И посегодня, стало, ждут.
Да вон они, никак, идут!
Приметишь дядю Евстигнея?..»
— «Э... э... Антон!.. Послушай, брат...
Попридержи коней! — бледнея,
Забормотал наш депутат. —
Я мужикам... я... очень рад...
Да что ж ты стал? Живее трогай!
Объедем их другой дорогой!!»

<Июнь> 1913

ХОЗЯИН

Заводчик с книжечкой застал однажды внука:
«А ну-ка, миленький, а ну-ка,
Что говорит твоя хваленая наука?»
— «Да вот... рассказ про паука».
— «Ась? — екнуло у старика. —
Паук?.. Ну, что же он, к примеру?»
— «Вишь, сам-от мал, а ест не в меру.
Добро, что нет средь пауков
В рост человечий великанов:
Такой паук бы съел в день дюжину быков
И дюжину баранов».
— «Ух! — захлебнулся старичок. —
Ай, божья тварь! Ай, паучок!
Приновился б, чай, подлец, да наловчился,
Уж то-то бы... хозяин получился».

<23 июля> 1913

КЛОП

Жил-был на свете клоп. И жил мужик Панкрат.
Вот как-то довелось им встретиться случайно.

Клоп рад был встрече чрезвычайно,

Панкрат — не слишком рад.

А надо вам сказать: судьба свела их вместе,

Не помню точно — где,

Не то в суде,

Не то в присутственном каком-то важном месте.

Кругом — чины да знать. Нарядная толпа

Изнемогает в кривотолках.

Панкрат и без того сидел как на иголках, —

А тут нелегкая несет еще клопа!

Взобравшись ловко по обоям

К Панкрату на рукав, клоп таким героем

Уселся на руку и шарит хоботком.

От злости наш Панкрат позеленел весь даже:

«Ах, черт, и ты туда же

Кормиться мужиком!» —

И со всего размаху

Хлоп дядя по клопу свободною рукой.

Мир праху

И вечный упокой!

Читатель, отзовись: не помер ты со страху?

А я — ни жив ни мертв. Наморщив потный лоб,

Сижу, ужасною догадкой потрясенный:

Ну что, как этот клоп —

Казенный?!

<Июль> 1913

• ГАЗЕТА-КОПЕЙКА •

Содержание номера

Билет

Варшавской лотереи,

Жилет,

Лакейских две ливреи,

Чулки,

Бумажные ботинки,
Брелки,
Секретные картинки,
«Эффект!» —
Мазь для особых целей,
Комплект
Резиновых изделий,
Одна
Продажная идеяка.
Цена
За весь товар — копейка!
<11 августа> 1913

ЕРШИ И ВЬЮНЫ

Слоняся без дела
В реке средь камышей,
Компания вьюнов случайно налетела
На общий сбор ершей.
(«Случайно», говорю, а может — «не случайно»?)
Ерши решали тайно,
Как им со щукою вести дальнейший бой?
Каких товарищей избрать в совет ершиный
Для руководства всей борьбой
И управления общиной?
Достойных выбрали. «Все любы вам аль нет?»
— «Все любы!» — «Все!» — «Проголосуем».
— «Согласны, что и подписуем».
— «Позвольте! Как же так? Уж утвержден совет? —
Пищит какой-то вьюн. — Да я ж не подписался!»
— «Ты к нам откуда притесался? —
Кричат ерши. —
Не шебарши!»
— «Чего — не шебарши? Вьюны, чай, тоже рыбы.
Вы на собрание и нас позвать могли бы.
Есть промеж нас, вьюнов, почище вас умы.
Со щукой боремся и мы».
— «Вы?!» — «Чем напрасно горячиться
Да подыматься на дыбы,
Вам у вьюнов бы поучиться
Культурным способам борьбы».

— «Каким?» — «Сноровке и терпению.
Уметь мелькнуть неслышной тенью,
Где попросить, где погрозить,
Где аргументом поразить, —
Зря не казать своих колючек.
Колючки — это уж старо!»

— «Постой! Наплел ты закорючек.
Да у вьюнов-то есть перо?»
— «Есть». — «Без колючек всё?» — «Вестимо». —
«Тогда... плывите, братцы, мимо!»

Между 30 августа и 4 сентября 1913

«СОВРЕМЕНКА»

Пред «Речью»-маменькой — невинная кадетка,
Перед рабочими — жеманница, кокетка,
Призывно-ласково юлит, юлит, юлит, —
Да мама не велит!

<7 сентября> 1913

ЦЕНЗОР

Цензурный некий генерал
(Спешу отъехать на прибавке,
Что генерал давно в отставке)
С великой жалостью взирал
На вислоухого сынишку,
Уткнувшегося в книжку.
«Что? Тяжело поди, сынок?
Да, брат, ученье — не забава;
Про что урок?»
— «Про князя Ярослава...
О «Русской правде»...»
— «Что?.. Ахти!
Тогда уж «Правду» издавали?!
А что? не сказано — почти, —

За что ее конфисковали?
И как прихлопнули? Когда?
Судом? Аль без суда?»

Ох, по спине ползут мурашки.
Нам с этим цензором беда:
Столкнется с «Правдою труда»,
Так далеко ли до кондрашки!

<12 сентября> 1913

БЕСЫ

К Холуйским¹ мужикам пришло издалека
Письмо Максима, земляка
(Бедняга, числяся в «смутьянах»,
Спасал живот в заморских странах).
Письмо гласило так: «Писал я вам не раз
Об удивления достойном
Иконном мастере, Феодоре покойном.
Уж подлинно, что был на редкость богомаз;
Ну прямо, так сказать, светило:
Я не видал ни в ком такого мастерства.
Но от икон его, их сути-естества
Меня всегда мутило.
Сиди три года, разбирай:
Что это у него? По надписанью — «Рай»,
А бесы лезут отовсюду.
Без беса обойтись не мог он никогда.
Про «Ад» и говорить не буду.
Да не в чертях беда, —
Беда, что дьявольские рожи,
По злему умыслу покойника, похожи
На тех, кому б должна молиться слобода,
На тех, кто в черные года
За угнетенный люд терпел позор, глумленье,
Ложился под топор и шел на поселенье.
А нынче слух идет, что сделать их хотят

---

¹ Слобода Холуй, Суздальского уезда — центр кустарной иконописи.

Потехой уличных ребят,
 Что слободские скоморохи,
 Лишась последней крохи
 И смысла и стыда,
 Не разобравши — что куда,
 Ища занятости в зазорных небылицах,
 Хотят изобразить всю «чертовщину» в лицах.
 Что ж это?! — Не бранясь пишу и не грозя:
 Стыдитесь! Пошлости такой терпеть нельзя!»
 Чрез день-другой письмо Максимово гуляет
 По всей по слободе.
 «Прав парень аль неправ, — заспорили везде, —
 Что дядю Федора он этак охуляет?»
 Но надо как-никак Максиму дать ответ.
 И вот сошелся на совет
 Десяток богомазов местных,
 Всей слободе известных.
 «Максим нам, братцы, не указ!» —
 Решил так первый богомаз.
 «М-да, — промычал второй, — пришлось бы всем
 нам скверно,
 Будь у Максима власть».
 «Видать, что был бы яр».
 «Из наших бы икон костер сложил, наверно».
 «Что взять с него? Простой маляр».
 «Картинки не дал без изъяна:
 Что ни лицо, то облизьяна».
 «А дядю Федора поносит так и сяк».
 «Зазнался».
 «Сказано: босяк».
 «Хе-хе! А лез в «передовые».
 «Ему б давно в городовые!»
 . . . . .

Всех выкриков не перечеть.
 Мужик на слово щедр, тем более — в обиде.
 Облает в лучшем виде.
 «Биржевку» лучше б вам, друзья мои, прочеть:
 Там жестоко Максим ославлен,
 Там на него поход объявлен,
 Там собран боевой народ.

Ясинский — главный коновод.
Забыли козырнуть, а надо бы для «форса» —
«Профессором» из Гельсингфорса.
<Октябрь> 1913

ДРУЗЬЯМ

Восходит день... И как там дальше?
Не мастер я по части од.
Не выношу нарядной фальши,
Хотя б и с маркою свобод.
У одописцев — ну их к богу —
Рассудок с сердцем не в ладу.
Авось без вымыслов дорогу
Я к сердцу вашему найду.
И вряд ли кто меня осудит
И горький мне пошлет упрек.
Не говорю я — «дня не будет»,
Но говорю, что «день далек».
Утешен сказкою обманной
Тот, кто свободу жадно «ждет»:
Она — увы! — небесной манной
Сама собой не упадет.
Все, кто в тоске о сроке скором
Готов проклятья слать судьбе,
Все обратитесь с укором
К самим себе, к самим себе.
Вы, вы творцы свободной доли,
«Судьбу» куете вы одни.
От ваших сил и вашей воли
Зависят сроки все и дни.
От вас зависит: пить отраву
Иль гнать трусливую ораву
Тех, кто лукаво вам твердит:
«Порыв несдержанный вредит,
А — полегоньку, понемножку,
Мы, глядь, и выйдем на дорожку».

Да, говорю я, день далек.
Но пусть не робкий уголек,
Пусть ваше слово будет — пламя

Огня, горящего в груди,
Пусть, развернувшись, ваше знамя
Зареет гордо впереди,
Пусть гневом вспыхнут ваши очи
И с лиц сойдет унынья тень,
Тогда скажу я: нет уж ночи,
Восходит день!

<Ноябрь> 1913

РАЗНАЯ МЕРА

Перевод с итальянского

Донна Счегло делля Вита
Вся зарделася от спора:
«Пьют ли кровь жида? О боже!..
Да, синьора! Пьют, синьора!»

Отвечала донне гостья,
Зажимая крепко уши:
«Но, мой друг, в двадцатом веке
Можно ль верить этой чуши?»

— «Чушь?! А тысячи свидетельств!
А поимка изувера,
Чье злодейство нам раскрыла
Донна Вера дель Чибера!»

Отвечала донне гостья,
Усмехнувшись лукаво:
«Но... о донне дель Чибера
Говорят такое, право...
Будто это — злая ведьма,
И ее лихая свита...»
— «Что? — сказала возмущенно
Донна Счегло делля Вита. —

Злая ведьма?.. Ах, синьора!..
О почтенном человеке!..
Как не стыдно эти бредни
Повторять... в двадцатом веке!!!»

1913

НАКАЗ

В непроезжей, в непролазной
В деревушке *Недородной*
Жил да был учитель сельский,
С темнотой борясь народной.

С темнотой борясь народной,
Он с бедой народной сжился:
Каждый день вставал голодный
И голодный спать ложился.

Но душа его горела
Верой бодрой и живою.
Весь ушел учитель в дело,
С головою, с головою.

Целый день средь ребятишек
Он ходил, худой и длинный.
Целый день гудела школа,
Точно рой живой, пчелиный.

Уж не раз урядник тучный,
Шаг замедлив перед школой,
Хмыкал: «Вишь ты... шум... научный...
А учитель-то... с крамолой!»

Уж не раз косил на школу
Поп Аггей глазок тревожный:
«Ох, пошел какой учитель...
Всё-то дерзкий... всё безбожный!..»

Приезжал инспектор как-то
И остался всем доволен,
У учителя справлялся:
Не устал он? Может, болен?

Был так ласков и любезен,
Проявил большую жалость,
Заглянул к нему в каморку,
В сундучке порылся малость.

Чрез неделю взвыл учитель —
Из уезда предписание:
«Обнаружив упущенья,
Переводим в наказанье».

Горемыка, распростившись
С ребятишками и школой,
С новым жаром прилепился
К детворе деревни *Голой*.

Но, увы, в деревне *Голой*,
Не успев пробить полгода,
Был он снова удостоен
Перевода, перевода.

Перевод за переводом,
Третий раз, четвертый, пятый. . .
Закручинился учитель:
«Эх ты, жребий мой проклятый!»

Изнуренный весь и бледный,
Заостренный, как иголка,
Стал похож учитель бедный
На затравленного волка.

Злобной, горькою усмешкой
Стал кривить он чаще губы:
«Загоняют. . . доконают. . .
Доконают, душегубы!»

Вдруг негаданно-нежданно
Он воскрес, душой воспрянул,
Будто солнца луч веселый
На него сквозь туч проглянул.

Питер! Пышная столица!
Там на святках на свободных
— Сон чудесный! — состоится
Съезд наставников народных.

Доброй вестью упоенный,
Наш бедняк глядит героем:
«Всей семьей объединенной
Наше горе мы раскроем.

Наше горе, наши муки,
Беспросветное мытарство. . .
Ко всему приложим руки!
Для всего найдем лекарство!»

На желанную поездку
Сберегая грош последний,
Всем друзьям совал повестку,
С ней слетал в уезд соседний.

В возбужденье чрезвычайном
Собрались учительшки,
На собрании на тайном
Обсудили все делишки:

«Стой на правом деле твердо!»
— «Не сморгни, где надо, глазом!»
Мчит герой наш в Питер гордо
С поручительным Наказом.

Вот он в Питере. С вокзала
Мчит по адресу стрелюю.
Средь огромнейшего зала
Стал с Наказом под полою.

Смотрит: слева, справа, всюду
Пиджаки, косоворотки. . .
У доверчивого люда
Разговор простой, короткий.

«Вы откуда?» — «Из Ирбита».
— «Как у вас?» — «Да уж известно!»
Глядь — душа уж вся открыта,
Будто жили век совместно!

Началось заседапье.
И на нового соседа
Наш земляк глядит с улыбкой:
Экий, дескать, непоседа!

Повернется, обернется,
Крякнет, спросит, переспросит, —
Ухмыляется, смеется,
Что-то в книжечку заносит.

Франтоват, но не с излишком,
Рукава не в рост, кургузы,
Под гороховым пальтишком
Темно-синие рейтузы.

Тараторит: «Из Ирбита?
Оч-чень р-рад знакомству с вами!»
И засыпал, и засыпал
Крючковатыми словами:

«Что? Наказ? . . Так вы с Наказом? . .
Единение? . . Союзы? . .
Оч-чень р-рад знакомству с вами! —
Распиналися рейтузы. —

Мил-лый! Как? Вы — без приюта? . .
Но, ей-богу. . . вот ведь кстати!
Тут ко мне. . . одна минута. . .
Дело всё в одной кровати. . .»

Не лукавил «друг-приятель»,
«Приютил» он друга чудно.
Где? — Я думаю, читатель,
Угадать не так уж трудно.

Съезд. . . Сановный покровитель. . .
Встречи. . . Речи. . . Протоколы. . .
Ах, один ли наш учитель
Не увидел больше школы!

Январь 1914

У МОГИЛЫ ТАРАСА ШЕВЧЕНКО

I

КАК НАПИСАЛ ОБ ЭТОМ
ЧЕРНОСОТЕННЫЙ СОТРУДНИК «НОВОГО ВРЕМЕНИ».

«Не народная ли это тропа, — мнилось мне, — не за-
растающая травой?» И я спросил пастуха:

— Кто здесь так много дорожек понаделал?

— Та то свині, паничку.

«Новое время», 11 февраля 1914 г.

II

КАК ЭТО БЫЛО В ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Черносотенец

«Ре-ве тай стог-не Дніпр ши-ро-кий...»

Вранье. Речушка — так, без этих всех прикрас.

А там, наверное, лежит и сам Тарас,

Где крест маячит одинокий.

Кого бы мне спросить? Ба, вон идет пастух.

Здорово, дедушка! Как звать тебя?

П а с т у х

Явтух.

Черносотенец

Явтух? Уж старый ты да хилый.

Чай, пастухом давно ты, милый?

П а с т у х

Та, пане, змаличку.¹

Черносотенец

Послушай, старина:

Ты знаешь хорошо, чья на холме могила?

П а с т у х

А покарай нечиста сила

Всіх, хто її не зна!

---

¹ Смалолетства (укр.). — Ред.

Могилу батькову чи то ж не гріх не знати.
Це ж він тут спочива¹ добродій² наш, кого
Замучили пани-магнати,
Хто бідував³ за нас в кайданах⁴...

Черносотенец
О-го-го!

Пастух
Ого ж! Огойкайте, бо нігде правду діти.
То гарно⁵ знаєте й самі.

Черносотенец
Ого! Недурно, черт возьми!
С тобою, простота, мне спорить неудобно.
Хотя полезно бы тебе про Кобзаря
Кой-что узнать подробно.
Тогда бы понял ты, что зря
Его рисуют великаном.

Пастух
Як величать? Не був він паном!

Черносотенец
Развратник! Пьяница! Хлестал вино стаканом...

Пастух
Не з радощів.⁶

Черносотенец
Не читил ни бога, ни царя,
Наплел о воле вздору ворох.
Внушал разнузданность и непокорный дух...
Ну, что же ты примолк, Явтух?

Пастух
Мовчу. Бо що казать? Хіба ж собі я ворог?

---

¹ Покоится (укр.). — *Ред.*

² Благодетель (укр.). — *Ред.*

³ Мучился (укр.). — *Ред.*

⁴ В цепях (укр.). — *Ред.*

⁵ Хорошо (укр.). — *Ред.*

⁶ Не на радостях (укр.). — *Ред.*

Черносотенец

Забытый холм. Вранье, что он кому-то дорог,
Но всё же странно. . . не пойму:
Тропинок столько кем протоптано к нему?
Есть дурни всё-таки. . . коль не назвать похуже? . .

П а с т у х

Эх, пане, бачу я, що ви розумні дуже.
Над чім глумуетесь? А сива голова.
Не дурні, рідний люд того не забува,
Хто спочива
Тут в домовині.¹
Идуть люде, моляця. Хоть иноді бува:
Заміст людей сюди якісь лізуть. . . свині!

Между 11 и 28 февраля 1914

ОБРЕЧЕННЫЕ

Устроив мстительный локаут,
Они слетелися на шумный пьяный раут.
Но страха им — увы! — не утопить в вище.
И жутко, жутко им, — и от стены к стене
Они по залам освещенным
Шагают с видом обреченным:
Их мысли робкие холодный страх сковал, —
Идет, им чудится, идет последний вал!

<22 марта> 1914

ДИВО ДИВНОЕ

Сказка

Ну, вот:
Жил-был мужик Федот —
«Пустой живот».
Недаром прозвищем таким он прозывался.
Как черный вол, весь век

---

¹ В гробу (укр.). — *Ред.*

Трудился человек,
 А всё, как голым был, так голым оставался —
 Ни на себе, ни на жене!
 Нет к счастью, хоть ты что, для мужика подходу.
 Нужда крепчала год от году
 И наконец совсем Федотушку к стене
 Прижала так — хоть с моста в воду.
 Ну, хоть живым ложися в гроб!
 «Весна-то... Вёдрышко!.. И этаку погоду
 Да прогулять?! — стонал несчастный хлебороб,
 Руками стиснув жаркий лоб. —
 Святитель Миколай! Мать пресвятая дева,
 Избави от лихой беды!»
 У мужика зерна не то что для посева,
 Но горсти не было давно уж для еды.
 Затосковал Федот. Здоровье стало хуже.
 Но, явно та́я с каждым днем,
 Мужик, стянув живот ремнем
 Потуже,
 Решил говеть. Пока говел —
 Не ел,
 И, отговевши,
 Сидел не евши.
 «Охти, беда! Охти, беда! —
 Кряхтел Федот. — Как быть? И жить-то неохота!»
 А через день-другой и след простыл Федота:
 Ушел неведомо куда!
 Федотиха, в слезах от горя и стыда,
 Сама себя кляла и всячески ругала,
 Что, дескать, мужа проморгала.
 А муж,
 Сумев уйти тайком от бабы,
 Не разбирая вешних луж,
 Через ямы, рытвины, ухабы,
 По пахоти, по целине
 Шагал к неведомой стране, —
 Ну, если не к стране, то, скажем, так куда-то,
 Где люди, мол, живут и сыто и богато,
 Где всё, чего ни спросишь, есть,
 Где мужику дадут... поесть!
 Худой да легкий с голодовки,
 Федот шагал без остановки,

Порой почти бежал бегом,
А как опомнился уж к ночи,
Стал протирать в испуге очи:
Дождь, ветер, а кругом... дремучий лес кругом.
Искать — туда, сюда... Ни признаку дороги.
От устали Федот едва волочит ноги;
Уж мысль была присесть на первый же пенек, —
Ан только в поисках пенька он кинул взглядом,
Ни дать ни взять — избушка рядом.
В окне маячит огонек.
Кой-как нащупав дверь, обитую рогожей,
Федот вошел в избу.
«Здорово, землячок! —
Федота встретил так хозяин-старичок. —
Присядь. Устал, поди, пригожий?
Чай, издалёка держишь путь?»
— «Из Гслодаевки».
— «Деревня мне знакома.
Рад гостю. Раздевайсь».
— «Мне малость бы соснуть».
— «Располагайся, брат, как дома.
А только что я спать не евши не ложусь.
Ты как на этот счет?»
— «Я... что ж? Не откажусь!..»
— «Добро. Мой руки-то. Водица у окошка».
«Ну, — думает Федот, — хороший хлебосол:
Зовет за стол,
А на столе, гляди, хотя бы хлеба крошка!»
«Умылся? — между тем хлопчет старичок. —
Теперь садись да знай: молчок!»
А сам захлопотал: «А нутка. Диво, Диво!
Входи в избушку живо,
Секися да рубися,
В горшок само ложися,
Упарься,
Прижарься,
Взрумьянься на огне
И подавайся мне!»
В избу, гагакнувши за дверью,
Вбежало Диво — гусь по перью.
Вздул огонечек гусь в золе,
Сам кипятком себя ошпарил,

В огне как следует поджарил
 И очутился на столе.
 «Ешь! — говорит старик Федоту. —
 Люблю попотчевать гостей.
 Ешь, наедайся, брат, в охоту, —
 Но только, чур, не трожь костей!»
 Упрашивать себя мужик наш не заставил:
 Съел гуся начисто, лишь косточки оставил.
 Встал, отдуваясь:
 «Фу-фу! Век так не едал!»
 А дед опять захлопотал:
 «Ну, кости, кости, собирайтесь
 И убирайтесь!»
 Глядь, уж и нет костей: как был, и жив и цел,
 Гусь со стола слетел.
 «Эх! — крикнул тут Федот, увидя штуку эту. —
 Цены такому гусю нету!»
 — «Не покупал, — сказал старик, — не продаю:
 Хорошим людям так даю.
 Коль Диво нравится, бери себе на счастье!»
 — «Да батюшка ж ты мой! Да благодетель мой!»
 На радостях, забыв про ночь и про ненастье,
 Федот с подарком под полой,
 Что было ног, помчал домой.
 Примчал.
 «Ну что, жена? Здорова?»
 И, молвить ей не давши слова,
 За стол скорее усадил,
 Мяском гусиным угостил
 И Диво жить заставил снова.
 Вся охмелевши от мясного,
 «Ахти!» — раскрыла баба рот,
 Глядит, глазам своим не веря.
 Смеется радостно Федот:
 «Не голодать уж нам теперя!»

Поживши на мясном денька примерно два,
 И телом и душой Федот совсем воспрянул.
 Вот в лес на третий день ушел он по дрова.
 А следом поп во двор к Федотихе нагрянул:
 «Слыхали!.. Как же!.. Да!.. Пошла везде молва
 Про ваше Диво.

Из-за него-де нерадиво
 Блюсти ты стала с мужем пост.
 Как?! Я... отец ваш... я... молюсь о вас, пекуся,
 А вы — скоромиться?!» Тут, увидавши гуся,
 Поп цап его за хвост!
 Ан руки-то к хвосту и приросли у бати.
 «Постой, отец! Постой!
 Ведь гусь-то не простой!»
 Помещик, глядь, бежит соседний, сам не свой:
 «Вцепился в гуся ты нехстати:
 Хоть у деревни справься всей, —
 Гусь этот — из моих гусей!»
 — «Сей гусь?!»
 — «Вот — сей!!»
 — «Врешь! По какому это праву?»
 Дав сгоряча тут волю нраву,
 Помещик наш отца Варнаву
 За бороденку — хватить!
 Ан рук уже не оторвать.
 «Иван Перфильич! Вы — забавник! —
 Где ни возьмися, сам исправник: —
 Тут дело ясное вполне:
 Принадлежит сей гусь казне!»
 — «Гусями вы еще не брали! . . .»
 — «В казну!»
 — «В казну! кому б вы ввали
 Другому, только бы не мне!»
 Исправник взвыл:
 «Нахал! Вы — грубы!
 Я — дворянин, прошу понять!» —
 И кулаком нахала в зубы.
 Ан кулака уж не отнять.
 Кричал помещик, поп, исправник — все охрипли,
 На крик охотников других несло, несло. . .
 И все один к другому липли.
 Гагакал дивный гусь, а жадных душ число
 Росло, росло росло. . .
 Огромный хвост людей за Дивом
 Тянулся по горам, пескам, лесам и нивам.
 Весна испортилась, ударил вновь мороз,
 А страшный хвост у дивной птицы
 Всё рос да рос.

И, бают, вот уж он почти что у столицы.

Событья, стало быть, какие у дверей!

Подумать — обольешься потом.

Чем всё б ни кончилось, но только бы скорей!

Федот!! Ну, где Федот?.. Всё дело за Федотом!!

<9 апреля> 1914

Конец был сказки очень прост.

Самою жизнью нам досказан он правдиво:

Федот, вернувшись и вызволяя Диво,

Как зверь, набросился на мироедский хвост.

Хоть жадной сволочи порядочно влетело,

Но как окончится всё дело,

Покамест трудно угадать.

Вся свора злобная еще весьма ретива.

Держись, Федотушка! Без Дива

Тебе равно ведь пропадать!

Федотушка, держись! Не заражайся страхом

Ни пред хлыстом, ни пред крестом!

Знай: всё, чем жизнь твоя красна, пойдет всё прахом,

Коль не расправишься ты начисто с хвостом.

1918

•СКАКУН•

Изолирование правительства —
наш новый боевой лозунг.

«Речь»

«Не веришь?» Мужику смышленому Назару

Маклак навязывал безногого коня:

«Не веришь? Черт с тобой! Шатайся по базару

Хоть три, четыре дня,

А купишь — у меня!

Ведь это что за конь? Не сглазили б! Красавец!

Тп-р-р-у, не играй, мерзавец!

Ведь это что за конь?!

Огонь!

Без сбою, без спотычки!

Скакун! Садись, — лети!

Ах-ти!

Не сковырнися без привычки!

Бери. Добра тебе желаю: всем пригож,

Всем вышел конь — с хвоста до холки!»

— «Добра? — вздохнул Назар: — Дай бог тебе

того ж!

Чтоб, значит, за тобой гнались стаей волки,

А ты бы удирал от них на скакуне

Таком вот, как теперь всучить желаешь мне!»

Кадеты, позабыв о многом,

О чем не след бы забывать,

Теперь на лозунге безногом

Пустились гарцевать

И нам его всучить пытаются упорно, —

Благодарим покорно!

<15 апреля> 1914

МАЙ

Подмяв под голову пеньку,

Рад первомайскому деньку,

Батрак Лука дремал на солнцепеке.

«Лука, — будил его хозяин, — а Лука!

Ты что ж? Всерьез? Аль так, валяешь дурака?

С чего те вздумалось валяться, лежебока?

Ну, полежал и будет. Ась?

Молчишь. Оглох ты, что ли!

Ой, парень, взял себе ты, вижу, много воли.

Ты думаешь, что я не подглядел вчерась,

Какую прятал ты листовку?

Опять из города! Опять про забастовку?

Всё голь фабричная. . . У, распроклятый сброд. . .

Деревня им нужна. . . Мутить простой народ. . .

«Ма-ев-ка!» Знаем мы маевку.

За что я к пасхе-то купил тебе поддевку?

За что? . . . Эх, брат Лука! . . .

Эх, милый, не дури. . . Одумайся. . . пока. . .

Добром прошу. . . Потом уже не жди поблажки. . .

Попробуешь, скотина, каталажки!

До стражника подать рукой!»
Тут что-то сделалось с Лукой.
Вскочил, побагровел. Глаза горят, как свечи.
«Хозяин! — вымолвил. — Запомни. . . этот — май! . . . —
И, сжавши кулаки и разминая плечи,
Прибавил яростно: — Слышь? Лучше не замай!!»
Апрель 1914

НЕВЫНОСИМАЯ БРАНЬ

(Вниманию Общества покровительства животных)

В главный «обновленный» совет
Союза русского народа поступило
недавно донесение от бессарабского
губернского отдела Союза, сообщаю-
щего, что кучера коночных вагонов
города Аккермана, понукая лошадей,
называют их «Пуришкевич», «Кру-
шеван», «Марков» и т. д.

Из газет

«Н-но, Марков, гром тебя убей! . .
Но, Пуришкевич! Но, злодей! . .»

Ненадобно большой догадки,
Тут явно пройдена всех оскорблений грань,
И терпят злую брань
Не «патревоты» же конечно, а лошадки.
<27 июня> 1914

ПОЧЕМУ?

Русский хлеб — хороший хлеб.
Народный хлеб.

«Новое время», 4 июня 1914 г.

«Хороший хлеб! Народный хлеб!»
Не потому ли хлеб «народный»,
Что странной волею судеб
Народ весь век сидит. . . голодный?!

Июнь 1914

ПУШКА И СОХА

Увидевши соху, «Послушай-ка, старушка, —
Сказала пушка, —
Аль ты глуха?
Я тут гремлю весь день, а ты и не слыхала?
Ты что ж тут делала — ха-ха?»
— «Пахала, — молвила соха, —
Пахала».
— «Пахала? Что ты! Не смехи.
Работать для кого? Ведь ни одной души
Не сыщется живой в разбитой деревушке.
Так что ж тебе теперь осталось? Отдыхать?!»
— «Пахать, — соха сказала пушке, —
Пахать! . . .»

На ниве брошенной, среди камней и терний,
Не прерывая борозды,
Друзья, работайте от утренней звезды —
И до вечерней!
Ваш мирный подвиг свят и нет его безмерней.
Под грохот пушечный, в бою, в огне, в аду
Я думаю о вас, чей путь простерся в вечность.
Привет мой пахарям, борцам за человечность!
Привет мой мирному — культурному труду!

*Август 1914
Под Люблином*

УСЫ ДА БОРОДА

Сказка

У кузнеца, у дедушки Филата,
Был двор и хата,
А в хате на стене —
Портрет, а чей портрет — не угадать в три года:
То ль в бричке поп, то ль воевода
На вороном коне,
То ль . . . как-нибудь потом скажу наедине.
Ну, словом, кто-то был когда-то намалеван,
Да после дедом так заплеван,
Что от лица почти не стало и следа:

Едва виднелися усы да борода!
 У деда был такой обычай постоянный:
 К портрету подойдет и — тьфу ему в глаза!
 «Тьфу, разрази тебя гроза!
 Тьфу, сатана ты окаянный!»
 Случилось — сатана всё это увидал,
 И стало так ему обидно и досадно,
 Что он с досады похудал.
 «Постой же! — про себя ворчал нечистый. — Ладно.
 Посмотрим, так-то ль ты удал!

Плеваться вздумал, а? Моя-де это рожа!
 Положим, на мою она и не похожа, —
 Но ежли ты ее считаешь за мою,
 Так я ж те поплюю!»

Тут дьявол подослал подручного к Филату.
 Явился к деду бес под видом паренька.
 «Не надо ль, дескать, батрака?»
 — «Что ж? — молвил дед. — Возьму. А за какую
 плату?»

— «Задаром! Лишь мое усердие ценя,
 Ты малость подучи кузнечеству меня!»
 Дед рад тому: «Изволь, учись, коли охотник!»
 Сам бабе шепотком: «Глянь, даровой работник!»
 Работник даровой
 У наковальни без отхода.
 Прошло каких-нибудь полгода,
 Дед не нахвалится: «Парнишка — с головой,
 И золотые руки!»

Парнишка стал меж тем ковать такие штуки,
 Что дед, хоть чувствовал в руках немалый зуд,
 Хоть глаз не мог отвести от мастерской работы,
 Одначе взвыл: «Ой, парень, что ты!
 Влетим под суд!
 Эх, черт! Подделал же ты ловко!
 Пятак! Воистину — пятак!
 Ну ж, молодец! И как ты так?!»

— «Вот пустяки нашел! Какая этоковка? —
 Стал несуразное тут малый толковать. —
 Коль хочешь, я тебя могу перековать!!
 Переверну в горне налево да направо —
 Полсотни лет с тебя сниму! . . .»
 — «Да ну? Такое скажешь, право!

Никак и в толк я не возьму!»
«Возьмешь!.. Вон старичок идет по косогору!
Эй, старина! А старина!
(Знал младший бес по уговору,
Что «старичок» был — сатана.)
Слышь, дедушка, тебе помолодеть охота?»
— «Еще бы!»

— «Я тебя перекую в два счета».
— «Что ж, милый, помирать равно мне.
Хочешь — куй.
Ты парень, вижу я, удалый».
Засуетился сразу малый:
«Хозяин, дуй!»
Едва не лопаюсь от смеха,
Пыхтит-кряхтит Филат у меха.
А бес клещами старца хватъ
И ну ковать!
Вертел в огне его проворно.
Глядь, прыгнул из горна такой ли молодец:
«Благодарим покорно!
Ай да кузнец!»

Филат, оторопев, не мог промолвить слова.
А парень снова:
«Хозяин, что ж? Ложись!»
Очухался Филат:
«Ох, брат!

Кузнец, и вправду, хоть куда ты!
Помолодеть бы я и рад, —
Но, как война теперь, боюсь: возьмут в солдаты,
А я... какой уж я солдат?
Обидел я когда хоть муху?
Таких, как я, да ежли в бой...»
Озлился парень: «Шут с тобой!
Веди сюда свою старуху.
Пусть хоть ее омоложу!»
— «Старуху? слова не скажу!
Старушка стала чтой-то слабой. —
Посеменил Филат за бабой: —
Вот, баба, так и так, — пример тебе живой.
Вернешь ты молодость свою, красу и силу.
Помру, останешься такую ли вдовой!»
Мотает баба головой:

«Век прожила с тобой, с тобой пойду в могилу».
— «Да ты подумай, голова!» —
Дед не скупился на слова,
Просил по-доброму сначала,
Покамест баба осерчала,
Потом, озлившись сам, забил ей в рот платок,
Связал ее и в кузню приволок.
Вертели, жарили в огне старушку Дарью,
Пока запахло крепко гарью.
Тут дед встревожился: «Чай, вынимать пора?
Боюсь, не выдержит: стара!
Слышь, парень, погляди: старуха-то жива ли?»
А парня. . . Митькой звали!
Исчез, как не бывал. Дед глянул, а в огне
Заместо бабушки костей горелых кучка
Да недотлевшая онучка.
Сомлел Филат: «Ой, лихо мне!
Ой, лихо!»
Прижался, съезжившись, к стене
И. . . захихикал тихо:
«Хи-хи-хи-хи! . . . Хи-хи-хи-хи! . . .
Помолодел. . . Хоть в женихи! . . .
А бабка. . . Под венец такую молодицу! . . .
Сережки, Дарьюшка, сережки-то надень! . . .»
Бедняк, отправленный в больницу,
В больнице помер в тот же день.

Не стало дедушки Филата!
В пустом его дворе стоит, как прежде, хата,
А в хате на стене
Висит портрет, а чей — не угадать в три года:
То ль в бричке поп, то ль воевода
На вороном коне,
То ль. . . как-нибудь потом скажу наедине.
Ну, словом, кто-то намалеван,
Да только кузнецом покойным так заплеван,
Что от лица почти не стало и следа:
Чуть-чуть виднеются усы да борода!

<12 апреля> 1915

Всю правду говорить — обычай пролетарский,
Так потому скажу — какой уж тут секрет? —
Что дедушка Филат так заплывал портрет —
Чей? Ну, известно: царский!

1917

«БАТАЛИСТЫ»

*Посвящ. военным «беллетристам» —
А. Федорову, В. Муйжело и им
подобным.*

На всё наведена искусно позолота.
Идеи мирные, как шелуху, отвеяв,
Бытописатели российского болота
Преобразились в Тиртеев.
Победно-радостны, нахмурив грозно брови,
За сценкой боевой спешат состряпать сценку:
С еще дымящейся, горячей братской крови
Снимают пенку!

<23 апреля> 1915

«ПРЕДУСМОТРЕННЫЕ»

За 1914 год мин. вн. дел. получило от штрафов и административных взысканий 1 186 274 рубля. Печать дала 194 760 р. По смете на 1916 г. предполагается получить штрафов на 1 200 000 р.

Много, много их, «злодеев»:
Сам М. Горький, Л. Андреев,
Короленко, — кто еще там? —
Все стоят под «общим счетом»
В черной рубрике прихода
«Сметы будущего года».

И пигмеи и гиганты,
Все грядущие таланты,
С новизною, с левизною,
«Предусмотрены казною».

Плод святого озаренья,
Гениальные творенья,
Коих нет еще и в плане,
«Предусмотрены заранее».

Публицист, в статье задорной
Ты идешь дорогой торной!
Я, сатирик, в басне, в сказке
Подчинен чужой указке
И живу на белом свете —
«Предусмотренный по смете»!

<Октябрь> 1915

ЗАКОН И «ПРАВДА»

По распоряжению судебных установлений отменен арест 18 и 19 №№ газеты «Правда» за 1913 год.

«День», 20 ноября 1915 г.

На белом свете «Правда»
Жила во время оно.
Была на свете «Правда»,
Но не было Закона.
И вот Закон обрелся.
Но... что ж мы видим ныне?
Закон-то есть, да «Правды»
Давно уж нет в помине!

Между 20 и 30 ноября 1915

МОЕ

От шумных городов и до глухих киновий
Повсюду говорят и пишут о войне.
Хотел писать и я, да что! Куда уж мне!
Неважный мастер я по части славословий.
Язык мой груб и прост, без вычур и затей:
Я не Пиндар и не Тиртей,
И не Эзоп, — хотя мне мил язык Эзопов.
Друзья! Не век нам жить средь боевых окопов,

Дух бранной доблести в себе питать не век:
Всё ж homo homini¹ — не волк, а человек!
Так моралисты нам твердят, по крайней мере.
Хотя, по правде, сам нетверд я в этой вере.

Должно быть, глаз уж мой таков,
Что средь людей не раз я примечал волков,
Да вижу и теперь. Но эти твари рыщут
Не там, где их обычно ищут!

<Ноябрь> 1915

СТОЛП ОТЕЧЕСТВА

В Иркутске содержатель домов терпимости (он же церковный староста и председатель черносотенного «Союза русского народа») Нил Зверев обратился к высшему учебному начальству с жалобой, что учащиеся якобы ведут себя неблагопристойно в церкви во время богослужения, позволяют себе разговоры, шум и другие компрометирующие поступки.

«Биржевые ведомости», 22 ноября 1915 г.

«Дилехтор?.. Хор-рошо!.. Учителя?.. Прекрасно!..
В шеренку вас, да всех разделать под орех!..

Дают вам денежки напрасно:

В учебе вашей всей не сосчитать прорех...
На гимназистов я глядел намедни в храме.

Не то сказать — подумать грех

Об этом сраме:

Замест того, чтоб, павши ниц,

Молиться им пред образами,

У них шушуканья, смешки... Едят глазами

Моих... девиц!

Да шутку под конец какую откололи!..

Оно, положим, так... искус...
У Шурки, скажем, аль у Поли

На всякий вкус —

Всего до воли.

Опять же Дуньку взять: хоша

---

¹ Человек человеку (лат.). — *Ред.*

По пьяной лавочке с гостями и скандалит,
А до чего ведь хороша!
Не сам хвалю — весь город хвалит!»

. . . . .

Читатель, это не секрет:
Перед тобой доподлинный портрет
Нравоблюстителя — иркутского Катона,
Носившего значок «За веру и царя!»,
Союзного вершилы, главаря
И содержателя публичного притона!

<Декабрь> 1915

СТРОКИ

Люблю грозу в начале мая!

Ф. Тютчев

Люблю «читать» газеты ныне:
За белой полосой белеет полоса.
Идешь-бредешь, как по пустыне,
И вдруг — о чудеса! —
Оазис, кажущийся раем:
«Три пальмы» — три строки. О чем их «шум», бог
весь.

Какой-то смысл в них, верно, есть,
Хоть мною он непостигаем!
Но может, предо мной лишь сладостный мираж:
Где строки — всё пустыня та ж,
Немое, выжженное поле?
Ах, всё равно! Так хорошо порой
Подумать, помечтать на воле,
Представить строк иных живой и плотный строй
О вешней зелени, о буре,
Сносящей всё, над чем повис нещадный рок...
Читаю я и знаю: этих строк
Не выжечь ни одной цензуре!

<Январь> 1916

ПОХВАЛЫ

«ЕДУТ БЫКИ»

Член городской управы Ф. А. Лузин получил снова телеграмму об отправке партии скота со ст. Великокняжеская. На этот раз будто бы отправлено 300 быков.

«Раннее утро», 26 апреля 1916 г.

«Быки-то!»

«Господи!»

«Ур-ра!»

«А говорят еще: мы обеднели мясом!»

«Да шут ли нам война!»

«Да с таким запасом!..»

«Взгляни на этого: гора!

Цены, чай, нет быку такому!»

«Слышал?» — хваленый бык сказал быку

другому.

— «Слышал. Но лучше б не слышал».

— «А что?»

— «Всё было бы спокойней:

Я не охотник до похвал,

Так отдающих явно... бойней!»

<Сентябрь> 1916

БАСНИ ЭОПА

БРАК БОГОВ

Когда, среди богинь метнувши жребий, боги
Вводили жен в свои небесные чертоги,
Суровый бог войны, омытый весь в крови,
Взял в жены чуждую отраде материнства
Богиню грабежа и гнусного бесчинства.
Восторгов неземных и знойных чар любви
Неиссякаемый родник найдя в богине,
Бог неразлучен с ней поныне.
С тех пор, однако, для страны,

Охваченной огнем кровавого пожара,
 Изнемогающей от вражьего удара,
 Не так ужасен бог войны,
 Как подвиги его божественной жены.

1914

ПОМОЩЬ

Каким-то случаем сошлись — Медведь с Китом,
 И так сдружились крепко оба,
 Что, заключив союз до гроба,
 Друг другу поклялись в том,

Что каждый помогать другому будет в горе,
 Ну, скажем там, болезнь случится иль война... .

Вот, как на грех, пришлось вскоре
 Нарваться Мише на Слона.

Увидевши, что близко море,

Стал Миша друга звать скорей:

«Кит-братец, помоги осилить эту тушу!»

Кит в берег тычется, — увы, царю морей

Не выбраться на сушу!

Медведь Кита корит:

«Изменник! Продад душу!»

— «Кому? — ответил Кит. — И в чем моя вина?»

Вини мою природу!

Я помогу тебе, как только ты Слона

Швырнуть сумеешь в воду!»

— «Дурак! — взревел Медведь. — Не знал бы я

беды,

Когда б я мог Слона швырнуть и от воды!»

1914

ПЛАКАЛЬЩИЦЫ

Лишившись дочери любимой, Антигоны,

Богач Филон, как должно богачу

(Не скареду, я то сказать хочу),

Устроил пышные на редкость похороны.

«О матушка, скажи, как это понимать? —

В смущенье молвила сквозь слезы дочь вторая. —

Сестре-покойнице ужели не сестра я
И ты — не мать,
Что убиваться так по ней мы не умеем,
Как эти женщины, чужие нам обеим?
Их скорбь так велика
И горе — очевидно,
Что мне становится обидно:
Зачем они сюда пришли издалека
При нас оплакивать им чуждую утрату?»
— «Никак, — вздохнула мать, — ты, дочь моя, слепа?
Ведь это — плакальщиц наемная толпа,
Чьи слезы куплены за дорогую плату!»

В годину тяжких бед умеете отличать
Скорбь тех, кто иль привык, иль вынужден молчать,
От диких выкриков и воплей неумемных
Кликуш озлобленных и плакальщиц наемных!

1915

ВОЛК И ОВЦА

Волк тяжело занемог:
Почти лишившись ног,
Лежал он, как колода,
Без ласки, без ухода.
В такой беде, увидевши Овцу,
Взмолился Волк:
«Роднулечка-Овечка,
Остановись на два словечка!
Ты видишь: жизнь моя приблизилась к концу.
Ах, знаю, я — злодей, и нет мне оправданья!
Но злость ко мне растет пусть в ком-нибудь другом,
А ты, ты сжалишься в порыве состраданья
Над умирающим врагом!
Предсмертной жаждою томимый нестерпимо,
Святая, кроткая, я об одном молю:
Помочь мне доползти к реке, текущей мимо,
Где я жестокие страданья утолю!»

— «Ужель, — Овца в ответ, — я сделаюсь виною
Того, чтоб ты осгаслся жив,
Себя водою освсжив
И закусивши после... мною?»
<Февраль> 1916

ДОБРЯК

Расхвастался Медведь перед Лисой:
«Ты, кумушка, не думай,
Что я всегда такой угрюмый:
Злость на меня находит полосой,
А вообще, сказать не лицемеря,
Добрей меня не сыщешь зверя.
Спроси хоть у людей: ем мертвых я аль нет?»
— «Ах, кум, — Лиса в ответ, —
Что мертвые?! Я думаю другое:
Слух добрый о себе ты всюду б утвердил,
Когда бы мертвецов ты менее щадил,
Но... оставлял живых в покое!»

Смысл этой басенки не нов
Для лицемеров и лгунов:
Прочтут, поймут... и не покажут вида,
Что их касается обид!

ТОФУТА МУДРЫЙ

В далеком-предалеком царстве,
 В непашем государстве,
 За тридевять земель
     Отсель,
 Среди подданных царя мудрейшего Тофуты
 Случилось что-то вроде смуты.
 «Разбой! — кричали все. — Грабеж!»
 Шли всюду суды-пересуды:
 Порядки, дескать, в царстве худы,
 Насилья много от вельмож!
     Одначе
 Хоть бунтовали все, но в общей суете
     Верх брали те,
     Кто посильней да побогаче:
     «Чем лезть нам, братцы, напролом,
 Нарядимте послов — Тофуте бить челом;
 Проведавши от них о нашей злой обиде,
     Царь нас рассудит в лучшем виде».
 Но — то ли сам дошел, то ль расхрабрысь от слов
 Вельможи главного, злодея Протоплута,
     Не допустил к себе послов
     Мудрейший царь Тофута.
 «Нелепо, — молвил он, — мне слушать их, зане
 Всё, что известно им, известно также мне.
     А ежли что мне неизвестно,
 О том им толковать подавно неуместно!»

Но черный люд не сдал: боролся до конца,
Пока не выкурил Тофуту из дворца.
И что же? Не прошло, поверите ль, минуты,
Как власть, отбитую народом у Тофуты,
Присвоили себе всё те же богачи,
Да так скрутили всех, хоть караул кричи,
У бедных стали так выматывать все жилы,
Как «не запомнят старожилы».
Пошел в народе разговор:
«Попали мы впросак!»
— «Того ль душа хотела?»
— «Эх, не доделали мы дела!»
— «От богачей-то нам, гляди, какой разор!»
Потолковали,
Погоревали
И богачей смели, как сор.
Жизнь сразу вышла на простор!
Я в этом царстве жил недавно.
И до чего живут там славно,
На свой особенный манер!
Как это всё у них устроено на месте
И с применением каких геройских мер,
Вы этого всего нагляднейший пример
В *Коммунистическом* найдете манифесте.

27—28 февраля 1917 .

«МЕСТ БОЛЬШЕ НЕТ»¹

Что Николай «лишился места»,
Мы знали все без манифеста,
Но всё ж, чтоб не было неясности,
Предать необходимо гласности
Для «кандидатов» всех ответ,
Что «места» тоже больше нет.

2—3 марта 1917

---

¹ Первый раз было напечатано в «Известиях Петроградского Совета» в номере от 5 марта 1917 г.

ЗА ЖИВОЕ

Со всех сторон на нас поход:
Слились буржуи в злобном вое.

Пусть знает трудовой народ,
Что всех насильников-господ
Задела «Правда» за живое!

<8 апреля> 1917

НАРОДНАЯ ПРИМЕТА

В чем сказалась перемена
Нам со строем новым? —
В дружбе сэра Бьюкенена
С сэром Милюковым.
Где один нас приутюжит,
Там другой пригладит.
А народ сидит да тужит:
«Агличанка гадит!»

<16 апреля> 1917

КОМПАНИЯ ДРУЗЕЙ

Вчера днем на Забалканском пр.
появились семь мужчин, шедших по-
середине улицы. Один из них нес
красное знамя с надписью: «Да
здравствует русский царь».

Из газет, 10 мая

Гамзей,
Два черносотенца, одна иоаннитка,
Какой-то пьяный пономарь,
Шпик неопознанный да вор — Косой Микитка —
Пошли со знаменем: «Да здравствует наш царь!»
Случайно набрели ребят веселых двое
На зрелище такое.

«Ах, черти!

Вот так камуфлет!»

— «Илья!»
— «Чего?»
— «Гляди».
— «Гляжу»
— «Ну что?»
— «Забавно!»
— «Да есть-то царь теперь аль нет?»
— «Был, говорят, недавно».
— «Быть новому?»
— «Как знать».
— «Кому ж?»
— «Хотя бы мне».
— «С чего ты взял?»
— «Видал во сне.
Быть мне царем, и всё! Три ночи ровным счетом
Как, братец, ни засну, всё брежу... эшафотом».

10—11 мая 1917

РАЗГРУЗКА

Во Временном правительстве разрабатывается план разгрузки Петрограда от заказов и от рабочих.

Пыхтит несчастный паровоз,
Скрипят разбитые вагоны.
В «господских» классах — крики, стоны;
У нежных дамочек от слез
Мешочки вздулись под глазами.
«Какой скандал, судите сами:
То угля нет, то нет воды».
«Пять-шесть минут плохой езды,
Потом стоим, — стоим часами».
«Так не доехать никогда...»
«При чем тут уголь, господа?
Наш поезд чернью перегружен».
«Их власть, что делать!» — «Чья?»
— «Ну, чья:
Солдат, фабричных, мужичья...»

«Ах, этот хлам, кому он нужен?»
«Но что ж мы, граждане, сидим?
Пойдемте, мы их убедим,
Докажем этим всем медведям,
Что им пройтись — прямой резон:
Прогулка, воздух, моцион. . .
А мы уж как-нибудь доедем!»
Смеется весело народ:
«Чай, будет всё наоборот?»»

Ах, дама нежная, с мешочком
Пойдешь ты, милая, пешочком!

<14 мая> 1917

Я Б ХОТЕЛ. . .

Я б хотел, чтоб высекли меня. . .
Чтоб потом, табличку наказаний
Показавши, молча, на стене,
Дали мне понять без толкований,
Что *достойн порки* я вполне.

Н. А. Добролюбов

Выхожу один я на дорогу,
Вдалеке народный слышен гул.
Буржуа в испуге бьют тревогу:
«Заговор!.. Спасайте!.. Караул!..»

Буржуа звериным воют воем:
«Смерть ему!.. Распять его, распять!..»
Мне грозит «их» Церетели боем,
Отступил и забурлил опять:

Загремел начальственно-солидно,
Задымил казенным сургучом. . .
Что же мне так больно и обидно?
Страшно ль мне? Жалею ль я о чем?

Не страшусь, пожалуй, ничего я,
И не жаль буржуев мне ничуть:
Пусть они все изойдут от воя,
Знаю я, что путь мой — верный путь.

Богачам, конечно, я опасен:
Порох сух и только ждет огня.
Но чтоб всем был этот вывод ясен,
Я б хотел, чтоб взяли в кнут меня.

Но не так, как в оны дни пороли,
Давши власть злым полицейским псам:
Я б хотел, чтоб в этой чистой роли
Церетели выступил бы сам;

Чтобы, всю таблицу наказаний
Прописавши на моей спине,
Дал он всем понять без толкований,
Что достоин порки я вполне;

Чтоб я мог, вновь натянув опорки,
Всем сказать спокойно, не грозя:
«Чтите власть. . . и ждите доброй порки:
Управлять иначе — «им» нельзя!!!»

Между 6 и 12 июня 1917

МОЙ СТИХ

Пою. Но разве я «пою»?
Мой голос огрубел в бою,
И стих мой. . . блеску нет в его простом наряде.
Не на сверкающей эстраде
Пред «чистой публикой», восторженно-немой,
И не под скрипок стои чарующе напевный
Я возвышаю голос мой —
Глухой, надтреснутый, насмешливый и гневный.
Наследья тяжкого неся проклятый груз,
Я не служитель муз:
Мой твердый, четкий стих — мой подвиг ежедневный.
Родной народ, страдалец трудовой,
Мне важен суд лишь твой,
Ты мне один судья прямой, нелицемерный,
Ты, чьих надежд и дум я — выразитель верный,
Ты, темных чьих углов я — «пес сторожевой»!

<22 сентября> 1917

СОЦИАЛ-ЗАЙКИ

Отец, как водится, был злостным воротилой,
Но не таков
Обычай нынче у сынков:
Там, где им взять нельзя ни окриком, ни силой,
Они берут улыбкой милой
И ласковым словцом.

Встречаться мне пришлось в деревне с молодцом.
Шла про него молва в народе:
«Михал Иваныч-то! . . . Богач, помещик вроде, —
Какая разница меж тем, гляди, с отцом.
Как распинается за бедноту на сходе!
„Мы, братцы, грит, одна семья. . .
Как, значит, вы да, значит, я. . .“»
Не разобрать хотя, что «значит», —
Заика, видишь ли, с суконным языком!
Но видно, что скорбит: в грудь тычет кулаком
И горько плачет!
«Бог с ним, что не речист: была бы голова!» —
Такая шла молва.

И никому-то мысль в башку не приходила,
Что сын пошел в отца: такой же воротила,
Да только что дела ведет на лад иной.
Где? — За народною спиной.
Сойдутся, снюхавшись, добряк Михал Иваныч
Да Черт Степаныч,
Мошна с мошной,
Да толковать почнут, кого где можно скушать.
Вот тут бы нашего заику и послушать:
Скупой сначала на слова,
Кряхтит он, охает, вздыхает. . . Но едва
Запахнет жареною коркой,
Заика речь ведет — что чистый жемчуг льет,
Не говорит подлец: поет!
Не как-нибудь: скороговоркой!

Друзья! Скажу вам напрямик:
Держитесь за сто верст от «социал-заик»,
Их развелась нынче стая.

Но распознать их — вещь простая.
 Высоких нот они — нарежьте — не берут,
 А и затянут, так соврут.
 С доподлинным борцом блистая внешним сходством,
 Иной из этаких господ юлит-юлит.
 Но вы узнаете, где у него болит,
 Когда он заскулит с поддельным благородством:
 «Тов...ариши! В борь...бе все ль средства...
 хор...оши?
 Ну...ну... к чему... н...алог на
 б...ары...ары...ши?
 И...и...з...ачем контр...оль...н...ад
 про...онз...онз...водством?!»
 А дальше уж пошло: «Ваш разум затемнен,
 И разгорелись ваши страсти;
 Рабочим — надо ждать, а до иных времен,
 Пока там что, должны буржуи встать у власти,
 Что «пролетариев другие ждут дела...»

А ждет «хозяйская», конечно, кабала!

<23 сентября> 1917

**СТРАДАНИЯ СЛЕДОВАТЕЛЯ
 ПО КОРНИЛОВСКОМУ
 (ТОЛЬКО ЛИ?) ДЕЛУ**

Песня

Ты не спрашивай,
 Не выпытывай.

Из народной песни

Ох, сложу-сложу
 Полномочия.
 Не допрос пишу —
 Многоточия!

Положеньице
 Невылазное,
 И в башку бредет
 Несуразное:

То корнится,
То мне керится,
Будет вправду ль суд —
Мне не верится.

<24 сентября> 1917

ПОСЛЕВЫБОРНЫЙ АСТРОНОМИЧЕСКИЙ БЮЛЛЕТЕНЬ

Большевиcтская звезда
Ярким светом светит.
В чистом небе без труда
Всяк ее заметит.

Словно выцветший плакат,
Звездочка кадета:
Повернула на закат
Мертвая планета.

Смотрит горестно эсер
На свою комету:
«Был весной какой размер,
Нынче — трети пету!»

Меньшевик клянет судьбу.
Очень уж обидно:
«И в подзорную трубу
Ничего не видно!»

<21 ноября> 1917

ПТИЦЕЛОВЫ

Весною некий птицелов
Ловил перепелов:
Лежал в траве густой часами,
На сети на свои глядел издалека, —
Перепела ж ловились сами.

Была ли на сетях приманка велика?
Да ровно никакой! Доверчиво и смело
Шли птицы на привычный зов:
Обманщик ловкий, птицелов
Перепелиный бой подделывал умело!

Как много в наши дни вот таких ловцов
Средь политического поля!
— «Земля и воля!»
— «Земля и воля!»
— «Права!» — «Порядок!» — «Хлеб!» — свистят
со всех концов.

Кто верит всякому «на вид — социалисту»,
Те уподобятся легко перепелам.
Друзья, судите не по свисту,
А по делам!

[<21 декабря> 1917

У ГОСПОД НА ЕЛКЕ

Помню — господи прости!
Как давно всё было! —
Парень лет пяти-шести,
Я попал под мыло.

Мать с утра меня скребла,
Плача втихомолку,
А под вечер повела
«К господам на елку».

По снежку на черный ход
Пробрались искусно.
В теплой кухне у господ
Пахнет очень вкусно.

Тетка Фекла у плиты
На хозяев злится:
«Дали к празднику, скоты,
Три аршина ситца!

Обносилась, что мешок:
Ни к гостям, ни к храму.
Груне дали фартушок —
Не прикроешь сраму!»

Груня фыркнула в ладонь,
Фартушком тряхнула.
«Ну, и девка же: огонь! —
Тетушка вздохнула. —

Всё гульба нейдет с ума,
Нагуляет лихо!
Ой, никак, идет «сама!»
В кухне стало тихо.

Мать рукою провела
У меня под носом.
В кухню барыня вошла, —
К матери с вопросом:

«Здравствуй, Катя! Ты — с сынком?
Муж, чай, рад получке?»
В спину мать меня пинком:
«Приложися к ручке!»

Сзади шум. Бегут, кричат:
«В кухне — мужичонок!»
Эвон сколько их, барчат:
Мальчиков, девчонок!

«Позовем его за стол!»
«Что ты, что ты, Пепка!»
Я за материн подол
Уцепился крепко.

Запросившись домой,
Задал реву сразу.
«Дём, нишкни! Дурак прямой,
То ль попорчен сглазу».

Кто-то тут успел принести
Пряник и игрушку:

«Это пряник. Можно есть»,
«На, бери хлопушку».

«Вот — растите дикарей:
Не проронит слова! . .
Дети, в залу! Марш скорей!»
В кухне тихо снова.

Фекла злится: «Каково?
Дали тож. . . гостинца! . .
На мальчика глядят как: во!
Словно из зверинца!»

Груня шепчет: «Дём, а Дём!
Напечем-наварим.
Завтра с Феклой — жди — придем.
То-то уж задарим!»

Попрощались и — домой.
Дома — пахнет водкой.
Два отца — чужой и мой —
Пьют за загородкой.

Спать мешает до утра
Пьяное соседство.

Незабвенная пора,
Золотое детство!

<6 января> 1918

МЫ НЕ ОДНИ

Мы ждали, в даль вперяя очи,
Когда ж откликнутся они?
Мы шли одни во мраке ночи,
Мы шли одни.

Но, веря в близкий час рассвета,
В один сомкнувшись порыв,
Мы ждали братского ответа
На наш призыв.

И вот горит заря пожаром,
Зажглися братские огни.
Друзья! Боролись мы недаром!
Мы не одни.

<1 февраля> 1918

ПОСЛЕДНИЙ ПЕРЕВАЛ

Везут меня иль сам я еду,
Но знаю, сидя на возу,
Что рано праздновать победу,
Что гады ползают внизу,
Что воздух весь насыщен ядом
И что свободно мы вздохнем,
Когда в бою с последним гадом
Ему мы голову свернем.

Друзья, в великом, как и в малом,
Есть заповедная черта:
Перед *последним перевалом*
Дорога более крута.
Напрячь должны мы все усилья,
Чтоб после схватки боевой
С вершин в *Долину изобилья*
Войти семьею трудовой!

<5 февраля> 1918

НОВОЖИЗНЕНСКИЕ ЛЯГУШКИ

Чем демократичнее власть, тем она
дороже обходится народу.

«Новая жизнь», 16-3/11

Вот это строгий суд! Суда не надо строже:
Народная им власть обходится дороже,
Чем власть — какая же? Ну, что стесняться зря!
Чья власть милей вам и дешевле?
Не ваши ль это предки древле
Пред Зевсом квакали, чтоб дал он им царя?

16 февраля 1918

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ГУДОК

Глубокою ночью воздух морозный
Прорезал призыв твой тревожный и грозный:
«Вставай, поднимайся, рабочий народ!
Смертельный твой враг — у ворот!»

Твой голос, стозвучным подхваченный гудом,
Звучал, как набат, над трудящимся людом:
«Вставай, поднимайся, рабочий народ!
Насильник стоит у ворот!»

Твой клич повторил пролетарий всесветный,
Доносится к нам его голос ответный:
«Проклятье злодеям, творящим разбой!
К оружию, народ трудовой!»

Услышав твою боевую тревогу,
К нам рать трудовая спешит на подмогу,
И, слыша ее сокрушительный шаг,
Трепещет зарвавшийся враг.

Священные храмы *труда и свободы*,
Застыли в суровом молчанье заводы,
Проходят пред ними в щетине штыков
Ряды пролетарских полков.

Гуди же, гудок! Всему миру поведай,
Что все мы умрем иль вернемся с победой!
«Вставай, поднимайся, рабочий народ!
Смертельный твой враг — у ворот!»

Между 23 и 27 февраля 1918

РАБОТНИЦЕ

Язык мой груб. Душа сурова.
Но в час, когда так боль остра,
Нет для меня нежнее слова,
Чем ты — «работница-сестра».

Когда казалось временами,
Что силе вражьей нет числа,
С какой отвагой перед нами
Ты знамя красное несла!

Когда в былые дни печали
У нас клонилась голова,
Какою верою звучали
Твои бодрящие слова!

Пред испытанья горькой мерой
И мезтью, рекущей вдали,
Молю, сестра: твоею верой
Нас подними и исцели!

7 марта 1918

МАЯК

Мой ум — мужицкой складки,
Привыкший с ранних лет брести путем угадки.
Осилив груды книг, пройдя все ранги школ,
Он всё ж не приобрел ни гибкости, ни лоска:
Стрелой не режет он воды, как миноноска,
Но ломит толстый лед, как грузный леодокол.
И были для него нужны не дни, а годы,
Чтоб выровнять мой путь по маяку Свободы.

Избрав, я твердо знал, в какой иду я порт,
И всё ненужное, что было мне когда-то
И дорого и свято,
Как обветшалый хлам я выбросил за борт.
Душа полна решимости холодной —
Иль победить, иль умереть свободной.
Всё взвешено. Пути иного нет.
Горят огни на маяке Свободы.
Привет вам, братья, с кем делю я все невзгоды!
Привет!

<9 марта> 1918

ПЕСНЯ ДЕДА СОФРОНА

Ты играй, моя дуда: ду-ду, ду-ду,
Ду-ду, ду-ду!
А я, старенький, иду, я всё иду,
Я всё иду —
По дорожкам, по проселочкам плетусь,
Плетусь, плетусь. . .
Приюти меня, прими, родная Русь,
Родная Русь!
Побреду я от деревни до села,
И до села,
Зазвоню я, дед, во все колокола,
Колокола.
Ой ты, медь, ты, медь певучая, гуди,
Гуди, гуди,
Всю Расеюшку набатом разбуди,
Да разбуди.
Как я гряну во все сороков,
Да сороков, —
Как я крикну на Москве всех батраков,
Всех батраков:
Гей, ты, черный люд, рабочий, трудовой,
Люд трудовой,
Встань за вольную отчизну головой,
Встань головой!
Лютый враг стал ногой в родной земле,
В родной земле!
Гей, не быть — не быть нам, братцы, в кабале,
Да в кабале!
Не потерпим вновь татарской злой поры,
Лихой поры.
Гей, точите-ко вы, братцы, топоры,
Да топоры!
А чтоб вышли ваши косы все острые,
Да все острые, —
Чтоб готовы были вы зажечь костры,
Зажечь костры,
И по первой по тревоге боевой,
Да боевой,
Заградить себя стеною огневой,
Да огневой.

То-то вороги заскачут! Их-ха-ха!
И эх-ха-ха!
Как мы красного им пустим петуха,
Да петуха!
Гей, ты, Русь, ты, Русь родная, вольный край,
Наш вольный край,
Боевую свою силушку собирай,
Да собирай!

Ты дуди, моя дуда: ду-ду, ду-ду,
Ду-ду, ду-ду!
А я, старенький, проселками иду,
Иду, иду! . .
Ге-ей! . .

<12 марта> 1918

«ПРАВДЕ»

Брожение юных сил, надежд моих весна,
Успехи первые, рожденные борьбой,
Всё, всё, чем жизнь моя досель была красна,
Соединялося с тобою.
Не раз теснила нас враждебная орда
И наше знамя попирала,
Но вера в наш успех конечный никогда
У нас в душе не умирала.
Ряд одержав побед под знаменем твоим
И закалив навек свой дух в борьбе суровой,
В тягчайшие часы мы верим: мы стоим
Пред новою борьбой и пред победой новой!
Стяг красный водрузив у древних стен Кремля,
Стяг красный «Правды» всенародной,
Знай, трудовая рать, знай, русская земля,
Ты выйдешь из борьбы — великой и свободной!

<17 марта> 1918

ГОСПОДСКАЯ ТЕНЬ

На Красной площади намедни три туза:
Помещик — без земли, заводчик — без завода
И хищник банковский, сидящий без дохода,

Час битый пялили глаза

На торжество рабочего народа.

Им в первомайский день с утра

Спокойно дома не сиделось:

Глазком прикинуть захотелось,

Измерить силу рати той,

Что их теснит своей железною пятой.

Налюбовавшись, пошли домой все трое.

«Ну как?»

— «Да так. Тоска».

— «Казенный юбилей.

День этот проходил куда как веселый

При прежнем строе.

Ушла поэзия. Отпал волшебный фон.

Как живописен был разгон

Всей этой сволочи, собирающейся в шайки,

Когда ее жандармский эскадрон

Возьмет, бывало, всю в нагайки!

Р-раз! Шляпа на боку! — Два! Лопнуло пальто! —

Три! Шайки всей как не бывало!

В участок волокут толпу. А нынче что?!

Ушла поэзия. И красок ярких мало!»

Нетрудно угадать, как первомайский день

Расписан был потом в газетах буржуазных.

Буржуи с нами вкусов разных:

Там, где нам — солнышко, для них — сплошная

тень.

1—2 мая 1918

•ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ•

У батюшки Ипата

Водились деньжата.

Конечно, дива тут особенного нет.

Поп намолил себе монет!

Однако же, когда забыли люди бога
И стали сундуки трясти у богачей,
Взяла попа тревога:
«Откроют, ироды, ларек мой без ключей!»
Решив добро свое припрятать повернее,
Поп, выбрав ночь потемнее,
Перетащил с деньгами ларь
В алтарь
И надпись на ларе искусно вывел мелом:
«Сей ларь — с Христовым телом».
Но хитрый пономарь,
Пронюхав штуку эту
И выудивши всю поповскую монету,
Прибавил к надписи: «Несть божьих здесь телес:
Христос воскрес!»
Что пономарь был плут, я соглашусь не споря,
Плут обманул плута — так кто ж тут виноват?
Но я боюсь, чтоб поп Ипат
Не удавился с горя.

<4 мая> 1918

МОЛОДНЯК

Годков тому примерно пять
Помещик некий в лес заехал погулять.
На козлах Филька красовался,
Такой-то парень — богатырь!
«Вишь, как тут заросло, а был совсем пустырь. —
Молодняком помещик любовался. —
Как, Филька, думаешь? Хорош молоднячок?
Вот розги где растут. Не взять ли нам пучок?
В острastку мужикам... на случай своеволья!»
— «М-да! — Филька промычал, скосивши вбок
глаза. —
М-да... розги — первый сорт...
Молоднячок... Лоза!
Как в рост пойдут, ведь вот получатся дреколья!»

Какой же в басенке урок? Смешной вопрос.
Года всё шли да шли, — и молодняк подрост.

<17 мая> 1918

КРЕЩЕНИЕ

Дьячок Кирилл да поп Ипат
У старенькой купели
Под писк ребят
Козлами пели.

Кто думал про детей, а батя — про отцов:

«Ужотко проучу я этих подлецов:
Довольно мне они, злодеи, насолили!
Церковный сенокос и поле поделили,
На требы таксу завели...»

Приходится сидеть, как раку на мели:

Нет ни почету, ни доходу!»

С перекосившимся от злой усмешки ртом

Поп ребятишек в воду

Стал погружать гуртом:

«Во имя... отца... и сына... и святого духа...»

Крещаются младенцы: Голиндуха...

Евпл... Хуздазад... Турвон...

Лупп... Кирса... Сакердон...

Ексакостудиан... Проскудия... Коздоя...»

Чрез полчаса

В деревне шум стоял от ругани и воя.

Ермил накинулся на кума, на Сысоя:

«Кого же ты носил крестить: дите аль пса?

Как допустил его назвать ты... Сакердоном?»

В другом конце сцепился Клим с Антоном:

«Как, ты сказал, зовут мальчика?»

На куме не было лица.

«Эк... сам... — уставился бедняк убитым взглядом

На разъяренного отца. —

Как, бишь, его... Кума с попом стояла рядом...»

Эк... сам...»

— «Что сам? Крестил аль что? Ты, леший,
пьян!»

— «Я? Пьян? Ни боже мой! — Кум жалко
усмехнулся. —

А крестничка зовут: Эк... сам... кустом... Демьян!»

— «Сам под кустом Демьян?! Ай, братцы!

Он рехнулся!»

Пров кума своего на все лады честил:

«Ты ж где, подлец, — в лесу дите мне окрестил

Аль у соседского овина?»

Как, повтори, зовут мальчика?»

— «Ху... Хуздазад!»

— «Что? Сам ты Хуздазад! Вон со двора, скотина!
Неси дите назад!»

«Ай! — Кузькина жена в постели горько билась. —
Какого Евпла мне, кума, ты принесла?»

Евпл!.. Лихоманка б вас до смерти затрясла!»

У Сурина Наума

За Голипдуху так благодарили кума,
Что, не сбежись народ на шум,
Крестины век бы помнил кум.

«При чем тут кумовья? Опричь попа Ипата,
Мне скажут, ни одна душа не виновата».
Пожалуй, что и так. Хоть есть слушок, что поп,
Из кумовой попал кому-то под ослоп,
Ссылаться пробовал на святцы,
Но... я при этом не был, братцы!

<9 июня> 1918

ДВА ГРЕНАДЕРА

Новая кадетская баллада

По слухам, *Милюков* и *Винавер*
намерены посетить в Киеве герман-
ского посланника бар. Мумма и про-
сить его о высочайшей аудиенции
в Берлине.

Из газет

В Германию цвей гренадирен
С кадетской программой брели.
«Марширен! Марширен! Марширен!» —
Командовал Мумм им вдали.

«Теперь, брат, мы вольные птицы
Под сенью немецких штыков! —
Винаверу так у границы,
Вздохнувши, сказал Милюков.

— Тот лозунг сбывается ныне,
С которым мы шли воевать,

Что — будем Вильгельму в Берлине
«Условия» мы диктовать.

Недаром толкались мы к Мумму,
И нас обласкал он не зря.
Вернуть нам четвертую Думу!
Вернуть дорогого царя!

Затянем мы старым напевом, —
Родзянкою тон будет даи!
Нам будут на секторе левом
Подтягивать Мартов и Дан.

Всё будет у нас, как в Европах:
Монархия в стиле нувó.
Поедут паны на холопах, —
Заправим а-ля Дурновó!

Винавер! Опять твои первы?
Опять ты глотаешь свой бром?!»
— «Ах, Павел, скажи мне: где первый
Начнется еврейский погром?!»

<28 июня> 1918

ПОД САМАРОЙ

I

Волга желтою волною
Моет заросли раки;
Низко-низко над водою
Чайка белая летит.
Ты скажи-скажи мне, чайка,
Не видала ль ты, открой:
Где укрылась вражья шайка?
На горе иль под горой?
Кто вдали за перелеском
Быстро скачет на коне?
Кто вспугнул ружейным треском
Диких уток в стороне?

То не красные ль дозоры
Обнаружили врага?
И не враг ли, прячась в горы,
Очищает берега?

*18 сентября 1918
Хвалынский*

II

Необозримая равнина,
Далекий оклик журавлей.
Стальная серая щетина
Промокших скошенных полей.
Деревня. Серые избушки.
Кладбище. Церкожка, пред ней
Повозки, кони, ружья, пушки,
Снаряды, люди у огней.
Армеец гуторит с соседом,
Что есть за что костями лечь.
В полку оратор пред обедом
Держал напутственную речь.
Он говорил: «Вперед! В Самару!
Друзья, в решительном бою
Пусть враг узнает вашу кару!
Добейте подлую змею!»
«Слышал?»

— «Слышал!»

«Добьем, известно!»

«Вперед нас, гадина, не тронь!»
Глаза простые смотрят честно.
Трещит приветливо огонь.

*21 сентября 1918
Перед нашими позициями
за Николаевском-Уральским*

ПУТЕВОДНАЯ ЗВЕЗДА

Боевая песня

Глухая ночь — не навсегда,
Не вечны мрак и жуть:
Уж предрассветная звезда
Нам освещает путь.

Фабричный молот, сельский плуг
В ее лучах горят.
Рабочий, пахарь — брат и друг —
Мы стали в тесный ряд!

Навеки спаяны одной
Жестокою судьбой,
Мы некрушимою стеной
Идем на смертный бой.

Идем на смертный бой с врагом.
В бой! Отступленья нет!
Пусть мрак еще царит кругом,
Но близится рассвет!

Глухая ночь — не навсегда,
Исчезнут мрак и жуть.
Нам наша *красная звезда*
Указывает путь!

<2 октября> 1918

«ДО ЭТОГО МЕСТА!»

В промокших дырявых опучах,
В лохмотья худые одет,
Сквозь ельник, торчащий на кручах,
С сумой пробирается дед.

Прибились старые ноги,
Ох, сколько исхожено мест!
Вот холмик у самой дороги,
Над ним — покосившийся крест.

«Могилку какого бедняги
Кругом обступили поля?
И где для меня, для бродяги,
Откроет объятая земля?»

Вперед на дымки деревушки
Идет старичок чрез овраг.

Над крышею крайней избушки
Кумачный полощется флаг.

Плакат на стене с пьяной рожей
Царя, кулака и попа.
«Час добрый!»

— «Здорово, прохожий!»
Вкруг деда сгрудилась толпа.

«Пожалуй-ка, дед, на ночевку».

«Видать, что измаялся ты».

— «Куда я пришел?»

— «В Пугачевку».

— «А тут?»

— «Комитет бедноты».

Прохожему утром — обновка,
Одет с головы и до ног:
Рубаха, штаны и поддевка,
Тулуп, пара добрых сапог.

«Бери! Не стесняйся! Чего там!
Бог вспомнил про нас, бедняков.
Была тут на днях живоглотам
Ревизия их сундуков».

Надевши тулуп без заплатки,
Вздыхнул прослезившийся дед:
«До этого места, ребятки,
Я шел ровно семьдесят лет!»

<6 ноября> 1918

ПРЕДИСЛОВИЕ

К ПОЭМЕ А. С. ПУШКИНА «ГАВРИИЛИАДА»

Друзья мои, открыто говорю,
Без хитростных раздумий и сомнений:
Да, Пушкин — наш! Наш добрый, светлый гений!
И я ль его минувшим укорю?

Он не стоял еще... за «власть Советов»,
Но... к ней прошел он некую ступень.
В его лучах лучи других поэтов —
Случайная и трепетная тень.
Ему чужда минувшей жизни мерзость,
Он подходил с насмешкой к алтарю:
*Чтоб нанести царю земному дерзость,
Он дерзко мстил небесному царю.*
Он говорил: «Тиран несправедливый,
Библейский бог, угрюмый и строптивый!»
А у Невы, средь Зимнего дворца,
Набитого охраною гвардейской,
Бродил другой тиран с душой злодейской,
Земной портрет небесного творца,
И не одну он возлюбил Марию, —
И в час, когда он в свой гарем входил,
Попы в церквах свершали литургию,
И дым синел над тысячью кадил.
«Благослови, господь, царево дело!
Пошли успех его святым трудам!»
И сколько их, таких царей, сидело
По деревням, по селам, городам!
Им долгий день казался сладким мигом,
В хмельном чаду летел за годом год.
Под их ярмом, под их жестоким игом
Стонал народ, рабы своих господ!

Друзья, для нас пришла пора иная:
Мы свергли всех земных своих богов.
Клянись же, что больше Русь родная
Не попадет под гнет ее врагов!
Пусть будет свят для вас завет пророка,
Рукой врагов сраженного до срока,
И пусть его разбитой лиры глас
Ободрит вас в тревоги жуткий час!
Меня ж, друзья, прошу, не обессудьте
И, отдохнув за пушкинским стихом,
Таким простым и мудрым, позабудьте
О «предисловии» плохом.

27 ноября 1918

ПРОВОДЫ

Красноармейская песня

Как родная мать меня
Провожала,
Как тут вся моя родня
Набежала:

«А куда ж ты, паренек?
А куда ты?
Не ходил бы ты, Ванек,
Да в солдаты!

В Красной Армии штыки,
Чай, найдутся.
Без тебя большевики
Обойдутся.

Поневоле ты идешь?
Аль с охоты?
Ваня, Ваня, пропадешь
Ни за что ты.

Мать, страдая по тебе,
Поседела,
Эвон в поле и в избе
Сколько дела!

Как дела теперь пошли:
Любо-мило!
Сколько сразу нам земли
Привалило!

Утеснений прежних нет,
И в помине.
Лучше б ты женился, свет,
На Арине.

С молодой бы жил женой,
Не ленился!»
Тут я матери родной
Поклонился.

Поклонился всей родне
У порога:
«Не скулите вы по мне,
Ради бога.

Будь такие все, как вы,
Ротозей,
Что б осталось от Москвы,
От Расей?

Всё пошло б на старый лад,
На недолю.
Взяли б вновь от нас назад
Землю, волю;

Сел бы барин на земле
Злым Малютой.
Мы б завыли в кабале
Самой лютой.

А иду я не на пляс —
На пирушку,
Покидаючи на вас
Мать-старушку:

С Красной Армией пойду
Я походом,
Смертный бой я поведу
С барским сбродом,

Что с попом, что с кулаком —
Вся беседа:
В брюхо толстое штыком
Мироеда!

Не сдаешься? Помирай,
Шут с тобою!
Будет нам милее рай,
Взятый с бою, —

Не кровавый, пьяный рай
Мироедский, —
Русь родная, вольный край,
Край советский!»

1918
Свияжск

ЦЕНТРОШИШКА

Злой, рыже-красный клест, взобравшись на елку,

Горланит дико и без толку.

Про певчего ж дрозда вам разве лишь глухой
Решится утверждать, что дрозд певец плохой.

Однако некий клест, тупой ценитель пенья,

Насчет веселого дрозда

Держался собственного мненья

И бедного певца развенчивал всегда, —

При всяком случае — удобном, неудобном —

Он поносил дрозда в каком-то раже злобном.

Случилось одной зимой,

Что голод наступил в лесу необычайный.

(На шишки выпал год весьма неурожайный!)

Пришел для птиц конец прямой.

Вот собрался у них совет: снегирь, синица,

Чиж, кто-то там еще и первым делом клест.

Клест — оборотистая птица.

Он первый речь повел, задравши гордо хвост:

Раз, дескать, в шишках нет излишку,

То надобно скорей устроить *Центрошишку*,

Всё образуется тогда.

«А что касается... дрозда, —

Вдруг речь закончил клест нежданно, —

То до того, скажу, поет он бесталанно,

Что — с тем, чтоб нам его от пенья отучить, —

Из Центрошишки след дрозда нам исключить!»

Уж так бывает постоянно:

Клест запоем, дрозду приходится молчать.

Теперь пустился клест на новые делишки

И, слышно, норовит прибрать к рукам печать,

Стать первой скрипкою советской «Центрокишки»,

Судьей писателей... Довольно тонкий пост!
Что ж? Если сядет нам на шею центроклест,
Не получилось бы, смотрите, Центрошишки!
1918

В МОНАСТЫРЕ

Поползень втихомолочку нашел себе богомолочку.

Народная пословица

«Здесь, — богомолке так шептал монах смиренный, —
Вот здесь под стеклышком внутри сего ларца,
Хранится волосок нетленный,
Не знаю в точности, с главы, или с лица,
Или еще откуда —
Нетленный волосок святого Пуда.
Не всякому дано узреть сей волосок,
Но лишь тому, чья мысль чиста, чей дух высок,
Чье сердце от страстей губительных свободно
И чье моление к святителю доходно».
Умильно слушая румяного отца,
Мавруша пялила глаза на дно ларца.
«Ах, — вся зардевшись от смущенья,
Она взмолилась под конец, —
Нет от святителя грехам моим прощенья:
Не вижу волоска, святой отец!»
Отец, молодушку к себе зазававши в келью
И угостив ее чаишком с карамелью
И кисло-сладеньким винцом,
Утешил ласковым словцом:
«Ужотко заходи еще... я не обижу.
А что до волоска — по совести скажу:
В ларец я в этот сам уж двадцать лет гляжу
И ровно двадцать лет в нем ни черта не вижу!»
<16 января> 1919

ТОВАРИЦУ

Морщины новые на лбу —
Тяжелой жизни нашей вехи, ..
Товарищ, кончим ли борьбу?
Товарищ, сложим ли доспехи?

Свободе нужен пьедестал.
Мы создадим его из стали.
Товарищ, знаю, ты устал.
И я устал. Мы все устали.

Я — не герой. Но ты — герой.
И крепок я — твоею силой.
О, как мне хочется порой
Прийти к тебе, товарищ милый!

Прийти. Взглянуть в твои глаза.
Смотреть в них долго с лаской нежной.
Еще не минула гроза,
И мы пред битвой неизбежной.

Мы будем биться. И следить
Я за тобою буду взглядом.
С тобой я должен победить
Иль умереть с тобою рядом!

Январь 1919

СНЕЖОК

(Шуточная)

Из-под тучки ветер веет,
Из-под падеры — снежок.
У девчонки сердце млеет,
Что не пишет мил-дружок.

Едут сани из Казани,
Кони падают в снегу.
«Жду я, жду письма от Вани,
Всё дожидаться не могу!»

Эвон, снегу сколько, шутка!
Нет ни краю, ни конца.
Не горюй, не плачь, Машутка:
Жди от Вани письмеца.

Мы дороги все исправим
Без особого труда:
*На учет весь снег поставим, —
Снег исчезнет без следа!*

<4 марта> 1919

ЧАСТУШКИ

(Девичьи)

Говорила дураку:
Не курил бы табак,
А сосал бы соску.
Рубль за папироску!

Исходила я все лавки,
Канифасу не нашла.
Пуд муки за три булавки
Я приказчику дала.

Ой, хохонюшки, хо-хой,
Ходит барин за сохой,
В три ручья он слезы льет:
Нашей кровушки не пьет!

Косит Федя на реке
В новом барском сюртуке.
Нарядился дуралей, —
Ты в поддевке мне милей!

На платочке я для Феди
Вышиваю буки-веди.
В Красной Армии, в бою,
Помни милую свою!

Будь я парнем, не девицей,
Была б вольною я птицей.
Не сидела б, не тужила,
В Красной Армии служила!

<4 марта> 1919

ФРАНЦУЗСКАЯ БУЛКА

С колчаковского аэроплана в красноармейские окопы была сброшена обернутая в прокламации французская булка.

Отец служил у «дорогих господ»
(Свои харчи и восемь красных в год),
А я, малец, был удостоен чести:
С сопливым барчуком играл нередко вместе;
Барчук в колясочке мне кнутиком грозил,
А я... возил.
Не помню: то ль «игра» мне эта надоела,
То ль просто мною дурь мужичья овладела,
Но... «конь» забастовал и, бросивши игру,
К отцу забился в конуру.
Барчук, упорствуя, стучал ко мне в окошко:
«Ну, повози меня, Демьян, еще немножко!»
И соблазнял меня,
Забастовавшего коня,
Ревевшего в каморке гулкой...
Французской булкой!

Когда я услышал о «булке Колчака»,
Я вспомнил барчука.
Ну что ж? Польстись на ласку,
Впряжемся, что ль, опять в господскую коляску?!
«Дай, барин, булку. А потом...
Хоть застегай нас всех кнутом!»

<1 мая> 1919

КАНДИДАТЫ НА... ФОНАРИ

Фон дер Гольц в родном Берлине,
Он в Стамбуле — Гольц-паша,
Гетман Гольцев — в Украине.
Что ни день, то антраша.

Сколько красок в этом Фоне:
Все цвета на всякий вкус!
Фон дер гетман Гольц в вагоне
Теребит «казацкий ус»!

«Мейне тапфере козакен —
Едер герос, курц унд гут. ¹
Ошень смелей все воякен,
Алле габен дейтшер мут! ²

Онэ орднунг. . . ³ бес парятка
Штэт ⁴ ди руссише. . . земля,
Ми поим своя лшатка
На московише Кремля!»

Шарлатану наши баре
Помогают во всю мочь.
Фон дер Гольц-пашу в бояре
Возвести они не прочь.

Это что! Прохвосты рады
Возвести его в *цари*:
«Лишь верни нам наши клады
И порядок водвори!»

Ждут «порядка» живоглоты.
Погодите, дайте срок.
С фон-дер-гетманской работы
Вам немалый будет прок:

Коль охоты нет расстаться
Вам с мечтою о царях,
Не пришлось бы (может статься)
С фон дер Гольцем вам болтаться
На московских фонарях!!

<14 сентября> 1919

БРАТСКИЕ МОГИЛЫ

Мемориальная доска

На Красной площади, у древних стен Кремля,
Мы — стражи вечные твои, товарищ милый.
Здесь кровью полита земля,

---

¹ Мои brave казаки, все вы герои.

² У всех у вас немецкая храбрость!

³ Без порядка.

⁴ Стоит.

Здесь наши братские могилы.
Бойцы, сраженные в бою,
Мы в вечность отошли. Но ты — еще в строю,
Исполненный огня и пролетарской силы.
Так стой же до конца за власть и честь свою,
За пролетарскую великую семью,
За наши братские могилы!

Между 25 и 29 сентября 1919

КРАСНЫЙ ФЛОТ

Жуя огрызок папиросы,
Я жду из Питера вестей:
Как наши красные матросы
Честят непрошенных «гостей»!

Фортов кронштадтских ли снаряды
Сметают «белые» ряды?
Или балтийские отряды
С пехотой делят все труды?

Но — без вестей я знаю твердо:
Там, где стоит наш Красный Флот,
Там — красный флаг алеет гордо,
Там — революции оплот,

Там красный фронт — броня стальная,
Там — нерушимая стена,
Там — тщетно пенится шальная
Белогвардейская волна!

Между 17 и 22 октября 1919

ПРАВДА-МАТКА,

**ИЛИ — КАК ОТЛИЧИТЬ НА ФРОНТАХ
ПОДЛИННЫЕ ЛИСТОВКИ ДЕМЬЯНА БЕДНОГО
ОТ БЕЛОГВАРДЕЙСКИХ ПОДДЕЛОК ПОД НИХ**

Вожу пером, ребятушки,
По белому листу.
С народом я беседовать
Привык начистоту.

За словом, сами знаете,
Не лезу я в карман,
Но не любил я отроду
Пускаться на обман.
За *правду* распинаюсь я
Уж много-много лет
И за словечко каждое
Готов держать ответ.
Написано — подписано,
Читай меня — суди.
Любовь и злая ненависть
Сплелись в моей груди:
Любовь — к народу бедному
И ненависть — к панам,
К царям, попам, помещикам
И всяческим «чиннам».
За то, что раскрываю я
Всю правду бедняку,
Меня б дворяне вздернули
На первом же суку.
Пока же на другой они
Пускаются прием:
Печатают стишоночки,
Набитые враньем.
Стишки моею подписью
Скрепляют подлецы,
Чтоб их вранье за истицу
Сочли бы простецы.
Но с подписью поддельною
Уйдешь недалеко.
Мои ль стихи, иль барские,
Друзья, узнать легко:
Одной дороги с Лениным
Я с давних пор держусь.
Я Красной нашей Армией
Гордился и горжусь.
Мне дорог каждый искренний
И честный большевик.
В моем углу два образа:
Рабочий и *мужик*.
За строй коммунистический
Стоял я и стою.

Помещикам, заводчикам —
Пошады не даю.
Стремясь рассеять знанием
Души народной мрак,
Я — враг всех бабьих выдумок
И всех поповских врак.
Как вы, люблю я родину,
Но — не рабыню-Русь,
Которой помыкала бы
Разъевшаяся гнусь.
*Люблю я Русь народную,
Советский вольный край,
Где мироедам — места нет,
Где труженикам — рай.*
Еще, друзья, приметою
Отмечен я одной:
Язык — мое оружие —
Он ваш язык родной.
Без вывертов, без хитростей,
Без вычурных прикрас
Всю правду-матку попросту
Он скажет в самый раз.
Из недр народных мой язык
И жизнь и мощь берет.
Такой язык не терпит лжи,
Такой язык не врет.
У Кривды — голос ласковый,
Медовые уста,
У Правды — речь укорная,
Сурова и проста;
У Кривды — сто лазеечек,
У Правды — ни одной;
У Кривды — путь извилистый,
У Правды — путь прямой;
В сапожках Кривда в лайковых,
А Правда — босиком, —
Но за босою Правдою
Пойдем мы пряником!

<7 ноября> 1919

О ЧЕРТЕ
(Новогоднее)

Среди поэтов — я политик,
Среди политиков — поэт.
Пусть ужасается эстет
И пусть меня подобный критик
В прах разнесет, мне горя нет.
Я, братцы, знаю то, что знаю,
Эстету древний мил Парнас,
А для меня (верней для нас)
Милее путь к горе Синаю:
Парнас есть миф, Синай — закон,
И непреложный и суровый.
И на парнасский пустозвон
Есть у меня в ответ — готовый
Свой поэтический канон.
Сам государственный Платон,
Мудрец, безжалостный к поэтам
(За то, что все поэты врут),
Со мной бы не был очень крут.
Там, где закон: «Вся власть — Советам»,
Там не без пользы мой свисток,
Там я — сверчок неугомонный,
Усевшийся на свой законный
Неосуждаемый шесток.
Пусть я лишь грубый слух пленяю
Простых рабочих, мужиков,
Я это в честь себе вменяю,
Иных не надо мне венков.
Вот я поэт какого сорта,
И коль деревня видит черта
И склонна верить чудесам,
То черта вижу я и сам.
С детьми язык мой тоже детский,
И я, на черта сев верхом,
Хлещу его своим стихом.
Но — этот черт уже советский;
На нем клеймо не адских сфер,
А знак «Эс-Де» или «Эс-Эр»,
И в этом нет большого дива,
Про черта речь моя правдива.

Где суеверная толпа
Покорна голосу попа,
Там черт пойдет в попы, в монахи,
И я слышал такие страхи,
Как некий черт везде сновал,
Вооружась крестом нагрудным,
И, промышляя делом блудным,
В лесу обитель основал,
Вошел в великую известность
И, соблазнивши всю окрестность,
Потом (для виду) опочил
И чин святого получил;
С мощами дьявольскими рака,
По слухам, и до наших дней,
Для душ, не вышедших из мрака,
Святыней служит, и пред ней
Под звоп призывно колокольный
Народ толпится богомольный.

Черт современный поумней.
От показного благочестия
Его поступки далеки:
Он от строки и до строки
Прочтет советские «*Известия*»,
Всё обмозгует, обсосет
И, случай выбравши удобный, —
Советской власти критик злобный, —
Иль меньшевистскую несет,
Иль чушь эсеровскую порет,
А черта черт ли переспорит?!
Черт на вранье большой мастак,
В речах он красочен и пылок.
«Ну ж, дьявол, так его растак!»
Его наслушавшись, простак
Скребет растерянно затылок:
«Куда он только это гнет?
Порядки царские клянет,
Но и советских знать не хочет.
Про всенародные права,
Про учредилровку лопочет,
А суть выходит такова,

Что о буржуях он хлопочет,
Кружится просто голова!»

И закружится поневоле.
Черт — он учен в хорошей школе
И не скупится на слова.
У черта правило такое:
Слова — одно, дела — другое,
Но речь про чертовы дела
Я отложу ужю на святки.
Хоть вероятность и мала,
Что речь продолжу я, ребятки,
Бумага всех нас подвела:
Большие с нею недохватки;
В газетах нынче завели
Такие строгие порядки,
Что я, как рыба на мели,
Глотаю воздух и чумею,
Теряю сотни острых тем
И скоро, кажется, совсем,
Чертям на радость, онемею.

Пишу сие не наобум.
Не дай погибнуть мне, *главбум*,
И заработай полным ходом, —
На том кончаю. С *Новым годом!*

Декабрь 1919

НА ПОМОЩЬ КРАСНЫМ БОЙЦАМ

(К «Неделе фронта»)

Горькая чаша, но славная чаша
Выпала всем нам на долю.
Кровью истекшая родина наша
Бьется за вольную волю.
Мощным порывом разбив свои ржавые
Тысячелетние путы,
Гневно взметнулись руки шершавые
В вихре неслыханной смуты.
Люд изнуренный, невольник раскованный,
Терпит безмерные муки.

Счастье народное — клад заколдованный —
Трудно дается нам в руки.
Но победит наше слово заветное
Грозные вражьи перуны.
Близится, близится царство всесветное
Братской рабочей коммуны.
Ждут нас, быть может, еще поражения,
Новые жертвы и раны, —
Мы против вражьего злого вторжения
Новые двинем тараны.
Реют всполохи над дальними странами,
Рвутся бойцы нам на смену.
Скоро пробьем мы двойными таранами
Вражью проклятую стену.
Красные рати, не зная усталости,
Бьются с отвагою львиной,
Черную силу сметают без жалости
Неудержимой лавиной.
К светлым просторам сквозь дебри дремучие
Нам расчищают дорогу,
Верят бойцы в свои силы могучие,
В братскую нашу подмогу.
Их беззаветной отваги последствия —
Высшая наша отрада,
Наши восторги и наши приветствия —
Красным героям награда.
Братья и сестры, чтоб новые бедствия
Нашим не стали уделом,
Красным бойцам посылайте приветствия,
Но — подкрепляйте их делом.

Между 11 и 15 января 1920

ДЕНЬ ПРОЗРЕНИЯ

В руках мозолистых — икона,
Блестящий крест — в руке попа.
Вкруг вероломного Гапона
Хоругвеносная толпа.
Толпа, привыкшая дорогу
Топтать к Христову алтарю,

С мольбою шла к земному богу,
К самодержавному царю.
Она ждала, молила чуда.
Стон обездоленного люда
Услыша, добрый царь-отец
Положит мукам всем конец.
Царь услышал, и царь ответил:
Толпу молящуюся встретил
Его губительный свинец.

Великий, страшный день печали, —
Его мы скорбью отмечали.
Но — крепкий плод его дозрел.
Так пусть же песни наши грянут!
Победным гимном пусть помянут
День этот все, кто был обманут
И кто, обманутый, прозрел!

<22 января> 1920

ГУЛИМДЖАН¹

Национальный гимн социал-духанщиков

Чхеидзе и Церетели обратились к
Антанте с просьбой о помощи про-
тив большевиков.

Из газет

В Александровском садам
Музыкам игрался

И т. д.

Известная песенка

Ми садился на ишак
И в Париж гулялся.
Клеманса, такой чудак,
Очень нам смеялся.

---

¹ По радио одной из наших армий в феврале 1920 года это стихотворение было передано в Тифлис, тогда еще меньшевистский.

Радиотелеграфисты Грузин были столь к нам расположены, что приняли «радиостихотворение» и ответили:

«Ура!! Привет Демьяну Бедному!
Завтра выпьем за его здоровье!»

Гулимджан! Гулимджан!
Знаим свае дело:
Весь Кавказ мы за ляржан¹
Продаем умело.

«ТЬфу! — смеялся Клеманса. —
Не было печали!»

Ми ему в два галаса
Гулимджан кричали:
Гулимджан! Гулимджан!
Знаим свае дело:
Честь и совесть за ляржан
Продаем мы смело!

Ллойд-Джорджданья дверь открыл
В кабинет случайно,
Ми с Чхеидзем гаварыл:

«Рады чрезвычайно!»
Гулимджан! Гулимджан!
Знаим свае дело:
Мы Баку вам за ляржан
Уступаем смело!

Закричали ми: «Ай-ай! —

С невеселым физий. —

Ради бога, присылай

Поскорей дивизий!»

Гулимджан! Гулимджан!
Знаим свае дело:
Продадим вам за ляржан
Душу мы и тело!

«Ленин сжарит шашлыку

С наших демократий,

Он имеет на Баку

Преболшой симпатий!»

Гулимджан! Гулимджан!
Знаим свае дело:
Наш Тифлис — один духан!
Покупайте смело!

---

¹ Французские денежки.

Ллойд-Джорджданья атвечал:
«Тронут вашим горем,
Наш английский флот помчал
Нашим Черным морем!»
    Гулимджан! Гулимджан!
    Нам какое дело?
    Нас коварство англичан
    Вовсе не задело.

«Мени тенкс!» — «Мерси боку!»
— «Можем обещаться,
Что английский наш Баку
Будет защищаться!»
    Гулимджан! Гулимджан!
    Знаим свае дело:
    Мы Баку вам за ляржан
    Уступаем смело!

Независимый Тифлис
Тут нам объявлялся.
Ми кричали: браво! бис!
И назад гулялся!
    Гулимджан! Гулимджан!
    Знаим свае дело:
    Весь Кавказ мы за ляржан
    Продаем умело!

*Исполнили Церетели и Чхеидзе.
Записал Демьян Бедный.*

<25 января> 1920

БЛАГОСЛОВЕНИЕ

Былых господ прогнавши взашей,
Мы знаем: есть страшнее враг, —
Мы по пути к победе нашей
Свершили только первый шаг.

Страшнее барской шайки дикой
Нас изнурившая нужда.

Вперед же, воины великой
Единой армии труда!

Отбив рукой вооруженной
Всю злую вражескую гнусь,
Спасем работой напряженной
Коммунистическую Русь.

Работать все станки заставим,
Исправим всё и пустим в ход —
И от смертельных мук избавим
Нуждой измаянный народ.

Мы деревушкам скажем черным:
«Довольно жутких, темных зим!
Себя трудом, трудом упорным,
Мы к светлой жизни воскресим!»

Есть на Руси один хозяин —
Народ свободный, трудовой.
С рабочим пахарь кровно спаян
Одною спайкой боевой:

В одном строю — герой с героем —
Шли в бой, опасности деля.
Вперед же, братья, бодрым строем!
Свои заводы мы откроем,
Свои запашем мы поля.

Свои богатства мы умножим
И возрастим *свои* плоды,
У общих фабрик горы сложим
Из торфа, угля и руды.

Жизнь забурлит живым потоком,
Не зная вражеских запруд, —
И мы, в спокойствии глубоком,
Окинув Русь хозяйским оком,
Благословим наш общий труд!

<11 февраля> 1920

УЧЕНОМУ И БОРЦУ
ПРОФЕССОРУ Е. А. ТИМИРЯЗЕВУ

Седой мудрец, душой сколь многих ты моложе.
Пусть первый ты средь нас, пусть ты пока — один.
Тем знаменательней для нас и тем дороже
Приветный голос твой и вид твоих седин.
Сегодня ты двойным увенчан ореолом,
В его сиянии твой образ навсегда
В потомство перейдет возвышенным символом
Союза мощного — науки и труда.

<21 февраля> 1920

ОЦЕНКА

На предложение, сделанное русскими эмигрантами — дать швейцарским банкам в обеспечение свои имения и дома в России, представитель швейцарских интересов заявил: 1) что предложенный залог — миф, никаких гарантий не дающий, 2) что русские должны обеспечить заем реальными гарантиями, как то: драгоценностями, имениями где-либо за границей или в Польше.

«Последние новости»

Персоной будучи в кругах известных видной,
Потомственный буржуй с осанкою солидной
(При случае его я назову)

Зашел в Париже в банк и сразу: «Вуле-ву?»

На редкость выгодная сделка.

Мне банк даст золота, я банку — векселя

Под обеспеченье!..»

— «Какое?»

— «Есть земля...»

Вполне исправное громадное именье,

При нем завод — мое почтенье!

Железный путь совсем вблизи,

Большая пристань тут же рядом...»

Какой же банк таким побрезгует закладом?

В минуту дело на мази.

Но... вмиг всю сделку погубило

Словцо, всего одно словцо.

Директор банковский, смеявшийся так мило,

Вдруг скорчил кислое лицо:

«А как — пардон, мусью! — как велика оценка
Именья вашего?»

— «Мильон».

— «Мерси, мерси!..

А где ж, мусью, оно?»

— «Где? — побелев, как стенка,

Забормотал буржуй. — В России!.. Ан Рюсси!..»

— «Ах, ан Рюсси!» — вздохнул в ответ директор банка
И дал российскому мусью... на чай полфранка!

<15 июня> 1920

ЖЕСТКИЙ СРОК

Разжигатель неумный —

Я кочую по фронтам.

Мой вагон дырявый, темный

Нынче здесь, а завтра там.

Плут иль трус — моя добыча:

Опозорю, засмею.

Я, повсюду нос свой тыча,

Зря похвал не раздаю.

Рожни лодырей малюя,

Их леплю на все углы.

Но когда кого хвалю я,

Значит, стоит он хвалы.

Шляхта подлая, тупая

Понапрасну нос дерет.

Отступая, наступая,

Мы идем вперед, вперед.

Путь известен: до Варшавы.

Видел место я вчера,

Где наводят переправы

Наши чудо-мастера.

Красным штабом самый точный

Обозначен им урок:

«Нужен мост на диво прочный
В срок — кратчайший. Жесткий срок».

Молотки стучат задорно.
Топоры звенят-поют.
Средь высоких свай проворно
Чудо-техники снуют.

Через Неман на Варшаву
«Шьют» стальную колею.
Всем путейцам нашим славу
Я охотно пропою.

Не напрасно путь здесь ляжет.
Красный фронт наш дал зарок:
Чванной шляхте он покажет,
Что такое «жесткий срок».

12 сентября 1920
Западный фронт

ПЕЧАЛЬ

Дрожит вагон. Стучат колеса.
Мелькают серые столбы.
Вагон, сожженный у откоса,
Один, другой... Следы борьбы.
Остановились. Полустанок.
Какой? Не всё ли мне равно.
На двух оборванных цыганок
Гляжу сквозь мокрое окно.
Одна — вот эта, что моложе, —
Так хороша, в глазах — огонь.
Красноармеец — рваный тоже —
Пред нею вытянул ладонь.
Гадалки речь вперед знакома:
Письмо, известье, дальний путь...
А парень грустен. Где-то дома
Остался, верно, кто-нибудь.

Колеса снова застучали.
Куда-то дальше я качу.

Моей несказанной печали
Делить ни с кем я не хочу.
К чему? Я сросся с бодрой маской.
И прав, кто скажет мне в укор,
Что я сплошную красной краской
Пишу и небо и забор.
Души неясная тревога
И скорбных мыслей смутный рой...
В окраске их моя дорога
Мне жуткой кажется порой!

О, если б я в такую пору,
Отдавшись власти черных дум,
В стихи оправил без разбору
Всё, что идет тогда на ум!
Какой восторг, какие ласки
Мне расточал бы вражий стан,
Все, кто исполнен злой опаски,
В чьем сердце — траурные краски,
Кому всё светлое — обман!

Не избалован я судьбою.
Жизнь жестоко меня трясла.
Всё ж не умножил я собою
Печальных нытиков числа.
Но — полустанок захолустный...
Гадалки эти... ложь и тьма...
Красноармеец этот грустный
Всё у меня нейдет с ума!
Дождем осенним плачут окна.
Дрожит расхлябанный вагон.
Свинцово-серых туч волокна
Застлали серый небосклон.
Сквозь тучи солнце светит скудно.
Уходит лес в глухую даль.
И так на этот раз мне трудно
Укрыть от всех мою печаль!

*13 сентября 1920
Полесье*

МАНИФЕСТ БАРОНА ФОН ВРАНГЕЛЯ

Ихь фанге ан.¹ Я нашаю.

Эс ист² для всех советских мест,
Для русский люд из краю в краю
Баронский унзер³ манифест.

Вам мой фамилий всем известный:

Ихь бин⁴ фон Врангель, герр барон.

Я самый лючший, самый шестный

Есть кандидат на царский трон.

Послушай, красные зольдатеи:⁵

Зашем ви бьетесь на меня?

Правительств мой — все демократен,

А не какой-нибудь звиня.

Часы с поломанной пружина —

Есть власть советский такова.

Какой рабочий от машина

Имеет умный голова?

Какой мужик, разлючный с полем,

Валяйт не будет дурака?

У них мозги с таким мозолем,

Как их мозолистый рука!

Мит клейнем,⁶ глюпеньким умишком

Всех зо генаннтен⁷ простофиль

Иметь за власть?! Пфуй, это слишком!

Ихь шпрыхе:⁸ пфуй, даст ист цу филь!⁹

Без благородного сословий

Историй русский — круглый нуль.

Шлехът!¹⁰ Не карош порядки новий!

Вас Ленин ошень обмануль!

Ви должен верить мне, барону.

Мой слово — твердый есть скала.

Мейн копф¹¹ ждет царскую корону,

Двухглавый адлер¹² — мой орла.

Святая Русслянд...¹³ гейлих эрде...¹⁴

Зи лигт им штербен,¹⁵ мой земля.

Я с белый конь... фом вейсен пферде...¹⁶

Сойду цум альтен¹⁷ стен Кремля.

И я скажу всему канальству:

«Мейн фольк,¹⁸ не надо грабежи!

Служите старому начальству,

Вложите в ножницы пожи!»

Вам будут слезы очень литься:
«Порядок старый караша!»
Ви в кирхен¹⁹ будете молиться
За мейне русшише душа.
Ви будет жить благополучно
И целовать мне сапога.
Гут!²⁰
«Подписал собственноручно»
Вильгельма-кайзера слуга,
Барон фон Врангель, бестолковой
Антантой признанный на треть:
«Сдавайтесь мне на шестный слово.
А там... мы будем посмотреть!!»

Баронскую штучку списал
и опубликовал *Демьян Бедный*.

5 октября 1920
Южный фронт

ЛАТЫШСКИЕ КРАСНЫЕ БОЙЦЫ

Латыш хорош без аттестации.
Таков он есть, таким он был:
Не надо долгой агитации,
Чтоб в нем зажечь геройский пыл.

Скажи: «барон!» И, словно бешеный,
Латыш дерется, всё круша.
Чай, не один барон повешенный —
Свидетель мести латыша.

Заслуги латышей отмечены.
Про них, как правило, пиши:
Любые фланги обеспечены,
Когда на флангах — латыши!

Пояснение немецких слов: ¹ Я начинаю. ² Это есть. ³ Наш. ⁴ Я есмь. ⁵ Солдаты. ⁶ С маленьким. ⁷ Так называемых. ⁸ Я говорю. ⁹ Это чересчур! ¹⁰ Нехорошо. ¹¹ Моя голова. ¹² Орел. ¹³ Россия. ¹⁴ Святая земля. ¹⁵ Она находится при смерти. ¹⁶ С белого коня. ¹⁷ У старых. ¹⁸ Мой народ. ¹⁹ В церквах. ²⁰ Хорошо!

Где в бой вступает латдивизия,
Там белых давят, как мышей.
Готовься ж, врангельская физия,
К удару красных латышей!

<23 октября> 1920

ЧЕСТЬ КРАСНОАРМЕЙЦУ!

Превознесу тебя, прославлю,
Тобой бессмертен буду сам.

Г. Р. Державин

Красноармеец — Пров, Мефодий,
Вавила, Клим, Иван, Софрон —
Не ты ль, смахнув всех благородий,
Дворян оставил без угодий,
Князей, баронов — без корон?

Вся биржа бешено играла
«На адмирала Колчака».
Где он теперь, палач Урала?
Его жестоко покарала
Твоя железная рука!

Деникин? Нет о нем помина.
Юденич? Вечный упокой.
А Русь Советская — едина.
Сибирь, Кавказ и Украина
Защищены твоей рукой!

Ты сбавил спеси польской своре,
Сменив беду полубедой.
Кто победит, решится вскоре,
Пока ж — ты мудро доброй ссоре
Мир предпочел полухудой.

Ты жаждал подвига иного:
Рабочей, творческой страды.
Где места нет у нас больного?
Пора, дав жить тому, что ново,
Убрать гнилье с родной гряды.

Но оставалась корона,
Еще не сбитая тобой.
И — всходов новых оборона —
Ты на последнего барона
Пошел в последний, страшный бой.

Под наши радостные клики
Хвалой венчанной боевой,
Гроза всех шаек бело-диких,
Ты — величайший из великих,
Красноармеец рядовой!

Герой, принесший гибель змею,
Твоих имен не перечесть!
Тебе — Вавиле, Фалалею,
Кузьме, Семену, Еремею —
Слагаю стих я, как умею,
И отдаю по форме *честь!*

Между 4 и 6 ноября 1920

СТРЕЛКА

В жаркой битве, в стычке мелкой,
Средь строительных лесов
Жадно мы следим за стрелкой
Исторических весов.

Стрелки слабое движенье,
Чуть приметная дуга,
Отмечает напряженье
Наших сил и сил врага.

Крым — еще он полон дыма,
Не улегся бранный шум,
Глядь, а стрелка уж от Крыма
Повернула на Батум.

И в раздумье вновь твержу я
Затверженные зады.

Вновь придется про «буржуя»
Мне писать на все лады.

Вновь тончайшие эстеты
Будут хныкать (как и встарь!),
Что гражданские поэты
Оскорбляют их алтарь.

Вновь придется ждать мне часу,
Чтоб пройтися (жеребий злой!)
По советскому «Парнасу»
С сатирической метлой.

Стрелка влево пишет дуги.
«Сэр, с какой ступать ноги?»
У Ллойд-Джорджа от натуги
Раскорячились мозги.

Лорда Керзона он молит
Дать ему совет благой:
«Сэр, нас Ленин приневолит
Левой выступить ногой!»

Сэр бормочет: «Левой! Правой!
Вы — одной, а я — другой!»
И с усмешкою лукавой
Наблюдает за дугой.

Между 16 и 20 ноября 1920

ПОСЛЕДНЯЯ КАПЛЯ

Парадный ход с дощечкой медной:
«Сергей Васильевич Бобров».
С женой, беременной и бледной,
Швейцар сметает пыль с ковров.
Выходит барин, важный, тучный.
Ждет уж давно его лихач.
«Куда прикажете?» — «В Нескучный».
Сергей Васильевич — богач.
Он капиталов зря не тратит.

А капиталы всё растут.
На черный день, пожалуй, хватит, —
Ан черный день уж тут как тут.

Пришли советские порядки.
Сергей Васильичу — беда.
Сюртук обвис, на брюхе складки,
Засеребрилась борода.
Нужда кругом одолевает,
Но, чувство скорби поборов,
Он бодр, он ждет, он уповает,
Сергей Васильевич Бобров.
Когда Колчак ушел со сцены,
Махнули многие рукой,
Но у Боброва перемены
Никто не видел никакой.
Юденич кончил полным крахом:
У многих сердце в эти дни
Каким, каким сжималось страхом,
А у Боброва — ни-ни-ни.
Деникин — словно не бывало,
Барон — растаял аки дым.
Боброву, с виду, горя мало —
Привык уж он к вестям худым.
И даже видя, что в газетах
Исчез военный бюллетень,
Он, утвердась в своих приметах,
Ждет, что наступит... *белый* день.

И вдруг... Что жизнь и смерть? Загадка!
Вчера ты весел был, здоров,
Сегодня... свечи, гроб, лампадка...
Не снес сердечного припадка
Сергей Васильевич Бобров.

Бубнит псалтырь наемный иннок
Под шепоток старушек двух:
«Закрыли Сухарев-то рынок!»
— «Ох, мать, от таких новинок
И впрямь в секунд испустишь дух!»

<17 декабря> 1920

ВОРОНЬЕ

При свете трепетном луны
Средь спящей смутным сном столицы,
Суровой важности полны,
Стоят кремлевские бойницы, —
Стоят, раздумье затая
О прошлом — страшном и великом.
Густые стан воронья
Тревожат ночь зловещим криком.
Всю ночь горланит до утра
Их черный стан, объятый страхом:
«Кра-кра! Кра-кра! Кра-кра! Кра-кра! —
Пошло всё прахом, прахом, прахом!»
О, воплощенье мертвых душ
Былых владык, в Кремле царивших,
Душ, из боярских мертвых туш
В объятья к черту воспаривших!
Кричи, лихое воронье,
Яви отцовскую кручину:
Оплачь детей твоих житье
И их бесславную кончину!
Кричи, лихое воронье,
Оплачь наследие твое
С его жестоким крахом! Крахом!
Оплачь минувшие года:
Им не вернуться никогда.
Пошло всё прахом, прахом, прахом!

1920

ЗАВЯЗЬ

Святое царство правды строится
В родимой стороне.
Незримой много силы кроется
В народной глубине!
Вставайте ж, новые работники,
Рожденные в борьбе!
Поэты, пахари и плотники,
Мы вас зовем к себе!

Встань, рать подвижников суровая,
Грядущего оплот!
Расти и крепни, завязь новая,
И дай нам зрелый плод!

1920

НОВОГОДНЕЕ

Давая прошлому оценку,
Века и миг сводя к нолю,
Сегодня я, как все, на стенку
Тож календарик наколю
И, уходя от темы зыбкой,
С благонамеренной улыбкой,
Впадая ловко в общий тон,
Дам новогодний фельетон.

То, что прошло, то нереально, —
Реален только опыт мой,
И потому я, натурально,
Решил оставить путь прямой.
Играя реже рифмой звонкой,
Теперь я шествую сторонкой
И, озираясь назад,
Пишу, хе-хе, на общий лад.

Пишу ни весело, ни скучно —
Так, чтоб довольны были все.
На Шипке всё благополучно.
Мы — в новой, мирной полосе.
Программы, тезисы, проекты,
Сверхсветовые сверхэффекты,
Электризованная Русь...
Всё перечислить не берусь.

И трудно сразу перечислить.
Одно лишь ясно для меня:
О чем не смели раньше мыслить,
То вдруг вошло в программу дня.
Приятно всем. И мне приятно.
А потому весьма понятно,

Что я, прочистив хриплый бас,
Готовлюсь к выезду в Донбасс.

Нам приходилось очень круто.
Но труд — мы верим — нас спасет.
Всё это так. Но почему-то
Меня под ложечкой сосет.
Боюсь, не шлепнуть бы нам в лужу.
Я вижу лезущих наружу —
Не одного, а целый стан —
Коммунистических мещан.

Мещанство — вот она, отрав! —
Его опасность велика.
С ним беспощадная расправа
Не так-то будет нам легка.
Оно сидит в глубоких норах,
В мозгах, в сердцах, в телесных порах
И даже — выскажусь вполне —
В тебе, читатель, и во мне.

Ты проявил в борьбе геройство.
Я в переделках тоже был.
Но не у всех такое свойство —
Уметь хранить геройский пыл.
Кой-где ребятки чешут пятки:
«Вот Новый год, а там и святки...»
Кой-где глаза, зевая, трут:
«Ах-ха!.. Соснем... Потом... за труд...»

Для вора надобны ль отмычки,
Коль сторож спит и вход открыт?
Где есть мещанские привычки,
Там налицо — мещанский быт.
Там (пусть советские) иконы,
Там неизменные каноны,
Жрецы верховные, алтарь...
Там, словом, всё, что было встарь.

Там — общепризнанное мненье,
Там — новый умственный Китай,

На слово смелое — гоненье,
На мысль нескованную — лай;
Там — тупоумие и чванство,
Самовлюбленное мещанство,
Вокруг него обведена
Несокрушимая стена...

Узрев подобную угрозу,
Сказать по правде — я струхнул.
И перейти решил на прозу.
В стихах — ведь вон куда махнул!
Трусливо начал, а кончаю...
Совсем беды себя не чаю...
А долго ль этак до беды?
Стоп. Заметать начну следы.

Я вообще... Я не уверен...
Я, так сказать... Согласен, да...
Я препираться не намерен...
И не осмелюсь никогда...
Прошу простить, что я так резко...
Твое, читатель, мнение веско...
Спасибо. Я себе не враг:
Впредь рассчитаю каждый шаг.

Я тож, конечно, не из стали.
Есть у меня свои грехи.
Меня печатать реже стали —
Вот за подобные стихи.
Читатель милый, с Новым годом!
Не оскорбись таким подходом
И — по примеру прошлых лет —
Прими сердечный мой привет!

Между 24 и 31 декабря 1920

НА ПЕРЕВАЛЕ

Товарищи!

Пускай, прельщая вас неисполнимым чудом,
Враги туманят вам глаза словесным блудом.
Я буду говорить для рыцарей труда.

Перед своим, родным, перед рабочим людом
Льстецом я не был никогда.

Я знал: мне верит мой читатель,
Как ни суров я был в моих стихах порой.
Я честно говорил герою: ты — герой!
И трусу говорил: ты — трус и ты — предатель!
И если мне бросал упреки малOVER,
Я знал: то меньшевик лукавый, иль эс-эр,

Иль ошалелый обыватель,
Коль не прямой лакей баронов и князей,
Сам черносотенный Гамзей.

Куда девались трактирщики былые,
Охотнорядцы, мясники,
Прохвосты важные, прохвосты рядовые,
Урядники, городовые,

Жандармы явные и тайные шпики?

Многовековую народную проказу
Не удалось выжечь сразу:

Весь царский старый перегной,
Всю грязь зловонную, то ту, то эту лужу
Каким ни ограждай кордоном иль стеной,
Она разыщет щель и выползет наружу,

Распространяя смрадный дух
И отравляя всех отравою тлетворной.

Враги не спят: огонь их ненависти черной
В сердцах их черных не потух.
То, чем открытые враги еще недавно
На боевых фронтах нам угрожали явно,
То тайные враги, весь разномастный хлам,
Ковали тайно здесь, шипя по всем углам.
Потом, отчаявшись в успехе,
Они ж, при нашем общем смехе,
С бесстыдством подлецов лихую чушь несли,
Что «гуси Рим спасли»,
Что именно они — меньшевики, эс-эры,
Весь перекрасившийся сброд —
Всегда «стояли» за народ,
«Болели» за него и «обсуждали» меры.
Но только стоило, как в нынешние дни,
Почувствовать нам боль хозяйственной заминки,
Как с новой яростью они
С «заздравья» перешли на злобные «поминки».
И дива в этом нет, как нет большой беды.
Когда осилим мы проклятую трясину,
То кандидаты на осину —
Все те, кому не скрыть теперь своей вражды,
Все те, по чьей вине погибло столько жизней
В огне войны, в когтях нужды, —
Они начнут вилять и замечать следы.
Что ни постигнет их, не жаль мне этих слизней!
Но жаль мне подлинных страдальцев-бедняков,
Жаль тех, кто, дрогнувши в тяжелые минуты,
Сам на себя готов надеть былые путы,
Сам просит для себя и тюрем и оков,
Былым «хозяевам» сам подставляет плечи, —
Жаль тех, кто, слушая предательские речи
И душу отравив безудержной хулой
Врагов, осипнувших от вою,
Стоит с поникшей головою,
Работу бросивши, раздумчивый и злой.
И если, поутру склонившись над газетой,
В рабочей хронике прочту я бюллетень,
Что неурядица идет такой-то день
На фабрике на той иль этой, —
Мне, братья, скорбная слеза туманит взор
И слова гневного «позор!»

Я не могу сказать, судя рабочих строго.
Я говорю: «Друзья, не слушайте лжецов!
Мы победим в конце концов!
Я знаю: горько вам живется и убого,
Но цель заветная близка, ее видать.
Все силы напряжем — не будем голодать.
Страдали много мы. Осталось немного
Перетерпеть, перестрадать!»

<25 февраля 1921>

ТАК БЫЛО, НО ТАК НЕ БУДЕТ ВНОВЬ

Слепых, скорбящих душ слепое упование,
Ты — в муках — создало скорбящий лик Христа,
Его предателя нечистые уста,
Его мучителей глухое завыванье,
И, пригвоздив к кресту распятую любовь,
Ты кровью жертвенной всех палачей омыло.

Так было.

Веками было так. Но так не будет вновь.
Религия рабов — не для бойцов свободных.
Мы — отомстители за пролитую кровь,
За миллионы жертв, за море слез народных.
Кумачным знаменем — каратели царей —
Мы заменили крест народного распятья,
И, стоя у иных, распахнутых дверей,
Мы пламенно зовем: прозрите же скорей,
Единокровные, слепые наши братья!

*1 мая 1921
Первый день пасхи*

БРАТСКОЕ ДЕЛО

С весны, всё лето, ежедневно
По знойным небесам он плыл, сверкая гневно, —
Злой, огнедышащий дракон.
Ничто не помогло: ни свечи у икон,

Ни длиннорясые, колдующие маги,
Ни ходы крестные, ни богомольный вой:
Ожесточилася земля без доброй влаги,
Перекаленные пески сползли в овраги,
Поросшие сухой, колючею травой,
И нивы, вспаханные дважды,
Погибли жертвою неутоленной жажды.
Пришла великая народная беда.

Есть, братья, где-то города:
Раскинув щупальцы, как спруты-исполины,
Злом дышат Лондоны, Парижи и Берлины.
Туда укрылися бывлые господа,
Мечтающие вновь взобраться нам на спины
И затаившие одно лишь чувство — месть.
О, сколько радостных надежд несет им весть,
Что солнцем выжжены приволжские равнины,
Что обезумевший от голода народ,
Избушки бросивши пустые и овины,
Идет неведомо куда, бредет вразброд,
Что голод, барский друг, «холопскому сословью»
Впился когтями в грудь, срывая мясо с кровью,
И что на этот раз придушит мужика
Его жестокая костлявая рука.
А там... ах, только бы скорее!.. Ах, скорее!..
И рад уже эсер заранее ливрее,
В которой будет он, холуй своих господ,
Стоять навтыжку, храня парадный ход:
«Эй, осади, народ!.. Не то чичас по шее!..
Эй, осади, народ!..»

Поволжье выжжено. Но есть места иные,
Где не погиб крестьянский труд,
Где, верю, для волжан собратья их родные
Долг братский выполнят и хлеб им соберут.
Пусть нелегко оно — налоговое бремя,
Но пахарь пахарю откажет ли в нужде?
Мужик ли с мужиком убьют преступно время
В братоубийственной, корыстной, злой вражде?
Пусть скаредный кулак для хлеба яму роет,
Тем яму роя для себя, —
Тот, кто голодному в день черный дверь открывает,

Об участи его, как о своей, скорбя,
Кто, с целью побороть враждебную стихию,
Даст жертвам голода подмогу в трудный год,
Тот и себя спасет и весь родной народ
    Спасет народ — спасет Россию!

Между 1 и 15 июля 1921

ЛИБЕРАЛ

Я уверен, что всякий предпочтет
Ленину даже царя Павла. Я ни од-
ной минуты не колебался бы. Со
всеми шпицрутенами, со всеми Арак-
чевыми, со всем безумием самодер-
жавного самодурства — предпочитаю
Павла.

*Александр Яблоновский
Из белогвардейского «Общего дела»*

То-то, братцы, и оно.
    Яблоновский, bravo!
Возвращай уж заодно
    Крепостное право!

Се — Аника из Анник,
Белый рыцарь без забрала.
*Поскребите либерала,
Перед вами — крепостник!*

<3 августа> 1921

СВЕРХЛИБЕРАЛ

Недавно я писал о русских либералах,
Помешанных на белых генералах.
Царь Павел был на что самодержавный зверь,
А либералы ждут: «Такого б нам теперь!»
Я удостоился на выпад свой ответа, —
    От бешенства не взвидя света.
Какой-то либерал мне пишет напрямки
    (Без подписи и, значит, без обмана):

«Что Павел? Павел — пустяки.
Не Павла жаждем — Тамерлана!»
Так вот он, либерал, каков, когда он гол:
Не крепостник уже, а кочевой монгол!

<14 августа> 1921

«ВЛАДИМИРКА»

«Н-но!.. Туда же, брыкаться... Нашлась
недотрога!»...
Туго врезалась в твердую землю соха.
«Здравствуй, дядя! Гляжу я: земля не плоха».
— «Да крепка. Утоптали. Была ведь дорога.
Слышь, в Сибирь, значит, гнали по ней
в старину...»

Эй, ты, н-ну,
Шевелись, сухопарая!..»
Борозда к борозде... Ком ложится на ком...
Кто узнал бы тебя нынче в виде таком,
Роковая путина, «Владимирка старая»?!

Брат мой, пахарь! Погибших бойцов помяни,
Окруженные серым, суровым конвоем,
Пыльной летней порой — под мучительным зноем,
Хмурой осенью — в тускло-ненастные дни
И студеной зимой — в ночи темные, вьюжные,
Кандалами гремя, испытые, недужные,
По «Владимирке старой» шагали они.

Не склоняя голов непокорных,
Не смыкая усталых и скорбных очей,
Мимо жалких лачуг, покосившихся, черных,
Мимо пышных усадеб своих палачей,
Подло-мстительной царской покараны карой,
В рудники за бойцом посылавшей бойца,
Шли они — без конца, без конца, без конца —
По «Владимирке старой»!

Сколько скорбных, невидимых нами теней,
Может быть, в это время проходят по ней
И дивятся на новые яркие всходы!

Пахарь! Празднуй праздник *труда и свободы*,
Не забудь благодарной слезой помянуть
Всех, кто в оные, злые, проклятые годы
Ради нас проходил этот жертвенный путь!

<6 ноября> 1921

АЗБУКА

Я не скажу, что нынче вѣдро.
Тут правды незачем скрывать.
Но всё же я настроен бодро
И не намерен унывать,
Хоть на унынье нынче мода.
Из большевистского прихода,
Хоть человек я и не злой,
Я б гнал всех нытиков долой.
Одна любительница позы,
Из крайне-«левых» героннь,
Вчера шептала мне: «Аминь»,
Рисуя мрачные прогнозы.
Я ей сказал: «Шалтай-болтай!
Не хочешь петь, так улетай!»

Осточертели эти бредни,
Что, дескать, «мы уже не те».
Письмо крестьянское намедни
Пришлось прочесть мне в «Бедноте».
Письмо — великого значенья.
Вот образец для поученья!
Мужик стал просо разводить,
Да не умел за ним ходить:
Впервые стал он просо сеять.
Ан, урожай-то вышел плох.
Мужик не хныкал: «ах да ох!» —
Он просо стал усердно веять,
Чтоб приготовить семена
Лишь из отборного зерна.

Посеял. Вновь — одна кручина.
Мужик слезы не уронил,

Стал разбираться: где причина?
Не так он просо взборонил.
«Блажной!» Жена уж смотрит косо.
Но в третий раз он сеет просо.
И получились чудеса:
Вся золотая полоса, —
Согнулись мягкие метелки
Под тучной тяжестью зерна.
«И ведь земля-то не жирна!»
Пошли по всей деревне толки:
«Да на моей бы полосе...»
Решили просо сеять все!

Всё это азбучно, бесспорно,
Но в этой азбуке — урок.
К чему стремится кто упорно,
То он получит в некий срок.
А в срок какой, ответить трудно.
Пороть горячку безрассудно.
Кому медлительность тяжка,
В том, стало быть, тонка кишка
Иль растянулась от натуги, —
Тогда для этаких кишок
Партийный нужен ремешок.
«Эй, подтянитесь, мил-други,
Чтоб близкий, может быть, всполох
Не захватил бы вас врасплох!»

<22 ноября> 1921

СЕМЕНА

(Из моего детства)

Самовар свистал в три свиста.
Торопяся и шая,
Три румяных гимназиста
Уплетали кренделя.

Чай со сливками любовно
Им подсовывала мать.
«Вновь проспали! Девять ровно!
Надо раньше поднимать!»

Всё поблажкам нет предела!» —
Барин ласково гудел.
Мать на младшего глядела:
«Вася будто похудел...

Нету летнего румянца!..»
Состоя при барчуках,
Тятыка мой три школьных ранца
Уж держал в своих руках,

А за ним пугливо сзади
Я топтался у дверей.
Барин снова: «Бога ради,
Мать, корми ты их скорей!

Вот! — он к тятке обернулся. —
Сколько нам с детьми хлопот.
Из деревни твой вернулся?
Разве зимних нет работ?

А, с книжонкою мальчишка?!
Велики ль его года?
Покажи-ка, что за книжка?
Подойди ж, дурак, сюда!»

Я стоял как деревянный.
Тятыка подал книгу вмиг.
«М-да... *Не-кра-сов...* Выбор странный!..
Проку что с таких-то книг?!

Ну, стишки!.. Ну, о народе!..
Мальчик твой по существу
Мог бы лучше на заводе
Обучаться мастерству!..

Или все мужичьи дети
Рвутся выйти в господа?..
И опять же книги эти...
Сколько скрыто в них вреда!..

Дай лишь доступ в наше время
К их зловредным семенам!!»

Тяжка скреб смущенно темя:
«Что уж, барин!.. Где уж нам!..»

Я со страху и печали
На ногах стоял едва,
А в ушах моих звучали
Сладкой музыкой слова:¹

*«Ноги босы, грязно тело,
И едва прикрыта грудь...
Не стыдися! Что за дело?
Это многих славных путь.*

. . . . .

*Не без добрых душ на свете —
Кто-нибудь свезет в Москву,
Будешь в университете —
Сон свершится наяву!*

*Там уж поприще широко:
Знай работай да не трусь...
Вот за что тебя глубоко
Я люблю, родная Русь!»*

<6 декабря> 1921

ТРУД И ПОРЯДОК

В нашем государстве мы — партия порядка. Этот порядок достался нам дорогой ценой. И мы обязаны всеми средствами охранять его против всех врагов — и внутренних и внешних, — которые посягают на него, разрушая то, что добыто с такими усилиями рабочим классом России.

«Правда», передовая статья 9 декабря 1921 г.

Мы бурю подняли не бурелома ради.
Уничтожая гниль, гремели мы: «Вали!!»
«Старью, глушившему молодняки, ни пяди,
Ни пяди отнятой у темных сил земли!»

---

¹ Из стихотворения Некрасова «Школьник».

«Долой с родных полей, со всенародной пашни
Всю чужеядную, ползучую траву!»
И падали дворцы, и рушились башни,
И царские гербы валялись во рву!
Но разрушали мы не разрушенья ради.
Сказавши прошлому: «Умри и не вреди!» —
С цепями ржавыми весь гнет оставив сзади,
Мы видели простор бескрайный впереди,
Простор — для творчества, простор — для жизни
новой,
Простор — для мускулов, для чувства, для ума!
Мы знали: школою тяжелой и суровой
Добьемся мы, чтоб свет стал жизненной основой
Для тех, чей ум века окутывала тьма.
И потому-то так трясет их лихорадка,
Всех гадов, коим так мила назад оглядка,
Когда мы говорим: «Всему своя чреда.
Все — к пашням и станкам! Мы — партия труда
И партия порядка!»

Между 9 и 12 декабря 1921

ДАВНО ПОРА

Даль степную застиляет
Предвечерний мрак.
По тропинке едет шагом
Удалой казак.

Едет, браво заломивши
Шапку набекрень.
Возле речки — камышовый
Старенький курень.

Сивый дед свои лохмотья
Греет у огня.
«Здравствуй, дед!» — Казак лихого
Осадил коня.

«Здравствуй, милый! Далеко ли
Держишь путь ты, друг?»
— «На казацкий круг я еду,
На советский круг».

Дед вздохнул, перекрестился:
«Ох, как с плеч гора!
Уж давно пора б так, детки!
Уж дажно пора!»

1921

СОВЕТСКИЙ ЧАСОВОЙ

Баллада

Заткало пряжею туманной
Весь левый склон береговой.
По склону поступью чеканной
Советский ходит часовой.

Во мгле туманной берег правый.
За темной лентою Днестра
Припал к винтовке враг лукавый,
В чьем сердце ненависть остра.

Кто он? Захватчик ли румынский?
Иль русский белый офицер?
Иль самостийник украинский?
Или махновский изувер?

Пред ним, дразня его напевом
Рабочей песни боевой,
На берегу на том, на левом,
Советский ходит часовой.

Лукавый враг — стрелок искусный,
Послал он пулю, знал куда.
Но не ушел убийца гнусный
От справедливого суда:

В кругу ль убийц, ему подобных,
Наедине ли, всё равно,
Под вихрь и чувств и мыслей злобных
Ему мерещится одно:

Там, над Днестром, во мгле туманной,
Всё с той же песнью боевой,
Всё той же поступью чеканной
Советский ходит часовой!

<15 января> 1922

ЗА ЭТОЙ ЛИНИЕЙ

(Основной припев)

Я опоздал с моею сказкой.
«Гааги» нету. Не беда.
Ведь мы гаагскою развязкой
Не обольщались никогда.
Так суждено уж — прогореть ей,
Чтоб — через сколько там недель? —
На конференции на третьей
Продолжить ту же канитель.

А может, песенкой иною
Начнет лиса нас угощать?
Блокадой новой иль войною
Опять попробует стращать?
Ну что же, мы себе на плечи
Врагов не думаем сажать.
Красноармейцы, вашей «речи»
Не стану я опережать!
Скажу лишь то, что непреложно:
Мы уступаем, сколько можно,
Но если нас биржевики
Начнут пугать — серьезно? ложно? —
Мы твердо скажем: «Осторожно!
За этой линией — штыки!!»

<23 июля> 1922

ПУГАЛО

(Надпись на памятнике Александру III в Ленинграде)

Мой сын и мой отец при жизни казнены,
А я пожал удел посмертного бесславья:
Торчу здесь пугалом чугунным для страны,
Навеки сбросившей ярмо самодержавья.

Предпоследний самодержец всероссийский
Александр III

<11 августа 1922>

ЮНОЙ ГВАРДИИ

Время темное, глухое...
И забитость и нужда...
Ой ты, времечко лихое,
Мои юные года!

Перед кем лишь мне, парнишке,
Не случалось спину гнуть?
К честным людям, к умной книжке
Сам протапывал я путь.

Темь. Не видно: ров иль кочка?
Друг навстречу или гад?
Сиротливый одиночка,
Брел я слепо, наугад.

Вправо шел по бездорожью,
Влево брал наискосок, —
И дрожал пугливой дрожью
Мой незрелый голосок.

Нынче красной молодежи
В дядьки я уже гожусь.
На ребяческие рожи
Всё гляжу — не нагляжусь.

Зашумит ли резвым роем
В светлых залах новых школ
Иль пройдет военным строем
Предо мною Комсомол,

Я, состарившись наружно,
Юным вновь горю огнем:
«Гей, ребятки! В ногу! Дружно!
Враг силен. Да шут ли в нем?»

Враг стоит пред грозной карой,
Мы — пред заревом побед!»
Юной гвардии от старой
Героический привет!

<3 сентября> 1922

КРУЖЕВО

Се — вход Чичерина в Лозанну.
Кому скажу: благоговей?
Кто будет петь ему осанну?
Нарежет пальмовых ветвей?

Не будет встречи вдохновенной,
Не будет также и креста.
У конференции надменной
Есть уязвимые места.

Чичерин их лечить не станет,
Но тронет этак раз, другой,
Сказавши тем, кто загорланит:
«Я ж тронул пальцем, не ногой!»

Всё будет чинно и понятно
Дипломатическим умам.
Поговорят безрезультатно
И разбредутся по домам.

Из надоевшей всем кадрили
Очередное сделав па,
Начнут хитрить, как и хитрили,
Дробя слабейшим черепа.

Но наш Чичерин, мудрость эту
Не хуже зная, чем враги,

По очень скользкому паркету
Спокойно делает шаги:

Где нужно, сделает как нужно
Полунажим, полупоклон,
Отнюдь не выявив наружно,
Что прикрывает наш заслон.

И даже я — на что уж прыток! —
Себе обмолвиться не дам.
Пусть рыщут сотни следопыток
По запорошенным следам!

Между 20 ноября и 5 декабря 1922

СОЦИАЛ-БОЛОНКИ

Вы полюбуйте, что за франты
Лакеи верные у госпожи Антанты.
Рабочие кричат им издали: «Эй, эй!
Чего вы, ироды, копаетесь? Живей!
Пора всеобщую начать нам забастовку!»
— «Нет, ни за что! Нет, нет! —
Лакеи им в ответ. —

Намедни поднесли мы барыне листовку,
В которой наплели вы дикой ерунды.
Так барыня, когда листовку в руки взяли
И прочитали всё: «Нехорошо! — сказали, —
Держитесь далее от уличной орды.
Всё это варвары, всё дураки и дуры,
Они — вне общества, прогресса и культуры!
Пора на цепь их посадить!»
Всё это барыня сказавши, стали хмуры
И не велели к вам ходить!»

Собачек комнатных, товарищи, видали?
Породистые есть, носящие медали.
В придачу блеска их собачьей красоте
Им вяжут бантики на шее и хвосте
И проманежиться на свежем ветерочке
Их водят барыни на шелковом шнуточке.

Вот Вандервельде! В нем болонку узнаю,
Которая медаль и бантики носила.
Так допустимо ли, чтоб барыню свою
Такая стерва укусила?!

<1 февраля> 1923

ЛЮБИМОМУ

Живые, думаем с волнением о живом
И верим, хоть исход опасности неведом,
Что снова на посту ты станешь боевом,
Чтоб к новым нас вести победам.

В опасности тесней смыкая фронт стальной,
Завещанное нам тобой храня упорство,
Мы возбужденно ждем победы основной,
Которой кончишь ты, любимый наш, родной,
С недугом злым единоборство!

<22 апреля> 1923

КРОВАВЫЕ ДОЛГИ

Памяти В. В. Воровского

Рать пролетарская знамена преклонила.
Семьей редющей друзья стоят вокруг.
«Еще одна священная могила!»
«Еще один неотомщенный друг!»

Ну что же! Клятвой боевою
Мы честно подтвердим зарвавшимся врагам,
Что — не в пример иным долгам —
Долги кровавые мы возместим с лихвою!

Между 10 и 19 мая 1923

НА ЧТО ПОКОЙНИКУ САПОГИ?

Случай в деревне Югостицы Смоленской губ.

Мужик, Исай Слепых, уже давно больной,
Жить приказал на Фоминой.
Покой ему, бедняге, вечный.

Вдова к попу — насчет убогих похорон.
А к слову, поп, отец Мирон,
Был, не в пример другим, на редкость поп
сердечный.

Узнав от плачущей вдовы,
Что нечем будет ей платить за похороны,
Он молвил: «Не у всех в кубышках миллионы.
Сам знаю я, твои достатки каковы.
Да, много горестей узнаешь ты, вдовея...
А что до платы мне... так дело не в деньгах...
Покойный твой Исая, мне помнится, говея,
У исповеди... кхе!.. был в новых сапогах».

На следующий день несли в гробу Исаю.
Поп, на ноги свои украдкой взгляд бросая
(Ух, черт, и сапоги ж!), гнусил, распялив рот,
А сзади по снегу с гурьбой босых сирот
Исаева вдова плелась босая.

<Май> 1923

ЛЕНИНСКОМУ НАБОРУ

Печаль моя, тебя ли утаю?
Молчанием тебя я выдаю.
Но будят мрак огней далеких вспышки.
Скончался вождь. Но рать его в бою,
И начеку сторожевые вышки.
Прощай, Ильич! Оплакав смерть твою,
Кончаю срок жестокой «передышки».

Пронесся стон: «Ильич, наш вождь, уга!..
Кто ж поведет дорогой верной нас?
Откуда ждать нам вещей откровений?»
И потекли лавиной в тот же час
В наш строй ряды железных пополнений.
*Нет Ленина, но жив рабочий класс,
И в нем живет — вождя бессмертный гений!*

Вот мавзолей. И траурный убор.
Здесь будем мы трубить военный сбор.

Здесь — наш алтарь и наш ковчег завета.
Да будет же, наш «ленинский набор»,
Защищена тобой святыня эта!
Отсюда ты на вражеский напор
Пошлешь бойцов для грозного ответа.

Между 27 января и 23 февраля 1924

О СОЛОВЬЕ

Посвящается рабоче-крестьянским поэтам

Я не в силах считать произведение экспрессионизма, футуризма... и прочих «измов» высшим проявлением художественного гения. Я их не понимаю. Я не испытываю от них никакой радости... Важно... не то, что дает искусство нескольким сотням, даже нескольким тысячам общего количества населения, исчисляемого миллионами. Искусство принадлежит народу. Оно должно уходить своими глубочайшими корнями в самую толщу широких трудящихся масс. Оно должно быть понятно этим массам и любимо ими. Оно должно объединять чувство, мысль и волю этих масс, подымать их. Оно должно пробуждать в них художников и развивать их. Должны ли мы небольшому меньшинству подносить сладкие утонченные бисквиты, тогда как рабочие и крестьянские массы нуждаются в черном хлебе? ...мы должны всегда иметь перед глазами рабочих и крестьян.

Завет Ленина. По воспоминаниям Клары Цеткин. «Коммунар», 1924 г., № 27

Писали до сих пор историю врали,
Да водятся они еще и ноне.
История «рабов» была в загоне,
А воспевались цари да короли:
О них жрецы молились в храмах,
О них писалось в трагедиях и драмах,
Они — «свет миру», «соль земли»!

Шут коронованный изображал героя,
Классическую смесь из выкриков и поз,
А черный, рабский люд был вроде пережня,
    Так, «исторический навоз».

Цари и короли «опочивали в бозе»,
И вот в изысканных стихах и сладкой прозе
Им воздавалась посмертная хвала
    За их великие дела,
А правда жуткая о «черни», о «навозе»
    Неэстетичною была.

Но поспрошайте-ка вы нынешних эстетов,
Когда «навоз» уже — владыка, — Власть
  Советов! —
Пред вами вновь всплывет «классическая смесь».

    Коммунистическая спесь
Вам скажет: «Старый мир — под гробовою
  крышкой!»

Меж тем советские эстеты и поднесь
    Страдают старую отрыжкой.

Кой-что осталось еще «от королей»,
И нам приходится чихать, задохшись гнилью,
Когда нас потчует мистическою гилью
    Наш театральный водолей.

    Быть можно с виду коммунистом
И всё-таки иметь культурою былой
Насквозь отравленный, разъеденный, гнилой
    Интеллигентский зуб со свистом.

Не в редкость видеть нам в своих рядах «особ»,
Больших любителей с искательной улыбкой
Пихать восторженно в свой растяжимый зоб
«Цветы», возвращенные болотиною зыбкой,
«Цветы», средь гнилостной заразы, в душный зной
Прельщающие их своею желтизной.

Обзавелися мы «советским», «красным» снобом,
Который в ужасе, охваченный ознобом,
Глядит с гримасою на нашу молодежь
    При громовом ее — «даешь!»

И ставит приговор брезгливо-радикальный
    На клич «такой не музыкальный».
    Как? Пролетарская вражда
    Всю буржуйтину угробит?!
Для уха снобского такая речь чужда,

Интеллигентщину такой язык коробит.
На «грубой» простоте лежит досель запрет,
И сноб морочит нас «научно»,
Что речь заумная, косноязычный бред —
«Вот достижение! Вот где раскрыт секрет,
С эпохой нашу настроенный созвучно!»

Нет, наша речь красна *здоровой красотой*.
В здоровом языке здоровый есть устой.
Гранитная скала шлифуется веками.
Учитель мудрый, речь ведя с учениками,
Их учит истине и точной и простой.
Без точной простоты нет Истины Великой,
Богини радостной, победной, светлоликой!
Куется новый быт заводом и селом,
Где электричество вступило в спор с лучинкой,
Где жизнь — и качеством творцов и их числом —
Похожа на пирог с ядреною начинкой,
Но, извративши вкус за книжным ремеслом,
Все снобы льнут к тому, в чем вящий есть излом,
Где малость отдает протухшей мертвечинкой.
Напору юных сил естественно — бурлить.
Живой поток найдет естественные грани.
И не смешны ли те, кто вздумал бы заране
По «формочкам» своим такой поток разлить?!
Эстеты морщатся. Глазам их оскорбленным
Вся жизнь не в «формочках» — материал «сырой».

Так старички развратные порой
Хихикают над юношей влюбленным,
Которому — хи-хи! — с любимую вдвоем
Известен лишь один — естественный! — прием,
Оцеломудренный плодотворящей силой,
Но недоступный уж природе старцев хилой:
У них, изношенных, «свои» приемы есть,
Приемов старческих, искусственных, не счесть,
Но смрадом отдают и плесенью могильной
Приемы похоти бессильной!

Советский сноб живет! А снобу сноб сродни.
Нам надобно бежать от этой западни.
Наш мудрый вождь, Ильич, поможет нам и в этом.
Он не был никогда изысканным эстетом

И, несмотря на свой — такой гигантский! — рост,
В беседе и в письме был гениально прост.
Так мы ли ленинским пренебрежем заветом?!
Что до меня, то я позиций не сдаю,

На чем стоял, на том стою
И, не прельщаяся обманной красотой,
Я закаляю речь, живую речь свою,
Суровой ясностью и честной простотой.

Мне не пристал нагульный шик:
Мои читатели — рабочий и мужик.

И пусть там всякие разводят вавилоны
Литературные советские «салоны», —
Их лжеэстетике грош ломаный цена.

Недаром же прошли великие циклоны,
Народный океан взбурлившие до дна!
Моих читателей сочти: их миллионы.

И с ними у меня «эстетика» одна!
Доныне, детвору уча родному слову,

Ей разъясняют по Крылову,
Что только на тупой, дурной, «ослиный» слух
Приятней соловья поет простой петух,
Который голосит «так грубо, грубо, грубо»!
Осел меж тем был прав, по-своему, сугубо,
И не таким уже он был тупым ослом,
Пустив дворянскую эстетику на слом!

«Осел» был в басне псевдонимом,
А звался в жизни он Пахомом или Ефимом.
И этот вот мужик, Ефим или Пахом,

Не зря прельщался петухом
И слушал соловья, ну, только что «без скуки»:
Не уши слушали — мозолистые руки,
Не сердце таяло — чесалась спина,
Пот горький разъедал на ней рубцы и поры!
Так мужику ли слать насмешки и укоры,

Что в крепостные времена
Он предпочел родного певуна
«Любимцу и певцу Авроры»,

Певцу, под томный свист которого тогда
На травку прилегли помещицы стада,
«Затихли ветерки, замолкли птичек хоры»

И, декламируя слащавенький стишок
(«Амур в любовну сеть попался!»),

Помещичий сынок, балетный пастушок,
Умильно ряженой «пастушке» улыбался?!

«Чу! Соловей поет! Внимай! Благоговей!»
Благоговенья нет, увы, в ином ответе.
Всё относительно, друзья мои, на свете!
Всё относительно, и даже... соловей!
Что это так, я — по своей манере —
На историческом вам покажу примере.

Жил некогда король, прославивший мудрецом.
Был он для подданных своих родным отцом
И добрым гением страны своей обширной.
Так сказано о нем в Истории Всемирной,
Но там не сказано, что мудрый сей король,
Средневековый Марк Аврелий,
Воспетый тучею придворных менестрелей,
Тем завершил свою блистательную роль,
Что голову сложил... на плахе — не хитро ль? —
Весной, под сладкий гул от соловьиных трелей.
В предсмертный миг, с гримасой тошноты,
Он молвил палачу: «Вот истина из истин:
Проклятье соловьям! Их свист мне ненавистен
Гораздо более, чем ты!»

Что приключилось с державным властелином?
С чего на соловьев такой явил он гнев?
Король... Давно ли он, от неги опьянев,
Помешан был на пенье соловьином?
Изнеженный тиран, развратный самодур,
С народа дравший десять шкур,
Чтоб уподобить свой блестящий двор Афинам,
Томимый ревностью к тиранам Сиракуз,
Философ царственный и покровитель муз,
Для государственных потреб и жизни личной
Избрал он соловья эмблемой символичной.
«*Король и соловей*» — священные слова.
Был «соловьиный храм», где всей страны глава
Из дохлых соловьев святые делал мощи.
Был «Орден Соловья», и «Высшие Права»:
На Соловьиные кататься острова
И в соловьиные прогуливаться рощи!

И вдруг, примерно в октябре,
В каком году, не помню точно, —
Со всею челядью, жиревшей при дворе,
Заголосил король истошно.
Но обреченного молитвы не спасут!
«Отца отечества» настиг народный суд,
Свой правый приговор постановивший срочно:
«Ты смерти заслужил, и ты умрешь, король,
Великодушием обласканный народным.
В тюрьме ты будешь жить и смерти ждать дотоль,
Пока придет весна на смену дням холодным
И в рощах, средь олив и розовых ветвей,
Зашелкает... священный соловей!»

О, время! Сколь ты быстротечно!
Король в тюрьме считал отмеченные дни,
Мечтая, чтоб зима тянулась бесконечно
И за тюремною стеною вечно,
Вороны каркали одни!

Пусть сырость зимняя, пусть рядом шип змеиный,
Но только б не весна, не рокот соловьиный!
Пр-роклятье соловьям! Как мог он их любить?!
О, если б вновь себе вернул он власть былую,
Декретом первым же он эту птицу злую
Велел бы начисто, повсюду, истребить!
И острова все скрыть! И рощи все срубить!
И «соловьиный храм» — сжечь, сжечь до основанья,
Чтоб не осталось и названья!

И завещание оставить сыновьям:
«Проклятье соловьям!!»

Вот то-то и оно! Любого взять буржуя —
При песенке моей рабоче-боевой
Не то что петухом, хоть соловьем запой! —
Он скажет, смерть свою в моих призывах чужа:
«Да это ж... волчий вой!»

Рабочие, крестьянские поэты,
Певцы заводов и полей!
Пусть кисло морщатся буржуи... и эстеты:
Для люда бедного вы всех певцов милей,
И ваша красота и сила только в этом.
Живите ленинским заветом!!

26 мая 1924

ВПЕРЕД И ВЫШЕ!

На ниве черной пахарь скромный,
Тяну я свой нехитрый гуж.
Претит мне стих языколомный,
Невразумительный к тому ж.

Держась формы четкой, строгой,
С народным говором в ладу,
Иду проторенной дорогой,
Речь всем доступную веду.

Прост мой язык, и мысли тоже:
В них нет заумной новизны, —
Как чистый ключ в кремнистом ложе,
Они прозрачны и ясны.

Зато, когда задорным смехом
Вспугну я всех гадюк и сов,
В ответ звучат мне гулким эхом
Мильоны бодрых голосов:

«Да-ешь?!» — «Да-ешь!» — В движенье массы,
«Свалил?» — «Готово!» — «Будь здоров!»
Как мне смешны тогда гримасы
Литературных маклеров!

Нужна ли Правде позолота?
Мой честный стих, лети стрелой —
Вперед и выше! — от болота
Литературщины гнилой!

<Октябрь> 1924

СНЕЖИНКИ

Засыпала звериные тропинки
Вчерашняя разгульная метель,
И падают, и падают снежинки
На тихую, задумчивую ель.

Заковано тоскою ледяною
Безмолвие убогих деревень.
И снова он встает передо мною —
Смертельною тоской пронзенный день.

Казалось: земля с пути свернула.
Казалось: весь мир покрыла тьма.
И холодом отчаянья дохнула
Испуганно-суровая зима.

Забуду ли народный плач у Горок,¹
И проводы вождя, и скорбь, и жуть,
И тысячи лаптишек и опорок,
За Лениным утаптывавших путь!

Шли лентою с пригорка до ложбинки,
Со снежного сугроба на сугроб.
И падали, и падали снежинки
На ленинский — от снега белый — гроб.

<21 января> 1925

«ТОВАРИЩ БОРОДА»

(Бытовое)

Взращенный деревенским полем,
Обкочевавший все большие города,
Куда его гнала, не роскошь, а нужда,
Он прозывается не Жаном и не Полем,
А попросту — «товарищ борода».
Ему уж сорок два, немалые года.
Он закалил свой ум и волю в тяжелой школе
Мучительной борьбы и черного труда,
«Товарищ борода».

Десяток лет батрацкого скитанья
По экономиям помещиков былых, —
Другой десяток лет голодного мотанья
Ремонтной клячею средь гула, грохотанья
Бегущих поездов и треска шпал гнилых, —
Хватанье за букварь, а после — за листовки,

---

¹ Горки — подмосковная деревня, где скончался В. И. Ленин.

«Тюремный курс» за забастовки,
«Февральский» натиск на царя,
Потом «Октябрь», потом — как не считал мозолей,
Так не считал и ран — защита «Октября»
От барских вырожденков, от Жанов и от Полей
И прочей сволочи, грозившей нам неволей.
Победно кончилась кровавая страда.
Мы обратились к хозяйственным основам.
Но где же он теперь, «товарищ борода»?
Усталый инвалид, не годный никуда?
Нет, он — силач, ведет борьбу на фронте новом.
«Усталость? Чепуха! Живем в такой момент!»

Он нынче «вузовец», студент.
Штурмует знание. Такие ли препоны
Брать приходилось? А это что! Да-ешь!!
Он твердый коммунист. Такого не собьешь.
«Пускай там, кто сплошал, разводит вавилоны
О страшных трудностях при нашей нищете
И не рассеянной в два счета темноте.

Да мы-то — те или не те?
Какой там пессимизм? Какие там уклоны?
Понятно, трудности. Нашли скулить о чем!
Да новое — гляди! — повсюду бьет ключом.

За гуж взялись-то миллионы!
Народец жилистый. Взять нас, студентов. Во!

Не из дворян, не из дворянок.
Студенческий паек известен: на него
Не разгуляешься. Да нам не до гулянок!»
Разметил все свои часы — какой куда —
«Товарищ борода».

Он времени без толку не растратит,
Свой труд — и нынешний и будущий — ценя.
«Как выучусь, других учить начну. Меня

Годков еще на двадцать хватит.
Ведь замечтаешься: работа какова!

Откроюсь — что уж за секреты! —
Когда-то, засучив по локти рукава,
Случалось убирать господские... клозеты.
А нынче — разница! Сравни-ко: тьма и свет!
Да ежели бы мне не то что двадцать лет,

А жить осталось месяц, сутки,
Не опустил бы рук я, нет!

Работе отдал бы последние минутки!..

Я...» —

Тут, как девушка, зардевшись от стыда,
Он вдруг забормотал, «товарищ борода»:
«Учебник я уже... того... Мое творенье...

Послал в Москву на одобренье...
Волнуюсь очень... Жду ученого суда...»

Вниманью молодых товарищей-поэтов,
Что ищут мировых — сверхмировых! — сюжетов,
Друг другу темами в глаза пуская пыль.

Вот вам бесхитростная быль.
Коль ничего она не скажет вашей братье,

Пустое ваше всё занятие!
Спуститесь, милые, туда,
Где подлинный герой — такой простой и скромный —

Свершает подвиг свой огромный,
Советский богатырь, «товарищ борода».

Между 10 марта и 30 апреля 1926

НЕПОВТОРИМЫЕ

Мы вдаль наши взоры вперяем
И, в пламени новых идей
Сгорая, теряем, теряем
Неповторимых людей.

Не стало вождя-рулевого,
И многих не стало бойцов,
И чаще среди дела живого
Мы, сдвинувши брови сурово,
Хороним своих мертвецов.

Но с каждой тяжелой утратой
Теснее смыкая ряды,
Взрываем мы той же лопатой
Нетронутость почвы богатой
Для новой культурной гряды.

Между 20 и 23 июля 1926

НА ЛЕНИНСКИЙ МАЯК!

Как волны, дыбятся панели.
Ни дать ни взять, как волк морской,
В морской фуражке и шинели
Плыву я в «Правду» по Тверской.

Здесь — «марсовой» по званью-чину —
Гляжу я пристально во мглу:
Не прозевать бы вражью мину!
Не напороться б на скалу!

Несутся волны, словно горы.
«Левей!» — «Правей!» — «Назад!» —
«Впе-е-е-ред!»

На капитанской рубке споры.
Кого-то оторопь берет.

Слежу спокойно за ответом
Морских испытанных вояк.
А впереди — призывным светом
Сверкает *ленинский маяк!*

Между 21 сентября и 15 октября 1926

ЗАВЕТ СРАЖЕННОГО БОЙЦА

*(Подпись на надгробном памятнике
советского дипкурьера т. Т. И. Нетте,
убитого белобандитами 5 февраля 1926 г.)*

Сраженный вражеским свинцом,
Я не последним был бойцом
Среди бойцов, погибших с честью,
Но смерть героям не страшна.
Смерть наша будет отмщена
Грядущей пролетарской мезтью.

<5 февраля> 1927

ТРИ ЧУЧЕЛА

С расейской эмиграцией
Нам прямо сладу нет:
Военной операцией
Пугает сколько лет!

И тычет нам три чучела:
«Ура!»
«Ура!»

«Ура!»
ТЬфу! Как ей не наскучила
Подобная игра?

Вот зубры-консерваторы,
Магнаты без земли,
Кирилла в императоры
Они произвели.

Картежный плут и пьяница
Их сердцу всех милей.
Кому еще приглянется
Подобный дуралей?

Берите, вот, готовенький,
— Готовят десять лет! —
Крапленый, уж не новенький,
Бубновенький
Валет!

Другие — трехаршинного
(Срединного смотри!)
Князька Николу Длинного
Готовят нам в цари.

Но не сейчас, так вскорости
(Все видите: шкелет!)
Распутство, пьянство, хворости
Сведут его на нет.

Вот слева третье чучело:
Сотлевший туалет.

Старуху крепко скрючило
За эти десять лет.

О ней весьма поносная
Катилася молва.
Вдова порфиросная
Жива иль не жива?

Где краски все линючие
Былой ее судьбы?
Пошли по ней вонючие
Могильные грибы.

Читать заупокойную!
Какие тут «ура»?
Всех в яму их в помойную
Швырнуть уже пора!

<12 марта> 1927

РАЗГОВОР С РЕДАКТОРОМ ПО ПОВОДУ ШАНХАЯ

Скворцов-Степанов мне звонит,
Иван Иванович мне бубнит,
Редактор-друг меня торопит:
«Брось! Пустяки, что чай не допит.
Звони во все колокола!
Ведь тут какие, брат, дела!»
— «Что за дела? Ясней нельзя ли?»
— «Шан-хай...»
— «Шан-хай!!!»
— «Кантонцы взяли!»
— «Ур-р-ра, Иван Иванович!»
— «Ур-р-р...»
— «Ты что там? Рот закрыл рукою?»
— «Не то! Нам радостью такою
Нельзя хвалиться чересчур;
«Известья» — в этом нет секрета —
Официозная газета:
Тут очень тонкая игра.

Давай-ка лучше без «ура»,
Пиши пером, а не поленом, —
Над нашим «другом» — Чемберленом —
Не измывайсь, не хохочи,
А так... чуть-чуть пощекочи,
Пособолезнуй мягко даже,
Посокрушайся, повздыхай:
«На кой-де леший в диком раже
Полезли, мистер, вы в Шанхай?
Ведь было ясно и слепому,
Понятно мальчику любому...
А вас нелегкая... Ай-ай!
Добро б, какая-либо пешка,
Но вы... По вашему уму...»
Демьяша, злобная насмешка
Тут, понимаешь, ни к чему.
Пусть, очарованный собою,
К международному разбою
Он рвется, как рвался досель.
Не нам, себе он сломит шею.
Ведь он работою своею
Льет молоко на наш кисель:
Сейчас победно флаг народный
Взвился в Шанхае: «Рабства нет!»
А завтра весь Китай свободный
Пошлет нам дружеский привет!
Тогда ты можешь не без шика
Взять с Чемберленом новый тон».

. . . . .

Иван Иваныч, разреши-ка
Облечь всё это — в фельетон?!

21 марта 1927

КИТАЙСКИЕ ТЕНИ

Писать мне тушью иль кармином?
Какие взять карандаши,
Чтоб дать эскиз — «Пред Чжан Цзо-лином
Подручный новый — Чан Кай-ши»?

Дыша коварством, скрытой мезтью,
Сидит разбойник матерой.
Пред ним навытяжку, честь честью,
Стоит кантонский экс-герой.

Поток взаимных многолетий,
С бандитом снюхался бандит.
За их спиной кто-то третий
На них восторженно глядит.

Между 12 и 16 апреля 1927

НИКТО НЕ ЗНАЛ...

(«22 апреля 1870 года»)

Был день как день, простой, обычный,
Одетый в серенькую мглу.
Гремел сурово голос зычный
Городового на углу.
Гордяся блеском камилавки,
Служил в соборе протопоп.
И у дверей питейной лавки
Шумел с рассвета пьяный скоп.
На рынке лаялись торговки,
Жужжа, как мухи на меду.
Мещанки, зарясь на обновки,
Метались в ситцевом ряду.
На дверь присутственного места
Глядел мужик в немой тоске, —
Пред ним обрывок «манифеста»
Желтел на выцветшей доске.
На каланче кружил пожарный,
Как зверь, прикованный к кольцу,
И солдатня под мат угарный
Маршировала на плацу.
К реке вилась обозов лента.
Шли бурлаки в мучной пыли.
Куда-то рваного студента
Чины конвойные вели.

Какой-то выпивший фабричный
Кричал, кого-то разнося:
«Прощай, студентик горемычный!»

. . . . .
Никто не знал, Россия вся
Не знала, крест неся привычный,
Что в этот день, такой обычный,
В России... *Ленин родился!*

<22 апреля> 1927

ДА, ВСПОМНИТЬ ЕСТЬ О ЧЕМ
НА ПЯТНАДЦАТИЛЕТНЕМ ЮБИЛЕЕ «ПРАВДЫ»

(*Политэлегия*)

Да, вспомнить есть о чем, и есть чем похвалиться.
В каких превратностях прошли пятнадцать лет!
Какие крепости успели развалиться!
Каких людей уж больше нет!

И сам я... Грустного сознания,
Увы, ни от себя, ни от других не скрыть:
Не те года, не та уж пруть, —
И мне уж говорят: «Пиши... воспоминанья!»

Ах, «Правда» милая, тебе — пятнадцать лет!
Не радоваться как такому юбилею?
Но — запевала твой, присяжный твой поэт, —
На юбилеях всех обычно я болею.

Воспоминания острей, и глубока
Печаль о выбывших героях славной были.
На свитках памяти моей — нет, нет! — пока
Неросло еще, друзья, архивной пыли!

<5 мая> 1927

ЧИТАЮТ ДЕМЬЯНА БЕДНОГО

Во времена, как говорится, в они
Обычно слышались писательские стоны:
«Лицо читателя... Ах, какво оно!»
Нам было бы теперь стонать смешно, грешно,
Когда читают нас — культурно и умно —
    Не единицы — миллионы!
«Читатель — это сфинкс загадочно-немой!»
Какая глупая и злая небылица!
    Да вот образчик вам прямой:
Живая, свежая портретная страница!
    Пять деревенских ходоков,
Здоровых, кряжистых советских мужиков,
Которым дом родной — советская столица.

    И угощенье, и приют,
    И — по утрам — газетки подают!
Пускай враждебная лютует за граница,
Пусть эмигрантская на нас клеветает моль,
Я ей могу сказать с усмешкою: «Изволь,
Поганая ты моль, взглядеться в эти лица,
Как Пров, Корней, Артем, Савелий да Пахом,
Завороженные словесною игрою,
Смеются весело, довольные стихом,
В котором я тебя, моль каверзная, «крою».
«Эй, моль, — без родины, без денег, без царя!
    С десятилетьем... Октября!»

<Ноябрь> 1927

ЧЕРТА С ДВА!

Не та уж кровь. Не те уж годы.
Всё ж, не вписавшись в ворчуны,
На молодые хороводы
Люблю смотреть... со стороны.

Певец иного поколенья,
С немою радостью порой

Гляжу я, полный умиленья,
На комсомольский бодрый строй.

Враги хотят нас сжить со свету.
А комсомольская братва?!
Глядите, сила какова!
И у меня тревоги нету.
Чтоб уничтожить силу эту?
Н-ну, черта с два!!

<28 октября> 1928

ТОЖЕ АМЕРИКАНСКИЙ РЕКОРД

Сенат штата Арканзас запретил преподавание во всех без исключения учебных заведениях штата теории дарвинизма.

Из газет

Доллар против дарвинизма!
Арканзасский янки горд:
Хоть по части *кретинизма*,
А поставлен всё ж рекорд!

<16 ноября> 1928

ОЖГИЛИСЬ

Во время недавних массовых обысков в Токио полицией были изъяты из рабочих библиотек произведения Мольера, как заключающие в себе «опасные для государства мысли».

Из газет

Вот мы чего в стране микадо дождались:
Как накалилась атмосфера!
На книгах Ленина там власти так ожглись,
Что в страхе дуют... на Мольера!

<16 ноября> 1928

ТАКИЕ КАПИТАЛИЗМУ НЕ НУЖНЫ

В Лондоне покончили самоубийством два врача, братья-близнецы Артур и Сидней Смит. Оба брата, посвятившие свою жизнь изучению болезни рака, очутились в крайней нужде, так как все свои средства истратили на дорого стоившие опыты, а государство отказалось оказать им поддержку.

Из газет

Сколачивать повстанческие штабы
В чужой стране... Свозить оружие, динамит...
Вот тут поддержечка была бы!
Не так, как двум врачам: их шансы были слабы.
Лежат в могиле братья Смит.
А имя Лоуренса «афганского» гремит!

<27 января> 1929

МРАК!

Ровно 150 лет после выхода в свет известного романа Вольтера «Кандид». Бостонский суд на днях издал приказ о запрещении продажи этой книги, как «неприличной». В книжных магазинах Бостона конфисковано 13 экземпляров.

Недавно *Дарвина* кляли,
Глядь — на *Вольтера* уж гоненье!
Теперь — вращение земли
Осталось взять лишь под сомненье!

Старорежимных дураков
Громил когда-то смех Вольтеров.
И вдруг теперь — пассаж каков! —
В пещерный мрак каких веков
Идет страна миллиардеров?

<30 мая> 1929

У НАС НЕ ТО, У НАС ИНАЧЕ

В центре Нью-Йорка сносятся два
театра и будет построен небоскреб
в 65 этажей под конторы.

Из газет

Пример, как деньги сушат чувства.
«Театры? Сцена? Что за вздор!»
И отступает *храм искусства*
Пред мощным натиском *контор*.
У нас не то. У нас иначе.
Мы кое в чем пока бедны,
Но сколь духовно мы богаче
Долларизованной страны!

<2 июня> 1929

МУЗА, ВОСПОЙ...

Нефтяной лабораторией Ленин-
градского политехнического инсти-
тута закончен анализ уральского
бензина, полученного из нефти Чу-
совских городков. Установлено, что
качество уральского бензина значи-
тельно выше грозненского.

Вот для поэзии лирической
Какие чудные мотивы:
В лаборатории химической
Бензин, анализ, реактивы!..

Урал — бензин! На славу качество!
И в этом качестве — всё дело!
Нет, соловьи, луна — чудачество!
Читать и слушать надоело!

Певцы! На горы на Уральские!
Не на Пегасе — на дрезине!
Милей, чем все ключи кастальские,
Фонтаны — с «качеством» в бензине!

<9 июня> 1929

ПОДЛИННО ЧЕРНЫЙ

Американский миллионер Кип-Райнлендер возбудил дело о разводе, возмущенный тем, что жена его скрыла наличие в ее роду негритянской крови.

Видали? Сцена недурна.
Миллионер взбешен! Он гневно сдвинул брови!
Он не выносит «черной» крови,
Он, совесть чья черным-черна!

<15 июня> 1929

ЗА РАБОТУ

Ушли, мелькнув, весна и лето,
И осень шлепает с зимой.
А на земле-то, на земле-то
Событий сколько, бог ты мой!
(Тьфу! Бог! Нельзя без оговорки!)
Итак, начнем-ка «Обо всем»:
Кого на все расчистим корки,
Кого легонько потрясем.
В своей реке — всегда с уловом.
Но вот в заморском камыше...
Тут об ином пустоголовом...
Помянешь этак крепким словом,
И то уж легче на душе!

<11 сентября> 1929

БАСОВУ-ВЕРХОЯНЦЕВУ

Да, добрый, старший друг мой, Басов,
Вот мы уже и старики.
Не знали мы с тобой Парнасов,
А нас везли — взамен Пегасов —
Коньки, простые скакунки.

Но эти добрые лошадки
Нас довели до *Октября*,
Врезаясь в какие схватки!
Какие пропасти беря!

Вот мы теперь и прискакали.
И пусть нас судят за дела:
Работа наша — велика ли
Была она или мала?

Пусть тонкопюйные эстеты
О нас брезгливо говорят:
Мы, дескать, вовсе не поэты,
А так: писаки зауряд.

Но мы-то делу знаем цену!
Что нам лавровые венки!
Не к лаврам тянутся, а к сему
Лихие наши скакунки.

Сегодня мы на сеновале
В беседе вспомним старину,
Лошадки наши — не в опале,
Но всё ж нестися вихрем дале
Иному впору скакуну.

Бензин ему милее сена,
Огонь в ноздрях его, не пена.
Друг, побеседуем о днях,
Когда — широкая арена! —
*Весь мир обскачет наша смена
На электрических конях!*

<15 сентября> 1929

НАС ПОБИТЬ, ПОБИТЬ ХОТЕЛИ!

Нас побить, побить хотели,
Нас побить пытались,
А мы тоже не сидели,
Того дожидались!

У китайцев генералы
Всё вояки смелые:
На рабочие кварталы
Прут как очумелые.

Под конец они, пройдохи,
Так распетушились:
На советские «подвохи»
Дать отпор решились:

«Большевицкую заразу
Уничтожить начисто!»
Но их дело стало сразу
Очень раскорячисто.

Нас побить, побить хотели,
Нас побить пытались,
Но мы тоже не сидели,
Того дожидались!

Так махнули,
Так тряхнули,
Крепко так ответили,
Что все Чжаны
Сюэ-ляны
Живо дело сметили,

Застрочили быстро ноты
Мирные и точные.
Мастера своей работы
Мы, дальневосточные!

Наш ответ Чжан Сюэ-лянам —
Схватка молодецкая,
А рабочим и крестьянам —
Дружба всесоветская!

Нас побить, побить хотели,
Нас побить пытались,
Но мы даром не сидели,
Того дожидались!

28 ноября 1929

ГРЕХИ ПРОСТИМЫЕ И НЕПРОСТИМЫЕ

В американском консульстве в Иерусалиме из 14 чиновников 13 уволено за взяточничество.

В любом поповском вертограде
На складе

Ворох чепухи:
«Кто побывал в христовом граде,
Тому простятся все грехи!»

Кто не поверит этой чуши,
Тот есть безбожный маловер.
Американские чинуши —
Греха простимого пример.

Бунты рабочих, забастовки —
Вот непростимый грех! А тут...
Намылят жуликам головки
За то, что были так неловки...
И повышение дадут!

<2 февраля> 1930

ДИВО-ДИВНОЕ, КОЛЛЕКТИВНОЕ

«Но, но, но, ты, разледащая!
Надорвала жилы все!
Эх, работа распропащая
На аршинной полосе!»

Растрепала баба косыньку,
Разомлела от серпа.
Вышла баба жать полосыньку
И нажала... три снопа!

Рядом пахоть — не аршинная!
Трактор весело гудит.
Чудо-силушка машинная
Пашне, явно, не вредит.

Урожай диво-дивные!
Не узнать: не та земля!
Вот что значит: коллективные,
Обобщенные поля!!

<3 февраля> 1930

СТАРЫЕ КУКЛЫ

К игрушкам дооктябрьским, детки,
Тянулись долго ваши предки,
Чтоб их схватить, потеревить,
Всё изломать и истребить
И с кучей старенького хламу
Забросить в мусорную яму.

Был для рабочих и крестьян
От них один сплошной изъян:
Все эти страшные игрушки
В руках имели войско, пушки,
Кнуты — у каждой по кнуту —
На трудовую бедноту,
И беднотою, как хотели,
Они играли и вертели.

Конец всей этой злой игре
Был в большевистском *Октябре*:
Народ встряхнулся, встрепенулся,
К игрушкам подлым дотянулся
И так потряхнул их — пыль столбом!
Теперь посмотримте в *альбом*.

Вот это — *царь*,
Глава всей банды.
Он только знал
Слова команды:
«Рас-се-я,
Смир-р-р-но!..
Стой!.. назад!»...
Большой дурак,
Хоть и усат.

Игрушка важная — *сановник*.
Народных бед и слез виновник,
Бездушный злобный бюрократ
Держал в руках весь аппарат.

Митрополит.

Служитель божий,
Колдун брюхатый, толсторожий,
Дурил народ,
морил постом,
Глушил кадилом
и крестом.

Помещик.

Вид высокородий.
Владелец множества угодий.
Считая мужика скотом,
Всегда стоял над ним с кнутом.

Капиталист.

Заводчик. Туша.
На всё способный ради куша.
Рабочих гнул в бараний рог.
Под ним — завод,
не то — острог.

Купец.

Был твердым старовером.
Жирел обвесом и обмером.
Над бедняком чиня разбой,
Рычал: «Терпи, Христос с тобой!»

Судья.

Безжалостный. Бесчестный.
Был приговор его известный:
«Кто против барской кабалы,
Того навеки в кандалы!»

Жандарм.

Тюремщик и убийца.
Шпион, свирепый кровопийца.
Пес, охранявший царский строй
Своею подлою игрой.

Городовой.

Такой-то части.
Фундамент главный царской власти.
Везде — торчал, рычал, стращал,
Держал, тащил и не пушал.

<1930>

О ПИСАТЕЛЬСКОМ ТРУДЕ

Склонясь к бумажному листу,
Я — на посту.
У самой вражье-идейной границы,
Где высятся грозно бойницы
И неприступные пролетарские стены,
Я — часовой, ожидающий смены.
Дослуживая мой срок боевой,
Я — часовой.
И только.
Я никогда не был чванным нисколько.
Заявляю прямо и раз навсегда
Без ломания
И без брюзжания:
Весь я — производное труда
И прилежания.
Никаких особых даров.
Работал вовсю, пока был здоров.
Нынче не то здоровье,
Не то полнокровье.
Старость не за горой.

Водопад мой играет последнею пеною.
Я — не вождь, не «герой».
Но хочется так мне порой
Поговорить с молодою сменою.
Не ворчать,
Не поучать,
Не сокрушенно головою качать,
Не журить по-старчески всех оголтело.
Это — последнее дело.
Противно даже думать об этом.
Я буду доволен вполне,
Если мой разговор будет ясным ответом
На потоки вопросов, обращенных ко мне:
«Как писателем стать?»
«Как вы стали поэтом?»
Поделитесь вашим секретом!»
«Посылаю вам два стихотворения
И басню «Свинья и чужой огород».
Жду вашего одобрения
Или — наоборот».
Не раз я пытался делать усилие —
На все письма давать непременно ответ.
Но писем подобных такое обилие,
Что сил моих нет,
Да, сил моих нет
Все стихи разобрать, все таланты увидеть
И так отвечать, чтоб никого не обидеть,
Никакой нет возможности
При всей моей осторожности.
После ответного иного письма
Бывал я обруган весьма и весьма.
Человек, величавший меня поэтом,
У меня с почтеньем искавший суда,
Обидясь на суд, крыл меня же ответом:
«Сам ты, дьявол, не гождь никуда!
Твое суждение глупо и вздорно!»
Благодарю покорно!
Я честным судом человека уважил
И — себе неприятеля нажил.
Вот почему нынче сотни пакетов
Лежат у меня без ответов.
Лечить стихотворно-болезненный зуд...

Нет, к этим делам больше я не причастен.
А затем... Может быть, и взаправду мой суд
Однбок и излишне пристрастен.
И сейчас я тоже никого не лечу.
Я только хочу
В разговоре моем стихотворном
Поговорить о главном, бесспорном,
Без чего нет успеха ни в чем и нигде,
*О писательском — в частности — тяжком и черном,
Напряженно-упорном,
Непрерывном труде.*

Вот о чем у нас нынче — так и прежде бывало! —
Говорят и пишут до ужаса мало.
Убрали мы к дьяволу, скажем, Парнас,
Ушли от превыспренных прежних сравнений,
Но всё же доселе, как нужно, у нас
Не развенчан собой ослепленный,
Самовлюбленный,
Писательский неврастенический «гений».
«Гений!» — это порожденье глупцов
И коварных льстецов,
Это первопричина больных самомнений
И печальных концов.
Подчеркиваю вторично
И категорично,
Чтоб сильнее доказать мою тезу:
Не лез я в «гении» сам и не лезу, —
Я знаю, какие мне скромные средства
Природой отпущены с детства.
Но при этаких средствах — поистине скромных —
Результатов порой достигал я огромных.
Достигал не всегда:
Писал я неровно.
Но я в цель иногда
Попадал безусловно.
Врагов мои песни весьма беспокоили,
Причиняли порой им не мало вреда,
Но эти удачи обычно мне стоили
Большого труда,
Очень, очень большого труда
И обильного пота:

Работа всегда есть работа.
Зачем я стал бы это скрывать,
Кого надувать?
Перед кем гениальничать,
Зарываться, скандальничать?
Образ был бы не в точности верен —
Сравнить себя с трудолюбивой пчелой,
Но я всё же скрывать не намерен,
Что я очень гордился б *такой* похвалой.
И к тому разговор мой весь клонится:
Глуп, кто шумно за дутою славою гонится,
Кто кривляется и ломается,
В манифестах кичливых несет дребедень,
А делом не занимается
Каждый день,
Каждый день,
Каждый день!

Гений, подлинный гений, бесспорный,
Если он не работник упорный,
Сколько б он ни шумел, свою славу творя,
Есть только лишь дробь самого себя.
Кто хочет и мудро писать и напевно,
Тот чеканит свой стиль ежедневно.

«Лишь тот достоин жизни и свободы,
Кто ежедневно с бою их берет!
Всю жизнь в борьбе суровой, непрерывной,
Дитя, и муж, и старец пусть идет».

Гете. «Фауст»

Мы все в своем деле — солдаты,
Залог чьих побед — в непрерывной борьбе.
Творец приведенной выше цитаты
Сам сказал о себе:

«Меня всегда считали за особенного счастливецa, и я не стану жаловаться и хулить течение моей жизни. Однако, в сущности, она была только труд и работа, и я могу сказать прямо, что вряд ли за свои семьдесят пять лет я провел четыре недели в свое удовольствие. Моя жизнь была вечным скатыванием камня, который требовалось подымать снова».

*Гете. Разговоры, собранные Эккерманом.
Запись от 27 января 1824 г.*

А можно ли наш жизнетворческий строй
 Сравнить с той далекой-далекой порой,
 Когда Гете не мог оторваться от мифа
 О бесплодной работе Сизифа?
 Наше время иное,
 Пролетарско-культурно-победно-стальное!
 Мы не зря ведь учились в ленинской школе.
 Нам должно подтянуться тем боле,
 Чтоб в решающий час не попасть нам впросак.
 Наша литература — не дикое поле,
 Пролетарский писатель — не вольный казак.
 Не нужна, ни к чему нам порода писак
 Богемски-разгульной, ленивой повадки.
 Писатель культурно-творческой складки,
 Колоссальный, стихийно-могучий Бальзак,
 Болел разрешением «ужасной загадки»:
 Что в искусстве главнейшее — в литературе,
 В музыке, в живописи и в скульптуре?

Скульптура есть непрерывное осуществление того события, которое в живописи единственный раз и навеки олицетворилось именем Рафаэля! *Разрешение этой ужасной загадки основано исключительно на непрерывном, постоянном труде*, так как тут физические трудности должны быть настолько побеждены, рука должна быть до того выправлена, послушна и покорна, что скульптор может бороться заодно с тем неуловимым духовным началом, которое приходится олицетворять, облекая его плотью и кровью. Если бы Паганини, который умел передавать свою душу в струнах скрипки, провел три дня, не упражняясь в игре, он бы внезапно превратился в обыкновенного скрипача.

Непрерывный труд есть закон для искусства точно так же, как закон для существования, так как искусство есть идеальное творчество. Потому-то великие артисты, истинные поэты не ждут ни заказов, ни покупателей: *они производят сегодня, завтра, вечно. Из этого вытекает привычка к труду, это непрерывное столкновение с трудностями*, поддерживающее их в постоянном сочетании с музыкой, с ее творческими силами. Канова жил в своей мастерской, и Вольтер жил у себя в кабинете. И Фидий и Гомер, должно быть, поступали так же.

Бальзак. «Бедные родственники». Собр. соч. в русск. перев.
 Изд. 1896 г., т. 11. стр. 196—197.

Я наспех пишу. По заказу.
Всего не высказать сразу.
Тороплюсь основное сказать как-нибудь,
Не дав своим мыслям надлежащей чеканки.
Молодых творцов, лишь начавших свой путь,
Спешу отвлечь от опасной приманки.
Нет «жрецов», «алтарей» и «лавровых венков», —
Ни к чему атрибуты нам дряхлых веков
И эстетическое худосочие.
Соцстроительство — дум наших всех средоточие.
Мы у письменных наших — не столов, а станков —
Мастера и рабочие.
Подчинясь трудовому режиму суровому,
Осознав, как подъем наш опасен и крут,
Окультируем и облагородим по-новому
Боевой, пролетарский писательский труд!

1 января 1931

«ПЕРЕКОПСКАЯ»

Походная песня

*Посвящается краснознаменной
51-й Перекопской дивизии*

Уж как мы под Перекопом
С белым скопом
Бой вели.

Эх-х! Лю-ли, дю-ли, лю-ли!
С белым скопом бой вели!

Тлю господскую густую
Всю вчистую
Подмели.

Эх-х! Лю-ли, лю-ли, лю-ли!
Всех буржуев подмели!

Нынче снова строят плутни
Злые трутни
И шмели.

Эх-х! Лю-ли, лю-ли, лю-ли!
Заграничные шмели!

Но... скажи нам только: «Хлопцы,
Перекопцы,
Навали!»

Эх-х! Лю-ли, лю-ли, лю-ли!
Где очутятся шмели?!

Воют в страхе чуть живые
Биржевые
Короли.

Эх-х! Лю-ли, лю-ли, лю-ли!
Биржевые короли!

Их машины и вагранки,
Биржи, банки
На мели!

Эх-х! Лю-ли, лю-ли, лю-ли!
Вражье дело на мели!

А у нас иные думы.
Все в поту мы
И в пыли.

Эх-х! Лю-ли, лю-ли, лю-ли!
Все в поту мы и в пыли!

Заводских громадин только
Эвон сколько
Возвели!

Эх-х! Лю-ли, лю-ли, лю-ли!
Сколько фабрик возвели!

Пахнет слаще нам, чем роза,
Дух навоза
И земли!

Эх-х! Лю-ли, лю-ли, лю-ли!
Прут колхозы из земли!

Чтоб свалить судьбу-недолю,
Всю мы волю
Напрягли!

Эх-х! Лю-ли, лю-ли, лю-ли!
Всю мы волю напрягли!

Не собьет нас вражья жалость,
Чтоб мы малость
Прилегли.

Эх-х! Лю-ли, лю-ли, лю-ли!
Чтоб всхрапнуть мы прилегли!

Чтоб враги нас, вялых, шалых,
Оплошалых,
Взять могли!

Эх-х! Лю-ли, лю-ли, лю-ли!
Чтоб нас сонных взять могли!

Вражья жалость дышит мезтью!
Кто там — с лезтью?
Стань вдали!

Эх-х! Лю-ли, лю-ли, лю-ли!
Просим честью
Стать вдали!

С богатырской силой дивной,
Коллективной,
Не шали!

Эх-х! Лю-ли, лю-ли, лю-ли!
Нынче с нами не шали!

А не то... Нам скажут: «Хлопцы,
Перекопцы,
Навали!»

Эх-х! Лю-ли, лю-ли, лю-ли!
Где очутятся шмели?!

<23 февраля> 1931

БОЙЦАМ ЗА КРАСНУЮ ЖИЗНЬ

Деревенским активистам

Октябрьский праздник... Речи... Флаги...
Нет смятых дракою боков.
Не воют пьяные ватаги
У деревенских кабаков.

Сосредоточенно и строго
Колхозник складывает речь.

Работы срочной, новой много,
И время надобно беречь.

Чересполосица и давка
Кому, отсталому, мила?
Сохе-кормилице — отставка:
Плохой кормилицей была.

Доселе дикой целиною
Идут ряды стальных коней.
Кулак лишь бредит стариною, —
Не беднякам рыдать по ней.

Как жили? Полосы делили.
Земля была худа, тесна.
И сельский «мир» за то хвалили,
Что «на миру и *смерть красна!*»

Октябрь был битвой не напрасной,
Иным крестьянский стал уряд:
В собраньях не о «смерти красной»,
О *красной жизни* говорят.

Вперед от старого бурьяна!
Бойцы за ленинский завет,
Вам всем от Бедного Демьяна
Октябрьский пламенный привет!

<7 ноября> 1931

СМЕЛЕЙ!

Не заражен я глупым чванством,
Покаюсь честно, не солгу:
Перед моей родней, крестьянством,
Я остаюсь в большом долгу.

Мой голос в годы фронтовые
Подобен часто был трубе.
Писал я песни боевые
И призывал народ к борьбе.

К борьбе с судьбой былой, кровавой,
К борьбе с попом и кулаком,

К борьбе с помещичьей оравой,
С Деникиным и Колчаком.

Вновь баре жить хотели жирно.
Мы им сказали: «Черта с два!»
В борьбе прославилась всемирно
Красноармейская братва.

Потом пошли другие годы,
Пора иных забот, хлопот:
Живил и нивы и заводы
Крестьянский и рабочий пот.

Нам было знойно и морозно,
Но — шла работа, как война.
И вот пред вражьей силой грозно
Стоит с деревнею колхозной
Индустриальная страна!

Деревня, жившая так бедно,
Рванулась к свету и красе.
Стальные кони мчат победно
На коллективной полосе.

Легли квадратами гектары —
Пять тысяч га! Семь тысяч га!
Вот — коллективные амбары,
Вот — коллективные стога.

Вот — ну, подумать! — спортплощадка,
Вот комсомольский уголок:
Где были образ и лампадка —
Плакат под самый потолок.

Дурман поповского глагола
Томится в собственном гною,
Совет, лечебница и школа
Победу празднуют свою.

О, сколько их на фронте этом
Не всеми знаемых побед!
Но ни одним еще поэтом
Фронт этот ярко не воспет.

Есть грех и мой в немалой доле,
Но... нету вечных силачей.
Мне одному хрипеть доколе?
Вина на тех певцах поболе,
Кто и моложе и бойчей.

Ребята! Юные поэты!
Певцы — ударники полей!
У вас возможностям нет сметы,
У вас и краски и сюжеты!
Ударней действуйте, смелей!

Чтоб боевая ваша нота
Все перекрыла образцы.
*Где гениальная работа,
Там — гениальные певцы!*

<7 ноября> 1931

•ЗАДУЛИ•

ТЕЛЕГРАММА-МОЛНИЯ

Москва. Д. Бедному.

Задули первую домну. К дню вы-
дачи чугуна ждем твоей ответной
продукции.

Кузнецкстрой

«Задули домну, голова!»
Что это? «Мудрое» какое изречение?
А мудрость в нем меж тем, а радость какова!
Обыкновенные — по внешности — слова
Приобрели у нас особое значение.
«Задули»! Грубое словцо?
Смотря для чьих ушей. Для нас в нем налицо
Такая гордости оправданной безбрежность,
Такая творческая нежность!
Ведь домна каждая для нас — защитный форт,
И мы о том всему Союзу рапортуем,
Скосившись на врагов: пусть знают, чтоб их черт,
Что мы, коль тронут нас, не так еще «задуем»!

2 апреля 1932

ПОРОГИ

В день пуска Днепростроя
А. М. Горькому

Сегодня — день от всех отличный,
Сегодня — праздник символический:
Сегодня утренней порой
В наш боевой рабочий строй
Победно входит «энергичный»
Наш торжествующий герой —
Электросильный *Днепрострой*.
Как мы мечтали, как гадали,
Как нажимали все педали,
Как торопили дни, часы,
Чтобы скорей мильонно-тонной
Мускулатурой бетонной
Он обрастал — кремнисто-донный
Гигант невиданной красы!

Как много пиголиц пищало,
Как много воронов вешало
О «фантастической игре»,
«Затее дикой» на Днепре.
И вот — затея стала фактом,
Игра — великим, смелым актом,
И мир, весь мир, в любой стране,
Мир пролетарский — с теплой лаской,
Мир буржуазный — с злой опаской,
С тоской, понятной нам вполне,
Внимает радиоволне
И ловит радостные хоры,
Рабочий смех и разговоры,
И — голос будущих судьбин —
Гул торжествующих турбин!
А там, за звуками, картина:
Сталобетонная плотина,
Замкнувши ток днепровских вод,
Дает им новый, точный ход,
Чтоб Украине, «неньке¹ милой»,
Они запели в наши дни

¹ Ненька (укр.) — мать.

Не то, что пели искони.
Организованною силой
Отныне сделались они!
Вперед днепровские пороги
Не преградят уж им дороги,
Не будет их водоворот
Ломать челны, губить народ.
Все вековечные заторы,
Ликуя, волны погребли.
В глубоководные просторы
Войдут морские корабли
И станут гордо у плотины,
Где чудо-электротурбины
Дают — неслыханный захват —
Миллиарды сило-киловатт,
Невидимых, но осязаемых,
Богатырей неутомимых,
Отважных электросолдат,
Всегда готовых вмиг, по знаку,
За поворотом рычага,
Лавиной ринуться в атаку
На старо-косного врага,
Который уж не будет боле
Держать в убожестве, в неволе
И чудо-Днепр, и чудо-поле,
И эти чудо-берега!

Взрывая скалы, землю роя,
Водой Днепра пороги кроя,
Мы на плотине Днепростроя
Свершали подвиг трудовой.
Темп забирая боевой,
Мы до конца его не сдали,
И — среди машин, бетона, стали —
В работе творчески-живой
Мы, закаляясь, обрастали
Мускулатурой волевой.
На горе вражеским пророкам,
Их предсказаниям вопреки,
Мы повышали гонку сроков,
Снуя по руслу и протокам
В бетон закованной реки.

Мы сдали творческий экзамен!
Всей зло-пророческой гурьбе
Теперь кричать «аминь» и «áмен»
Не нам придется, а себе.

Там, где с порогами в борьбе
Вода, бурля, взметалась пылью,
Где историческою былью
Дышала каждая скала,
Свершились дивные дела:
Над ровной водной пеленою,
Над новозданной глубиною,
Грядущим порогов поборов
И к реву их неумолимы,
Победу празднуя, зажгли мы —
Взамен угаснувших костров —
Гирлянду солнц-прожекторов.
Чтоб больше древние пороги
Не заступали нам дороги
К грядущей, сказочной судьбе,
С водой и скалами в борьбе
Мы не работали — горели!

Пороги есть в одном Днепре ли?
Им в жизни не было числа.
Не позабыть всей тьмы и зла,
Всей тяготы непереносной
Минувшей жизни старо-косной:
Она «порожиста» была.
Не только взрослые — и дети —
В пучине жизни заодно,
Разбившись о пороги эти,
Метались горестно, бедно,
В тоске — изранено смертельно —
Метались брошенно, бездельно
И опускались «на дно».
О, сколько жизней, сил, талантов,
Народных творческих гигантов,
Топя тоску свою в вине,
Тоску по жизни светлой, новой,
С разумной творческой основой,
Страдало, корчилось «на дне»!

Их всех, чьи гибли дух и тело
«На дне» погибельно-гнилом,
Их сердце Горького узрело,
И пожалело, и согрело
Сердечно-ласковым теплом,
И перед всем раскрыло светом:
Кто погибал «на дне» на этом,
Кого забросила сюда,
Кого измяла, сокрушила,
Услады жизненной лишила,
Лишила радостей труда
Порогов жизненных гряда.

Работы горьковской итоги
Росли пред нами вглубь и вширь.
Он рвал проклятые пороги,
Передовой наш богатырь, —
В боях с ним вражеская стая
Не мало понесла потерь, —
Он шел, ряды врагов сменяя,
Как он считает их теперь.

Ему, грозе дворцов, чертогов
При старом строе, при царе,
Ему, «взрывателю порогов»,
Тех, что мы рвали в *Октябре*,
Ему, певцу иной культуры,
Культуры нашей, трудовой,
Ее стальной мускулатуры,
Ее закалки волевой,
Ему, чье знамя буревое
Пред нами реет столько лет,
Моим «*Стихом о Днепрострое*»,
О нашем энерго-герое,
Я энергичный шлю привет!

<10 октября> 1932

ЕЖ

Где объявился еж, змее уж там не место.
«Вот черт щетинистый! Вот проклятуший бес-то!
Ну, погоди ужо: долг красен платежом!»

Змея задумала расправиться с ежом,
Но, силы собственной на это не имея,
Она пустилася вправлять мозги зверьку,

Хорьку:

«Приятель, погляди, что припасла к зиме я:

Какого крупного ежа!

Вот закусить кем можно плотно!

Одначе, дружбою с тобою дорожа,

Я это лакомство дарю тебе охотно.

Попробуешь, хорек, ежиного мяса,

Ввек не захочешь есть иного!»

Хорьку заманчиво и ново

Ежа испробовать. Бьет у хорька слюнца:

«С какого взять его конца?»

— «Бери с любого!

Бери с любого! —

Советует змея. — С любого, голубок!

Зубами можешь ты ему вцепиться в бок

Иль распороть ему брюшину,

Лишь не зевай!»

Но еж свернулся уж в клубок.

Хорь, изогнувши нервно спину,

От хищной радости дрожа,

Прыжком метнулся на ежа

И напоролся... на щетину.

Змея шипит: «Дави! Дави его! Дави!..

Да что ты пятишься? Ополоумел, что ли?!»

А у хорька темно в глазах от боли

И морда вся в крови.

«Дави сама его! — сказал змее он злобно. —

И ешь сама... без дележа.

Что до меня, то блюдо из ежа,

Мне кажется, не так-то уж съедобно!»

Мораль: враги б давно вонзили в нас клыки,
Когда б от хищников, грозящих нам войною,
Не ограждали нас щетиною стальнойю
Красноармейские штыки.

12 мая 1933

ПЧЕЛА

В саду зеленом и густом
Пчела под розовым кустом
Заботливо и радостно жужжала.
А под кустом змея лежала.
«Ах, пчелка, почему, скажи, судьба твоя
Счастливее гораздо, чем моя? —
Сказала так пчеле змея. —
В одной чести с тобой мне быть бы надлежало.
Людей мое пугает жало,
Но почему ж тогда тебе такая честь
И ты среди людей летаешь так привольно?
И у тебя ведь жало есть,
Которым жалишь ты, и жалишь очень больно!»
— «Скажу. Ты главного, я вижу, не учла, —
Змее ответила пчела, —
Что мы по-разному с тобою знамениты,
Что разное с тобой у нас житье-бытье,
Что ты пускаешь в ход оружие свое
Для нападения, я ж — только для защиты».

<16 мая> 1933

ЛОДЫРСКИЙ ПЛЕК

Вешней ласкою Алешку
Воздух утренний свежит.
Растянулся лодырь влежку
И — лежит, лежит, лежит.

Пашут пусть, кому охота,
Кто колхозом дорожит,
Для кого мила работа.
Он, Алешка, полежит.

Встала рожь густой стеною,
Спелым колосом дрожит.
Книзу брюхом, вверх спиною
Лодырь рядышком лежит.

Весь колхоз воспрянул духом:
«Урожай нам ворожит!»

Вверх спиною, книзу брюхом
Лодырь, знай свое, лежит.

Вот и осень. После лежки
Лодырь мчит с мешком в колхоз.
«Ты чего?» — «Насчет дележки!»
— «Шутишь, парень, аль всерьез?!»

Все смеются: «Ну и штуки ж!»
У Алешки сердце — ёк!
Обернулся в голый кукиш
Полный лодырский паек!

<4 июня> 1933

НЕИЗЛЕЧИМЫЙ

Какой-то тип страдал запоем.
В запое был он зверски лют,
Бросаясь с руганью, с разбоем
На неповинный встречный люд.
Казалось, за его разбойные замашки
Ему недолго ждать смирительной рубашки.
Но пьяницу друзья решили излечить,
Зло пьянства перед ним насквозь разоблачить
И водку поднести ему с такой приправой,
Чтоб он с минуты самой той,
Как выпьет мерзостный настой,
Пред водкой морщился б, как перед злой отравой,
Чтоб водочный ему был неприятен дух, —
Друзья преподнесли ему настой... из мух:
«Пей, милый! Снадобье особой изготовки!»

Что ж пьяница? Без остановки
Он стопку вылакал, икнул, взглянул на дно
И, там увидя мух — брюшко и две головки, —
Глотнул их тоже заодно,
Причмокнувши: «Ух ты! Уж не пивал давно
Такой чудеснейшей... муховки!»

В Берлине так один фашистский коновод,
Смеясь, хватался за живот,
Когда, фашистскую пред ним пороча шпанку,

Его стыдили: дескать, вот
Фашистских подвигов вскрываем мы изнанку.
Ответ далеким был от всякого стыда:
«Что?.. Молодцы мои — погромщики?.. О да!
Не понимаю, господа,
За что ж на них вы так сердиты?
Великолепные, ей-богу же, бандиты!»

<13 июня> 1933

ДАЕМ!!

Вперед иди не без оглядки,
Но оглянися и сравни
Былые дни и наши дни.
Старомосковские порядки —
Чертовски красочны они.
Но эти краски ядовиты
И поучительно-страшны.
Из тяжких мук народных свиты
Венки проклятой старины.
На этих муках рос, жирея,
Самодержавный гнусный строй,
От них пьянея и дурея,
Беспечно жил дворянский рой,
Кормились ими все кварталы
Биржевиков и палачей,
Из них копились капиталы
Замоскворецких богачей.

На днях в газете зарубежной
Одним из белых мастеров
Был намалеван краской нежной
Замоскворецкий туз, Бугров,
Его купецкие причуды,
Его домашние пиры
С разнообразием посуды,
Им припасенной для игры.
Игра была и впрямь на диво:
В вечерних сумерках, в саду
С гостями туз в хмельном чаду
На «дичь» охотился ретиво,

Спеша в кустах ее настичь.
Изображали эту «дичь»
Коньяк, шампанское и пиво,
В земле зарытые с утра
Так, чтоб лишь горлышки торчали.
Визжали гости и рычали,
Добычу чуя для нутра.
Хозяин, взяв густую ноту,
Так объявлял гостям охоту:

«Раз, два, три, четыре, пять,
Вышел зайчик погулять,
Вдруг охотник прибегает,
Прямо в зайчика стреляет.
Пиф-паф, ой-ой-ой,
Умирает зайчик мой!»

Неслися гости в сад по знаку.
Кто первый «зайца» добывал,
Тот, соблюдая ритуал,
Изображал собой собаку
И поднимал свирепый лай,
Как будто впрямь какой Кудлай.
В беседке «зайца» распивали,
Потом опять в саду сновали,
Пока собачий пьяный лай
Вновь огласит купецкий рай.
Всю ночь пролаяв по-собачьи,
Обшарив сад во всех местах,
Иной охотник спал в кустах,
Иной с охоты полз по-рачьи.
Но снова вечер приходил,
Вновь стол трещал от вин и снедей,
И вновь собачий лай будил
Жильцов подвальных и соседей.

При всем при том Бугров-купец
Был оборотистый делец, —
По вечерам бесяся с жиру,
Не превращался он в транжиру,
Знал: у него доходы есть,
Что ни пропить их, ни проесть,

Не разорит его причуда,
А шли доходы-то откуда?
Из тех каморок и углов,
Где с трудового жили пота.
Вот где купчине был улов
И настоящая охота!
Отсюда греб он барыши,
Отсюда медные гроши
Текли в купецкие затоны
И превращались в миллионы,
Нет, не грошей уж, а рублей,
Купецких верных прибылей.
Обогащал купца-верзилу
Люд бедный, живший не в раю,
Тем превращая деньги в силу,
В чужую силу — не в свою.

Бугров, не знаю, где он ныне,
Скулит в Париже иль в Берлине
Об им утерянном добре
Иль «божьей милостью помре»,
В те дни, когда жильцы подвалов
Купца лишили капиталов
И отобрали дом и сад,
Где (сколько, бишь, годков назад?
Года бегут невероятно!)
Жилось купчине столь приятно.
Исчез грабительский обман.
Теперь у нас рубли, копейки
Чужой не ищут уж лазейки,
К врагам не лезут уж в карман,
А, силой сделавшись народной,
Страну из темной и голодной
Преобразили в ту страну,
Где мы, угробив старину
С ее основою нестойкой,
Сметя хозяйственный содом,
Мир удивляем новой стройкой
И героическим трудом.
Не зря приезжий иностранец,
Свой буржуазный пятя глянец,
В Москве пробывши день иль два

И увидав, как трудовая
Вся пролетарская Москва
В день выходной спешит с трамвая
Попасть в подземное нутро,
Чтоб помогать там рыть метро, —
Всю спесь теряет иностранец
И озирается вокруг.
Бежит с лица его румянец,
В ресницах прячется испуг:
«Да что же это в самом деле!»
Он понимает еле-еле,
Коль объясненье мы даем,
Что государству наш работник
Сам, доброй волею в субботник
Свой трудовой дает заем,
Что он, гордясь пред заграницей
Своей рабочей столицей,
В метро работает своим,
Что трудовой его заем
Весь оправдается сторицей:
Не будет он спешить с утра,
Чтоб сесть в метро, втираясь в давку, —
Он сам, жена и детвора
В метро усядутся на лавку
Без лютой брани, без толчков,
Без обдиранья боков,
Без нахождения местечка
На чьих-нибудь плечах, грудях, —
Исчезнет времени утечка
И толкотня в очередях, —
Облепленный людскою кашей
Не будет гнать кондуктор взашей
Дверь атакующих «врагов».
Метро к удобствам жизни нашей —
Крупнейший шаг из всех шагов,
Вот почему с такой охотой
— Видали наших молодчаг? —
Мы добровольною работой
Спешим ускорить этот шаг.
Не надо часто нам агитки:
Мы знаем, долг какой несем.
И так у нас везде во всем

От Ленинграда до Магнитки,
От мест, где в зной кипит вода,
От наших южных чудостроев
И до челюскинского льда,
Где мы спасли своих героев.
На днях — известно всем оно! —
Магниткой сделано воззвание.
Магнитогорцами дано
Нам всем великое задание:
Еще налечь, еще нажать,
Расходов лишних сузить клетку
И новым займом поддержать
Свою вторую пятилетку.
Воззвание это — документ
Неизмеримого значенья.
В нем, что ни слово, аргумент
Для вдохновенья, изученья,
Для точных выводов о том,
Каких великих достижений
Добились мы своим трудом
И вкладом в наш советский дом
Своих миллиардных сбережений.

Магнитострой — он только часть
Работы нашей, но какая!
Явил он творческую страсть,
Себя и нас и нашу власть
Призывным словом понукая.
Да, мы работаем, не спим,
Да, мы в труде — тяжеловозы,
Да, мы промышленность крепим,
Да, поднимаем мы колхозы,
Да, в трудный час мы не сдаем,
Чертополох враждебный косим,
Да, мы культурный наш подъем
На новый уровень возносим,
Да, излечась от старых ран,
Идя дорогою победной,
Для пролетариев всех стран
Страной мы стали заповедной,
Да, наши твердые шаги
С днем каждым тверже и моложе!

Но наши ярые враги —
Враги, они не спят ведь тоже, —
Из кузниц их чадит угар,
Их склады пахнут ядовито,
Они готовят нам удар,
Вооружаясь неприкрыто;
Враг самый наглый — он спешит,
Он у границ советских рыщет,
Соседей слабых потрошит, —
На нас он броситься решит,
Когда союзников подыщет,
Он их найдет: где есть игла,
Всегда подыщется к ней нитка.

Сигнал великий подала
Нам пролетарская Магнитка.
Мы в трудовом сейчас бою,
Но, роя прошлому могилу,
В борьбе за будущность свою
Должны ковать в родном краю
Оборонительную силу.
И мы куем ее, куем,
И на призыв стальной Магнитки —
Дать государству вновь заем —
Мы, сократив свои прибыли,
Ответный голос подаем:
Да-е-е-е-ем!!

12—13 апреля 1934

НАША РОДИНА

Дворяне, банкиры, попы и купечество,
В поход обряжая Тимох и Ерем,
Вопили: «*За веру, царя и отечество*
Умрем!»
«Умрем!»
«Умрем!»
И умерли гады неожиданно-негаданно,
Став жертвой прозревших Ерем и Тимох.
Их трупы, отпетые нами безладанно,
Покрыли могильная плесень и мох.

«За веру!» — Мы свергли дурман человечества.
«Царя!» — И с царем мы расчеты свели.
«Отечество!» — Вместо былого отечества
Дворян и банкиров, попов и купечества —
Рабоче-крестьянское мы обрели.

Бетоном и сталью сменивши колодины,
Мы строим великое царство Труда.
И этой — родной нам по-новому — родины
У нас не отбить никому никогда!

<1 августа> 1934

ОБОРОНЯТЬСЯ — ЗНАЧИТ БИТЬ!

РАЗБОЙНИКИ С ОТКРЫТЫМ ЗАВРАЛОМ

«Фелькишер беобахтер» снова — в
статье от 15 февраля — выступает
с программой германо-польских за-
хватов на Востоке.

«Правда», 18 февраля 1935 г.

Мой стол — вот весь мой наркомат.
Я — не присяжный дипломат,
Я — не ответственный политик,
Я — не философ-аналитик.
И с той и с этой стороны
Мои познания равны.
Чему равны — иное дело,
Но мной желанье овладело:
Склонясь к бумажному листу,
Поговорить начистоту
О том, о чем молчат обычно
Иль пишут этак «заковычно»,
Дипломатично,
Политично,
Владея тонким ремеслом
Не называть осла ослом
И дурачиной дурачину,
А величать его по чину

И выражать в конце письма
Надежды мирные весьма.
Я фельетон пишу — не ноту.
Поэт, как там ни толковать,
Я мог бы всё ж претендовать
На «поэтическую» льготу:
Поэт — известно-де давно —
Из трезвых трезвый, всё равно,
В тисках казенного пакета
Всегда собьется с этикета
И даст фантазии простор, —
Неоспорима-де примета:
Нет без фантазии поэта,
Так утверждалось до сих пор.
Вступать на эту тему в спор
Нет у меня большой охоты
(Спор далеко б меня завлек).
Таков уж стиль моей работы:
Я не стремлюсь добиться льготы
Под этот старый векселек.
Но к озорству меня, не скрою,
Влечет несказанно порою,
Поговорить на «свой» манер
О... Розенберге, например.
Вот фантазер фашистской марки!
Пусть с ним сравнится кто другой,
Когда, «соседке дорогой»
Суля «восточные подарки»,
Он сочиняет без помарки:

«Я докажу вам в двух строках...
Подарки вот... почти в руках...
Вот это — нам, вот это — Польше...
Коль мало вам, берите больше...
Вести ль нам спор о пустяках?
Не то что, скажем, половину —
Всю забирайте Украину.
А мы Прибалтикой парад
Промаршируем в Ленинград,
Плацдарм устроив эйн-цвей-дрейно
От Ленинграда и до Рейна.
Мы, так сказать, за рыбный лов,

Араки, скажем так, а раки...
Ну мало ль есть еще голов,
Антисоветской ждущих драки
На всем двойном материке!
Я докажу в одной строке. . .»

Состряпав из Европ и Азий
Невероятный винегрет,
Фашистский выявил полпред
(Полпред для всяческих «оказий»)
Вид политических фантазий,
Переходящих в дикий бред.
То, что «у всякого барона
Своя фантазия», увы,
Не миновало головы
Сверхфантазера и патрона
Фашистских горе-молодцов,
И Розенберг в конце концов
С неподражаемым экстазом
Пленяет, стряпая статью,
Соседку милую свою
Чужого бреда пересказом.
Придет — она не за горой —
Пора, когда Советский строй,
Преодолевши вражьи козни,
Сменив истории рычаг,
Последний сокрушит очаг
Национальной лютой розни, —
Не за горою та пора,
Когда по школам детвора,
Слив голоса в волне эфирной,
Петь будет гимны всеземной,
Всечеловечески родной
Единой родине — *всемирной*, —
Когда из книжечки любой,
Как факт понятный сам собой
Из первой строчки предисловья,
Узнает розовый юнец,
Что мир покончил наконец
С периодом средневековья,
Что рухнула, прогнув дотла,
Его отравленная масса

*И что фашистскою была
Его последняя гримаса.*

Фашизм не пробует юлить
И заявляет откровенно,
Что он готовится свалить,
Поработить и разделить
Страну Советов непременно.
Бред? . . Мы должны иметь в виду:
Фашисты бредят — не в бреду,
Не средь друзей пододеяльных,
Патологически-скандальных,
Нет, наяву, а не во сне
Они готовятся к войне,
Ища союзников реальных,
Точа вполне реальный нож,
Нож для спины реальной тож.
Одно лишь в толк им не дается,
Что им, затейщикам войны,
В бою вот этой-то спины
Никак увидеть не придется,
Что на любом мы рубеже
И день и ночь настороже
И, чтоб не знать в борьбе урону,
Так понимаем *оборону*:
Обороняться — не трубить,
Не хвастаться, не петушиться, —
Обороняться — значит бить,
Так бить, чтоб с корнем истребить
Тех, кто напасть на нас решится,
Тех, кто, заранее деля
Заводы наши и поля,
Залить их мыслит нашей кровью,
Тех, кто в борьбе с советскою новью
Захочет преградить ей путь,
Чтоб мир, весь мир, опять вернуть
К звериному средневековью
И путь к культуре — отрубить.
Обороняться — значит бить!
И мы — в ответ на вражьи ковы, —
Не скрою, к этому готовы!

Между 18 и 22 февраля 1935

ЖИВОЕ ЗВЕНО

Смерть. С ней мирится ум, но сердце не мирится,
Болезненно сжимаясь каждый раз.
Не верится, что нет бойца, что он — угас:
Улыбкою лицо его не озарится,
Морщинки ласково не набегут у глаз.

Внезапным натиском смертельного недуга
Боец сражен. Поникла голова.
...Последний путь. Прощальные слова.
С останками испытанного друга
Простилась скорбная Москва.

Прощай, Барбюс! Ты — мертв. Но образ
твой — он вечен,
Как вечно то, чему так честно ты служил.
На родине своей ты будешь встречен
Железным строем тех, чьей славой ты отмечен,
Чьей героической борьбой дышал и жил.

Нас разлучат с тобой леса, долины, реки,
Но ты для нас в краю своем родном
С друзьями нашими останешься навеки
Живым и творческим звеном.

Между 30 августа и 2 сентября 1935

КОГО МЫ БИЛИ

КОРНИЛОВ

Вот *Корнилов*, гнус отборный,
Был Советам враг упорный.
Поднял бунт пред Октябрем:
«Все Советы уберем!
Все Советы уберем,
Заживем опять с царем!»
Ждал погоды, встретил вьюгу.
В Октябре подался к югу.
Объявившись на Дону,

Против нас повел войну.
Получил за это плату:
В лоб советскую гранату.

КРАСНОВ

Как громили мы *Краснова!*
Разгромив, громили снова
И добились до конца, —
Не догнали подлеца.
Убежав в чужие страны,
Нынче он строчит романы,
Как жилось ему в былом
«Под двуглавым. . .»
Под Орлом.
Настрочив кусок романа,
Плачет он у чемодана:
«Съела моль му-у-ундир. . . шта-ны-ы-ы,
Потускнели галуны-ы-ы-ы».

ДЕНИКИН

Вот *Деникин* — тоже номер!
Он, слышать, еще не помер,
Но, слышать, у старика
И досель трещат бока.
То-то был ретив не в меру.
«За отечество, за веру
И за батюшку-царя»
До Орла кричал: «Ур-р-ря!»
Докричался до отказа.
За Орлом охрип он сразу
И вовсю назад подул,
Захрипевши: «Кар-ра-ул!»
Дорвался почти до Тулы.
Получив, однако, в скулы,
После многих жарких бань
Откатился на Кубань,
Где, хвативши также горя,
Без оглядки мчал до моря.
На кораблике — удал! —
За границу тягу дал.

ШКУРО

Слыл *Шкуро* — по зверству — волком,
Но, удрав от нас пешком,
Торговал с немалым толком
Где-то выкраденным шелком
И солдатским табаком.
Нынче ездит «по Европам»
С небольшим казацким скопом
Ради скачки верховой
На арене... цирковой.

МАМОНТОВ

Это *Мамонтов*-войка,
Слава чья была двойка,
Такова и до сих пор:
Генерал и вместе — вор!
«Ой да, ой да... Ой да, эй да!» —
Пел он весело до «рейда»,
После рейда ж только «ой» —
Кое-как ушел живой;
Вдруг скапутился он сразу,
Получивши то ль заразу,
То ль в стакане тайный яд.
По Деникина приказу
Был отравлен, говорят,
Из-за зависти ль, дележки
Протянул внезапно ножки.

КОЛЧАК

Адмирал *Колчак*, гляди-ко,
Как он выпятился дико.
Было радостью врагу
Видеть трупы на снегу
Средь сибирского пространства:
Трупы бедного крестьянства
И рабочих сверхбойцов.
Но за этих мертвецов
Получил Колчак награду:

Мы ему, лихому гаду,
В снежный сбив его сугроб,
Тож вогнали пулю в лоб.

АННЕНКОВ

Сел восставших усмиритель,
Душегуб и разоритель,
Искривившись, псом глядит
Борька *Анненков*, бандит.
Звал себя он атаманом,
Разговаривал наганом;
Офицерской злобой пьян,
Не шадя, губил крестьян,
Убивал их и тиранил,
Их невест и жен поганил.
Много сделано вреда,
Где прошла его орда.
Из Сибири дал он тягу.
Всё ж накрыли мы беднягу,
Дали суд по всей вине
И — поставили к стене.

СЕМЕНОВ

Вот *Семенов*, атаман,
Тоже помнил свой карман.
Крепко грабил Забайкалье.
Удалось бежать каналье.
Утвердился он в правах
На японских островах.
Став отпетым самураем,
Заменил «ура» «банзаем»
И, как истый самурай,
Глаз косит на русский край.
Ход сыскал к японцам в штабы:
«Эх, война бы! Ух, война бы!
Ай, ура! Ур... зай! Банзай!
Поскорее налезай!»
Заявленья. Письма. Встречи.

Соблазнительные речи!
«Ай, хорош советский мед!»
Видит око — зуб неймет!

ХОРВАТ

Хорват — страшный, длинный, старый —
Был палач в Сибири ярый
И в Приморье лютый зверь.
Получивши по кубышке,
Эта заваль — понаслышке —
«Объяпонилась» теперь.

ЮДЕНИЧ

Генерал *Юденич* braveый
Тоже был палач кровавый,
Прорывался в Ленинград,
Чтоб устроить там парад:
Не скупился на эффекты,
Разукрасить все проспекты,
На оплечья фонарей
Понавесить бунтарей.
Получил под поясицу,
И Юденич за границу
Без оглядки тож подрал,
Где тринадцать лет хворал
И намедни помер в Ницце —
В венерической больнице
Под военно-белый плач:
«Помер истинный палач!»

МИЛЛЕР

Злой в Архангельске палач,
Миллер ждал в борьбе удач,
Шел с «антантовской» подмогой
На Москву прямой дорогой:
«Раз! Два! Раз! Два!
Вир марширен нах Москва!»
Сколько было шмерцу герцу,
Иль, по-русски, — боли сердцу:

Не попал в Москву милоч!
Получил от нас он перцу,
Еле ноги уволок!

МАХНО

Был *Махно* — бандит такой.
Со святыми упокой!
В нашей стройке грандиозной
Был он выброшенным пнем.
Так чудно в стране колхозной
Вспоминать теперь о нем!

ВРАНГЕЛЬ

Герр барон фон *Врангель*. Тоже —
Видно аспида по роже —
Был, хоть «русская душа»,
Человек не караша!
Говорил по-русски скверно
И свирепствовал безмерно.
Мы, зажав его в Крыму,
Крепко всыпали ему.
Бросив фронт под Перекопом,
Он подрал от нас галопом.
Убежал баронский гнус.
За советским за кордоном
Это б нынешним баронам
Намотать себе на ус!

Мы с улыбкою презренья
Вспоминаем ряд имен,
Чьих поверженных знамен
После жаркой с нами схватки
Перетлевшие остатки
Уж ничто не обновит:

Жалок их позорный вид,
Как жалка, гнусна порода
Догнивающего сброда,

Что гниет от нас вдали,
Точно рыба на мели.

Вид полезный в высшей мере
Тем, кто — с тягой к злой афере,
Злобно выпялив белки, —
Против нас острит клыки.

1933—1935

ПЕРВОЕ СЛОВО

*Пленуму Союза советских писателей,
назначенному в г. Минске и посвя-
щенному советской поэзии*

Через Минск шли части фронтовые,
На панов шли красные бойцы.
Я тогда увидел вас впервые,
Белорусские певцы.
Не забыть мне кипы книжных связок
Белорусского письма.
От легенд от ваших и от сказок
Я тогда сходил с ума.

Нынче жизнь все сказки перекрыла.
Бодрый гул идет со всех концов.
И летит — звонка и быстрокрыла —
В красный Минск семья родных певцов
Из Москвы, из Киева, Казани,
Из Тбилиси, из Баку,
Сходных столь по духу их писаний,
Разных столь по языку.

Речь пойдет о мастерстве о новом,
О певцах о всех и о себе,
Но средь слов пусть будет первым словом
Ваше слово о борьбе,
О борьбе, которой нету краше,
О борьбе, которой нет грозней,
О борьбе, в которой знамя наше
Возвестит конец фашистских дней;
О борьбе великой, неизбежной,

Мировой, решающей борьбе,
В коей мы призыв к семье мятежной,
Боевой, рабоче-зарубежной,
Позабыв на срок о флейте нежной,
Протрубим на боевой трубе!

<8 февраля> 1936

ХУДОЖНИК, БОЕЦ, ДРУГ

Художник удивительной судьбы,
Боец несокрушимейшей удачи,
Друг класса, сбившего дворянские гербы,
И буревестник классовой борьбы...
Дать верный лик его — труднее нет задачи.
Отдавший жизнь свою великой цели, он,
Чей путь был боевым и мудро-человечным,
Войдет в советский пантеон
Художником, бойцом и нашим другом вечным!

18 июня 1936

А ТАКИЕ ТИПЫ ЕСТЬ!

На редактора-тетерю
Взглянешь — как его забыть!
Вот гляжу и сам не верю,
Что такие могут быть.

Он, как муха из опары,
Лезет, вырезки гребя.
Ничего, напялив фары
Из очков (четыре пары!),
Он не видит вокруг себя.

Вкруг него живая сказка,
Жизнь кипит, бурлит, гудит,
Но очкастая двуглазка
Только в вырезки глядит.

Что там жизненная сказка,
Гул заводов и полей!

У него своя закваска:
Лишь газет была бы связка,
Были б ножницы да клей!

Прет он текст неумоимо
Из газет, календарей.
Жизнь проходит мимо, мимо
Запертых его дверей.

Попрошайкою безвестной
 Постучаться в дверь боясь,
 Умирает с жизнью местной
 Органическая связь.

О работе ли похвальной,
О работе ли провальной,
Что цветет и что гниет
Рядом — в близости квартальной, —
Из газеты из центральной
Лжередактор узнает.

Больше вырезкой одною,
Вот и всё. И ту — в петит!
К местной жизни став спиною,
Под газетной пеленою
Он воды не замутит.

Что! *Отчет о местной*. . . «Херю!
В наши дебри неча лезть».
Вот пишу и сам не верю. . .
А такие типы есть!

1936

«СИРОТСКАЯ ДОЛЯ»

В те дни, когда в стране голодной
Царили мрак и нищета,
В оправе песенно-народной
Какой печалью безысходной
Звучало слово — «сирота»!

На ножках рваные обмотки,
Рвань на плечах и в летний зной
И в зимний холод ледяной.
Ах, образ девочки-сиротки
Стоит досель передо мной!

Идет сиротка дереушкой,
Влача дырявую суму,
Идет несчастной побирушкой,
Чужой, не нужной никому, —

Ей в радость хлеб — сухая корка,
Да не везде дадут и ту,
У всех на бога отговорка:
«Бог пропитает сироту!»

Судьба ль расщедрится подачкой,
Подачка эта не сладка:
Быть вековечною батрачкой
У кровососа-кулака,

Весь день работать до упаду,
Так, чтоб трещали позвонки,
И получать за всё в награду
Хозяйский окрик и пинки.

Но не напрасно прогремела
Гроза живая *Октября*:
С ней для сиротского удела
Пришла счастливая заря,

Заря сменилась днем веселым,
Поет о радости народ,
И по колхозным нашим селам
Уже не слышен плач сирот.

Не та пора — не та основа.
Жизнь новый облик обрела.
Былое не вернется снова.
Сиротка, Мотя Иванова,
В колхоз ребенком прибрела.

Колхоз ей стал семьей родною.
Не сиротой — родной сестрой
Она под кровлею одною
Жила с колхозной детворой,

Росла, цвела не в доле слезной.
Девницей сделавшись серьезной,
Приветливой, не дикарем,
На птицеферме на колхозной
Искусным стала главарем.

Она работает упорно,
Благая знания в честный труд,
И восемьсот ее «леггорнов»
Призы на выставках берут.

Она за книгой, отдыхая,
И разбирается вполне,
Газеты свежие читая,
Что значат вести из Китая
И почему Мадрид в огне.

Она наездницею ловкой
Летит, в езде не новичок,
И управляется с винтовкой
На ворошиловский значок.

В тот день, когда счастливой Моте
Был комсомольский дан билет,
На ней, на маленьком пилоте,
Костюм пилотский был надет.

Планер взлетел, как голубь белый.
У Моти руль в руке умелой.
Сияя — как ей не сиять! —
Она, полет проделав смелый,
Посадку сделала на ять.

«Ура» колхозники кричали
(Ей весь колхоз за мать-отца!)
И поздравляли, и качали,
И целовали без конца.

У Моти щеки — два цветочка,
Вся разругалась она.
«Ай Мотя!» — «Ловко!» — «Ай да дочка!»
«Гляжу, а Мотя — в небе точка!»
«Да ежели, скажем так, война...»

«Былые сироты мы, что ли?
Врагам дадим такой ответ!»

*Насчет «сиротской горькой доли»
В Стране Советов песен нет!*

Сентябрь 1937

РАБОЧИЙ ОТДЫХ В СТАРИНУ И ТЕПЕРЬ

Всем миром правил — царь небесный,
Россией правил — царь земной.
Рабочий «отдых» в день воскресный,
Недуг душевный и телесный
Лечил сивухою двойной.

Молчал тяжелый грохот будня,
И лязг железа, и гудки.
Гудели церкви до полудня,
С полудня выли кабаки.

Воскресный «отдых» в оны годы,
Его припомнить — жуть берет.
«Тряхнем-ка, что ль, на все «доходы!»
«Эх, что заглядывать вперед!»

«Судьба — злодейка, жизнь — копейка!»
«Пойдем, утопим грусть-тоску!»
«Где наше счастье? .. Друг, налей-ка...
Оно в бессрочном отпуску».

Для скорби черной, неотвязной
Утехой был однообразной
Трактир, дешевый ресторан
Или на площади на грязной
«Простонародный» балаган.

Из потрохов протухших студни...
Участок иль ночлежный дом...
«Как отдохнул?» — «Нельзя паскудней!»
И снова — тягостные будни
С проклятым, каторжным трудом.

Шесть дней, прикованных к машине.
Воскресный «отдых» — снова то ж.

Как наш рабочий отдых ныне
На прежний «отдых» не похож!

Кто мог представить в годы оны
Рабочий отдых наших лет:
Музеи, парки, стадионы,
Театры, музыку, балет.

Все виды радостного спорта,
Парадов мощную красу,
Уют приморского курорта,
Дома для отдыха в лесу!

Рабочий отдых стал культурным
И оздоровленным насквозь.
Вот почему потоком бурным
В стране веселье разлилось;

Вот почему теперь в газете
Мы пишем и в стихах поем,
Что мы — счастливей всех на свете
В труде и в отдыхе своем!

<22 октября> 1937

АНКА-ПАРТИЗАНКА

Белорусская песня

Любовались люди Анкой:
Нет девчоночки былой,
Стала Анка партизанкой,
Комсомолкой удалой.

Вот она — сидит на танке.
Вражий танк. Ее трофей.
Шлем, ружье на партизанке,
А румянец — до бровей.

«Ай да девка!» — «На приметку!» —
Разговор про Анку был
Анка вызвалась в разведку
И пошла во вражий тыл.

Не сплывать — одна забота.
Шла сторожко, как лиса,
Через топкие болота,
Через темные леса.

Край родной! Он весь ей ведом.
Тонок слух. Глаза горят.
Через день за Анкой следом
Партизанский шел отряд.

Подошел к фашистам с тыла,
Захватил врагов врасплох.
У фашистов кровь застыла,
Был конец злодеев плох.

«Анка, глянь, летит к танкетке!
Бьет по танку!» — «Уй-ю-ю!»
— «Удала была в разведке,
Удалей того — в бою!»

Жестока была расплата
Славной девушки-бойца
За расстрелянного брата,
За сожженного отца.

За народ, за трудовую
Разоренную семью,
За страну свою родную,
Белоруссию свою!

<13 августа> 1941

ДРАЙ ПЕТУК!

Баллада

Офицер фашистский роту
По-фашистски просвещал,
Мародерскую работу
Ей на фронте обещал:
«Птис ви есть хотель? По-русски
Знайте слов немножка штук:
Энтен — утки, гензе — гуски,
Вместа гуски — драй петук!»

Офицер фашистский роту
Мародерству обучал,
Не смягчая ни на йоту
Основных его начал:
«Мародерство есть без шутки
Блакароднейший наук.
Гензе — гуски, энтен — утки,
Вместа гуски — драй петук!»

Грабьте птис в любой колхоза.
Птис во всех дворах гуляйт.

Всех мужик пугайт с угроза.
Не боится? Застреляйт!
Змело требовайт закуски,
Виривайт ее из рук.
Эnten — утки, гензе — гуски,
Вместа гуски — драй петук!»

Но советская пехота
Немцев встретила на честь:
Полегла почти вся рота,
Остальным хотелось есть,
Отощалые желудки
Натерпелись адских мук.
«Гензе — гуски, эnten — утки,
Вместа гуски — драй петук!»

Ворвались мародеры
В украинское село,
А «по-русски» разговоры
Позабыли, как назло.
Кто-то вдруг припомнил фразу
После дьявольских потуг.
По дворам фашисты сразу
Заорали: «Драй петук!»

Ели, пили, веселились...
Сном закончив пьяный пир,
В ту же ночь переселились
Немцы все в загробный мир.
Партизаны, из засады
Налетев, как сонных мух,
Их избили без пощады:
«Вот вам, гады,
Драй петук!»

В Киле, в Гамбурге, в Берлине
Слез не выплакать очам.
Мародеров семьи ныне
С дрожью слышат по ночам:
Кто-то дверь легонько тронет,
Постучится — тук, тук, тук!

И всю ночь надрывно стонет:
«Драй петук! . .
Драй петук! . .
Драй петук! . .»
<24 августа> 1941

ГИТЛЕР И СМЕРТЬ

Сил самых мерзостных подручный,
Шагает Гитлер-людоед.
С ним рядом спутник неразлучный
Свой оставляет мертвый след.
Они пройдут по ниве тучной —
И нивы тучной больше нет.

Сады лишаются в мгновение
Своей красоты, своих плодов.
Зловещей пары появленье
Под гул оружия всех родов
Уничтожает населенье
Цветущих сел и городов.

Но, полный пьяного угару,
Как натиск вражеский ни яр,
Враги узнают нашу кару
В тот час, когда — и млад и стар —
Обрушим мы на эту пару
Наш сокрушительный удар!

<28 сентября> 1941

Я ВЕРЮ В СВОЙ НАРОД

Пусть приняла борьба опасный оборот,
Пусть немцы тешатся фашистскою химерой,
Мы отразим врагов. Я верю в свой народ
Несокрушимою тысячелетней верой.

Он много испытал. Был путь его тернист.
Но не затем зовет он родину святою,

Чтоб попирал ее фашист
Своею грязною пятою.

За всю историю суровую свою
Какую стойкую он выявил живучесть,
Какую в грозный час он показал могучесть,
Громя лихих врагов в решающем бою!
Остервенелую фашистскую змею
Ждет та же злая вражья участь!

Да, не легка борьба. Но мы ведь не одни:
Во вражеском тылу тревожные огни.
Борьба кипит. Она в разгаре.
Мы разгромим врагов. Не за горами дни,
Когда подвергнутся они
Заслуженной и неизбежной каре.

Она напишется отточенным штыком
Перед разгромленной фашистскою оравой:
«Покончить навсегда с проклятым гнойником,
Мир отравляющим смертельною отравой!»

<7 ноября> 1941

ПОДАРКИ С «ОСТ-ФРОНТА»

Баллада

Как фрейлейн Берте летом
Завидовали все!
Шел разговор при этом
Не о ее красе.

Таких же три уroda,
Как и она сама, —
Есть на уродов мода! —
От Берты без ума.

Ответ был ею точный
Дап каждому из них:
«Ты, верю, фронт Восточный
Прославишь, мой... жених!»

В «грабьармии» все трое.
Разбойный пыл их лют.
Невесте три «героя»
Подарки с фронта шлют

Соседкам был понятен
Ее святой экстаз:
Подарков вид приятен.
На них кровавых пятен
Не видел Бертин глаз.

«Шаль! — Берта отмечала. —
Ботинки! Мой размер!»
И в письмах отвечала:
«Спасибо! Данке зер!»

Наставит междометий
(Разжегся аппетит!).
Один, другой и третий
Ей нравится бандит.

У Берты блеск во взоре.
Дела-то каковы!
Она получит вскоре
Подарки... из Москвы!

«Москву — о чем тут речь-то?
Возьмем в неделю, в две!»
Но приключилось нечто
На подступах к Москве:

Москва — на том же месте,
Фашисты — не на том!
«Трех женихов невесте»
Из-под Москвы известье
Пришло, смутив весь дом.

Ах, не увидит Берта
Уже счастливых дней:
Три траурных конверта
Лежали перед ней!

<25 декабря> 1941

**ПРИЛЕТЕЛА ВОРОНА ИЗДАЛЕЧА —
КАКОВА ПТИЦА, ТАКОВА ЕЙ И ВСТРЕЧА**

Смотрят наши: «Гитлер! Вона!»
— «Что за шут!
С неба падает корона —
Парашют!»

«Уцепился за корону
Гитлер-пес».
«Вон какую к нам ворону
Черт принес!»

Ошарашенного гада
Жуть берет.
«Ай, не пада! Ай, не пада!» —
Он орет.

В страхе бельма гад тарашит:
«Ой, беда!
Ой, меня корона тащит
Не туда!

Как убрать мне ноги, плечи
И живот?
Не такой желал я встречи,
Либер готт!¹

Дайте место, где я сяду
Без помех!»
Но в ответ раздался гаду
Грозный смех:

«Опускайся, медлить неча!
Дело — гут:
Где ни сядешь, будет встреча,
Как и тут!»

---

¹ Боже мой! (нем.). — Ред.

«Погляди кругом, ворона:
Всё полки».
«Опускайся вместо трона
На штыки!»

1941

СЧАСТЛИВЫЙ БЕНИТО

С фронта русского Бенито
Шлет невесте письмецо.
Он воюет знаменито.
Результаты — налицо.

«Что за люди, миа ¹ Бьянка,
В этой чертовой стране:
Здесь крестьянин и крестьянка —
Партизан иль партизанка, —
Все участвуют в войне!

Надо быть всегда на страже:
Люди скрытны и хитры.
Здесь приходится нам даже
Опасаться детворы.

Случай был — один из многих:
Пред избушкой одной
Три подростка босоногих
В пляс пустились озорной.

Мы смеялись, чужестранцы —
Немцы, венгры, итальянцы, —
Ухватившись за бока.
Есть ли где на свете танцы
Удалее гопака?!

Но когда мы все, солдаты,
Закричали: «Молодцы!» —
Полетели в нас гранаты!

---

¹ Дорогая (итал.). — *Ред.*

Вот они какие хваты,
Украинские мальцы!

Грохот, вопли, стоны, охи. . .
Той порой мальчишки — фить!
«Плясунов» среди суматохи
Было некому ловить.

Три советских пионера
Нам сплясали мастерски:
От красавца офицера
Лишь остались куски,

Десять с ним солдат убито,
Вдвое — раненых; среди них
Я, удачливый Бенито,
Твой возлюбленный жених.

Сохранен святою девой,
Счастлив я. Тебе привет
Я пишу рукою. . . левой,
Потому что правой — нет!»

1941

ЯРОСТЬ

В работе яростно-кипучей
Юг, запад, север и восток.
Всё полноводней, всё могучей
Соревновательный поток.

Пласты глубокие взрывая,
В народных недрах открывая
Ключи энергии живой,
Вступила ярость трудовая
В соревнованье — с боевой.

В строю и молодость и старость,
Все — в напряженье, все — в бою.
Страшней нет ярости, чем ярость
В борьбе за родину свою!

<28 мая> 1942

ПОМЯНЕМ, БРАТЬЯ, СТАРИНУ!

О поле, поле Куликово,
Врага ты видело какого!
Здесь бились русские полки,
И пахари, и рыбаки;
Удары грудью принимая,
Они свершили свой обет;
Им показала свой хребет
Орда свирепого Мамая!

Враг новый рыщет на Дону.
Помянем, братья, старину,
Почтим и прадедов и дедов,
Ударим так, чтоб никогда
Уж не воспрянула орда
Осатанелых людоедов!

<30 ию.ля> 1942

БОЕВОЙ ЗАРОК

Лик этот скорбный, слезы эти
И обездоленные дети,
Врагом сожженный дом родной,
От обгорелого порога
Одна осталась дорога —
Искать норы в глуши лесной,
Покинув прах отцов и дедов.
Таков, Россия, жребий твой
В мечтах немецких людоедов!

Но — в испытаньях ты тверда.
Уже не раз, не два чужая
Остервенелая орда
Шла на тебя, уничтожая
Твои деревни, города.
Но на кровавых именинах
Умела ты принять гостей:
О, сколько на твоих равнинах
Истлело вражеских костей!
Ты отстоять себя сумела,
И слава о тебе гремела:

«Все, кто искал на Русь пути,
Ее природу знали скудно:
В Россию вторгнуться — нетрудно,
Трудней — назад живым уйти!»
Уроки прошлого не учат
Ослов: таков ослиный рок.
Им нужен новый, свой урок.
Так пусть они его получат!
Бойцы, дадим святой зарок:
«Разбить врага — в ближайший срок!»

<7 сентября> 1942

ЭТО — ТО, ЧТО НУЖНО!

Недостаток кожи и ее заменителей
вынудил советское командование вы-
пустить обувь для войск из сукна.

Можно себе представить, как тя-
жело сражаться русским в мороз в
этой обуви!

Римское радио от 19/XII 1942 г.

Ай да Бенито! Влип знаменито!

Новая итальянская пословица

Муссолини — речь о нем! —
Разболтался дуче,
Мол, у русских с каждым днем
Положение круче,

Что дела их, видит бог,
Никуда не гожи:
Русский фронт насквозь продрог,
Потому что нет сапог:
Не хватает кожи!

В довершение всех бед
При заторе с кожей
Никакой замены нет,
На нее похожей.

Но у русских — к их стыду, —
Чтоб смягчить свою беду,

Сыскан в нынешнем году
Выход их исконный:
Так — у них в большом ходу
Стал сапог... суконный!

Жалко дуче русских ног?
Нет, он зло смеется.
Он, болван, узнать не мог,
Что суконный наш «сапог»
Валенком зовется!

Брех понес о нем сплошной,
Брех нелепый и смешной,
Муссолини злобный.
Русский валенок родной,
Легкий, теплый, шерстяной,
До чего хорош зимой,
До чего удобный!

Он в морозы и в снега
Серо пусть — на взгляд врага —
Выглядит наружно,
Да согрета в нем нога!
Вот чем обувь дорога!
Стало быть, что нужно!

Верный друг наш, он вдвойне
Нам дороже на войне
Зимней да морозной.
До чего ж охота мне
Городской вскричать родне
И родне колхозной:

Марья, Дарья, Митрофан,
Сашенька с Феклушей,
Епифан и Селифан,
Тетя Феня, слушай,

Слушай, дядя Ферапонт:
Шлите валенки на фронт!
Шлите срочно, дружно!
Это — то, что нужно!

Между 19 и 21 декабря 1942

БОЕВОЙ СИГНАЛ

Прекрасной Франции поруганная честь,
Угроза смертная ее культуре, жизни.
Петэн с Лавалем. . . Как приятна будет весть
О том, что Францией под клич народный — «мечь» —
    Растоптаны предательские слизи.

Нет, гордой Франции фашистский злой полон
Не долго уж терпеть: в огнях уж небосклон,
    Уж слышатся со всех сторон
Сил нарастающих грозовые раскаты,
    И героический Тулон
Дал боевой сигнал: «Ускорить час расплаты!»
Ноябрь — декабрь 1942

МЕЧЬ

Легенда

С грустной матерью, ставшей недавно вдовой,
Мальчик маленький жил в Верее под Москвой.
Голубятник он ласковый был и умелый.
Как-то утром — при солнечном первом луче —
Мальчик с голубем белым на левом плече
Вдруг без крика на снег повалился, на белый,
К солнцу лик обернув помертвевший.
Вечным сном он в могиле безвременной спит.
Был он немцем убит.
Но о нем — неживом — пошли слухи живые,
Проникая к врагам через их рубежи,
В их ряды, в охранения сторожевые,
В их окопы и в их блиндажи.

По ночам, воскрешенный любовью народной,
Из могилы холодной
Русский мальчик встает
И навстречу немецкому фронту идет.
Его взгляд и презреньем сверкает и гневом,
И, всё тот же — предсмертный! — храня его вид,

Белый голубь сидит
На плече его левом.

Ни травинки, ни кустика не шевеля,
Через минные мальчик проходит поля,
Через колюче-стальные проходит препоны,
Через окопы немецкие и бастионы.
«Кто идет?» — ему немец кричит, часовой.
«Месть!» — так мальчик ему отвечает.
«Кто идет?» — его немец другой
Грозным криком встречает.
«Совесьть!» — мальчик ему отвечает.
«Кто идет?» — третий немец вопрос задает.
«Мысль!» — ответ русский мальчик дает.
Вражьи пушки стреляют в него и винтовки,
Самолеты ведут на него пикировки,
Рвутся мины, и бомбы грохочут кругом,
Но идет он спокойно пред пушечным зевом,
Белый голубь сидит на плече его левом.

Овладело безумие лютым врагом.
Страх у немцев сквозил в каждом слове и взгляде.
Била самых отпетых разбойников дрожь.
«С белым голубем мальчика видели. . .» — «Ложь!»
— «Нет, не ложь: его видели в третьей бригаде».
— «Вздор, отъявленный вздор!»
— «Нет, не вздор.

Мальчик. . .»

— «Вздор! Уходите вы к шуту!»
— «Вот он сам!»

Мальчик с голубем в ту же минуту
Возникал, где о нем заходил разговор.
С взором грозным и полным немого укора
Шел он медленным шагом, скрестив на груди
Свои детские руки.

«Уйди же! Уйди!» —
Выла воем звериным фашистская свора.
«Ты не мною убит! Я тебя не встречал!»
— «И не мною!» — выли немцы, упав на колени.
— «И не мною!» Но мальчик молчал.
И тогда, убоявшись своих преступлений
И возмездья за них, немцы все — кто куда,

Чтоб спастись от кары, бежать от суда, —
И ревели в предчувствии близкого краха,
Как на бойне быки, помертвевши от страха.
Страх охватывал тыл, проникал в города,
Нарастая быстрее повальной заразы.
По немецким войскам полетели приказы
С черепными значками, в тройном сургуче:
«Ходит слух — и ему не дается отпору, —
Что тревожит наш фронт в полуночную пору
Мальчик с голубем белым на левом плече.
Запрещается верить подобному вздору,
Говорить, даже думать о нем!»
Но о мальчишке русском всё ширилась повесть.
В него веры не выжечь огнем,
Потому — это *месть*,

это *мысль*,

это *совесть!*

И о нем говорят всюду ночью и днем.
Говорят, его видели под Сталинградом:
По полям, где судилось немецким отрядам
Лечь костями на холодной, на снежной парче,
Русский мальчик прошел с торжествующим
взглядом,
Мальчик с голубем белым на левом плече!

<9 января> 1943

НАРОДНЫМ ГЕРОИНЯМ

Сестры наши и подруги,
Вашу доблесть и заслуги,
Ваши подвиги-дела
Свято чтя, страна родная,
Честь героизму воздавая,
Лавром славы обвила
Мрамор вашего чела!

Сестры, мы ль бесславно сгинем?!
Солнце знает в небе синем,
Что мы боремся — за свет!
Враг упрется — опрокинем!

Горы встанут — горы сдвинем,
Продолжая путь побед!

Вам, народным героиням,
Братский праздничный привет!

<7 марта> 1943

ВОЛК-МОРАЛИСТ

Воздушные бомбардировки городов
противоречат законам этики.

*Заявление немецкого
генерала авиации Кваде*

Расскажем басенку, тряхнем... не стариной.

У деревушки у одной
На редкость лютый волк в соседстве объявился:
Не то что, скажем, он травой не кормился,
А убивал ягнят
Или телят, —
Нет, он свирепостью был обуян такую,
Что людям не давал покою
И яростно грибной и ягодной порой
Охотился за детворой.
Не диво, что вошел волк этот лютый в славу:
Мол, вопреку он сродни по силе и по нраву,
И в пасти у него впрямь бивни, не клыки.
Засуетились мужики.
На волка сделали облаву.
«Ату его! Ату!» — со всех сторон кричат.
Лишася вскорости волчихи и волчат,
Волк стал переживать, как говорится, драму:
«У мужиков коварный план.
Того и жди беды: не попадешь в капкан,
Так угораздишь в волчью яму...
Нагрянут мужики... Возьмут тебя живьем...
Какой бессовестный прием!..
Бить будут!.. Насмерть бить!..»
Волк жалобным вытьем
Весь лес тут огласил, из глаз пуская жижу:

«И уверял еще меня какой-то враль,
Что, дескать, у людей есть этика, мораль!
Ан этики у них как раз я и не вижу!»

<18 июня> 1943

ПО ГОСТЮ — ВСТРЕЧА

В деревне был мужик Хаврош, головорез.

Он бесперечь со всеми в драку лез,
Чужое загребал, не за свое боролся.

Косясь давно уж на Фому,
В избу — непрошенный — вломился он к нему,

Решил: врасплох его возьму!

Не на такого напоролся:

Был встречен так Хаврош Фомой,

Что еле-еле

С кровавыми отметками на теле

Дополз домой.

Деревня вся далася диву:

«Хаврош-то, слышали? Поди, теперь его

Не будет уж тянуть к чужому пиву!»

— «Да, встретил, друг Фома, Хавроша ты...»

ТОВО...

От угошенья твоего

Ему остаться вряд ли живу!»

— «Как мог, так гостя привечал, —

Фома с улыбкой отвечал, —

Не важно встретил. Делать неча.

Какой был гость. По гостю — встреча».

У немцев стынет кровь от фронтовых вестей:

Не чаяли такой закуски.

Что делать? Русские — непрошенных гостей

Привыкли мы встречать по-русски.

Вломались «гости» к нам — враги.

Так «по гостям и пироги»!

<20 августа> 1943

САЛЮТ ПОБЕДИТЕЛЯМ

О русской славе незаходной
Отрадно петь ее певцам.
Привычкой стало всенародной
Салютовать своим бойцам.

Вчера — победа в Приазовье,
Взят Мариуполь, взят Бердянск,
Сегодня пушек славословье —
Салют бойцам, вернувшим Брянск.

И вот сейчас, сию минуту,
Родной народ по всей стране
Внимает новому салюту:
Стал наш — Чернигов на Десне!

Всё напряженнее и строже
Взгляд у бойцов. Вперед! Вперед!
Отрадно видеть до чего же,
Что наша сила верх берет,

Что не сегодня-завтра грянет
Победоносное «ура»:
То Киев к жизни вновь воспрянет
И руки братски к нам протянет
С крутого берега Днепра!

Между 10 и 21 сентября 1943

МУДРЫЙ СКАЗ

Колдун уральский бородатый,
Бажов, дарит нам новый сказ.
«*Живинка в деле*» — сказ богатый
И поучительный для нас.
В нем слово каждое лучится,
Его направленность мудра,
Найдут чему здесь поучиться
Любого дела мастера.

Важны в работе ум и чувство,
В труде двойное естество,
«Живинкой в деле» мастерство
Преображается в искусство,
И нет тогда ему границ,
И совершенству нет предела,
Не оторвать тогда от дела
Ни мастеров, ни мастериц,
Их вдохновение безмерно,
Глаза их пламенем горят.
Они работают? Неверно.
Они — творят!

<21 ноября> 1943

ВСТРЕЧА

Бескрайной гладью снеговою,
Свершив последний свой обход,
Увенчан славой боевою,
Уходит в вечность старый год.

Сверкая бранною кольчугой,
За ним, грозя врагам бедой,
Идет походкою упругой
Его преемник молодой.

В урочный миг, в какой ни звука
Не уловить, ни огонька,
Была их встреча и разлука
Неуловимо коротка.

Один вступил в свое начало,
Другой свою исполнил роль,
И в двух сердцах одно звучало:
«Победа» — лозунг и пароль!

<1 января> 1944

ЛЕНИН — С НАМИ!

Высоких гениев творенья
Не для одной живут поры:
Из поколений в поколенья
Они несут свои дары.

Наследье гениев былого —
Источник вечного добра.
Живое ленинское слово
Звучит сегодня, как вчера.

Трудясь, мы знаем: *Ленин — с нами!*
И мы отважно под огнем
Несем в боях сквозь дым и пламя
Венчанное победой знамя
С портретом *Ленина* на нем!

21 января 1944

ОБИЖЕННЫЙ ВОР

Один пройдошливый румын, кривой Антон
(Иль по-румынски Антонеску),
Рядившийся в сюртук, заношенный до блеску,
Не вылезавший век из рваных панталон,
Всю жизнь пиликавший на скрипочке в трактире,
Вошел в лихой азарт, решил зажить пошире
И у себя в квартире
Устроил воровской притон:
Набив замки, навесив шторы,
Он принимал, поил-кормил
Отчаянных воров-громил,
И вместе с ними сам, как делают все воры,
Чужие уважал не очень-то запоры.
Сначала был Антон в «счастливой» полосе.
Как мышь, сыскавшая дорожку к бакалее,
Он с каждым днем жирел и делался наглее.
Но вдруг и он и воры все
Засыпался с кражей:

Сам обокраденный ворами гражданин,
Да не один,
А с обвинителем, с внушительною стражей,
Накрыв притон, налег на двери — двери вон!
При неприятном столь визите
Заголосил всю Антон:
«Спаси-и-и-те! ..
Спаси-и-и-те! ..
В обитель мирную! .. Побойтесь икон!»
— «Вот в том и главное, — сказал тут
обвинитель, —
Что мы, блюдя закон,
Вошли с оружием не в мирную обитель,
А в воровской притон!»

<6 апреля> 1944

ОСВОБОДИТЕЛЯМ

Уж немцы здесь бывали ране,
У вод чудских, среди псковских нив,
Но — смерть прошла во вражьем стане:
Торжествовали псковитяне,
Всех псов немецких разгромив.

Преданья озера Чудского,
Великий подвиг старины
Освободителями Пскова
Сегодня вновь воскрешены!

Бойцы стремительным ударом,
Напомнив прадедов дела,
Врагов, засевших в Пскове старом,
Разбили в прах, смели дотла!

Смотри: среди гари и обломков,
У древних стен, в лучах зари
Встречают доблестных потомков
Их прадеды-богатыри;

Псков ликованьем их встречает,
Блюдя обычай древний свой,
И славой их Москва венчает
За новый подвиг боевой!

<24 июля> 1944

«ФАРГЕЛЕТ»

Любители хвастливо привирать
В конце концов скандалятся обычно.

Какой-то баритон иль бас, умевший зычно
В труднейших операх любые ноты брать,
Однажды в обществе стал выхваляться с жаром
Обширнейшим своим репертуаром:
Нет оперы такой, в какой бы он не пел!
Тут кто-то хвастуна поддел,
Сказав ему с притворной грустью:
«Чем ближе жизнь моя средь мелких дрызг и дел
Подходит к роковому устью,
Тем в памяти живей картины давних лет:
Я помню — в юности моей с каким экстазом
Я слушал оперу Россини «Фаргелет!»
— «Ну как же, — не сморгнувши глазом,
Соврал артист, — в свой бенефис
Я в этой опере пел арию на бис.
Театр безумствовал и, что всего дороже,
Рукоплескали мне, представьте, в царской ложе!»
Всеобщий смех лжецу достойный был ответ,
Очковтиратель был и впрямь разыгран знатно,
Он оскандалился: ведь не было и нет
Подобной оперы, и слово «Фаргелет»,
Звучащее так оперно-приятно,
Есть слово «телеграф», прочтенное обратно.

Конкретных хвастунов я не имел в виду.
Я некую мораль под басню подведу,
Очковтирательства коснувшись и «всезнайства».
В науке ль, в области ль хозяйства,

В искусстве ли — на общую беду —
Еще не вывелись ведь и такие типы:
Они представят вам проектов пышных кипы,
Из фраз такой состряпают балет! ..
Скажите им: «А вот ученый, *Фаргелет*,
Он в этой области слывет авторитетом, —
Полезно бы узнать при составленьи смет,
Какого мнения он о проекте этом?»
Очковтиратели вам вмиг дадут ответ:
«Ну как же! .. *Фаргелет*! .. Еще минувшим летом
Мы, опасаясь лицом ударить в грязь,
Вступили с ним в прямую связь
И консультацию имели с *Фаргелетом*!»

<4 августа> 1944

В ЛЕТНИЙ ДЕНЬ НА РЕКЕ

Шумят детишки на реке,
Одни купаются, другие
Нашли приют на островке.
Тела их, бронзово-тугие
И целомудренно-нагие,
Блестят в воде и на песке.
Как жизнью, как детьми своими,
Залюбовалось солнце ими,
Приветно с берега реки
К ним наклонились тростники.
Во всей природе столько неги!
Отраднa летняя пора,
Цветите, юные побеги!
Расти, родная детвора!

Оберегая ваше детство,
Своей мы жизни не щадим.
Мы величайшее наследство
Любовно вам передадим.
Храня его, в его защите
Вы, превратясь в стальных бойцов,
Бессмертной славой завершите
Путь героический отцов!

<5 сентября> 1944

ЗМЕИНАЯ ПРИРОДА

.. Лучшая змея,
По мне, ни к черту не годится.

И. А. Крылов

Стрелок был в сапогах добротных,
Охотничьих, подкованных и плотных.
Он придавил змею железным каблуком.
Взмолилася змея перед стрелком:
«Не разлучай меня со светом!
Я натворила много зла,
Винюсь и ставлю крест на этом!
Есть змеи подлые. Я не из их числа.
Я буду, позабыв, что значит слово «злоба»,
Великодушие твое ценить до гроба.
Вот доказательство: два зуба у меня,
В обоих яд, их все боятся как огня.
Ты можешь выкрушить мне оба!»
— «Умильны, — отвечал стрелок, — слова твои,
Но только тот от них растает,
Природы кто твоей не знает:
Коль не добить зубов лишившейся змеи,
Пасть снова у нее зубами зарастает!»

Еще не наступили дни,
Но мы все знаем, что они
Не за горою,
Когда, прижатая железным каблуком,
Прикинувшись чуть не родной сестрою,
Фашистская змея затреплет языком:
«Клянусь, я жизнь свою по-новому устрою,
Ребенку малому не причиню вреда.
Россия!.. Господи, да чтобы я когда...
Я горько плакала порою,
Все, мной сожженные, припомнив города!
Я каюсь и в своем раскаянье тверда!»
Да мало ли чего еще змея наскажет,
Но зубы вырастут, она их вновь покажет,
Все покаянные свои забыв слова.
Змеинная природа такова!

Змея, раскаявшись наружно,
Не станет жить с одной травы.
Лишить ее, конечно, нужно,
Но не зубов, а — головы!

<31 октября> 1944

ЗА СОВЕТСКОЕ ОТЕЧЕСТВО!

Любовь к Отечеству всех доблестей начало.
Любовью этой мы сильны. На том стоим.
Оно росло, цвело, мужало, и крепчало,
И поражало мир величием своим.
Речь первая о нем там, где сойдутся двое,
К нему обращены сердца их и глаза.
Содружество его народов боевое
Сказалось — для врагов смертельно-роковое —
В фашистском ужасе и похоронном вое:
Столь сокрушительна была его гроза!
Мы чтим Отечество и чтим его Законы,
Их не отнять у нас: какие-лишь циклоны
К земле нигнули нас — и не могли согнуть!
Бой за Отечество ведя, свои заслоны
Мы двинули вперед, и мы щадить не склонны
Зверье, что на него дерзнуло посягнуть!

Преодолели мы тягчайшую пауку.
Мы пред врагом стоим с карающим мечом.
*Кто на Отечество на наше поднял руку,
Тому мы руку — отсечем!*

<4 декабря> 1944

МОСКВА — ВАРШАВЕ

Освободителям Варшавы наш салют!
Сегодня наши пушки бьют
Торжественный сигнал блистательной эпохи.
То перекличка двух столиц,

То — в зимнем небе — блеск зарниц,
Победы зреющей всполохи.

Варшава! Враг терзал ее не год, не два.
Казалось, черная над нею смерть нависла.
И вот — Варшава вновь свободна и жива,
И плещет радостной волной пред нею Висла!
Торжественно ее приветствует Москва,
И родственно звучат ее слова,
Великого исполненные смысла!

Нет, не о розни вековой,
Не о разладе, им обоим ненавистном,
О дружбе говорят они о боевой
И о союзе бескорыстном!

Да будет же на долгие века
Их связь сердечная крепка,
И да покроется неомраченной славой
Союз Москвы, творящей подвиг свой,
С соратницей своею боевой,
Демократической свободною Варшавой.

17 января 1945

ПОСТУПЬ ИСТОРИИ

1

Да здравствует победоносная Красная Армия, героически борющаяся за честь, свободу и независимость нашего Отечества против немецко-фашистских захватчиков!

*Призывы ЦК ВКП(б)
к 26-й годовщине Красной Армии*

Наш взор к минувшему мы обращаем году.
Наш фронт был вешнему подобен ледоходу,
Который сокрушал в погоду, в непогоду
Устои вражеской стены.
Клич боевой наш был: борьба за честь, свободу
И независимость своей родной страны!

Да здравствует победоносная Красная Армия, армия-освободительница, изгнавшая немецко-фашистских захватчиков с советской земли и громящая гитлеровские войска на территории Германии!

*Призывы ЦК ВКП(б)
к 27-й годовщине Красной Армии*

И вот — во вражеской стране, не на пороге,
А в глубине ее, с врагом мы сводим счет.
Враг, нами в собственной настигнутый берлоге,
    В предсмертной мечется тревоге:
    От нас пощады он не ждет.
И в нашем лозунге мы слышим — в каждом слогe:
*То с огненным мечом, в судейской строгой тоге
Железной поступью История идет!*

*<23 февраля> 1945
День Красной Армии*

АВТОЭПИТАФИЯ

Не плачьте обо мне, простершемся в гробу,
Я долг исполнил свой, и смерть я встретил бодро.
Я за родной народ с врагами вел борьбу,
Я с ним делил его геройскую судьбу,
Трудясь вместе с ним и в непогодь и в ведро.

24 февраля 1945

ТАКОВЫ ФАКТЫ!

Наше роковое положение в центре Европы — неустранимый географический факт, о значении которого мы в период между летом 1940 г. и прошлогодним вторжением могли лишь смутно догадываться.

*Из последнего военного обзора
генерала Дитмара*

Немцы лазаря поют:
В хвост и в гриву немцев бьют.
    Это факт — географический.

Автоэпиграф

Не плачьто обо мне, простершись в бреду.
Я долгие помысли свой и сяду я встретил
бадро.
Я за родной парад с врагами всё боряду,
А с ними делю его черную судьбу,
Плыву я вместе с ними и в непогоду,
(Переживая с ними) и в бедру.

Василий Бедный

24/11/45.

«Нам уже добра не ждать!» —
Дитмар стал так рассуждать.
Это факт — *биографический*.

Пробирает немцев страх:
Не сегодня-завтра — крах!
Это факт — *катастрофический*.

Мы, народ советский весь,
Сбили с немцев всю их спесь.
Факт — *всемирно-исторический*.

28 февраля 1945

ЗАПЛЕТАЮЩИМСЯ ЯЗЫКОМ...

Заключительная фаза войны будет,
как и всегда, самой тяжелой. Час,
предшествующий восходу солнца, бы-
вает всегда самым темным часом
ночи. Глубокий мрак предшествует
приближающемуся утру. Но никто
не должен опасаться того, что оно
забудет наступить.

*Из статьи Геббельса
«Борцы за вечную империю»*

Как эти выклики смешны,
Как дико слышать эту фразу
Про заключительную фазу
Уже проигранной войны!

Чем не «пророческое» слово
В заверстку прочих ахиней:
«Перед восходом солнца — ново! —
Бывает ночь всегда темней».

Гнус окунулся в Брамапутру¹
И провещал фашистам так:
«Окутал нас глубокий мрак,
Но мрак, предшествующий утру!

---

¹ Священная река индусов.

Не поддавайтесь же кручине.
Оно придет. Не может быть,
Чтоб по какой-нибудь причине
Оно забыло наступить!

Глаголю вам: век скоротечный...»
Да, Геббельс плох. В свой час конечный
Святошей сделался бандит,
В фашистский рейх загробный, «вечный»
Глазами мутными глядит.

Ему б хотелось смерть отсрочить.
О ней он думать не привык.
Он что-то пробует «пророчить»,
Но заплетается язык.

Крах! Всё идет к его кончине,
Наступит смерть. Не может быть,
Чтоб по какой-нибудь причине
Она забыла наступить!

<8 апреля> 1945

ПОБЕЖДЕННОЕ ВАРВАРСТВО

Фашистским «докторам философии»

Мне грезится общество людей, ко-
торые независимы, не знают поща-
ды и хотят носить имя «истребите-
лей».

*Фридрих Ницше.
«Несвоевременные размышления», 1885 г.*

Волк ночью, думая залезть в овчарню,
Попал на псарню.

И. А. Крылов

Уж это было с вами раз:
Вы, корча из себя героя-инвалида,
Утихомирились для вида,
Но из звериных ваших глаз
Сочилась ненависть и лютая обида.

Вам «фюрер» нужен был, мечтали вы о нем.
Еще неявленный — он по ночам вам снился,
И вы сочли счастливым днем
Тот день, когда он объявился.

Какой вас охватил экстаз,
Когда был «фюрер» обнаружен,
И стало ясно, что как раз
Такой-то «фюрер» вам и нужен!

Обдуманно, не сгоряча,
Вы «фюрером» своим признали палача
И, алчностью проникнувшись звериной,
С восторгом слушали его, когда, крича
О роли мировой «тевтонского меча»,
Он вас прельщал. . . Москвой, Кавказом, Украиной!

Привыкшие себя с младенческих ногтей
Считать породю «господ» и «сверхлюдей»,
Вершиною своих убийственных идей
Маниакальное признавши ницшеанство,
Вы, возлюбившие фашистское тиранство,
Вы, чьим стал «фюрером» отъявленный злодей,
Открыто зарились на русское пространство.

Вы ринулись на нас, как шуки на плотву,
Но встретились в бою с народом-исполином.
Сошлось для вас пространство клином.
*Вы посягнули на Москву
И заплатилися — Берлином!*

Между 2 и 5 мая 1945

ПОВЕСТИ, ПОЭМЫ, СКАЗЫ

**ПРО ЗЕМЛЮ, ПРО ВОЛЮ,
ПРО РАБОЧУЮ ДОЛЮ**

Повесть

Часть первая
ЦАРСКАЯ ВОЙНА

З а п е в

Ну-тка, милые мои!
Сладко свищут соловьи
По весне в зеленой роще.
Наша песенка попроще.
Где уж нам да сладко петь!
Нам бы горе дотерпеть,
Вековое наше горе.
Не забросить горя в море,
Не спалить его в огне.
По родимой стороне
Горе знай себе гуляет —
Счастье ж где-то ковыляет.
«Эх ты, — мается народ, —
Кабы всё наоборот!
Кабы то вот нам да это,
Чтоб зимою было лето,
Чтобы жить нам без хлопот,
Нужды-горюшка не ведать, —
Чтобы сел мужик обедать,
Глядь, само всё лезет в рот!»
Только кто про что ни грезит,
В рот само ничто не лезет.

Что тут делать? Как тут быть?
С горя волком, что ль, завывать?
И завоем, — вот как воем! —
Да запьем, — и пьем запоем,
Растерявши все концы.
Вот какие молодцы!
Легче сипнуть нам от вою,
Чем раскинуть головою:
Кто — примерить аккурат —
В нашем горе виноват?
Не схватиться ли нам с горем?
Может, мы его поборем,
Скинем лихо с наших плеч,
Ежли дружно приналечь
Да тряхнуть, что станет силы,
Всех, кто тянет наши жилы,
Норовя наш век заесть?
«Тут загвоздка вся и есть!»»

Ой вы, братцы, тетки, дяди,
Я пишу не шутки ради,
Не для смеху, не для слез,
Потолкуемте всерьез:
Где болит? На что мы ропщем?
На совете нашем общем,
Ум прибавивши к уму,
Подберемся кой к чему;
Подберемся, разберемся,
Друг на друга обопремся,
Словим горе в перемет
И посмотрим — чья возьмет:
Горе ль нам порвет все снасти,
Мы ль в его широкой пасти —
Люд рабочий, батраки —
Все повыкрошим клыки?!

Облегчивши душу, сразу
Перейду теперь к рассказу.
С правдой-истиной в ладу
Речь простую поведу.
Не за страх пишу — за совесть
Быль доподлинную, повесть,

Где нам в ровном ходе строк
Жизнь сама дает урок,
Где событие к событию
Жизнь пришила крепкой нитью,
Дав канву всему и связь.
«Ну, начнем, благословясь!»

Июль 1917

I

На деревне тихо-тихо,
По деревне бродит лихо,
Со двора бредет во двор.
Объявил, вишь, царь набор,
Объявил набор досрочный.
У царя расчет был точный:
Как, мол, немец ни мудри,
Как в бою он ни хитри,
С ним нам справиться нетрудно,
Наше царство многолюдно.
Все войска как соберем
Да всей силой как напред, —
Не спасут тут немца пушки,
Не война, сказать, — игрушки!
Напирай да напирай,
В день полцарства отбирай!
А что головы кто сложит,
То царя не так тревожит!
Миллион голов аль два, —
Не своя ведь голова!
На деревне тихо-тихо,
По деревне бродит лихо.
Чей там голос? Кто зовет?
Кто-то плачет аль поет?

ПЕСНИ НАРОДНЫЕ

Не кукушечка во сыром бору куковала,
Не соловушко в зеленом саду громко свищет, —
Добрый молодец, во неволюшке сидя, плачет,
Обливается добрый молодец горючими слезми:
«Как берут меня, добра молодца, во неволю,

Уж как вяжут мне, добру молодцу, белы руки,
Что куют-куют добру молодцу скоры ноги,
Что везут-везут добра молодца, везут в город,
Отдают меня, добра молодца, в царску службу,
Что во ту ль, во ту службу царскую — во солдаты.
Уж никто по мне, добром молодце, не потужит;
Только тужит лишь одна матушка, мать родная,
А еще по мне, добром молодце, красная девица.
Как все девушки про молодчика вспоминают,
Род и племя всё меня, молодца, провожают:
«Послужи-ка ты, добрый молодец, верой-правдой,
Положи за нас свою буйную ты головку!»
— «Не шумите-ка вы, ах да ветры буйные,
Не бушуйте вы, ах да леса темные,
Ты не плачь, не плачь, душа красна девица!»
— «Не сама-то я плачу, плачут очи ясные,
Поневолюшке из глаз слезы катятся,
Поневолюшке да всё по милом дружке,
Что везут-то ль, отдают дружка во солдатушки,
В молодые ли его, ах да во некрутики!
Снаряжу ль я, снаряжу дружка хорошихонько,
Провожу ль я, провожу дружка далекохонько,
Я до городу его, городу Владимира,
Я до матушки ль его каменной Москвы.
Среди-то ли Москвы да мы становилися,
Со милым ли со дружком да мы распрощалися.
Господа-то ли купцы на нас дивовалися:
Уж и кто же это с кем, кто с кем распрощается?
Или муж с женой, или это брат с сестрой?
Добрый молодец с душой красной девицей!»

II

Горько Маша убивалась,
Как с Ванюшею прощалась.
Ваня — красный, что кумач, —
Утешал ее: «Не плачь!
Так по мне ты слезы ронишь,
Слэвно загодя хороишь.
Даст бог, справимся с войной,
Будешь, Маша, мне женой.

Коль вернут домой калеку —
Не губи со мною веку,
А погибну на войне —
Помолися обо мне».

III

Солнце весело светило.
Землю дождиком прибило.
Пар валил с осенних нив.
Лихо шапки заломив,
Заливая горе брагой,
Парни шумною ватагой
Пляс вели последний день.
— Трень-брень!
Трень-брень!
Ты сыграй-ка,
Балалайка,
А мы песенку споем:
Завтра всем нам на прием!

Ой вы, немцы-супостаты,
Из-за вас идем в солдаты,
Из-за вас у нас печаль:
Покидать девчонок жаль!

Как посадят нас в вагоны,
То-то будет плач да стоны.
Все вагоны — грох да грох,
Все девчонки — ох да ох!

Вы, сударушки-сударки,
Выносите-ка подарки,
Чтоб, отправясь в дальний путь,
Было чем вас помянуть.
Нам подарки ваши любы:
Щечки алые да губы!

Ты играй-играй, гармошка,
Ты спляши-пляши, Тимошка!

ПЛЯСОВАЯ

Отчего не поплясать?

— Поплясать.

Дома нечего кусать.

— Что кусать?

Кабы мне да калачи,

— Калачи,

Я лежал бы на печи,

— На печи.

Кабы мне да сапоги,

— Сапоги,

Я б ударил в три ноги,

— В три ноги.

Кабы мне стакан винца,

— Да винца,

Я плясал бы без конца,

— Без конца.

О каблук да каблуком!

— Каблуком.

Слезы б вытер кулаком,

— Кулаком.

Неча, братцы, горевать,

— Горевать.

Царь велит нам воевать,

— Воевать.

Царь земель нас наградит,

— Наградит.

Нам земля не вредит,

— Не вредит!

Ай, люли, люли, люли!

— Ай, люли!

Уж добьемся мы земли!

— Всеи земли!

Прощай, горе-маята!

— Маята!

Запирует беднота!

— Беднота!

Ай, Тимошка, молодчина,

Разошлася вся кручина,

Разошлася вся тоска,

Подковыривай с носка!

Эх-ма!
Друг Кузьма!
Парень с подковыркой.
Денег, думаешь, сума, —
Ан карман-то с дыркой!

Ах, дыра — не дыра;
Плакали монетки!
Раздарил я всё вчера
Девкам на конфетки!

У старушки деньги есть.
Стоит только к ней подлезть,
Поцелуешь — гривна.
Очень уж противна!

Та-ра-рам!
Хи-хи-хи!
Ахти, срам!
Ох, грехи!
Сидит баба, хмурится.
Чем она не курица!
Иха-хо! Иха-ха!
Полюбила петуха.
Петушок хорошенький,
Звать его Тимошенькой!

Эх, скачи-скачи-скачи:
На нас смотрят богачи!

Фу ты, черт! Хоть одному бы
Хорошо заехать в зубы!

Эх, судьбинушка-судьба!
Загуляла голытьба!

Парни малость захмелели,
А в хмелю чего не пели!
Долго шел веселый пляс.
Разбрелися в поздний час.
А назавтра, пред дорогой,
Поп им в церковке убогой
Всем напутствие сказал,

Окропил и наказал,
Чтоб вели себя примерно
Да царю служили верно
И сумели бы в бою
Стать за родину свою.

IV

Что творилось с деревней!
От мальчика до бабки древней
Выли все до хрипоты,
Надрывая животы.

Ох, война ли, не война ли —
Всех работничков угнали!
На приеме, говорят,
Забирали всех подряд.
В деревушку от приема
Прискакал один Ерема.
Был отпущен он домой,
Потому — глухонемой.
Всех, кого не сбраковали,
Сразу в части рассовали
Для муштровки боевой —
В помощь силе войсковой.
Агафон попал в минеры,
Тришка с Кузькою — в саперы,
Пров с Тимошкой — во флот,
В артиллерию Федот,
Ване выпало — в пехоту,
В Курский полк, в седьмую роту.

V

«Ать! — Два! — Ать! — Два!
В погу, дурья голова!
Ать, два, три, четыре!
Шире шаг, Михеев! Шире!
Смир-рно! Что там за галдеж?
Соловьев, ты это что ж?
Стосковался по аресте? —

Левой! Правой! Шаг на месте!
Стой! Оправься! . . Ну народ:
Черти! Стадо, а не взвод!»
Чертыхался унтер взводный.
Вечерел денек холодный,
И ученье на плацу
Подходило уж к концу.
Унтер снова взвод построил,
Все ряды сравнивал и сдвоил.
Раз, другой солдат ругнул
И к казармам повернул.
«Марш! Равнение направо!
Ну, гляди, ребята, браво!
Никакой беды не знай.
Запевала, начинай!»

ПЕСНЯ
(Солдатская)

У ворот мамзель стоит,
На солдатика глядит.
Ах, калина, ах, малина,
На солдатика глядит.

— Ты, солдатик милый мой,
Приходи ко мне домой.
Ах, калина, ах, малина,
Приходи ко мне домой!

Приходи да не скучай,
Будем пить с вареньем чай.
Ах, калина, ах, малина,
Будем пить с вареньем чай.

Ежли будешь молодцом,
Угощу тебя винцом.
Ах, калина, ах, малина,
Угощу тебя винцом.

Ты скажи мне, что не прочь
Провести со мною ночь.
Ах, калина, ах, малина,
Провести со мною ночь.

Ах, любовь, любовь — игра,
Поиграем до утра!
    Ах, калина, ах, малина,
    Поиграем до утра!

Отвечает тут солдат:
— Хоть я холост — не женат,
    Ах, калина, ах, малина,
    Хоть я холост — не женат,

Берегу свою я честь:
У меня невеста есть!
    Ах, калина, ах, малина,
    У меня невеста есть!

Как в казарму я приду,
В сундуке патрет найду.
    Ах, калина, ах, малина,
    В сундуке патрет найду.

И патретики и кольцо,
Пошлю милке письмецо.
    Ах, калина, ах, малина,
    Пошлю милке письмецо.

Напишу я ей, любя:
«Чижало мне без тебя!»
    Ах, калина, ах, малина,
    Чижало мне без тебя.

В полковой свернувши двор,
Сразу смолк солдатский хор.

VI

Тяжело пришлось Ване.
Был он словно как в тумане,
Всё смешалось в голове.
На плацу недели две

Новобранцев муштровали,
Передышки не давали:
Целый полк, что было сил,
Грязь на площади месил,
По всей площади по длинной
Шел походкой журавлиной,
На ходу на все лады
Перестраивал ряды,
Заставляли раз по двести
Повторять отдаче чести,
Но ружья в полку зато
Не держал в руках никто.
Перед самым уж походом
Пронесли ружье по взводам,
Показали, как держать
И откуда заряжать,
Как управиться с прицелом.
Штука мудрая! Но в целом —
Вышел полк, как все полки:
Безоружные стрелки!
О стрельбе им рассказали,
Все приемы показали,
Суть сноровки боевой
При атаке штыковой.
Может, шло б ученье дольше,
Но и в Пруссии и в Польше
Убывал в боях народ.
Курский полк пошел в поход.
Дней с пяток еще в Сувалках
Обучался он на палках
И, обученный вполне,
Чрез неделю был в огне.
Ружья выдали. . . пред боем,
Хоть не всем, того не скроем,
И с патронами ж опять —
Хоть у немца призанять.
Шли стрелков живые стены
На ружьишко по три смены!
И палили во всю мочь:
Пять патронов за всю ночь!

VII

Левой! Правой! Левой! Правой!
Был наш Ваня под Варшавой,
Был под Краковом и был. . .
Где, уж я и позабыл.
Очувтившись за Львовом,
На Карпаты лез. . . Ну, словом,
Выбиваяся из сил,
Много мест исколесил.
За две раны храбрый воин
Двух крестов был удостоен.
Чуть оправившись от ран,
Снова в полк рвался Иван.
Много раз он стыл на стуже,
Пух от голоду, но хуже
Парень горя не знавал,
Как в Карпатах зимовал.
Ох, Карпаты вы, Карпаты,
Будут помнить вас солдаты!
Не забудут никогда,
Где настигла их беда, —
Как пришлось им с врагами
Биться голыми руками,
Как по чьей-то злой вине
Войско гибло в западне!

VIII

Начиная повесть нашу,
Помянул уж я про Машу,
Как, предчувствий злых полна,
Над дружкой своим она
Убивалась пред разлукой.
Стала жизнь сплошною мукой
Для Машутки с той поры,
Как рыданьями двory
Огласились и хаты,
Как вели парней в солдаты
И как шел с тоской в груди
Друг Ванюша впереди.
Ей допрежь того не в сладость,

И не в сладость и не в радость,
Жизнь убогая была
Без родимого угла:
Маша с детства в горькой доле,
Что былинка в диком поле,
Средь чужих людей росла,
Службу черную несла.
Над несчастною сироткой,
Безобидною и кроткой,
Измывался, кто хотел:
Сироты таков удел.

IX

Но неожиданно бедной Маше
Дни пришли — не надо краше,
Ей вздохнулося вольней.
Не забыть ей этих дней,
Промелькнувших светлой сказкой,
Дней, когда с любовью, с лаской
Подошел Ванюша к ней.
Не забыть ей этих дней!
Ах, недолго счастье длилось!
Горе страшное свалилось:
Распроклятая война.
Вновь осталась одна,
Не вдова и не молодка, —
Горемычная сиротка.
Счастье было. Счастья нет.
«Ваня, где ты? Дай ответ!»
Но прошло четыре лета,
Всё от Ваши нет привета.
Маша день и ночь скорбит:
«Иль в плену, или убит!»

X

Время шло, не шло — хромало.
Натерпелася немало
В эти годы сирота.
Воевала беднота,

Гибла в битвах, как солома,
Разорялась крепко дома:
Шло хозяйство всё вразброд, —
С каждым днем нищал народ.
Но проклятым лиходеям,
Мироедам-богатеям,
Каждый лишний день войны
Был находкой для мошны.
Богачи народ прижали,
Как в клещах его держали
И сгибали в три дуги:
«С нами спорить не моги!»
Как с войной пошла вся каша,
У попа служила Маша.
За несчастные гроши
Как прикажут, так пляши.

XI

Маша день-деньской в работе.
Попадья сидит в капоте,
Объедается, скулит
Да работницу пилит:
«Что ты мечешься, кобыла?
За детьми убрать забыла,
Не dokonчено шитье,
Время браться за мытье,
Опоздаешь вновь с обедом,
За тобой ходи всё следом.
Подоила ль ты коров?
Наколола ли ты дров?
Аль самой полоть мне грядки?
Вот они — пошли порядки:
Плату любишь, жрешь как — во!
А работать не тово!»

XII

Поп иные любит шутки:
Трется около Машутки,
Вслед за нею со смешком

Скачет батя петушком,
Строит масляные глазки
Да рассказывает сказки,
Пакость всякую несет,
Бороденкою трясет...
Маша бате не сдавалась,
Вырывалась, отбивалась.
Незадачливый отец
Обозлился под конец,
Объявил расчет до срока:
«Нет с тебя, я вижу, прока.
Тож, подумаешь, княжна!
Ты мне больше не нужна!»

ХІІІ

Пров Кузьмич — хозяин новый —
Был мужик весьма суровый.
Но с Машуткой хмурый Пров
Тож не слишком был суров.
У него своя припевка:
«Фу ты, дьявол!.. Козырь-девка!
За красу твою... тово...
Мне не жалко ничево...
Нынче все торгуют честью».
Пров не силой брал, так лестью.
Хлопал Машу по плечу:
«Я тебя озолочу!»
Так пришлось Маше снова
Бросить службу и у Прова.

ХІV

Стойте, братцы. Долог путь.
Дайте малость отдохнуть.
Чай, никто не мчит вдогонку?
На часок свернем в сторонку
И оглянемся назад:
Далеко ли Петроград?
Петербургом был он ране.

В черной копоти, в тумане,
Возлежал среди болот
Мощи царственной оплот,
Всероссийский обирала.
Здесь томилась, вымирала,
Набивая чердаки,
Голь людская, бедняки.
Здесь в подвалах темных, душных
Для малюток золотушных
Из-за копоти и туч
Не сверкал весенний луч.
Здесь под сводами заводов,
Средь громадных дымоходов
Рос могучий дух борьбы
Пролетарской голытьбы.
И не раз уж эта сила
Воли-выхода просила, —
Разметавши тьму препон,
Колебала царский трон.
Перед страшною войною
Снова грозною стеною
Стал вздыматься бурный вал:
Люд рабочий бунтовал.

Х V

Добрый царь в досаде лютой
Зашушукался с Малютой,
Самым главным палачом:
Порешить, мол, им на чем,
Как им быть с фабричным людом?
Не окончился бы худом
Бунт проклятой голытьбы, —
Мол, от уличной борьбы,
От всеобщего шатанья
До открытого восстанья
Остается только шаг.
С каждым днем наглет враг.
Пред опасностью подобной
И царю и шайке злобной
Всех приспешников его

Не осталось ничего,
Как — всё это уж заране
Палачи держали в плане,
Животы свои храня, —
Чтоб спастися от огня,
Прыгать в полымя. Миколку
Сбить нетрудно было с толку:
Отродясь уж он таков —
Был на редкость бестолков.
Дуралей поверил сдуру,
Что свою спасет он шкуру,
Застраخуется вполне,
Отыгравшись на войне.

ХVI

Вот война пошла откуда.
Для трудящегося люда
Жизнь настала — чистый ад.
Застонал и стар и млад.
С фабрик, с каждого завода
Обобрали тьму народа —
Торопились поскорей
Изничтожить бунтарей,
Гнали их в огонь, под пули,
Туго петлю натянули
И не ждали, гады, дней,
Как забьются сами в ней.
Больше года шли сраженья.
Где добыть нам снаряженья?
Немец лез на нас да лез,
А у нас всего в обрез.

ХVII

Втапору — не без причины —
Царь извелся от кручины
И, дрожа за ход войны,
Каждый час менял штаны,
Со штанами — мысли тоже.

Драл царя мороз по коже,
Затрещал пустой чердак:
«Заварил я кавардэк».
Шло кругом столпотворенье,
Царь не прочь на замирение,
Но, ожегшись на войне,
Мира трусил он вдвойне:
«Мир позорный, без победы,
Принесет такие беды,
Что мне вряд ли сдобровать.
Нет, уж лучше воевать».

ХVIII

Богачи тому и рады:
Вновь посыпались подряды.
Повалил доход сплошной, —
Знай потряхивай мошной.
Порох, пушки да винтовки,
Интендантству заготовки. . .
Расторопные тузы,
Русь «спасая» от грозы,
Собирались в комитеты
Да прикидывали сметы.
Сметы очень хороши:
Всё сплошные барыши.
Наживаться — не новинка,
Но случилась тут заминка:
Всё, кажись, идет под статью,
Да рабочих не достать;
С фронта брать чертей обратно
Тож не очень-то приятно:
«Очень вредный элемент»,
Замутят народ в момент,
Перепакосят всё стадо.
Хоть опять же думать надо:
Из ребяток боевых
Половины нет в живых.

ХІХ

Так и сяк тузы гадали,
В комитетах заседали,
Порешили все на том —
Брать на фабрики гуртом,
Без особого разбору —
До разбору ль в эту пору? —
Девок, баб и детвору,
Всё, мол, будет ко двору.
Невелик, мол, курс науки.
Где ж нужны мужские руки,
Знание, опыт, верный глаз,
Где военный есть заказ, —
Там придется поневоле
Уж не брать рабочих боле
В пополнение полков
От вагранок и станков,
А держать их «на учете»,
Не ахти в каком почете:
Стал рабочий призывной
Настоящий крепостной, —
Больше дела, меньше платы,
Забунтуй — сошлют в солдаты.

ХХ

Слух дошел до деревень:
Дескать, всем, кому не лень,
На заводах есть работа.
У кого к тому ж охота
Подкопить себе деньжат, —
Под рукой они лежат.
Плата — во! И харч отличный.
Обрядишься в шелк столичный.
Сразу в баре попадешь.
В ресторацию зайдешь —
Пей чайшко под шарманку.
Кто польстился на приманку, —
Многих горькая нужда
Потянула в города,

В том числе Машутку нашу,
Там испить лихую чашу.
Снарядившись к покрову,
Маша двинулась в Москву.
Здесь, на фабрике на ткацкой,
После жизни злой батрацкой,
Как-никак, но с первых дней
Ей вздохнулося вольней.

XXI

Жизнь фабричная — не шутка.
Осмотрелась Машутка:
Шум-содом стоит вокруг,
Новых тысяча подруг.
На миру, как говорится,
Смерть красна и труд спорится.
Одинокая душа,
Общей радостью дыша
И деля со всеми горе,
Растворилась каплей в море.
Капли! Жизнью их полна,
Понесет их всех волна
К берегам, нам всем известным,
К цели — подвигам совместным!

XXII

А в деревне той порой
Шел у Прова пир горой.
Пров прощался с сыновьями,
Целовался с зятевьями,
Самогонку чашкой дул:
«Кузька, пей! . . Ну что, Федул?
Вы б ценили, эфиопы,
Что везу вас . . не в окопы!
Вот он, промысл-то отцов:
Берегу вас, подлецов.
Два зятя да три сыночка,
Всем, глядишь ты, есть отсрочка.

Все попали «на учет».
Ваша кровь не потечет!
Кум Гордеич, молодчина,
Рассудительный купчина,
Как узнал мою беду,
«Я ее, грит, отведу:
Свой завод на днях открою,
Всех вояк твоих пристрою,
На себя ответ возьму.
Помню крестника, Кузьму, —
Препотешный был мальчишка.
Поезжай и жди письмишка».
Вот письмо: «Всё на мази, —
Молодцов своих вези!»

XXIII

Пятерых своих героев
«На учет» в Москве пристроив,
Сразу понял Пров Кузьмич,
Что война — не божий бич,
А источник благодати:
Были б только деньги кстати,
Чтоб пускать их в оборот,
Всё само полезет в рот.
Разоренные солдатки
Все последние достатки
Продают, несут в заклад.
Есть молодки — мармелад:
И лицом тебе, и станом!
Ходит Пров Кузьмич сулганом.
Всем, кто сир и кто убог,
Мироед — и царь и бог!

XXIV

Втершись в земскую управу,
По заслугам и по праву,
У господ Кузьмич в чести.
Стал кулак дела вести:

На свой риск зерна закупит,
С интендантства втрое слупит,
С интендантами в тиши
Вместе делит барыши.
Пров нигде не даст промашки,
Муслит пальцами бумажки,
Счет им бережно ведет
Да в бумажничек кладет.
«Как делишки?»

— «Расчудесно!»

Стало Прову дома тесно,
Опостылел старый двор,
Тянет Прова на простор.
В ход пустивши всё уменье,
Стал соседнее именье
Приторговывать мужик.
А именье — просто шик!

XXV

За пять верст от деревушки,
Под горою у речушки
Приютился барский дом
С парком, садом и прудом.
Пашни, лес и луг поемный. . .
Пров Кузьмич, как туча, темный,
Едет мимо, весь дрожит:
«Вот он, клад где мой лежит! . . .»
Клад всё в руки не давался.
Пров на части разрывался,
Торговался — сам не свой —
С генеральскою вдовой.
Генеральша ничего бы:
К ней у Прова мало злобы,
Баба — что уж за делец!
Управляющий — подлец.
Вот кто дело всё изгадил:
Как с ценой одно заладил,
Так не спустит ни гроша,
Распроклятая душа!

XXVI

За наборами — наборы.
Всё хозяйство — без опоры.
Позабрали молодцов, —
Добрались до отцов.
Бабы сохнут от заботы,
От заботы, от работы.
Стало жить невмоготу,
Сжало горе бедноту.
Нужда скачет, нужда пляшет,
Там полоски не допашет,
Там полоски не дожнет,
Пред богатым спину гнет:
«Пров Кузьмич, займи десятку!»
«Пров Кузьмич, возьми лошадку!»
«Пров Кузьмич, продай зерна!»
Прова линия верна:
Даст взаймы, лошадку купит,
Меру-две зерна уступит,
Купит даром, а продаст. . .
Маху жох-мужик не даст!

XXVII

Всю опутавши округу,
Пров и недругу и другу —
Речь пойдет лишь про войну —
Тянет песенку одну:
«По еде — свинье отрыжка.
Немцу скоро будет крышка.
Погодите, дайте срок:
Уж получит он урок!»
Как завидит Пров солдата —
Федьку, Тришку иль Филата —
Рот в улыбочку кривит,
Сам в сторонку норовит.
Федька смотрит мертвым глазом,
Тришка — весь отравлен газом,
А Филатка — без руки.
Прежде были батраки,
Нынче — летом и зимою —
Бродят с нищенской сумою.

XXVIII

Как-то Прова Кузьмича
Крепким словом сгоряча
Обложил у церкви Тришка:
«Так кому, ты баишь, крышка?
Сам ты, что ль, поступишь в строй,
Чтоб сквитаться с немчурой?
Аль сынков возьмешь с завода
Для военного похода?
Много ты добра принес,
Забрежался, старый пес!»
— «Ты, брат, видно, помешался!» —
Пров ответить покушался,
Но, взглянувши на народ,
Вдруг воды набрал он в рот
И — айда домой вприпрыжку.
«Ладно! Вспомню я вам Тришку!
Распасукиных сынов,
Всех оставлю без штанов!»

Часть вторая

ПЕТРОГРАД

I

Чуден Питер, град-столица!
В нем живут какие лица:
Царь с царицею, чины.
Круглый год у них блины,
Что ни день — то шампанея,
Что ни вечер — то затея:
И театры и балы.
Ведь доходы не малы:
Протранжирить их умело —
Тоже, знаете ли, дело!
Как по улице Морской
Шум-движение день-деньской,
Мчат моторы и кареты...
Пешеходы разодеты, —
Им мороз трескучий люб:

Не проймет он барских шуб,
Дорогих пушных салопов.
То ли дело средь окопов!
Тут морозцу путь наскрозь,
Знай солдатиков морозы!

II

В ночь глухую после смены —
Печь, облупленные стены,
Так бы к ним вот и прирос!
Проклиная злой мороз,
Посинелые, как трупы,
Позабились в халупы
Утомленные бойцы.
Отогрелись молодцы,
Подкрепились чем попало,
И как горя не бывало:
Вынув сахарный паек,
Налегают на чайк.
Кто вприкуску, кто внакладку,
Кто-то, глядь, пошел вприсядку
Под охрипшую гармонь.
А в печи трещит огонь,
Всем разостлана солома,
Разместились «словно дома»
И, забыв о всем дневном,
Балагурят перед сном.

III

Вся изба до слез хохочет!
Распотешил Фролка Кочет
Всех побаскою смешной
«Про Луку с его женой,
Про измену бабы мужу,
И как вышло всё наружу, —
Как Лука был плоховат:
Сам остался виноват!»
«Правда, братцы, очень колка,

Не серчайте! — хитрый Фролка
Подзадоривал солдат. —
Может, кто из вас женат.
Доложу серчать охочим:
Сам женат я, между прочим.
Да. Так случай был какой
С мужиком одним, с Лукой:
Помолившись утром богу,
Собрался мужик в дорогу.
«Всё ль я взял? Прощай пока, —
Говорил жене Лука, —
Надо двигаться к соседу.
В город нынче с ним поеду.
Эк, пустила уж слезу!
Я гостинца привезу.
Завтра жди меня к обеду».
На прощанье муж с женой
Лобызнулись троекратно.
Только, глядь: Лука домой
Через час бежит обратно.
«Мавра! деньги позабыл».
Мавры дома след простыл.
«Знать, с тряпьем пошла на речку
Аль куда неподалечку!»
Но, услыша у дверей
Частый топот, пбскорей
Наш хозяин шмыг за печку!
Двери хлоп. Вошла жена,
Да вошла-то не одна:
Привела с собою кума,
Бакалейщика Наума.
«Эх, разлапушка, вдвоем
Славно ж ночьку проведем!»
Кум к Мавруше скоком-скоком,
Мавра жметя боком-боком,
Обхватила, обвила...
Заварилися дела!
«Стойте, черти! Стойте, гады!» —
Не стерпевши, из засады
Зверем ринулся Лука.
От лихого тумака
Кум, хрипя, свалился на пол.

«Стой! — Лука Маврушу сцапал. —
Я ж те дам!» Но, словно уж,
Вьется баба: «Ай да муж!»
— «Аль не муж?!» — Лука опешил.
«Леший! Дьявол! Ну, хорош:
Женке веры ни на грош.
Неча молвить — разутешил!
Как не стыдно быть вралем?
В город нынче, дескать, еду.
Как не стыдно быть вралем?
«Завтра жди меня к обеду».
Сам за печку лег кулем.
Как не стыдно быть вралем?!»
Бабья совесть в три обхвата,
С бабой спорить — слову трата,
С бабой лаяться — беда!
Баба, братцы, никогда
И ни в чем не виновата!»

IV

«Постыдился бы ты, Фрол.
Сколько чуши напорол! —
Молвил тут солдат степенный,
Бородач — Корней Ячменный. —
Что смешно, так то смешно.
Зря ж болтать про баб грешно.
Есть, брат, всякие. Но чаще
Горько нам, и им не слаще, —
В суете да в кутерьме,
С нами век в одном ярме.
И вопрос еще: чьей шее
То ярмо потяжелее.
Всех спроси — один ответ:
Без хозяйки дому нет.
Всё — одна, за всех горяя...
Аль неправду говорю я?»
— «Правда, брат!»
— «Чего верней!»
— «Славный ты мужик, Корней! —
Отвечали все тут хором. —

Только зря ты тож. . . с укором.
Нас за смех не обессудь.
Нам забыться б как-нибудь,
Затушить в груди тревогу. . .
Натерпелись, слава богу!
То в походе, то в огне,
В трижды проклятой войне.
Знаешь сам ведь, как горюем.
Хоть бы знать, за что воюем?
Аль цари да короли
Столковаться не могли
Без убийств и без пожарищ?»
— «Эх, чудака же ты, товарищ! —
Рассмеялся с этих слов
Ротный слесарь, Клим Козлов
(До войны служил он вроде
На Путиловском заводе). —
Пусть бы путал кто другой,
Ну, а ты ведь, Фрол, с мозгой.
С повсесветного разбою,
Что ж, прибыль нам с тобою?
А не нам, так и война,
Стало быть, не нам нужна.
Вот башкой ты и распутай:
Кто ж повинен в бойне лютой?

Получил я два письма,
Примечательных весьма.
В этих письмах говорится,
Что там в Питере творится.
Молвить истину: содом!
Очутились под судом
От рабочих депутаты:
Очень, дескать, виноваты.
Что ж вменили им в вину?
Их призыв: долой войну!
На суде чуть не пытали.
Всех, конечно, закатали
В те погиблые места,
Где равнинушка чиста,
В снеговом весь год в уборе,
Ледовитое где море,

Где полгода — ночь и мгла.
Вот какие, брат, дела!»

Натянув шинель на плечи,
Ваня слушал эти речи,
А потом не спал всю ночь:
Не отгонишь мыслей прочь!
День пришел — и днем всё то же.
Стал задумчивей и строже
Наш Ванюша. Заскучал.
Но — крепился и молчал.

v

Шли дела меж тем всё хуже:
Петля стягивалась туже.
У врага — от пушек гром,
А у наших: за бугром
Батарей — для парада:
На пять пушек два снаряда.
Раз-другой, коль что, пальни,
Но уж больше — извини.
Где ж тут «доблестно» сражаться?
В пору б только удержаться.

Наши части под огнем
Убывали с каждым днем;
Отбиваясь штыками,
Гибли целыми полками;
Каждый час со всех сторон
Наносился им урон,
Не давала смерть пощады:
Днем косили их снаряды,
А среди ночной поры —
Ядовитые пары.
Гибло войско безответно,
Но кой-где уже заметно
Падать стал «воспный дух»,
И уже роптали вслух.

БАРАБАН

Какой-то барабан — хороший аль плохой,
Вам скажет кто-нибудь другой:
Аз, грешный, мало смыслю в коже
И в барабанном бое то же.
Но суть не в этом. Барабан,
Замест того чтоб тлеть средь всякой лишней
рвани,
При сборах брошенный случайно в шарабан,
С обозом полковым попал на поле брани.
И хоть обоз стоял, как водится, в тылу,
Но в боевом пылу
Наш барабан решил, что, в виде исключения,
Попал он на войну по воле провиденья, —
Что «сокрушит» аль «оглушит»,
Но некий подвиг он, конечно, совершит.
И вот, когда пехота,
За ротой рота,
Рассыпав осторожно строй,
В глубокой тишине шла в бой под кровом ночи,
Забарабанил наш герой
Что было мочи!
Взметнулся бедный полк!..

• • • • •
Нет, я умолк!
Про полк прочтете всё вы в боевых анналах, —
Про барабан — скажу, что, к нашему стыду,
Его хрипящий бой в ту пору был в ходу...
Во всех газетах и журналах!!

VI

Были дни: возьмешь газету,
Дочитать терпенья нету.
Не узнать совсем писак:
Не перо у них — тесак.
Так и рубят, душегубы.
Затрубили во все трубы,
Барабанят что есть сил,
Словно шмель их укусил.

Вдруг на всякие манеры
Про высокие примеры
Дисциплины боевой, —
Поднимают лютый вой;
Накликая злые белы
Против тех, кто ждет победы
Не царевых воевод,
Не помещиков-господ,
А победы всенародной
Рати нищей и голодной
Над оравой палачей,
Злых властей и богачей.
И статьи тебе и оды
Про блестящие походы,
Про геройские дела,
Про двуглавого орла,
Про царьградский щит Олега:
Как, мол, русская телега
Через тысячи преград
Мчит прямехонько... в Царьград!
То-то будет шум в Европах!

Ждут-пождут газет в окопах,
Как желаннейших гостей:
Нет ли, мол, каких вестей —
Хоть строки! — о мире скором.
Но газеты общим хором:
Тру-ру-ру да тра-ра-ра!
Что ни слово, то — «ура!»
«Что строчат, лихие гады!»
«Ну, чему они так рады?»
«Мало радости, кажись:
Ведь дела — хоть в гроб ложись».
«Аль они там все ослепли?»

Средь окопов слухи крепи,
Что газеты — не таё:
Подрядились на враньё!
Может, Правда где и бродит,
Да к окопам не доходит,
В письмах тож ей не пройти:
Гибнут письма по пути

От цензуры постоянной, —
Чтоб ей лопнуть, окаянной!

Шло меж тем из уст в уста,
Что, мол, штука не чиста, —
Прибежал кой-кто из плена,
Говорят: у нас — измена!

VII

В деревушке поутру
Было дело на смотре.
Брови сдвинувши сурово,
Командир сказал: «Здорово!»
Гаркнул полк по всей статье:
«Здра. . . жла. . . ва. . . ско. . . бро. . . ди. . . е!»
— «Молодцы! Видать, что хваты!
Почему ж у нас, солдаты,
Что ни ступим, то беда?
Знайте все: из-за жида!
Подлый жид-хриstopродавец
С немцем снюхался, мерзавец!
Жид — потомственный шпион.
Мой приказ — для вас закон:
Для жида и для жидовки
Не жалели чтоб веревки;
Нет веревки — не урон:
Разряди тогда патрон!»

Ох, не скрыть! «Наука» эта
Много душ свела со света,
Злой росток дало зерно:
Много рук обагрено
Чистой кровью жертв невинных!
Не исчислить списков длинных,
Списков горестных имен
Всех, кто зверски был казнен.

Скоро поняли солдаты:
Не «жиды» тут виноваты!
Что «жиды» — один отвод,
Чтобы с толку сбить народ.

Что измена — где-то выше,
Что огонь — на самой крыше,
И давно разнюхать след:
В чем же корень наших бед?

VIII

Всё в стихах выходит гладко,
А на деле — ой не сладко!
Не пирог был на меду —
Жизнь в пятнадцатом году.
Но к чему — скажу я честно —
Повторять, что всем известно:
Быль худую повторять,
Злые раны ковырять?

Не вернуть Карпат нам снова,
Не видать нам больше Львова.
Что в чужое взор вперять?
Своего б не растерять.
А потеряно немало.
Наше войско отступало
Из залигых кровью мест.
Сдали Люблин, Холм и Брест, —
Уничтожив переправы,
Отошли из-под Варшавы;
Потеряли Осовец;
Сдали Ковно под конец.
Фронт прорвавши нам под Вильно,
Петрепал нас немец сильно,
Выбивал нас, как мышей,
Из болот и из траншей, —
Искалеченных, недужных,
Тощих, рваных, безоружных,
Виноватых без вины,
Гнал до самой до Двины.

От дальнейшего отхода
Нас спасла лишь непогода,
Дождь осенний проливной.

Вот как шли дела с войной!

Всюду — слухи, всюду — толки,
 Как у нашего Миколки,
 Православного царя,
 Мозгу, правду говоря...
 Нету мозгу, есть замашки —
 Больше всё насчет рюмашки.
 Царь допрежь того гулял,
 Дядя ж фронтом управлял,
 До Двины ж когда доправил,
 Царь от дел его отставил
 И — ликуй Расея вся! —
 Фронтом править сам взялся
 (Кой-кого пред тем повесил).

В ставке царь и пьян и весел,
 А царица той порой
 Занялась другой игрой:
 Хоть в мешке не спрятать шила,
 Но досель она грешила
 Как-никак — исподтишка,
 Заведя себе дружка.
 Про Распутина про Гришку
 Написал уж кто-то книжку,
 Раскопал всю грязь до дна, —
 Срамота, скажу, одна.
 Царь, доверившись супруге,
 Сам души не чаял в «друге».
 Был царев о Гришке суд:
 Гришка — божий-де сосуд!
 А когда, себе на горе,
 Царь в воинственном задоре,
 Дома бросивши жену,
 Снарядился на войну,
 Гришка с царскою женою
 Грозно правил всей странюю.

У Гришухи круглый год
 Мироносиц хоровод,
 Раздушенных, оголенных,
 Блудной страстью воспаленных.

Стая целая графинь,
Дам придворных да княгинь
За «божественным сосудом»
Бродит всюду, как за чудом,
Ждет божественных утех,
А царица — пуще всех!

Х

Государственная дума
Коротала век без шума,
Зашумела лишь тогда,
Как надвинулась беда.
Дума выла-голосила,
Царя-батюшку просила:
«Государь ты наш, отец,
Пожалей нас наконец!
Нам немного и надо:
Собери лишь наше стадо
(То бишь думских главарей!)
На совет большой скорей
Пред разрухой, нам грозящей.
Для твоей для славы вящей
Напряжем охотно мы
Наши мудрые умы:
Пусть стране родной привычно
Горе мыкать горемычно, —
Ей лихую тяготу
Больше несть невмоготу.
Объяви своим указом,
Что твоим мы будем глазом,
Что пред нами на правёж
Ты поставишь всех вельмож.
В ограждение от напасти
Нам не нужно вовсе власти,
Весь наш лозунг и пароль:
Лишь контроль! Один контроль!»
Царь — к жене! Жена — за Гришку.
Гришка — Штюрмера¹ под мышку:

---

¹ Б. В. Штюрмер в 1916 г. был председателем Совета министров.

«Вот шта, милай: так и так.
Сам смекаешь: не дурак!»
Бюрократ
Говорит:
«Оч-чень рад!
Говорит,
Дума... что ж!..
Говорит,
Отчего ж!..
Говорит,
Нам она,
Говорит,
Не страшна,
Говорит,
На нее,
Говорит,
Мы... таё...
Говорит,
Есть клещи,
Говорит,
Не взыщи,
Говорит,
Тишь да гладь?
Говорит,
Будем ждаты!
Говорит,
Если ж бунт,
Говорит,
Мы в секунд,
Говорит,
Теремок,
Говорит,
На замок!
Говорит,
Не впервой,
Говорит,
Будет вой?
Говорит,
Ну, так что-с?
Говорит,
Всё равно-с!» —
Говорит.

XI

Штюрмер Думу полонил,
Штюрмер Думу опьянил
Нежно-сладкими словами:
«Мы да вы! Да мы-ста с вами!»
Врал, оскаливши зубок,
Что лиса на колобок.

«КОЛОБОК»¹

Помнил колобок иную пору,
Когда шли дела его в гору,
Когда был он буйным да веселым,
Когда по городам и селам
Только про колобок и было разговору:
Уж и такой-то он и такой,
Что не взять его голой рукой,
Не погнать на чужих вожжах:
Не на таких колобок заквашен дрожжах,
Не на таком, дескать, заквашен тесте!
Да не удержался колобок на прежнем
месте —

Сорвался вниз, покатился,
Невесть где очутился:
В луже — не в луже,
Может, где и похуже.
А колобку и такое место любо!
«Авось тут никто не пихнет меня грубо,
Укреплюсь в этом месте я прочно!»
Ан глядь, как нарочно,
Валит на колобок персона
Деликатного фасона:
«Здравствуй, — говорит, — колобок!
Здравствуй, голубок!
Да какой же ты хорошенькой!
Да какой же ты пригоженькой!
Пригожей тебя и на свете нет!»
Колобок на то персоне в ответ:
«Я по селам скребен,
По городам метен,

---

¹ Здесь «Колобок» — Государственная дума.

На циркулярах мешен
Да на разъяснениях пряжен,
А в Питере стужен.
Я от Столыпина ушел,
Я от Коковцева ушел,
Я от Горемыкина ушел
Без особого членовредительства,
А от вашего высокопревосходительства
Уйду цел и подавно!»
— «И до чего ж поешь ты, колобок, славно! —
Сказало его высокопревосходительство —
Возьму я тебя под свое покровительство!
Лежи только тихо да чинно.
Не кипятись беспричинно,
Не путайся зря под ногами.
С чего нам тогда быть врагами?»
Пришел колобок в восхищенье:
«Вот это, — говорит, — обращение!
Такую речь приятно и слушать:
Не то чтоб сразу — схватить и скушать.
Вот это — другой режим.
Мы... положим!
Рады стараться, ваше высокопревосходительство! ..
Как вы есть настоящее правительство! ..»
И лежал колобок в саду Таврическом,¹
Весь блестел при свете электрическом:
Чистенький, беленький — под снежной порошей, --
Только дух от него был не больно хороший!

ХИ

Старый год, такой-сякой,
Отбыл в вечность на покой,
И ему, седому хрену,
Новый год пришел на смену.

Год шестнадцатый идет,
Мир с собой уже ведет!
Но весна прошла и лето —
Мира нет, заспался где-то,

---

¹ Государственная дума помещалась в Таврическом дворце.

То ли чахнет взаперти.
Тут мозгам поверти!

На Руси пошла работа:
Гнали всех в четыре пота,
Все станки пустили в ход.
Надрывается народ,
Точит пушки да снаряды.
Богачи берут подряды
И довольны тем вполне,
Что конца всё нет войне!

ХIII

Хорошо стоять в резерве
Не на пакостном консерве,
А на каше да на щах
И иных таких вещах, —
Смывши с вошью всю чесотку,
Заглядеться на красотку,
А при случае... тово...
Ну, да мало ли чево!
Не для всякого, конечно.
Вот наш Ваня: хмурен вечно,
Ничему, видать, не рад,
Отвечает невпопад,
Из него не выжать слова,
Больше держится Козлова,
Всё шушукается с ним.
Да мудрен, сказать, и Клим.
Переписку с кем-то водит,
Как-то всё к нему доходит,
Через руки, что ль, бог весть,
Все следы сумел замести.
Сам замазал рот замазкой,
Скажет слово, так с опаской:
«На чужой, — ворчит, — роток
Не накинешь-де платок:
Разболтает всякой чуши,
У начальства ж тоже уши.
Так ли можно угодить!
За примером не ходить».

А примеров было много,
Слежка, впрямь, велась строго,
Хоть не редкий следопыт
Оставался без копыт.
От солдат такие гады
Не могли уж ждать пощады!
Кто просыпался — пропал:
На тот свет в один запал!

XIV

Бабка старая ворчлива.
Осень поздняя дождлива.
От утра и до утра
Хлещет, словно из ведра.
Черт ли рад такой погоде,
Да особенно в походе!

Ванин взвод почной порой
Занимал окоп сырой.
Враг палил без промежутка.
Ночь прошла довольно жутко, —
Лишь от сердца отлегло,
Как немного рассвело.
«Ой, ребята, чья работа?»
«Где?» — «Листы подкинул кто-то!»
Поразинули все рты:
«Впрямь, подметные листы!»
«Ловко как!» — «Чего уж чище!»
«Прячь скорей за голенище!»
«Слышь, про что там?» — «Про царей».
«Хоть бы смена поскорей!»

XV

Вечер выдался хороший.
Поле выстлало порошей,
И под первым холодком
Затянуло грязь ледком.

Друг за дружкой, с оглядкой,
Целый взвод, никак, украдкой
Пробрался в пустой сарай.

«Фролка, черт, не напирай!»
«Экий, братцы, нам подарок!»
«У кого-то был огарок!»
«На́ вот, целая свеча».
«Ну, Козлов, руби сплеча!»
Клим, склонившись над листовкой,
Тихо, внятно, с расстановкой
Стал читать о том, каков
Смысл войны для мужиков,
Льющих кровь свою в угоду
Тем, кто злейший враг народу;
Что «командующий класс» —
Всё помещики у нас
И что царь наш православный
Есть помещик самый главный,
Потому немудрено,
Что он с ними заодно:
За порубку аль потраву
Шлет войска чинить расправу;
Кто там что ни говори,
Все помещики — цари,
Кто — поменьше, кто — поболе.
Сельский люд в их полной воле.
Размешав муку водой,
Приправляет лебедой,
Терпит голод, холод, муки,
Для господ мозолит руки,
Век работает на них,
На грабителей своих,
Жнет их хлеб и возит клади;
Барышей их подлых ради —
В стуже, в сырости, в огне —
Погибает на войне!..

Х VI

Полковому командиру —
Вызов срочный в штаб-квартиру.

В это утро полковой
Был с похмельной головой.
«Эх, ты, — муслил он бумагу, —

Не влететь бы в передрягу!»
И влетел. Чуть сунул нос,
Как нарвался на разнос
И обруган был площадно.
«Покараю всех нещадно,
Как доселе не карал! —
Выл свирепо генерал. —
Полюбуйтесь: мертвый ахнет!
Чем такая штука пахнет?
Что сулит она для нас?»
«Про... кла... мация!» — «Она-с!
И заплачем и запляшем!»
«В чьем полку?» — «Представьте... в вашем!»
«Виноват!... Какой позор!»
«За солдатом плох надзор!
В первый раз вам и в последний,
Чтоб солдат от гнусных бредней
Вы изволили беречь!
А чтоб их предостеречь,
То бишь зло чтоб вырвать с корнем,
Грамотеев пару вздернем!»

XVII

«Ну, пришел и мой черед,
Знал я это наперед! —
Говорил Козлов Ивану. —
Петли ждать я тож не стану:
Волка ноги берегут.
Псы уж по следу бегут.
Следопыты всюду рыщут.
Пусть их ветра в поле ищут.
А поймают — не печаль.
Вас, ребяташки, мне жаль.
Способ есть один, миляги,
Выйти вам из передряги.
Через три-четыре дня
Всё валите на меня:
Дескать, я листки паскуда,
Раздобыл невесть откуда,
Что читал, вам невдомек,
А теперь, мол, взял — утек!»

ХVIII

Скоро все прочли в приказе
О проникшей в полк заразе, —
Что добыл подметный лист
Клим Козлов, социалист,
Что под суд он отдается
И что следствие ведется
Обо всех его шагах,
Но преступник сам — в бегах.
Где он — точно неизвестно,
Будет розыск повсеместно.
И дано на сей предмет
«Описание примет».
Расписали всё чип чином:
Нос — прямой, борода — клином,
Росту — среднего, брюнет,
А примет особых нет.

ХIХ

Грустно Ване без Козлова.
Повидать бы Климана снова
Так хотелось ему!
Поспросить бы: что к чему?
Есть такое средство, нет ли,
Чтоб спасти от мертвой петли
Всю родимую страну?
Как избыть скорей войну?
Где засели злые воры,
Что чинят нам все заторы?
И нельзя ль, как сор метлой,
Всех повымести долой, —
Всех, кто кровью нашей гладок,
Кто лихой ведет порядок, —
Нечисть подлюю смести
Да порядок свой ввести,
Трудовой, протонародный,
Чтоб вздохнул народ свободный
И — без палки над собой —
Правил сам своей судьбой.

XX

Не знавал Ванюша страху:
Хоть под пытку, хоть на плаху,
К черту в лапы — всё равно!
Ване дорого одно,
Одному лишь сердце радо:
Знать, за что схватиться надо,
Где все силы приложить,
Чтоб народу послужить,
Потрудиться с добрым жаром, —
Коль погибнуть, так недаром!

Но не раз от злой тоски
Он сжимал себе виски:
«Без науки что я стою
С деревенской темнотою?
Эх, дорваться бы до книг!
Всё бы я тогда постиг:
Что откуда происходит,
Кто и что всем верховодит,
Почему для бедноты
Все дороги закрыты?
Почему — один царюет,
А мильон кругом горюет,
И не время ль голытьбе
Уж подумать о себе?»

XXI

Сразу ахнуло, рвануло,
Весь окоп перевернуло.
Все бойцы погребены.
Страшный вид... со стороны.
Смерть бойцам сказала: «Вольно!»
Им не страшно и не больно,
Тьма — не тьма и свет — не свет,
Кто убит, того уж нет, —
Нет и ровно не бывало.
Человек так стоит мало!
Три убито, новых пять
Место их спешат занять.
Через день, купив газетку,

Будут все читать заметку:
Где и сколько взято в плен,
Что «у нас без перемен».

XXII

«Фрол, скорей за санитаром!»
— «Всех убило... Звать задаром...»
— «Фрол, послушай, приложись...
Ваня жив еще, кажись».
— «Дышит! дышит, право слово!»
Под обстрелом, чуть живого,
Фрол Ванюшу вынес в тыл,
Там повозку раздобыл,
Подложил в нее соломки
И, хоть ночь была — потемки,
В путь отправился. Чуть свет
Прибыл с Ваней в лазарет.
«Дело очень серьезно! —
Пред сестрой дежурной слезно
Фрол взмолился: — Паренек
Как бы кровью не истек.
Перевязку, ради бога...»
— «Ты, — сестра сказала строго, —
Тут, милейший, не кричи.
Рано. Спят еще врачи».
— «Что ж, я парня так покину? —
Фрол, забывши дисциплину,
Матом взвыл: — Вы тут для ча?
Подавайте мне врача!
Мы в бою не разбираем:
Днем ли, ночью ль помираем!
Помираем... за кого?!»
Фрол добился своего:
Ваня был врачу показан,
Весь обмыт и перевязан.
И хоть Фрола врач потом
Обозвал в сердцах скотом,
Фрол не тем был растревожен:
«Ваня как? Не безнадежен?»
— «Нет, — утешила сестра, —
Можно жить и без ребра».

XXIII

Здесь в тылу — но не в глубоком,
И у фронта всё ж под боком, —
Разместился лазарет.
Что за жизнь в нем — не секрет.
Где-то там людей увечат,
Здесь их свозят, но не лечат,
А, подправив как-нибудь,
Отправляют в дальний путь —
На вокзал или в могилу,
Что солдатику под силу:
Жив — положат на арбу,
Помер — вынесут в гробу.
Будет в книгах лишний номер
Да отметка: «выбыл», «помер»...
Вот и всё! — К чему хула? —
Тут у всех свои дела:
Доктора торгуют сиртом,
Сестры спят и бредят флиртом,
Господа офицера
(Флирт — коварная игра!)
Лечат раны злого свойства:
Плод амурного героизма.
Что поделаешь! Амур —
Всё же милый бедокур:
В царстве злобы, скорби, плача
У него своя задача.
Смерть чинит нам сколько бед!
Но Амур за нею вслед,
Обрядясь в свои доспехи,
Быстро штопает прорехи!

XXIV

Чрез неделю поутру
Ваня стал молить сестру:
«Увезить нас будут скоро...
Я слышал из разговора...
Доктор тут сказал вчера...
Будь, сестрица, так добра...»

Путевых там сколько литер?..
Мне б хотелось очень... в Питер».

«Питер», «Питер»! — ночью, днем
Бредил Ваня лишь о нем.
Меньше думал он о ране.
Объявили скоро Ване:
Будет так, как он просил.

Питер Ваню воскресил.

XXV

Питер — город, вправду, чуден,
И богат и многолюден.
От заставы до дворца
Красоты в нем без конца.
Хоть, положим, в каждой части
Красота различной масти:
Тут — дворец, а там — завод,
Тут — цари, а там — народ.
Красоту толкуют всяко.
Мне милей всего, однако,
«Трудовая сторона»,
Чтится «Выборгской» она:
«Большевицкая столица!»

У Невы тут есть больница.
Вместе с Ваней сам я в ней
Пролежал немало дней.
Я был начисто уволен,
Ваня ж был иным доволен:
В Петербурге вписан он
Был в запасный батальон, —
У волынцев нес работу:
Ладил маршевую роту,
Без ругни и толкачей
Обучал бородачей.

XXVI

Православная царица
На народ на свой ярится
И, начхав ему в лицо,
Пишет немцам письмецо:
«На Руси я всё устрою
По берлинскому покрою,
Англичанин да француз
Русский выкусят арбуз.
Англичане сильно гадят:
Конституцию нам ладят,
А французы — бунтари,
Леший всех их побери.
Ни английских конституций,
Ни французских революций
Нам не хочется с царем:
Самодержцами умрем.
Чтоб сберечь свое наследство,
Мы одно лишь видим средство:
Под Вильгельмовой рукой
Обрести себе покой,
Помириться с ним, в надежде,
Что поможет нам, как прежде,
Подтянуть российских шелъм
Унзер гроссе фрёйнд¹ Вильгельм».
Подписалася: *Алиса*.
Приоткрылась ли кулиса,
То ли трещину дала, —
Тайна царская всплыла.
Разговор пошел повсюду:
Что́ цари готовят люду,
На какой идут прием,
Чтобы слопать нас живьем!

XXVII

«Поздравляю! Вы слышали?»
— «Что?» — «Она сама жива ли?!»
— «Кто?» — «Да, вправду, вы... того...»

---

¹ Наш великий друг (нем.). — *Ред.*

Не слышали ничего?
Уж трезвонит вся столица:
Овдовела ведь царица!
Гришка-то, пассаж какой:
Со святыми упокой!»
— «Почему ж молчат газеты?»
— «А наморднички-с надеты!»

По столице слухи шли.
А чрез день уже могли
Все прочесть в любой газете
«О скандале в высшем свете»:
Как с Распутиным друзья,
Высочайшие князья,
Учинили злую шутку:
Заманив к себе Гришутку,
С ним пропьянствовали ночь,
А затем «убрали прочь», —
Заведя с ним спор и драку,
«Пристрелили как собаку».

XXVIII

У князей на мужика
Поднялась легко рука.
Гришка — плут и проходимец,
Знатной сволочи любимец,
Но ему, признаться, я —
Снисходительный судья.
Всё же сделал он работу:
Снял с царей всю позлоту,
Растоптал их образа,
Заплевал им все глаза!
И князья, чиня расправу,
За свою стояли славу,
Отгоняли злую тень.
Поздно! — Близок был уж день, —
День, когда народ проснется,
Ужаснется, встрепенется
И, налегши силой всей,
Расчихвостит всех князей!

Часть третья
ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

I

«Ах вы, Сашки, канашки мои,
Разменяйте вы бумажки мои!
А бумажки всё новенькие,
Двадцатипятирублевенькие».

Отчего — и не понять! —
Трудно денешки менять?
Всё бумажки да бумажки,
Ни одной нигде медяшки,
А серебряных монет
Уж давно в помине нет.
Золотые тож исчезли, —
В чей-то, знать, карман полезли,
Люд простой не знает — в чей,
Знает царский казначей.

II

Царь снаряды льет да пушки,
Обирает деревушки,
Тащит всё из черных хат,
Да не трогает палат.
Богачи — опора трона,
Ими держится корона
И готовятся кнуты
Для голодной бедноты.
Богачам одна забота:
Выгнать с бедных больше пота,
И война им не страшна —
Пухла б только их мошна.

III

Царь печатает плакаты,
Что дела, мол, плоховаты,
Обнищала-де казна,
Сила ж вражья всё грозна.

Так без помощи народа
С ней не справиться в три года,
И повинен-де народ
Дать деньжаток на расход.
Пусть поможет, кто чем может.
Люд несчастный кости гложет,
Но, поддавшись на обман,
Лезет горестно в карман.

IV

Помогли царю поборы,
У царя снарядов горы,
А в строю, само собой,
Тьма народу. . . на убой.
«Ну, теперь нас, немцы, троньте!»
Укрепились мы на фронте
(Словно турок на колу!), —
Глядь: расхлябались в тылу.

V

В ДЕРЕВНЕ

У Прокофьевны в избушке
Дух — пробить не впору пушке,
А народ всё прет да прет.
Любопытство всех берет, —
Слух прошел, вишь, в околотке:
Зять приехал в гости к тетке.
Васька — парень с головой,
Он в трактире — половой.
А трактирчик-то столичный,
Ходит люд туда различный;
Тот словечко, этот пять,
Всех послушать — всё узнать,
Станешь умным без науки.
Ваське, стало, карты в руки.
Окружил его народ,
Смотрит Ваське жадно в рот.
«Что, брат, дается на свете?»

«Кто грешит и кто в ответе?»
«Скоро ль кончится война?»
«Всё выкладывай сполна!»
Обтерев о скатерть ложку,
Закрутивши козью ножку
И спросивши прикурить,
Стал Васюха говорить:
«Есть чем, братцы, похвалиться,
Есть чем с вами поделиться.
Как припомню, словно сон.
Был на днях я среди персон,
Милость чья нам столь нужна:
После царского молебна
Сам святой митрополит
Речь сказал, как бог велит, —
Про врагов и супостатов,
Про зловредных демократов,
То бишь всяких бунтарей
Против бога и царей.
Несть бо власти, аще... аще...
За царя молитесь чаще!
После, выйдя на амвои
И отвесив всем поклон,
Стал держать министр судейский
Речь про замысел злодейский:
Вновь-де стал крамольный сброд
Трудовой смущать народ,
Соблазнять иною долей,
Подстрекать землей и волей...»
— «Ты скажи нам... о себе! —
Поднялся тут шум в избе. —
От земли ты, что ж, отрекся?!»
Тут Васюха сразу спекся,
Поперхнулся и умолк,
Озираючись, как волк.
Видит: сват глядит не сватом,
Теща прет к нему с ухватом:
«Ну-тка, скажь нам, мил зятек,
Что про землю ты ответил?!»
Васька живо дело сметил:
В двери шмыг — и наутек!
Через рытвины, ухабы

Улепетывал от бабы
Наш Васюха во весь дух,
Приговаривая вслух:
«Ой вы, ноги мои, ноги,
Не споткнитесь средь дороги,
Замети, метель, следы,
Чтоб уйти мне от беды!»

Вася в питерской харчевне
Всем трезвонил о деревне:
«Ох, уж эти мужики!
Ох, и что за чудачки!
В гости звали, принимали,
Прижимали-обнимали,
Все бока мне обломали,
Угощали так, что вот
По сей день болит живот.
Как поедете, ребятаки,
Вы к родне своей на святки,
Дай вам бог, чтоб вас родня
Так встречала. . . как меня!»

РАЗОРЕННЫЕ

Воробушек воробушку:
«Чирик, чирик, чирик!»
Один был первогодочек,
Другой уже старик.
Сел старый, пригорюнившись,
Все перышки сложив,
А малый расфуфырился:
«Жив-жив, жив-жив, жив-жив!»

— «Жив? Много ль жить осталось?» —
Промолвил старина.

— «Да как же! Баят, дедушка,
Вот кончится война!»

— «Ох, кончится — не кончится,
А всё разорено. . .

От холоду да голоду
Подохнем всё равно».

VI

НА СТОЛИЧНОМ РЫНКЕ

Бог знает что творится
Средь рыночной толпы:
«Сижу без дров, сестрица!»
«Ни фунтика крупы!»
«Заплачешь, хоть не плакса!»
«Грабиловка!» — «Обман!»
«Какая ж это такса?»
«Поход на наш карман!»
«Но кто ж того не знает,
Что таксу издает
Не тот, кто покупает,
А тот, кто продает!»
«Бери-ка чином выше». —
«Гнетут со всех сторон!»
«Порядки!» — «Тише, тише!»
«Чего-й так?» — «Фараон!»¹
«Эй, р-рас-хо-дись, орава!»
«Родимые! Берут!»
«Брысь! Не имеешь права!»
«В участке разберут!!»

КОЧУЮЩИЕ ДАРМОЕДЫ

Басня

Бывают случаи — не выдумать нарочно.

На станции глухой,
А именно какой, не помню точно,
Две мухи встретились с блохой.
Ну, разговор пошел, понятно.
Знакомство новое в пути всегда приятно.
«Положим, — скажут, — не всегда!»
Бывает разное. Спорить неча.
Но в этом случае была, однако, встреча
Как встреча.
Шел разговор простой: откуда кто? куда?
Какие и про что идут на свете слухи?

---

¹ Насмешливое прозвище полицейских.

Как, мол, здоровье и дела?
Блоха, вишь ты, в Москву скакала из села.
Обратно, из Москвы в село, летели мухи.
«Ох, мушки, — плакалась блоха, —
Еще ли ваша жизнь в Москве была плоха?
Пивали сладко вы и сытно там едали.
Что ж вы в деревне не видали?
Ведь я, поди, сама бегу не от добра.
Дни нынче сытые в деревне стали редки.
Такая выдалась пора —
Чуть не подохла напоследки.
Авось поправлюсь я в Москве!»
— «Подправишься, — вздохнули мухи, —
Держи карман. Да мы-то две,
Мы от чего бежим, скажи!.. От голодухи!»

Что город, что село —
Повсюду стало тяжело.
Не жаль мне мух и блох, клопов и таракашек,
Беду их за беду большую я б не счел,
Но жалко мне рабочих пчел
И трудовых мурашек:
Их жребий особливо крут,
Когда у них последнее берут!

VII

— Голод! — голод! — голод! — голод! —
Бил по трону тяжкий молот.
Трон шатался и трещал.
Шла война. Народ нищал.
Богатеи наживались,
Кровью нашей упивались;
Умножая свой доход,
Бедный грабили народ;
На пирах и на обедах
Сладко пели о победах, —
Чьих? Над кем? Секрет простой —
Богачей над беднотой!

Богачи — чужие, наши —
У одной разъелись каши.

Та ли, эта ль сторона —
Голытьба везде одна.
Но, разбив ее на части,
Богачи сидят у власти,
С голытьбою на борьбу
Посылают... голытьбу!

VIII

Из зачумленных кварталов,
Из гнилых, сырых подвалов
Люд измученный, больной
Хлынул яростной волной
На широкие панели.

Затрещали-зазвенели
Телефоны у властей:
«Вызвать войско всех частей!»
Фараонам — ведра водки,
Сыр, колбасы и селедки,
Сахар, масло, калачи...
Угощайтесь, палачи!
Вам дадут ужо работу:
На чердак по пулемету.
В люд голодный — знай пали!
Старых, малых — всех вали!
Половину выбить, чтобы
Остальных загнать в трущобы.
Псы, старайтесь, вам на храп
Даст по сотенной сатрап —
Генерал лихой, Хабалов!

Из гнилых, сырых подвалов
Люд измученный, больной
Хлынул яростной волной
На широкие панели:
«Мы — не ели!»

IX

У царицы сердце мрет,
В страхе злом она орет,

Протопопова торопит,
Пусть он бунт в крови потопит, —
Чтобы часу не терял
Да скорее усмирял.

Новый «друг» по залам бродит,
Бродит, места не находит,
Проклинает свой удел:
«Лучше б дома я сидел!»

Х

Протопоповым-министром
Для царя в порядке быстром
В ставку послан был доклад,
Что в столице суший ад;
Если царь прибудет лично,
Может, всё пойдет отлично.

Царь министру повелел,
Чтоб патронов не жалел,
Если ж очень нужно будет,
Царь в столицу сам прибудет —
Милость царскую явить,
Бунт голодный подавить.

По цареву по указу
Усмирять пустились сразу.
Не помог царев указ.
Сорвалось на этот раз!

XI

Ваня вышел с полувзводом
Воевать с родным народом.
Перед тем как выходить,
Велел ружья разрядить.
«Братцы милые, по людям
Всё равно стрелять не будем!»

Вышел весь Волынский полк,
С усмиреньем тот же толк.

Роты улицами ходят,
Да порядку не наводят.
Повстречавши москвичей,
Столковались без речей.
«Мы, ребята, не замаем. . .»
Был ответ им: «Понимаем!»

ХИ

Во дворцах переполох:
В войске дух заметно плох,
Усмирять народ — охоты
Нету вовсе у пехоты.
Войско мрачное стоит,
На душе свое таит.

Недовольный ратью пешей,
Царь приказ дает депешей:
«Пехотинцы — подлецы,
Пусть работают донцы!»

«А казак — собака, что ли?
Подлый враг народной доли
И царю слуга слепой?!»
Мирно встретившись с толпой,
Повернул казак лошадку,
Не навел казак порядку.
Едет — пикой шевелит.
Драться — совесть не велит!

Разобрали фараоны
Пулеметные патроны.
Фараонам был приказ:
«Вся надежда лишь на вас!»
Постарались живоглоты:
Затрещали пулеметы.
Царь наш добрым был отцом:
Накормил народ. . . свинцом!

ХІІІ

Царь читает донесенье:
«Усмирили в воскресенье».
«Усмирили? Очень рад!
Живо поезд в Петроград!»
Ехал поезд, да не шибко.
Приключилась ошибка.
Царь в тревоге. Ночь. Темно.
«Питер?» — «Нет». — «А что же?» —
«Дно».
— «Ехать дальше!» — «Нет нам хода.
Петроград в руках народа!»
— «Двинуть фронт на эту тварь!»
— «Фронт с народом, государь!»

ХІV

Человек живет не вечно,
И помрем мы все, конечно.
Плут последний и герой —
Будем все в земле сырой.
Уничтожит трупы тленье,
Имена сотрет забвенье.
Марья, Дарья, Клим, Пахом —
Зарастем все лопухом!

Но не всё забыто будет:
К новым подвигам возбудит,
У души простой не раз
Слезы вызовет из глаз,
Не одну разбудит совесть
О делах о наших повесть
И о днях... Но наши дни —
Не прошли еще они.
За желанную свободу,
Может быть, еще народу
Суждено лихой судьбой
Самый страшный вынести бой.
Враг, лежавший на лопатке,
Не добытый в первой схватке,

Кровожаден и свиреп,
Вновь воспрянул и окреп!
Нет царя и царской дворни,
Но остались злые корни,
Кем держался старый строй:
Богачей шмелиный рой!

ХV

На деревню (всё — к порядку!)
Надо сделать нам оглядку.

Шустрый лавочник Назар
Ездил в город на базар.
Как вернулся — все к Назару!
Не раскрыл Назар товару,
А кругом ни стать ни сесть.
«Был на почте?»

«Письма есть?»

— «Есть. Постой, куда ты прешься!
Сразу тут не разберешься!
Сто печатей на письме!
Вот: Прохватову Кузьме...
Тетке Дарье... Деду Климу...
Стой ты!.. Мельнику Касиму...
Селифантьевна, бери:
Для тебя тут сразу три.
Вот тебе, кума Маланья,
Исполнения желанья!
Ты всё плакалась, кума,
Что не пишет твой Фома!»

ХVI

Ни одна еще раздача
Не окончилась без плача,
Каждый раз одно и то ж:
Что ни весть, то в сердце нож,
Ну, а тут, как по заказу:
Всем Назар подсыпал сразу.
Поднялся в лавчонке вой:

Фекла сделалась вдовой,
Влас читает ей уныло,
Где и как там дело было.
Ни жива и ни мертва,
Горемычная вдова
Слову каждому внимает,
Ничего не понимает.
Поняла. И, не дыша,
Обронивши малыша,
С тяжким стоном повалилась.
Рядом Дарьюшка забилась, —
У нее беда своя:
Сын единственный, Илья,
Не вернулся из разведки.
Клим согнулся весь. У дедки
Отличился, пишут, внук:
Есть «Георгий», нету — рук!
Деда еле держат поги.
«Вот... дождались мы... подмоги!..»
Фрол в письме корит жену:
«Очень тяжело мне в плену.
Ты ж, как стало мне известно,
Повела себя нечестно».
Бьет молодушку озноб:
«Фрол придет — загонит в гроб!»

ХVII

«Гады! Псы, едят их мухи!»
— «Кто?»

— «Известно! Ходят слухи:

Предстоит опять набор!»
— «До каких же это пор?!»
— «Что ж, Ерема? Снаряжайся.
Тетка Дарья, не пужайся,
Ты ведь то уразумей:
Встретит сына Еремей.
Паренек пропал без вести,
Вдруг — нашелся. Будут вместе.
Рядом, значит, — сын с отцом!»
С затуманенным лицом,
Всех окинув смутным взором,

Еремей Босой с укором
Власу молвил: «Не шути,
Скоро, что ль, на сбор идти?»
— «Неизвестно, братец, точно.
Слышно, списки пишут срочно:
Всех — не знаю, врут аль нет, —
До пятидесяти лет».

ХVIII

Вновь катит Назар с базару,
Но — без писем и товару.
Что, про что, подлец, орет,
Леший сам не разберет:
«Пресвятая мать-царица!
Что в уезде-то творится!
Ходит тучами народ.
Как попал в водоворот,
Еле вылез я оттуда!»
— «Что ты мечешься, паскуда!
Сядь. Без толку не ори.
В чем там дело, говори, —
Бунт большой в уезде, что ли?»
— «Бунт! Кричат: земли и воли!
Смерть царям! Долой войну!
Флаги красные!» — «Да ну?!
Что ж полиция?» — «Поди ты!
Фараоны перебиты».
— «Вот так штука. Врешь ты, брат.
Ну, а как... насчет солдат?
По народу не стреляют?»
— «Где там! С флагами гуляют,
В трубы жарят, в бубны бьют,
Песни вольные поют!»
— «Слушай, нет ли манифеста?»
— «Не сойти мне, братцы, с места.
Бают — вправду или зря, —
Будто кокнули царя,
Всех министров заковали, —
Поначалу бунтовали
На заводах — не впервой.

За парод мастеровой,
И заводский и фабричный,
Гарнизон весь стал столичный;
Фронт туда же потянул,
Новой власти присягнул!»

ХІХ

У Назаровой у лавки
Не продрать руки средь давки.
Разговоры, споры, шум.
«Стой! — кричит кузнец Наум. —
Надоть нам без проволоочки,
Чтоб разведать всё до точки,
Чепухи ж не городить,
Верхового снарядить.
Пусть не медля в город лупит
Да газет для нас пакупит.
Будет всем тогда видней:
Дождались каких мы дней?
Впрямь пришел конец несчастью?
И... под чьей теперь мы властью?»

ХХ

Спать ложились вечерком.
Утром, глядь, — всё кувырком!

Дума ахнуть не успела, —
Революция приспела.
Царской Думы нет следа:
Разбежались кто куда
«Представители народа».
Барам новая погода —
Не погода, — костолом.
Баре плачут о былом:
«Незабвенная утрата!
Доживем ли... до возврата?!»

В бывшей Думе — толчя.
Сразу видно — сила чья.
Люд рабочий да солдаты.
Тут от них ведь депутаты.
Целый, стало быть, Совет.
Есть Совет, да толку нет.
Тянут в нем — подумать здраво! —
Кто налево, кто направо,
Кто вперед, а кто назад, —
Норовят на всякий лад
Смастерить основу власти.
Меньшевик казенной масти
Да хозяйственный эсер —
Ладит всяк на свой манер.
Но в одном их хор согласен:
Большевик для них опасен!
Сладу нет с большевиком,
Стал им в горле, словно ком,
Хоть бы час провел в покое.
«Тут ведь времечко какое:
Богачей прижали в лсск, —
Богачи — как мягкий воск;
По-хорошему, без спору,
Столковаться б с ними впору,
Вожжи в руки им отдать
Да порядков новых ждать.
Богачи — народ толковый:
Нам они порядок новый,
Буржуазный — вот какой —
Утвердят живой рукой.
Нам иного ждать раненько.
Сразу прыгнуть в рай трудненько.
На крутой переворот
Не дозрел еще народ.
Мужики — темны да серы
И ни в чем не знают меры, —
Без указки, без узды
Натворят еще беды!
Припусти их к полной воле,
Так не сладишь с ними боле:

Всё разделят — разберут,
Богачей с земли сотрут.
И пойдет такая свалка...»
— «Нет, нужна народу палка!»
Так эсер с меньшевиком
Промышляли мужиком.
А мужик не знал — не ведал,
Что его уж кто-то предал!

ХХП

Получив нежданно власть,
Богачи довольны — страсть!
Богачи строною правят,
Богачи опять нас давят,
Нашу кровь, как прежде, пьют,
Кандалы для нас куют,
Тюрьмы новые готовят
Да свободу славословят.
Их свободу. Больше — чью?!
Нет свободы мужичью!
Ни свободы, ни землицы,
Ведь земля — не рукавицы:
Взял да сразу и надел.
«Надо сделать так раздел,
Никому чтоб не обидно! —
Богачи дудят солидно. —
Уж с земелькой... подождем!
Всё законно проведем
С нашим, дескать, всем стараньем —
Учредительным собраньем.
А пока, мол, ни-ни-ни!
Лямку старую тyani!»

ПЕСНЯ О ЗЕМЛЕ

Ой вы, головы, головушки кручинные,
Не пускайтесь на дела на самочинные,
Самочинные дела да незаконные:
Отбирать свои полосоньки исконные.
На помещичье добро ужо не зарыетесь,

А в соку своем, в поту, как прежде, парьтеса,
Да как стадо, уж как стадо безголовое,
Всё надейтесь на правительство на повое:
Оно скрутит, оно свяжет вашу силушку,
Оно землю, даст вам землю... на могилушку.

БАБУШКА НЕНИЛА

(В хвосте за хлебом)

Крепко бабушка Ненила
Революцию бранила.
— Батюшки!
«Вот свобода так свобода,
Нету хлеба у народа!»
— Матушки!
«Что ты, бабушка? В уме ли?
Ведь цари весь хлеб объели.
— Батюшки!
Как по щучьему приказу,
Не родится хлебец сразу.
— Матушки!
Вот с землей добьемся ладу, —
Поработаем в услуду.
— Батюшки!
Новый хлеб заколосится —
Шелк наденешь вместо ситца.
— Матушки!
Весь ты век жила убого, —
Потерпи ж еще немного.
— Батюшки!
За свободную-то долю
Попируем, бабка, вволю».
— Матушки!

XXIII

«Скоро ль жизнь пойдет спокойней?
Не пора ль кончать нам с бойней,
С трижды проклятой войной?!» —
Стон стоит над всей страной.
Богачи дрожат, как воры:

«Но у нас же договоры!
Англичанин да француз —
С ними ведь у нас союз:
Подводить их нам негоже,
Честь для нас всего дороже.
Уж мы с миром... подождем.
Речь о мире поведем
Мы на первом заседанье...
В Учредительном собранье.
А пока, мол... послужи.
Лезь, ребятки, на ножи!»

ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО — КАПИТАЛ

Изобретательны на доводы
Лихие «рыцари ножа».
Нужны «законные» им поводы
Для оправданья грабежа!
Не важно поводов количество,
Один бы «право грабить» дал.
«Да здравствует его Величество
Венчанный кровью Капитал!»

XXIV

Новый строй рождался в муках.
Богачи на разных штуках
Норовили нас поддеть,
Чтоб, как прежде, всем владеть.
«Все залечим вам болячки.
Не порите лишь горячки.
Разрешит любой нам спор
Учредительный Собор.
Так без лишнего напора
Потерпите... до Собора!»
А когда Собора ждать? —
Надо надвое гадать!

Дед Мокша со снохой трудился на покосе.
Сноха ж была давно на сносе.
Вот ополдни молодка — ох да ой!
Забилася, как муха в тесте.
То видя, Мокша-дед задержался на месте:
«Постой, кричит, постой!
Для ча такая спешка?
Елешка, а Елешка!
Слышь, погоди родить:
Дай мне по бабушку сходить!»

XXV

Богачи «со всем стараньем»
Учредительным собраньем
Козыряли как могли.
Ведь оно еще вдали!
А пока там суд да дело —
Знай орудовали смело
И, втирая всем очки,
Не играли в дурачки,
А вели игру иную:
Посадивши одесную
Демократов пять аль шесть
(Тоже ведь «ручные» есть!),
Не брала чтоб нас обида,
С ними стряпали для вида
Деловую колею, —
Гнули ж линию свою!
Ставить начали заторы,
Заводить везде раздоры
Да натравливать народ:
Деревушку — на завод,
На рабочего — солдата,
Чтоб пошли все брат на брата
И, устроив Вавилон,
К богачам пришли в полон!

РАБОЧИЕ — СОЛДАТАМ

Солдаты!

Вы — наша кровь и наша плоть.
И тот, кто хочет нас преступно расколоть,
Кто сеет злую рознь среди трудового люда,
Тот истинный Иуда!

Солдаты!

На смену хищникам, державшимся за трон,
Иные хищники спешат со всех сторон,
Мешая закрепить восставшему народу
Отбитую свободу.

Солдаты!

Пройдет война и с ней солдатская страда,
И снова станете вы все детьми труда,
И всех спаяет нас — от фабрики до поля —
Одна судьба и воля.

Солдаты!

Не отделяйте же от нас своей судьбы,
Не покидайте нас в тяжелый час борьбы.
Да не падут на вас народные проклятья,
Солдаты, наши братья!

XXVI

Пролетарская газета
«Правда» — вестница рассвета;
Чистый блеск ее лучей
Нестерпим для богачей.
Богачам она отравы, —
Беспощадная расправа
Богачами с давних дней
Учинялася над ней.
И едва лишь пир кровавый
Чуют стал орел двуглавый,
«Правда» первая была
Жертвой хищного орла.
Но когда пришло нам время
Вековое сбросить бремя

Гадов, пьющих нашу кровь,
Возродилась «Правда» вновь,
Взмывши пламенем из пепла,
Возродилась и окрепла.

ПОД ЗНАМЯ «ПРАВДЫ»

Семья рабочая — единая.
В ее руках — ее судьба.
Нет и не будет господина,
Где нет покорного раба!

Напрасны будут вражьи козни:
Не одолеют вас враги.
Одним путем, не зная розни,
Напрасьте верные шаги.

Чтоб враг лукавыми словами
Не обманул вас ни на час,
Вы знать должны, что — кто не с вами,
Тот — против вас! Тот — против вас!

Возврата нет к былым оковам.
Ваш путь один — идти вперед!
Своих вождей узнать легко вам
По вою злобному «господ»!

Чтоб отстоять свой труд и волю
От покушений злой орды,
Вокруг бойцов за вашу долю
Сомкните стройные ряды!

Украшайте, братья, знамя ваше,
Примером став для всех времен.
Пусть это знамя будет краше
Всех затемненных им знамен!

Одно в сердцах рабочих пламя!
Один порыв в одной груди!
Пусть ваша «Правда», ваше знамя,
Свободно реет впереди!!

XXVII

Кривда «Правду» ненавидит, —
«Правда» кривду всюду видит,
В час тревожный бьет в набат, —
«Правда» скажет, кто горбат.
Мироедам «Правда» — плаха.
Им мерещится со страха:
Ленин пишет не пером,
А и вправду топором:
Отрубил примерно строчку —
Снял с миллионщика сорочку!

«БУКА»

(Буржуазно-колыбельная песенка)

Спи, дитя мое, усни,
Мне с тобою мука.
К «Правде» ручек не тяни:
«Правда» — это бука!

Спи под песенки мои,
Спи, моя услада:
В «Правде» Ленина статьи
Хуже злого яда.

Что ни слово — то беда,
Что ни строчка — пытка:
Не видать нам никогда
Прежнего прибитка!

Дни вольготные пришли
Всей рабочей шпанке.
Будем, детка, без земли
И без денег в банке!

«Караул! Грабеж! Разбой!» —
Поднялся буржуйный вой.
Зашипели злые гады,
Растерзать бы «Правду» рады.
Но за ней — большевики:
Все народные полки.

«Правду» тронь неосторожно —
Напороться этак можно.
Надо бить наверняка.
Надо с ней борьбу пока
По иному ладить плану:
Напустить сперва туману,
Взбаламутить так народ,
Чтоб пошел он весь вразброд.
Богачам тогда свободно
Делать всё, что им угодно!

XXVIII

Всюду — сходки, споры, шум.
Питер ждал районных дум.
Выбирали новых гласных.
От плакатов — белых, красных,
Синих, всяких — рябь в глазах.
Шел раскол большой в низах:
Краснобайству давши веру,
Льнули многие к эсеру;
Меньшевик весьма хитер,
Тож очки местами втер.
Большевик спокойно к бою
Вел рабочих за собою.
Богачей кидало в дрожь:
«Нам поможет только ложь!»

«КАК У ПИТЕРСКИХ ГОСПОД...»
(Предвыборная песня)

Как у питерских господ
Превеликий, братцы, сход.
    То ли, се ли,
    Нынче, что ли,
Превеликий, братцы, сход.

Хлещут вина богачи,
Едят сладки калачи.
    То ли, се ли,
    Нынче, что ли,
Едят сладки калачи.

И едят они и пьют,
На салфетки слезы льют.
    То ли, се ли,
    Нынче, что ли,
На салфетки слезы льют.

Им на выборы идти,
А дела-то не ахти!
    То ли, се ли,
    Нынче, что ли,
Их дела-то не ахти.

Густо улица пылит —
Трудовой народ валит.
    То ли, се ли,
    Нынче, что ли,
Трудовой народ валит.

Люд фабричный, батраки
Да солдатские полки.
    То ли, се ли,
    Нынче, что ли,
Всё народные полки.

Трудовой народ валит,
Богачей вовсю калит.
    То ли, се ли,
    Нынче, что ли,
Богачей вовсю калит:

«Ой вы, баре-господа,
Мироедская орда.
    То ли, се ли,
    Нынче, что ли,
Мироедская орда!

Мироедская орда,
Не пройдешь ты никуда!
    То ли, се ли,
    Нынче, что ли,
Не пройдешь ты никуда!»

Стал народ везде в хвосты,
На руках у всех листы.

То ли, се ли,
Нынче, что ли,
На руках у всех листы.

А в какой ни глянешь лист —
Всё стоит: «социалист».

То ли, се ли,
Нынче, что ли,
Большевик-социалист!

Люд голодный, не спасуй,
Подружнее голосуй!

То ли, се ли,
Нынче, что ли,
Подружнее голосуй!

Чтобы сытым богачам
Худо спалось по ночам.

То ли, се ли,
Нынче, что ли,
Худо спалось по ночам.

Чтобы видели они,
Что пришли другие дни.

То ли, се ли,
Нынче, что ли,
Да пришли другие дни.

Что у вольной голытьбы
Силы станет для борьбы.

То ли, се ли,
Нынче, что ли,
Силы станет для борьбы!

Сил у каждого борца —
Чтоб бороться до конца.

То ли, се ли,
Нынче, что ли,
Будем биться до конца!

Часть четвертая
ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ НАДУВАТЕЛЬСТВО

I

«Кто посеял, кто пожал» —
Я про это речь держал.
Шел народ на баррикады,
А пролезли к власти — гады.
Взяв народ в лихой зажим,
Объявили свой «режим»:
Буржуазные порядки.
Подставляй хребет, ребятки!
Мироедам послужи,
Животы за них ложи!
Ждет деревня лучшей доли,
Ждет земли и вольной воли,
Распорядков новых ждет:
Вот бумага-де придет,
Всё расскажет и укажет,
По губам медком помажет:
«Наступил твой час, Фаддей.
Всё твое. Бери — владей!»
Что-то делается где-то,
За весной проходит лето,
Вот уж осень у ворот.
Суматошится народ:
«Что же это, братцы, значит?
Власть нас новая колпачит!
Перемены не видать,
До каких же пор нам ждать?»

II

«Что вы! Что вы! Что вы! Что вы!
Бунтовать, никак, готовы?
Власть вам новая худа?
Власть, ей-богу, хоть куда!
Ей, несчастной, столько дела,
Не до вашего раздела.

Вот управимся с войной,
Всё пойдет на лад иной!»
Так измученному люду
Языком плескали всюду
Разбитные господа.
Этой сволочи тогда
Расплодилось без меры.
Всё, изволите, эсеры!
Бьет себя, рыдая, в грудь
Землемер какой-нибудь,
Иль учитель-математик,
Иль паршивый адвокатик:
«Братцы! Я, да вы, да мы!
Погодите до зимы!

III

Будет вам земля и воля,
Но помещичьего поля
Вы не трогайте пока.
Будет всё у мужика!
Дайте срок — создать законы,
Вас ведь, братцы, миллионы,
А земельный-то запас
Не ахти какой у нас.
Так, сплеча, рубить негоже,
Раскумекать надо тоже,
Где земля и чья земля.
Посмотреть на векселя,
На расписки, закладные,
И окажется, родные,
Что помещик — только звук,
Землю выронил из рук,
А владелец настоящий —
Тот крестьянин работающий,
Что поля и барский дом
Приобрел своим... трудом.
Тут не место хваткой лапе,
«Отобрал — и дело в шляпе».
Надо толком разобрать,
Где оставить, где забрать.

IV

Отобрав неосторожно,
Повредить лишь делу можно!
Есть именья — сущий рай:
Что конюшня, что сарай,
Что машина, что скотина, —
Образцовая картина!
На научный всё манер,
Всем хозяевам пример,
Как хозяйство надо строить,
Чтоб доходы все утроить.
Взять помещика: иной —
Скот разводит племенной,
Улучшает то и это,
Сам в работе зиму-лето,
Эконом и агроном —
Всё стоит на нем одним!
Рассудите-ка толково:
Коль помещика такого
Из именья мы пугнем,
Далеко ли мы шагнем?
Не напортим ли мы вдвое,
Разорив гнездо такое?
И не лучше ли всего
Не касаться нам его?
Не касаться, не кусаться,
На чужое не бросатьсья,
А учиться да глядеть,
Как добром своим владеть?

V

Есть еще задержка — в сметах.
Пусть в земельных комитетах
Подведут всему итог,
Чтобы вам, помилуй бог,
Не обидеть земледельца —
Пусть и крупного владельца.
Это ж, братцы, не закон:
Взять за шиворот и — вон!
Отбирай, но не бесплатно,
Надо совесть знать, понятно:

Где — надбавить, где — скостить,
Но убытки возместить,
Чтоб помещиков ослабить,
Но... помещиков не грабить!
Выкуп вместо грабежа
Да рассрочка платежа, —
И придумать лучше трудно!
До чего всё выйдет чудно!
Без обиды, без вражды!
Ни корысти, ни нужды!

VI

Вот мы партия какая!
В жизнь крестьянскую вникая,
В трудовой весь обиход,
Мы — страдальцы за народ,
Мы за вас душой болеем.
Мы себя не пожалеем.
Ежли что, — в тяжелый час
Мы сумеем стать за вас!
В Учредительном собрание —
Мы уверены в избранье! —
Мы такое учредим!
Вновь порядок утвердим,
Всех устроим, всё уладим!
Обкорнаем и спровадим
Без особенных чинов
Городских всех крикунов.
Вот — программа на листочке,
Разберитесь в каждой строчке.
Вся тут правда — без прикрас,
Угодит вам в самый раз.
Рассудите, обсудите
Да в эсеры все идите!
По полтине членский взнос».

Кум Фаддей повесил нос,
Кум Фаддей в затылке чешет:
«Чтой-то барин будто брешет,
Брешет — глазом не мигнет,
И куда он, ирод, гнет?»

VII

Пров Кузьмич, как пьяный вроде,
Ходит козырем на сходе,
По-эсеровски поет,
Всем подписочку сует.
«Тит, записывайся, что ли,
На предмет земли и воли!
Еремей, Фаддей, Наум,
Взяться всем пора за ум.
По полтиннику, ребята,
Не ахти какая плата.
Записался — и шабаш!
Просто всё, как «Отче наш».
Неча, братцы, опасаться.
Наше дело записаться.
А эсеры в добрый час
Всё обтяпают за нас!»
Крякнул Тит с лукавой миной:
«Эх, рискну-ка, что ль, полтиной!
Погляжу на их дела».
Записалось полсела,
Список быстро был составлен,
В город с нарочным отправлен.
Пров разглаживал чело:
«Фу! Как будто отлегло!
Ехать завтра к генеральше
Или ждать, что будет дальше?»

VIII

Поп Ипат, хлебнув винца
В честь «небесного отца»,
В Спасов день обедню тянет,
Вправо, влево оком глянет.
«П-сс! — зовет пономаря. —
Помяну-ка, что ль, царя?»
Пономарь глаза таращит:
«Бес тебя, должно быть, тащит
За язык, отец Ипат.
Церковь, глянь, полна солдат.

Зададут такого звона:
Стащут за косы с амвона!
Помяни царя, не лгу, —
Я из церкви убегу!»
У попа засохло горло:
«Впрямь их, иродов, наперло.
Фронт, поди-кась, обнажен.
Ну, сидели б возле жен,
Возле Марьи да Натальи, —
Нет, народ мутят, канальи!
Речи их, чертей, слышал?»
Поп отчаянно вздыхал.
Не молился, что-то вякал,
Службу кое-как отбрыкал,
И айда скорей домой:
«Ну и время, бож-же мой!»

IX

Загорелы, бородаты,
Фронтовой народ — солдаты
Вдоль по улице идут,
Речи разные ведут.
Мужикам те речи в диво.
«Очень, братцы, уж правдиво!»
«Говорят: газетам верь.
Как же верить им теперь?
Что про ленинцев трубили?
Будто немцы их купили.
А вот унтер Мышаков
Хвалит как большевиков!»
«Вот что, милые, обидно:
Ведь конца войне не видно». —
«Дисциплину тож в частях
При теперешних властях
Укрепляют так, что любо:
Встал не так, ответил грубо
Или косо посмотрел,
Сразу — «Сволочь! Под расстрел!»,
Гонят силой в наступленье,
Отказаться — преступленье.

Барам что? Не их берут,
Пусть за них другие мрут!
За спиною нашей храбры!»
«Взять их, гадов, всех под жабры!»
«Обломать им хохряки!»
«Мы-то, мы-то, дураки,
Растерявши сразу мысли,
Пред эсером как раскисли!
Как он ловко всех поддел!
Рази ж он за нас радел?!»
«Пропадай моя полтина!
Пров Кузьмич, всё ты, скотина,
Вместе жулил, старый пес!
Возвращай мне членский взнос!»

Х

Богачам одно спасенье:
Будет пусть землетрясенье,
Голод, мор, потоп, война,
Только б нищая страна,
Не стерпев дальнейшей муки,
Отдалась сама им в руки.
Богачам один лишь путь:
Петлю туже нам стянуть.
Снова трубы затрубили:
«Ежли б немцев мы побили,
Показали им кулак...
Всё б тогда пошло не так:
Сразу б немцы спали с тону,
Запросили бы пардону!» —
И пошла-пошла писать.
Под ту дудочку плясать
Меньшевик пошел с эсером,
Словно дама с кавалером.

ХІ

Фронту отдан был приказ:
Подтянуть чтоб всех зараз,
Чтоб с врагами не брататься,
А сначала поквитаться.

Мы-де хоть не за грабеж,
Не захватчики, а всё ж. . .
Мир для мира — это враки.
Мир бывает после драки,
Как похмелье — по пиру.
«Лезьте, братцы, на уру!»

БАРЫНЯ
(Окопная)

Ай, люли-люли-люли,
Как мы песню завели:
— Барыня, барыня,
Ты моя сударыня!

Пишет, братцы, мне жена —
Скоро ль кончится война?
— Скоро ли то, барыня,
Скоро ли, сударыня?

Скоро ль кончится война?
Истомилась я одна.
— Эх ты, горе, барыня,
Как тут быть, сударыня?

Истомилась, исстрадалась,
Век с тобою не видалась.
— Ох, барыня, барыня,
Как тут быть, сударыня?

Стала жизнь мне — сущий ад:
Ничего нейдет на лад.
— Нету ладу, барыня,
Всё трещит, сударыня.

Без тебя пошло всё врозь,
Всё хозяйство расползлось.
— Расползлося, барыня,
По всем швам, сударыня.

Опустел сарай и хлев,
Хлеба только на обсев.
— Ох, барыня, барыня,
На обсев, сударыня.

А казенный нам паек —
Холостой хлебать чаек.
— Да, барыня, барыня,
Холостой, сударыня.

Дождалися мы времен,
Дорогой ты мой Семен.
— А каких же, барыня?
Да каких, сударыня?

Нет у нас царя уж боле,
Весь народ на вольной воле.
— Любо ль тебе, барыня?
Любо ли, сударыня?

Всех чертей прогнали взáшей,
Что кормились кровью нашей.
— Кровью нашей, барыня,
Кровушкой, сударыня.

Все помещики в округе
Разбежались в испуге.
— Разбежались, барыня,
Пусть бегут, сударыня!

А мы слез не стали лить,
Землю их давай делить.
— Хорошо ли, барыня?
Хорошо, сударыня!

Вот каки у нас дела:
Революция была!
— Чем же худо, барыня?
А ничем, сударыня.

Отпиши скорей ответ:
Жив, голубчик, ты аль нет?
— Жив, моя ты барыня,
Жив пока, сударыня.

Долго ль с немцем воевать?
Долго ль нам тут горевать?
— Долго ли нам, барыня,
Горевать, сударыня?

Шлю с детьми тебе поклон,
Дорогой мой муж Семен.
— Эх, барыня, барыня,
Шевелись, сударыня!

А я дело, братцы, сметил,
А я жenuшке ответил.
— Что ответил, барыня?
Что, скажи, сударыня?

Не горюй, не плачь, жена:
С немцем кончится война.
— Право слово, барыня,
Ей же бог, сударыня.

С немцем кончится война:
Надоела нам она.
— Надоела, барыня,
Ну ее, сударыня.

Бойня начата не нами,
А царями да панами.
— Верно ль это, барыня?
Верно ли, сударыня?

За чужие ж дележи
Неча лезть нам на ножи!
— Ни к чему нам, барыня,
Ни к чему, сударыня!

Неча лезть нам на пожи,
Так ты всем и Расскажи.

— Рассуди-тка, барыня,
Обмозгуй, сударыня!

А у немцев, чаем, тоже
Выйдет дело, с нашим схоже.
— С нашим схоже, барыня,
В самый раз, сударыня!

Ходят к нам их ходоки,
Люд фабричный, батраки.
— Люд фабричный, барыня,
Батраки, сударыня.

Мы к ним с братскими словами:
Дело, дескать, всё за вами!
— Будет дело, барыня,
Первый сорт, сударыня!

Сообща, ребятки, дружно
Мироедов гнать нам нужно.
— Мироедов, барыня,
Богачей, сударыня.

Отвечают немцы: «Гут!»
Надо думать, не солгут.
— Надо думать, барыня,
Не солгут, сударыня.

Заварухе дай начаться,
Дай лишь немцу раскататься.
— Раскататься, барыня,
Разойтись, сударыня.

Рассчитать всё наперед:
Оч-чень правильный народ!
— Башковитый, барыня,
Деловой, сударыня.

Дело сделают не скоро,
Да зато уж выйдет споро.
— Вот как споро, барыня,
Начисто, сударыня!

Дело немцы доведут, —
Тут войне-то и капут.
— И айда-те, барыня,
По домам, сударыня.

Как вернемся ж мы домой,
Что-то будет, боже мой?
— Что-то будет, барыня?
Знаешь, чай, сударыня.

Коль затеют баре спор,
Мы сумеем дать отпор!
— Наше дело, барыня,
Верное, сударыня!

Постоим за нашу долю,
За земельку да за волю!
— Постоим уж, барыня,
Отстоим, сударыня!

Так-то, женушка-жена,
Скоро будешь не одна.
— Не одна, слышь, барыня,
С муженьком, сударыня.

Как не летом, так зимой
Жди хозяина домой.
— То-то, моя барыня,
Заживем, сударыня!

Остаюся жив-здоров,
Рядовой Семен Петров.
— Эх, барыня, барыня,
Шевелись, сударыня!

Нашей песне тут конец,
А кто пел, тот молодец!
Размолодчик, барыня,
Удалец, сударыня!

ПРИКАЗАНО, ДА ПРАВДЫ НЕ СКАЗАНО

(Солдатская песня)

Нам в бой идти приказано:
«За землю станьте честно!»
За землю! Чью? Не сказано.
Помещичью, известно!

Нам в бой идти приказано:
«Да здравствует свобода!»
Свобода! Чья? Не сказано.
А только — не народа.

Нам в бой идти приказано —
«Союзных ради наций».
А главного не сказано:
Чьих ради ассигнаций?

Кому война — заплатушки,
Кому — мильон прибытку.
Доколе ж нам, ребятушки,
Терпеть лихую пытку?

ХИ

«Лезьте, братцы, на «уру»!
А чтоб гнусную игру
Большевик не смог разладить,
Решено его спровадить —
Хоть и со света! Не грех!
Только чем разбить орех?
Камень где сыскать удобный?»
Был тут план придуман злобный:
«Кто ведет войну с войной?»
«Большевик, не кто иной».
«Немцам в руку?» — «Ну понятно!»
«И должно быть, не бесплатно».
«Большевик-де, ходит слух,
Где-то в банке, даже в двух,
Брал немецкие червонцы!»

Так боролись оборонцы
С политическим врагом, —

Замутила всё кругом
Разолгавшаяся свора.

Вор кричит: «Держите вора!»
С честным видом подлецы
Прячут так свои концы.

ХIII

Всё читая без разбору
Да прислушиваясь к спору,
Что все партии вели,
Ваня бился на мели.
За эсеров подав голос,
Всё ж потом, как в поле колос,
Гнулся он — туда, сюда.
Гнулся — сам не знал — куда.
«Как узнать прямого друга?
Что причиной перепуга
Тех, кто тучей злых листков
Травит так большевиков?
В чем тут, собственно, опасность?
Привести бы это в ясность.
Клим. . . Куда девалея Клим?
Побеседовать бы с ним.
С кем теперь идет он в ногу?»

Так, нося в груди тревогу,
Ваня скоро впал в хандру.
Не читал он поутру
С прежней жадностью газеток.
Глаз мужичий всё же меток.
Всё читать — Ванюше лень.
«Правду» ж брал он каждый день.
«Вот, поди ж ты. . . пишет верно.
Что ж бранят ее так скверно?!
Пусть мне скажет кто другой:
Чем не прав Яким Нагой?»

ПИСЬМО ЯКИМА НАГОГО

(Помещеннов в № 79 «Правды» 24 июня 1917 г.)

Вы, братцы, други милые,
Родимые ребятушки,
Народные солдатушки
Да люд мастеровой!
Пишу я вам послание,
Пишу-то не умеючи,
Нескладно да неграмотно,
А только — от души.
Душа ж моя — мужицкая,
Мужицкая — крестьянская,
Совсем она измаялась,
Измаялась-измучилась,
Кажинный день болеючи
От горестных вестей.
Приходят к нам те вестушки,
Те вестушки столичные,
В деревни наши бедные,
В медвежьи уголки,
Приходят безо времени
Да без желанной радости.
Уж мы-то ждем их, ждем,
В тоске великой маемся,
Надёжою питаемся
На наших на заступничков,
Родных своих ребятушек,
Ребятусек-солдатушек,
На люд мастеровой:
Они-де нас ученее,
Они-де нас смышленее,
У них-де крепче головы,
Им всё там больше ведомо:
Что? Как? И почему?
У них-де хватит силушки,
У них-де станет смелости,
Что смелости-умелости
Стать крепко на своем:
Не выдать люда бедного,
Рабочего-крестьянского,

Извечным нашим врагам
Мирским всем захребетникам, —
Не выдать ни по чем!
Но вести всё приходят к нам
Такие ль безотрадные,
Такие ль безутешные,
Что верить им не хочется.
Да статочное дело ли,
Да может ли то быть,
Чтоб вы так с толку сбились,
Так потеряли головы,
Так разошлись с совестью,
Что у попов, чиновников,
Министров и сановников,
Разъевшихся помещиков,
Купцов расторговавшихся,
Банкиров-миллионщиков,
У подлых их прислужников,
Угодников-ласкателей,
У подхалимской сволочи
Пошли на поводу?!
Да разве ж это мыслимо,
Чтоб речи их неправые,
Неправые-лукавые
Пришлись всем вам по сердцу;
Чтоб шипы их змеиные
За песни соловьиные
Казаться стали вам?!
Вы, братцы, други милые,
Родимые ребяташки,
Народные солдатюшки
Да люд мастеровой!
Очнитесь, одумайтесь
Да к совести прислушайтесь,
Раскиньте головой:
Кому вы так доверились,
На чьи слова туманные,
Туманные-обманные
Огульно положились?
Кто совесть вашу вывихнул?
Кто ум вам замутил?

Забыли вы пословицу
Хорошую, народную:
Ковать железо надобно,
Покамест горячо.
Раз время потеряете —
А вы терять уж начали, —
То напоследки сядем мы,
Как раки на мели.
Доверившись обманщикам,
Господским потаковщикам,
Объевшись посулами,
Тех песенок заслушавшись,
Что власти завели,
Мы под конец останемся
Всё теми ж остолопами,
Господскими холопами —
Без воли, без земли.
Того ли вам хотелось,
К тому ли вы стремились,
Когда в порыве радостном
Царя осточертелого
С его лихой опричниной
В единый дух смели?
А нынче та опричнина,
Прияв личину новую,
Втирая вам очки,
Уж поднимает голову,
Смелее озирается,
Бойчее огрызается,
Братается с нагайками
И тянется к хлысту.
Покамест вы толкуете,
Как, дескать, по-хорошему,
Без лишнего стеснения —
Не дай господь — насилия! —
По чистой справедливости
С крестьянами — помещиков,
С рабочими — заводчиков
Как-либо примирить,
Так, чтоб одним досталось
И у других осталось,
Чтоб нареканий не было

От черни околпаченной,
Найпаче ж от господ, —
Пока вы так стараетесь,
Пока вы распинаетесь,
Попы, купцы, господчики,
Помещики, заводчики, —
Все ироды, кому,
По божью попущению,
Верней — по нашей глупости,
Покорной нашей тупости,
Досель жилося весело,
Вольготно на Руси, —
Они не ждут — готовятся,
Они не остановятся,
Хо-хо, ни перед чем!
За то, что не умели вы,
За то, что не хотели вы
Напрячь свои все силушки
Да так на богатеев всех
Налечь, прижать их так,
Чтоб им дыханья не было,
Чтоб затрещали косточки,
Чтоб жирная да толстая
Кишка их сразу лопнула,
Чтоб больше им, кабальщикам,
Захватчикам, нахвальщикам,
Податься было некуда,
Чтоб был им тут капут;
За то, что сплеховали вы,
За то, что дело начали,
Да дела не доделали,
Его по вашей милости,
Опять собравшись с силами,
Оставшись воротилами,
Как были, миллионщики
Доделают по-своему:
Еще, вишь, ими кровушки
Народной мало пролито
В проклятой, злыми гадами
Для их несметных прибылей
Затеянной войне;
Еще, вишь, недостаточно

Чужих полей засеяно
Крестами надмогильными;
Еще, вишь, мало пущено
По белу свету маяться
Калек и вдов-сирот;
Еще им, вишь ты, кажется,
Что мало ими нажито,
Что мало мы обобраны,
Не все еще лишились
Последних животов;
Душа у них тревожится.
Им, аспидам, неможется,
Им непременно хочется
Дорваться до последнего,
Чтоб опосля войны,
Пустивши всех нас по миру,
Им было бы удобнее,
Голодных, обессиленных,
Прибрать нас всех к рукам.
Солдатушки-ребятушки,
Три года воевали вы,
Три года вас мытарили,
Гоняли на убой, —
Но, видно, мало прежнего:
Еще вы повоюете,
Еще вы погорюете,
Еще беды натерпите,
На смерть пойдете верную —
Во здравие захватчиков,
Во славу их мошны!
Вы, братцы, други милые,
Родимые ребятушки,
Народные солдатушки
Да люд мастеровой,
Очнитесь, одумайтесь
Да к совести прислушайтесь,
Раскиньте головой!
Очнитесь, опомнитесь,
Не выдайте, голубчики,
Себя и нас не выдайте
Извечным нашим врагам,
Грабителям-насилъникам,

Мирским всем захребетникам.
Сестер и братьев вспомните,
Старуху мать родимую
И старого отца!
Единым горем вскормлены,
Единой волей спаяны,
Своею силой гордые,
В своем решенье твердые,
Ряды сомкнувши стройные,
Железные, спокойные,
За наше дело общее,
За наше дело правое,
За долю всенародную
Постойте до конца!

Писал сие послание —
Подтянутой губернии,
Уезда Терпигорева,
Пустопорожней волости,
А той деревни Босовой
Мужик *Яким Нагой*.

XIV

Богачи везде шныряли,
Даром часу не теряли, —
Разослав своих послов,
Не жалели сладких слов.
На Дону от них посольство
Бьет челом за хлебосольство:
«Ой вы, brave донцы,
Боевые молодцы!
Окажите вы нам дружбу,
Сослужите вы нам службу,
Помогите сбить рога
У проклятого врага,
У невытой, черной голи,
Что кричит: земли и воли!
День упустим — не вернем.
Голь наглеет с каждым днем.

Не поставьте ей преграды, —
Сами ж будете не рады!»

Отвечала старшина:
«Ваша голь хотя страшна,
Нам своя страшнее вдвое.
Но правленье войсковое
Всё ж в руках у нас пока.
Ладно: будут вам войска!»

АТАМАНСКАЯ НАГАЙКА

Басня

Товарищ дорогой,
Согнись дугой,
Подставь покорно спину:
Так подобает «гражданину»,
Стоящему за «временную власть».
Хлебнув свободы всласть,
Остепенись маленько:
Освобожденье ты отпраздновал рапенько.
Нет, милый, нам с тобой свобода не с руки.
Обидно — не обидно,
А по всему, брат, видно,
Что путь для нас один: в казацьи батраки.

Теперь смекай-ка:
Жила-была нагайка.
Не говоря про старину,
Совсем недавно
Нагайка славно
Стегала спину не одну.
На царский зов она всегда неслась охотно,
Чтоб вольный дух унять в народных бунтарях,
Зато самой при всех царях
Жилось ей весьма вольготно,
Не то чтоб, скажем, там какому батраку
Аль мужику,
Спадающему с тела
У своего куриного надела.
Но вот мы дожили до радостной зари;
Верх взяли бунтари!

Свалив грабительскую шайку,
Почал народ судьбу устраивать свою
И голытьбу сзывать в единую семью,
Да позабыл, вишь... про нагайку!
Нагайка ж исстари «вольна»,
И волю понимать способна лишь она.
Свободой новой ей мозгов не затуманить.
И вправе потому она «дуван дуванить»,
Судить нас, бедных, и рядить,
То бишь — «порядок наводить»,
Что ж? Это дело ей не внове!
Но... все ль нагайки наготове,
Чтоб двинуться в поход
На трудовой народ?
Не атаман ли тут толкует с атаманом,
Как войско с толку сбить предательским
обманом —
«Казацкой вольностью» и мусором «свобод»?

Казаки, грустная моя побаска эта
Ужель останется без братского ответа?
Казаки, вам пора, пора глаза открыть:
Кто подбивает вас на Каинову прыть?
Родные братья наши,
Вы не разделите с богатым общей чаши.
У трудового казака
Век не поднимется на бедный люд рука.

ХV

«Что нам в пользу — то и гоже.
А попы ведь сила тоже! —
Порешили богачи. —
Две пудовые свечи,
Аналойчик да икона
Да духовная персона...
«От Матфея» там «глава»...
Про смирение слова...
Раз писање — значит, свято,
Люди ж верили когда-то...
Так попробуем теперь...»
Богачи стучатся в дверь

К архипастырю Андрею,
Из Уфы архиерею:
«Архиерей наш, архиерей,
Спаси нас, грешных, от бунтарей.

Трещит Расея!
Прошло блаженство.
Одна надея
На духовенство,
На дым кадильный из алтарей.
Спаси нас, грешных, отец Андрей!

Нам без лазейки
Спасенья нету,
Две-три статейки
Дай нам в газету,
Чтоб в назиданье простой толпы
Могли читать их в церквах попы!»

— «В оковах пастырь. . .
В разброде стадо. . .
Целебный пластырь
Сыскать нам надо,
Чтоб злую рану закрыть скорей», —
Рек, прослезившись, отец Андрей.

И, ощутивши
Прилив отваги,
Скорей схвативши
Кусок бумаги,
Стал он «Биржевке» строчить статью,
В высоком стиле галиматью:

«Не надо злобы!
К чему бунтарство?
Нам надо, чтобы
Окрепло царство,
Борьбы знамена в архивы сдать,
Да осенит нас тишь-благодать.

Без отреченья,
Без примиренья,
Без подчиненья

И без смиренья
Не избежать нам лихой беды! —
Твердил епископ на все лады.

Коря сноровку
Социалистов,
Стриг «под Биржевку»
Евангелистов.
Ведь это ж, отче, простой обман?!
Опять с амвонов пускать туман?

Чтоб люд наш темный
Опять толпами
На зов погромный
Шел за попами?!
Скажи всё ясно, святой отец,
Твоих статей какой конец?

XVI

Клевета — большое дело.
Клевету весьма умело
Богачи пустили в ход,
Чтобы с толку сбить народ.
Всюду шнырили оравы
Ловких сбытчиков отравы.
Подрядились в «языки»
Все заштатные шпики.

«КОНТРАЗВЕДЧИКИ»

«Вечор девки, вечор девки
Пиво варивали».
Два шпики у Малой Невки
Разговаривали:

Шпик 1-й

«Ты скажи, скажи, бродяга,
Где ты маешься
И каким ты, лярва, делом
Занимаешься?»

Ш п и к 2 - й

«А я, братко, живу гладко
Да не маюся,
А я прежним нашим делом
Занимаюся!»

Ш п и к 1 - й

«Царь небесный! Пресвятая
Богородица!
Новый строй ужель шпиками
Обзаводится?»

Ш п и к 2 - й

«Ну, шпиками — не шпиками.
Шпик шельмуется.
То же дело по-иному
Именуется.
По-иному наше дело
Привечается.
С похвалой в газетах многих
Отмечается.
В буржуазную газету
Лишь заявишься,
Сразу, братец мой, в почетный
Угол ставишься.
Так и льнут к тебе писаки,
«Куш» подсовывают,
В десять перьев твои враки
Разрисовывают.
Битый час проврешь им, точно
Неприкаянный.
Прешь про ленинцев нарочно
Брех отчаянный.
Тут они глаза закатят
Умилительно!
Как за всё потом заплатят, —
Удивительно!»

Два шпика пошли, обнявшись,
Вдоль над Невкою.
Вот вся песня, — остановка
За припевкою.

А припевки после слеты
    Были разные.
Затянули все газеты
    Буржуазные:
«Миру, вишь ты, «Правда» рала.
    Показательно!»
«Разгромить всю «Правду» надо
    Обязательно!»

XVII

Воры, сыщики, громилы,
Биржевые крокодилы,
Толстосумы-живоглоты,
Мироеды-патриоты —
Все, кто был царям оплотом,
Кто кормился кровью-потом
Обездоленного люда. . .
Вот пошел поход откуда!
Вот кто, брызжа злою пеной,
«Правду» стал корить. . . «изменой»!

Черносотенная рать
Стала шибко напирать,
Сам эсер, кряхтя до срока,
Лишь подмигивал ей сбоку.
К черной банде напрямик
Лез в объятья меньшевик.
Связь погромная готова.
Разгромили «Правду» снова!
Был приказ властей таков:
«Не щадить большевиков!
Уничтожить всех их сразу,
Как зловедную заразу.
Главарей арестовать,
Чтоб не смели бунтовать!»
Написать приказ не штука,
Да искать попробуй, ну-ка!
«Как тут быть?» — «Хватай гуртом,
Разберемся уж потом!»

ХVIII

Меньшевик, эсер, ликуя,
Ловят за полы буржуя:
«Счет сведя с большевиком,
Заживем теперь ладком.
Съезд в Москве устроить нужно,
Чтоб потом работать дружно,
Петь под общий камертон.
Заказать нам, что ль, вагон?
Завтра, что ли-ча, поедем?»
Но буржуй рычит медведем:
«Человек я, что ж — прямой:
Камертон-то будет мой!»
— «Ваша светлость! Что вы, что вы!
Мы ж для вас на всё готовы.
Вместе будем отвечать.
Не извольте лишь серчать!»

ХIX

Съезд в Москве прошел на диво!
Богачи весьма ретиво
Повели свои дела.
Вот комедия была!
Перед их враждебным станом
Распинались Либер с Даном,
Меньшевистские «вожди» —
От козла удою жди! . .
Видно птицу по полету.
Буржуазному помету,
Лебезя и так и сяк,
Тож поклонится не всяк.
И эсеров брали корчи,
Но, как зуб от давней порчи,
Стыд у них пропал давно:
Пели с Даном заодно!

«ЛИБЕРДАН»

(Подхалимский танец)

Пред военным барабаном,
Мастера на штучки,
Танцевали Либер с Даном,
Взявшись за ручки.
«Либердан!» — «Либердан!»
Счету нет коленцам.
Если стыд кому и дан,
То не отщепенцам!
Милюков кричал им браво
И свистел на флейте:
«Жарьте вправо, вправо, вправо!
Пяток не жалейте!»
«Либердан!» — «Либердан!»
Рассуждая здраво,
Самый лучший будет план:
Танцевать направо!

На Москве устроив танцы
Сообща с врагами,
До упаду либерданцы
Дрыгали ногами.
«Либердан!» — «Либердан!»
Что же вы, ребятки?
Баре сели в шарабан.
Живо, на запятки!

Часть пятая

БОЛЬШЕВИСТСКИЙ ОКТЯБРЬ

I

Ванин взвод пошел в наряд.
Целый где-то там отряд
Большевицкий арестован.
Ваня был командирован
Отвести его в тюрьму.
Кто ж в отряде том ему
На глаза попался первым?

Точно молния по первам
Пронизала Ваню дрожь:
«Клим! . . Голубчик! . . Узнаешь? . .»
— «Узнаю». — «Теперь я понял! —
Пот холодный Ваню пронял. —
Так о «Правде» воронье
Нам накаркало вранье?!»
Клим Ванюшку глазом смерил:
«Что же ты? Ужель поверил?»
Весь зардевшись от стыда,
Ваня молвил: «Никогда!»
Клим Ванюше подал руку:
«Вот, прочти-ка эту штуку!»
— «Клим, ты скажешь всем своим:
Мы за правду постоим!!»

РАЗРЫВ-ТРАВА

(Большевистская сказка, переданная Климом Ване)

Батрак Лука не спал ночей,
Одoleвали парня думы:
«Люд бедный, городской, — в когтях у богачей,
Деревней правят толстосумы.
Куда ни кинешься, всё нет для голытьбы
Иной судьбы:
Какой-то черт ее трудом и сыт и гладок,
А ей — на всё запрет и ко всему заслон.
Что ж это за такой закон?
И кто завел такой порядок?
По праздникам не раз, положим, поп Ипат
Увещевал народ с амвона
Словами божьего закона:
Не зарьтесь, мол, на тех, кто в мире сем богат,
Не ополчайтесь брат на брата!
В загробной жизни ждет всех богачей расплата. . .
Слеза в глазах и крест — в руках,
И голос — с этакою дрожью,
А явно отдает от проповеди ложью.
У самого попа порыться в сундуках —
Поди-кося, не всё там по закону божью!
Вот батрака возьми — к примеру, хоть меня:
И руки будто есть, и голова на месте,

А в жизни я меж тем не знал такого дня,
Когда бы не был я рад смерти, что невесте.
К работе ль я ленив? Работа ль мне невмочь?
Нет, я б работал день и ночь
И вынес всякую б работу.
По если б строиться я возымел охоту, —
Замок-то есть, да нет ключа!
И камни, и леса — всё в лапах богача!
На пашне бы своей не пожалел я поту,
Да пашни-то и нет.
Явившись на свет,
Все лучшие угожья
Нашел я где? В руках дворянского отродья!
Иль почему бы мне не сделаться ткачом?
Но лен ли, конопля ль, овечье ли то стадо —
Всё, всё присвоено проклятым богачом!
Что ж остается мне? За что мне братья падо?
И одному ли мне?
Один ли я пойду к грабителям с поклоном?
Под гнетом богачей в родимой стороне
Весь люд убогий стонет стоном.
Так это божьим, что ль, утверждено законом?!»

Покою не было с тех дум у батрака,
И крепко мысль ему одна тогда запала.
В ночь под Ивана под Купала,
Чистенько обрядясь, в лес двинулся Лука.
«Жив, — порешил он так, — не буду, —
Для счастья общего не жаль мне головы! —
А в эту ночь я раздобуду
Заветный цвет разрыв-травы!»
В ночную темь, по рвам, по кочкам, по бурьяну
Шагал батрак. В глуши лесной
Набрел на тихую поляну.
Там, место выискав под старою сосной,
Три круга очертил и с верою живую
Платочек разостлал перед разрыв-травой.
Покрылся у Луки холодным потом лоб,
То в жар его всего кидало, то в озноб, —
Молитвы бормоча, дрожа от нетерпенья,
Он ждал чудесного цветенья.

Ждал, твердо веруя, что есть,
 Есть сила дивная в волшебном, тайном цвете!
 О, если бы ему с собой тот цвет унести —
 Перевернул он всё б на свете!
 Прибравши клады все к рукам,
 Он их бы роздал беднякам, —
 Всем, кто морит себя работой подневольной,
 Кто множит прихотью чужой число калек,
 Кто к счастью весь свой скорбный век
 Бредет, кряхтя, тропой окольной.
 И крикнул бы Лука: «Гей, горе-голытьба!
 В твоих руках твоя судьба.
 Злой власти богачей ты не потерпишь боле.
 В запряжке каторжной уж не согнешь горба:
 Под небом всё — твое: вода, и лес, и поле!
 Избавясь от нужды проклятой, вековой,
 Отныне можешь ты, люд черный, трудовой,
 В трудах и в радостях друг с другом в общей доле
 Жить на своей на полной воле!»
 Упал в слезах Лука перед разрыв-травой, —
 На сердце стало парню худо, —
 От духоты ночной кружилась голова.
 Тут — ровно ополночь — в лесу свершилось чудо:
 В короткий миг разрыв-трава
 Пред парнем бледным и безгласным
 Вся расцвела цветеньем ясным, —
 И, словно звездочки, стал за цветком цветок
 Роняться тихо на платок.
 Крест сотворивши троекратный
 И завязавши цвет заветный в узелок,
 Батрак пустился в путь обратный.
 Идет. А сердце ёк да ёк.
 И вот — отколь взялось и где всё раньше было?
 Лес грозно зашумел, зверье вокруг завыло,
 Вверху закаркало лихое воронье,
 Внизу заползали и зашипели гады:
 «Брось узел!» — «Брось!» — «Оставь нам прежнее
 житье!»
 — «Зальются кровью наши клады!»
 Сжимая узелок дрожащею рукой,
 Лука всё шел, а за Лукой
 Неслися вихрем ведьмы, черти:

«Брось узел!» — «Чьей ты хочешь смерти?»
— «Прольется кровь!» — «Народ восстанет
на народ!»
— «На сыновей пойдут отцы, на братьев братья!»
Творя молитвы и заклятья,
Лука всё шел с узлом вперед.
А вой всё рос: «Куда ты?»
— «Куда ты?»

И стали обгонять тут батрака солдаты:
«Прощай! За клады нас всех гонят умирать!»
Навстречу им — другая рать.
Сошлись. Блеснул огонь. В тела вонзились пики.
Покрылось поле всё кровавой пеленой.
Вокруг Луки неслись проклятья, стоны, крики:
«Ты нашей гибели виной!»
Тут наваждение всё вмиг, как рукой, убрало.
Глядит Лука: никак, уж солнце заиграло
Над деревушкою родной!

Но не успел еще он отойти от страху,
Вдруг кто-то у него как ухнет за спиной
Да плетью по руке как стеганет с размаху!
Глаза застлало у Луки,
И не заметил он, как из его руки,
От боли онемелой,
Пал наземь узел белый.

Опомнившись, батрак рванулся в бой с врагом.
Ан, смотрит, перед ним нет ни врага, ни цвета:
Всё тот же темный лес, и никого кругом;
Всё та ж глухая ночь, и не видать рассвета!

Товарищи! Друзья! В тяжелый час, когда
Вся мироедская на нас идет орда,
Пытаясь нас сразить не силой — клеветой,
Ужели дрогнем мы, отступим хоть на шаг?
Ужель допустим, чтобы враг
Нас попирал своей пятою?

Пусть заклеимила нас продажная молва,
Пускай со всех сторон на нас враги насели, —
Что ж! Мы покажем им, что наша мощь жива,
Что всё еще в руках у нас разрыв-трава —
Вождями нашими указанные цели,
Что, наподобие Луки,

Мы духом не падем, надежд не похороним,
Что под ударами не разожмем руки
И наших лозунгов на землю не уроним!
Последних слов еще не изрекла судьба.
Пусть всё решит борьба!..

II

Лист валится, травка вянет,
Холодком осенним тянет.
Час — под озимь уж пахать,
А про землю не слышать.

В деревушке — сход за сходом:
«Долго ль будут над народом
Измываться господа?»
«Не толкнуться ль нам куда?»
Порешили все согласно:
Чтобы сразу стало ясно,
Кто стоит за мужика,
Выбрать в Питер ходока.
«Тит, кати. Мужик ты дельный.
Там, на месте, в срок недельный
Разберись во всем как след,
Что нам в пользу, что — во вред?
Обойди там все Советы,
Все Советы, Комитеты.
Потолкайся, расспроси:
Что творится на Руси?
Правду ль бают, что эсеры —
Продувные лицемеры,
Что их речи — пустозвон
И что надо гнать их вон?»

III

Три недели ждали Тита.
«Вот, поди ж ты, волокита!»
Толковали так и сяк:
«Тоже дело не пустяк —
В день не справишься, понятно!»

Как вернулся Тит обратно,
То-то был переполох!
Бедный Тит чуть не оглох.
В нетерпении великом
Все кругом кричали криком.
Рвали Тита за бока,
Торопили мужика.
«Не томи ты, ради бога!»
«Нас брала уже тревога!»
«Чуть не месяц пропадал!»
«Где ты был и что видал?»

IV

«Ошалели все вы, право! —
Усмехнулся Тит лукаво. —
Дайте узел развязать,
Есть тут, что вам показать.
Вот газеты. Вот книжонки.
Не на ваши всё деньжонки,
Не эсеры дали, нет.
Большевицкий Комитет!
Об эсерах что калякать —
Не народ, а просто слякоть!
Говорят да говорят
Восемь месяцев подряд,
Подпевают живоглотам,
Всё выходит как по потам,
Иль, сказать верней всего:
Не выходит ничего!

V

Был я в ихнем совещанье,
Даже плюнул на прощанье!
Всё про ленинцев орут,
Что в Советы больно прут.
Большевицкая зараза
Фронт разъела, как проказа:
Дисциплины никакой,
Хоть на всё махни рукой!
То же, дескать, с мужиками:

Стали сплошь большевиками.
В дрожь кидает по утрам
От газетных телеграмм.
Мужики, лишась терпенья,
Всюду стали брать именья,
Делят землю меж собой,
Кое-где пошел разбой.
Грабят барские пожитки,
Разбирают всё до нитки;
Жгут помещичьи дома, —
Вот она, какая тьма!
Разыгрались злые страсти,
Всё спасенье в твердой власти.
Обуздать должно скорей
Всех советских бунтарей.
Бунтом пахнет. Есть приметы,
Обнаглели все Советы.
Коль по шапке им не дать,
То добра, мол, не видать!»

VI

«Дать! Без них бы лучше было! —
Пров Кузьмич вздохнул уныло. —
Рвань там всякая мутит!»
— «Ладно. Спрячься! — молвил Тит. —
Там тебя недоставало.
Вижу, значит, толку мало
От эсеров этих нам:
Тянут все они к панам,
С барской сволочью съякшались,
На «порядке» помешались,
А порядок их таков:
Сжать покрепче бедняков,
То бишь «рвань», чтоб не «мутила»,
По указочке ходила,
По указочке б жила,
Крякнуть, охнуть не могла.
Плюнул я на это дело,
Слушать бредни надоело,
Шапку в руки — и айда!
В Смольный, значит, вот куда!

VI

Смольный — здание такое.
В неге, роскоши, в покое,
На шелках, на серебре
Тут при батюшке-царе
Обучалась наукам,
Благородным всяким штукам
Стая целая девиц,
Дочерей высоких лиц —
Пышный выводок дворянский.
Нынче здесь — Совет крестьянский
И рабочий. Захожу,
Рот разинувши, гляжу.
До чего всё это ново:
Муравейник, право слово!
Шум веселый, беготня.
Окружили тут меня.
«Кто такой? Зачем? Откуда?»
Слово за слово — беседа.
Говорят такое вслух,
Что захватывает дух!
Как обнюхал я весь Смольный,
Вижу: вот где дух-то вольный!
Вот где волю нам куют,
Бьют, — промашки не дают.
Вот, подумал я, откуда
Ожидать нам надо чуда, —
Чуда, бунта — всё равно:
Бунтовать бы нам давно!

VII

«Ну, пора и возвращаться».
Стал со Смольным я прощаться.
Отдал низкий всем поклон:
«Вы наш истинный заслон,
Дай господь вам всем успеха.
Никакая нам помеха
С вами, братцы, не страшна.
Как деревня ни темна, —

Мужичок душою чует,
Кто болезнь его врачует,
Кто спасает бедняков
От ярма и от оков.
Все за вас мы, братцы, станем,
Всей землей за вас потянем —
Назначайте только час,
А уж мы поддержим вас.
Просвещайте нашу братью!»
Дали тут мне лист с печатью.
С этим, стало быть, листом
Разыщу в Москве я дом.
Там, как этот лист получают,
То меня всему научат,
Всем, чем надо, наградят,
Связь с деревней учредят.

IX

Дальше шло, как по заказу.
Дом в Москве сыскал я сразу.
Приютили там меня,
Вроде всё — своя родня,
И родня, сказать не в шутку!
Увидал я тут Машутку,
Что служила у попа.
Девка очень неглупа.
Не видал бы — не поверил.
Так и сяк умом я мерил
И вникал в ее слова.
Вот какая голова!
Кто приходит, всех расспросит,
Что-то в книжечку заносит,
Держит речи полчаса.
Ну, ей-богу, чудеса!
Ходит много к ней народа
Чуть не с каждого завода.
Дел партийных — миллион,
То ж Москва — большой район,
Пай свой членский вносят в кассу,
Разговор ведут про «массу»,

Про рабочие «низы»
И «предчувствие грозы».
Мне не очень-то понятно,
Слушать всё-таки приятно.
Ай да Маша, погляди:
Хоть в сенат ее сади!

Х

Прямо диву я давался,
Слушал, девкой любовался.
Под конец всего спросил:
«Вот-де, я не раскусил, —
Хоть кой-что смекаю смутно, —
Почему ежеминутно
Ты бранишь меньшевиков?
Это ж всё народ каков?
Не под стать ли он, к примеру,
Толстозадому эсеру? . . .»
— «Как сказать, голубчик Тит?
У эсеров аппетит
Самый зверский. Их повадка —
Сладко петь насчет «порядка».
С ними шли всегда мы врозь.
Видно сразу их насквозь, —
Им подай такой «порядок»,
Чтобы волк был сыт и гладок,
А покорная овца
Покорялась без конца.
Лишь одно ей обеспечить,
Зря ее чтоб не калечить,
Стричь иль резать — по нужде,
А не так — в слепой вражде:
Съел — одну, испортил — сотню,
Нагрешил — и в подворотню!
Дай ей жить иль душу вон,
Но чтоб был на всё закон!»
— «Так. Закон. Оно сподручно
Драть не оптом, так поштучно.
Тож, сказать, не дураки.
Ну, а как меньшевики?»

— «Меньшевик — иное дело,
 Он орудует умело:
 Ловкий плут и стрекулист,
 Но — марксист! Социалист!
 Хоть он Маркса так толкует,
 Так его раскритикует,
 Так ему урежет рост, —
 Остается только хвост;
 Суть, душа вся исчезает,
 А наружу вылезает
 Лишь ободранный скелет.
 Дескать, так — чрез сотню лет
 Или две, а то и боле,
 Можно речь вести о воле,
 О земле и всем ином.
 Маркс, великий эконоом,
 Доказал-де очень ясно,
 Что напрасно и опасно
 Нам заскакивать вперед:
 Всё придет, мол, в свой черед!
 Богачи пусть богатеют,
 А рабочие — потеют,
 Чахнут, падают и мрут.
 Капиталу нужен труд,
 Скорь, нужда, болезни, муки,
 Продающиеся руки.
 Но что этот, мол, разбой
 Прекратится сам собой.
 Дескать, час такой настанет,
 Люд рабочий весь воспрянет,
 Всю механику поймет,
 И... без бою всё возьмет,
 Получай-ка плод готовый:
 Вот тебе порядок новый!
 Соскребай последний струп!
 Старый строй — холодный труп:
 Жил и помер в полном чине
 По естественной причине!
 Отжил свой законный срок.
 Ну, какой отсель урок?»

ХII

— «Шутишь, Маша, ты, наверно! —
Отвечал я так примерно. —
Ждать, чтоб этот капитал,
Как пельмени, нас глотал
До своей до самой смерти, —
Пусть его глотают черти!
Это что ж? На новый лад
Речь попов про рай и ад,
Песня та ж выходит снова:
Ждать пришествия Христова!
Будет с нас, пожалуй, ждать.
Можно проще рассуждать, —
И задержка, мыслью, в малом!
Можно с этим Капиталом
Дело круче повернуть:
В бок ножом его пырнуть!
Чай, побольше будет прока,
Коль подохнет он до срока!
Пусть поплачет кто по нем,
Мы-то как зато вздохнем!»
Долго Маша хохотала,
За живот себя хватала.
Все смеялись вместе с ней:
«Верно, Тит! Чего ясней!»
«В бок ножом, и вся недолга!»
«Вот она, родная Волга!»
Кто-то даже так вскипел:
«Стеньку Разина» запел!

ХIII

Дали тут мне книг три пуда.
Маша. . .
«Дрянь она! Паскуда! —
Рявкнул Пров на всю избу. —
Вот уж я ее сгребу!
Попадись она мне здесь!»
И, поклона не отвеса,
Взором злым окинув всех,

Пров Кузьмич под общий смех,
Обложивши всех заборно,
Из избы ушел проворно:
«Ладно, дуй вас всех горой!
Вам покажут новый строй!»
Миновав родную хату,
Пров зашел к отцу Ипату:
«Ну, готовься-ка, отец,
Скоро нам с тобой конец.
Мил не будет свет нам белый. . .»
Поп глядел как очумелый:
«Что стряслось, говори?»
— «То! Под боком бунтари!
Тит приехал из столицы,
Прет, добро бы небылицы, —
Небылицы — ерунда! —
Нет, всё правда, вот беда:
Говорит, подлец, такое. . .
Дня нельзя провести в покое:
Жди несчастья каждый час.
Вот он, бабушкин-то квас!
Вздулся, пенится и бродит.
Ох, отец, беда приходит,
Настоящая беда:
Не спасешься никуда!
Слушай, батя, по порядку».
Поп, воззрившись на «лампадку»
(Не с елеем, а с винцом),
Слушал с горестным лицом,
Сокрушался, ужасался
И к «лампадке» прикасался.
Пров Кузьмич не отставал:
Доливал и выпивал.
Горевали долго оба.
Овладела батей злоба,
Стал косичкой поп трясти:
«Знамо, надо донести!»

XIV

ПОХОРОНЫ

У буржуев шумный пир, —
Ну и пир.
Всех повесить, кто за мир! —
Кто за мир?
Поднялся веселый крик, —
Ну и крик:
Умер, умер большевик! —
Большевик?
Со святыми упокой! —
Упокой?
Шевелит мертвец рукой! —
Ох, рукой!
Большевик открыл глаза! —
Ой, глаза!
Неужель опять гроза? —
Да, гроза!

БАРСКИЕ СЛЕЗЫ

(Побывальщина)

Как во славном было городе во Питере,
Как на славной было улице Суворовской,
Против дому ли того да против Смольного
Как стояла там персона благородная,
Благородная персона да дородная.
Как прегорько та персона убивалася,
Убивалась, говорила таковы слова:
«Ах, и было ж мною попито-поедено,
На пуховых на перинах да полежано!
Ох, житье мое ты барское, привольное,
Навсегда, мое житье, ты миновалось.
Все богатства мои да все владения,
Нажитые, родовые все и женины,
По рукам пойдут мужицким, по мозолистым,
Беднотою неумытою поделятся.
Ох ты, горюшко мое, ты, горе горькое,
И с чего ты, злое горе, приключилось,
Лиходеем на меня каким ты наслано?
Уж вы, белые палаты, зданье Смольное,
Будь ты, Смольное, навеки трижды проклято!

Чтоб ты в землю без остатку провалился!
Что пригрело ты смутьяна неумного,
Главаря всей чернокостной буйной сволочи,
Батраков ли всех лихого оболъстителя,
Всей ли жизни моей барской погубителя,
Верховода ли Совета окаянного,
Что Рабочего Совета да Солдатского!
Как пойду я помолюся всем святителям:
Милюкову — Сладкопевцу Дарданельскому,
Церетели и Авксентьеву — угодничкам,
Пред иконою святою, пред Калединской,
Пред Корниловской иконою чудотворною
Я зажгу по две свечи, свечи пудовые:
«Вы, отцы мои, святители-угоднички,
Уж вы сжальтесь над нашей барской участью,
Отведите от нас беды величайшие:
Одолела голытьба нас бесталанная!»
Помолюся — будет чудо — глас услышится:
«Всё пойдет по-стародавнему, по-прежнему:
Не владеть крестьянам пахотью помещицей,
Не видать голодной рвани вольной волюшки,
Не бывать вовеки царствию батрацкому!»

XV

О правительстве о новом
Уж обмолвился я словом,
Не касаяся имен,
Кто дурак и кто умен.
Не хотелось, между нами,
Стих марать их именами.
Но, чтоб нити все связать,
Мне придется рассказать
О министре самом главном
И конце его бесславном.
Чтобы дать его портрет —
Добрых слов в запасе нет,
А браниться неуместно.
Полагаю, всем известно,
Что он Керенским звался.
Но откуда он взялся?
От эсеров, вот откуда!

Легковеры ждали чуда:
Адвокат, мол, говорлив,
Говорлив, да не сварлив.
Бывши в Думе депутатом,
Объявлялся демократом,
Значит, станет за народ.
Вышло ж всё наоборот.
Не туда он руль направил,
С бедной братией лукавил,
С богачами жил в ладу
И дудил в одну дуду.
Лебезя пред богачами,
Упивался их речами.
Богачи ж — не знал холоп —
Под него вели подкоп.
Телеграмма — трах! — из Ставки:
«Убери-ка ноги с лавки
Да проваливай ко псам!
Подудить хочу я сам!»
Адвокатик, взывши матом,
С просьбой слезною к солдатам:
«Помогите! Караул!»
Поднялся в казармах гул:
«Шут с тобой! Помочь нетрудно,
Только правишь ты паскудно.
Не исправишься — гляди:
Тож от нас добра не жди!»

XVI

Дурака учили мало.
Офицерство не дремало.
Как Корнилов-генерал
Артиллерию сбирал:
«Вы, ребята-ребятушки,
Заряжайте свои пушки
Да начните-ка палить,
Чтоб правительство свалить.
Мне правительство не мило,
Бунтарей не догромило.
Кашителить печа зря.
Погуляли без царя!»

Отвечали тут солдаты:
«Вона, брат, махнул куда ты!
Нет, Корнилов-генерал,
Не на глупых ты напал.
Вот, пожалуй-ка в кутузку,
Петля будет на закуску!»

ХVII

Что же сделал адвокат?
Наплевавши на солдат,
После доброй их подмоги
Обивать, злодей, пороги
К богачам пошел опять.
«Ах, должны же вы понять,
Что для вас я — друг ваш верный,
Ваш слуга нелицемерный
И что вас я под беду
Никогда не подведу.
Черный люд мы успокоим:
Предпарламентик устроим,
Членов так мы подберем,
Чтоб не пахло бунтарем.
Словом, будет — говорильня,
И буфетик, и курильня.
Пусть там малость погалдят:
Этим нам не повредят.
Мы к ним раз-другой заглянем,
Месяц как-нибудь протянем,
Через месяц поглядим:
Хорошо ли мы сидим?!»

Посидели две недели
И тормашкой полетели.
«Коемуждо поделом!»
Вышел сразу перелом.
Люд рабочий да солдаты,
Окружив дворцы-палаты,
Объявили власть *свою!*

Трудовой народ в бою.
Час назад войска шли мимо,

Видел Ваню я и Клима,
Может быть в последний раз.

ПРОЩАНИЕ

Кончен, братцы, мой рассказ.
Будет, нет ли — продолженье?
Как сказать? Идет сраженье.
Не до повести. Спешу.
Жив останусь — допишу.
А погибну? Что ж! Простите.
Хоть могилку навестите.
Там, сложивши три перста,
У соснового креста
Средь высокого бурьяна
Помолитесь за Демьяна.
Жил, грешил, немножко пил,
Смертью грех свой искупил.

25 октября
19   17 г.
7 ноября

Петроград

XVIII

В дни октябрьской славной схватки
Мы простилися, ребятки;
Я, готовясь пасть в бою,
Сам оплакал смерть свою.
Есть в том чудо, нет ли чуда,
Но... я жив еще покуда
И, буржуям на беду,
С вами речь опять веду.

Да, на чем я кончил, кстати?
Пров Кузьмич скулил у бати,
Поминая бабкин квас:
«Жди несчастья каждый час!»
«Жди несчастья». Ненароком
Оказался Пров пророком:
Скоро впрямь стряслась беда,
Вроде «Страшного суда».

В день «Косьмы и Дамиана»
Вышло солнце из тумана,
Сквозь узорное стекло
В церковь луч свой навело.
В церкви уймища народу.
Поп кропило тычет в воду.
Окропивши всех водой,
Батя, бледный и худой,
И приметно спавши с тона,
«Братья! — речь повел с амвона. —
Сообщу вам злую весть:
Дней тому примерно шесть,
К нашей общей всей досаде,
Приключился в Петрограде
Вновь большой поворот:
Большевистский всякий сброд,
Мразь фабричная, матросы —
Словом, всякие отбросы
(Чтоб им, иродам, пропасть!)
Захватили в руки власть.
Первым подлым их декретом
То, что было под запретом
И в веках освящено,
Всё как есть отменено.
Все помещичьи именья,
Монастырские владенья
И церковные — равно —
Всё теперь уравнено,
Всё, по божью попущенью,
Предается расхищенью,
Грабежу и дележу!
Братья! Что я вам скажу?!»
Но... не кончил батя речи.
Кто-то взял попа за плечи
И, тряхнув, промолвил: «Вон!»
Тит взобрался на амвон!..

Заключение

Тут я, братцы, ставлю точку.
Дайте, братцы, мне отсрочку.
Хоть пишу я и легко,

Но — ушел недалеко:
За околицу — не дале.
Мой рассказ на перевале,
На великой на горе —
«Большевицском Октябре».
Для трудящегося люда
Главный путь идет отсюда.
И по этому пути
Я и думаю идти.
Расскажу открыто, честно
Всё, что дальше мне известно
О бедняге-батраке,
Об «Иване-дураке»;
Как и где он подвизался,
Как — на деле — оказался
Поумней он многих док:
Умостясь на передок,
В руки вожжи взял умело
И уверенно и смело
На неезженном коне
Покатил по целине,
Через степь и лес сосновый,
Через села, города,
Пролагая путь нам новый
В царство Правды и Труда!

Про «Ивана» сказ народный:
Дескать, он «дурак» природный,
Потому «дурак» большой,
Что с добрейшею душой,
Что за правду прет на плаху,
Что последнюю рубаху
Бедняку отдать готов,
Что, где можно, в сто кнутов
Нечисть всякую утюжит,
Что народу верно служит —
Не боярам, не царям, —
Что всегда он смел и прям.

Ой ты, Русь, родное поле,
Если б ты родило боле
Нам подобных «дураков» —

Был бы свет наш не таков:
Меньше было бы разладу,
И любому бы мы гаду,
Силе вражеской любой
Дать могли такой отбой,
Что, проученной нещадно,
Впредь ей было б неповадно
Злую пасть совать туда,
Где была уж ей беда.

Но иное повелось:
«Умных» много развелось —
Клим умнее, чем Корней,
А Ерема всех умней.
Эх, Ерема, ты Ерема!
Посидеть ты любишь дома,
Любишь, вылезши на печь,
Повести такую речь:
«То бы можно, это б можно.
Только очень осторожно.
Темный очень мы народ.
Что мы стоим без господ?
То — бурьян, а то — гвоздика.
Мужика ты посади-ка
В Государственный совет:
Выйдет толк какой аль нет?
Править царством — эки бредни!
Дело это — так намедни
Говорил отец Фома —
Не мужицкого ума.
Господа промеж собою
Пусть бы тешились борьбою:
Для кого настал черед,
Тот и власть пускай берет.
Нам-то в спор почто соваться?
(То бишь с печкой расставаться!)
Наше дело сторона.

Птица требует зерна,
Конь — овса, корова — сена,
Ну, а нам какого хрена?
Мы без бар что без голов:

Натворим таких делов!
Баре знают все науки,
Стало, им и книги в руки.
Бар сумели мы пугнуть,
Да без них нам не шагнуть.
Чем нам с барами кориться,
Надоть барам покориться.
Пусть их — выберут царя;
В этом, правду говоря,
Нет особенной напасти:
Без такой, сякой ли власти
С нами сладить мудрено.
Так не всё ли нам равно,
Кто телегу с места сдвинет,
Кто на нас узду накинёт
И, зажав нам крепко рты,
С нас начнет снимать порты?
Ну, а может, и не снимет?
Скажем, подати поднимет,
Соль обложит да табак,
Заведет сплошной кабак,
Чтоб деньга текла в столицу,
Но... помещичью землю,
Что прибрали мы к рукам,
Всю оставит мужикам.
Тот, кто землю нам оставит,
Пусть как хочет нами правит.
Нам — землю! А права...
Это всё нам трын-трава!»

Так судачит дока с докой,
Кум Ерема с кумом Фокой.
Тот, кто думает не так,
Удивительный чужак
Иль дурак, сказать прямее!
Покопайтесь в Еремее:
Он вперед уж ни на шаг!
В нем растет наш новый враг.
У него — назад оглядка.
Он устал от «беспорядка»:
Не дают ему жевать
То, что он успел «урвать»;

Он ушел от буйной голи,
С ней не делит хлеба-соли,
И бунтующий батрак
Для него — «Иван-дурак»!

Ой вы братцы, вы Иваны,
Вы, дырявые карманы,
Непокорные чубы, —
Вы не кончили борьбы!
Далека еще победа,
Потрясите-ка соседа,
Поспрошайте на духу:
Чью хлебает он уху?
Не объелся ли он слишком,
Не мозгует ли умишком,
Как бы, мол, не опоздать —
«Дураков» всех обуздать?
А не время ль вам, ребята,
Заводить свои порядки,
Чтоб никто потом не смог
Вас согнуть в бараний рог?

Батраки, сомкнитесь дружно!
Нам спаяться крепче нужно,
Общей силой приналечь,
Чтобы волю уберечь.

Не сдается наше горе!
Может быть, его мы вскоре,
Став ногой ему на грудь,
И осилим как-нибудь.
Общей силой приналяжем,
С ног собьем и крепко свяжем,
В цепи горе закуем
И повалим в гроб живьем.

Тешусь, братцы, я не блажью,
Верю я, что силу вражью
Мы сразим. Хотя пока
И трещат у нас бока.

Горе мы вскормили сами.
Горе крепло не часами:

Пот и кровь спокон веков
Выжимало с бедняков.
Горе чертово могуче —
И могуче и живуче,
Стоголовый злой дракон.
У дракона — свой закон,
И жрецы, и храмы. Словом,
Вы в драконе стоголовом
Обретете с двух шагов
Сразу всех своих врагов.
Горе их в одно спаяло;
Все, на ком оно стояло,
Кем держалось оно,
Нынче спаяны в одно;
Злой вампир — банкир брюхатый,
Изувер — монах патлатый,
Поп — мошенник продувной,
Губернатор отставной,
Генерал, лишенный чина,
Разорившийся купчина,
Враль — продажная строка,
Содержатель кабака,
Услужаящий молодчик,
Фабрикант, горнозаводчик —
Все, кто шлепнул сверху вниз,
Всякий барский блюдолиз,
Музыкант, артист свободный,
Адвокат и доктор модный,
Шулер, маклер, интендант,
Инженер, судейский франт,
Канцелярский воротила,
Промотавшийся кутила,
Золотушный князь, барон, —
Прут на нас со всех сторон!
Это всё — шмара людская,
Тля обжорно-плутовская.
Много этой гнусной тли
Мы на нет теперь свели.
Тля бессильна, но задорна
И на пакости проворна,
А все пакости ее —
Оголтелое вранье

В бойкой уличной газетке,
Там же — шпилька в злой заметке;
Темный слух из уст в уста
Где-нибудь среди хвоста
У лавчонки, у торговки,
У трамвайной остановки.
Коль объявится порой
У трусливой тли «герой»,
То — у тли такое свойство! —
В том всё тлиное геройство:
Чтобы ей не пропадать,
Лучше родину продать
Интервенту-иноземцу,
Всё равно — японцу, немцу.
Чтоб исправить свой конфуз,
С чертом хоть вступить в союз
Тля геройская готова,
Только б власть вернуть ей снова,
Только б кто-то ей помог
Нас согнуть в бараний рог.

Тля «геройски» рвется к бою,
Чуя силу за собою,
Силу, знамо, не свою.
Нынче тля в родном краю
Замелькала суетливо:
Сколотить спешит ретиво
Для себя оплот иной,
Чтоб идти на нас войной.
С кем же злая тля связалась?
Чья утроба тут сказалась?
Кто для тли теперь оплот?

— Деревенский живоглот!
Мироед — не только старый,
Старый — зол, но самый ярый,
Настоящий лютый змей,
Это кум наш Еремей.
Он оперился недавно,
Он успел пограбить славно.
Грабил — тут же с рук сбывал
Да карманы набивал.

Что имел Ерема ране?
Мышь издохшую в чулане,
Веник сломанный в избе
И добра, что на себе.
Нынче — выбился он в люди:
У жены, что ведра, груди,
Шаль-китайка на плечах,
Огонек живой в очах;
Кум — вошел приметно в тело,
Ходит твердо, смотрит смело,
Как появится на сход —
Кулакам всем коповод.
Уж бедняк ему не пара:
«Моего не трожь амбара!»
А в амбаре у него
Понапрятано всего!

Ой вы, братцы, тетки, дяди,
Я писал не шутки ради,
Не для смеху, не для слез.
Потолкуемте всерьез:
Где болит? На что мы ропщем?
На совете нашем общем,
Ум прибавивши к уму,
Подберемся кой к чему,
Подберемся, разберемся,
Друг на друга обопремся,
Словим горе в перемет
И посмотрим — чья возьмет!
Горе ль нам порвет все снасти,
Мы ль в его широкой пасти,
'Люд рабочий, батраки,
Все повыкрошим клыки?!

Москва, октябрь 1920 г.

О МИТЬКЕ-БЕГУНЦЕ И ОБ ЕГО КОНЦЕ

I

Ну-тка, братцы, все в кружок
На зеленый на лужок.
Трында-брында, трында-брында,
На зеленый на лужок,

Я вам песню пропою
Про деревню про свою.
Трында-брында, трында-брында,
Про деревню про свою.

Все деревни обошел,
Нигде лучшей не нашел.
Трында-брында, трында-брында,
Нигде лучшей не нашел.

Как у нас-то кулаки,
Они все не дураки.
Трында-брында, трында-брында,
Они все не дураки.

С ними дело-то веди,
Пальца в рот им не клади.
Трында-брында, трында-брында,
Пальца в рот им не клади.

Потому — народ такой, —

Палец сцапают с рукой.

Трында-брында, трында-брында,

Палец сцапают с рукой.

Мастера они орать

Да декреты разбирать.

Трында-брында, трында-брында,

Да декреты разбирать.

Вмиг сумеют отличить:

Надо «дать» иль «получить»?

Трында-брында, трында-брында,

Надо «дать» иль «получить»?

«Получить» — декрет хорош,

«Дать» — цена декрету грош!

Трында-брында, трында-брында;

«Дать» — цена декрету грош.

Города нас извели:

Коммунизму развели!

Трында-брында, трында-брында,

Коммунизму развели!

Как Перфильев наш Кузьма,

Оборотлив он весьма.

Трында-брында, трында-брында,

Оборотлив он весьма.

Перед миром лебезит,

Коммунистам всем грозит.

Трында-брында, трында-брында,

Коммунистам всем грозит.

«Не ходите по следам.

Я вам Митьки не отдам!»

Трында-брында, трында-брында,

Я вам Митьки не отдам.

А Митюха у Кузьмы
Дома прячется с зимы.
Трында-брында, трында-брында,
Дома прячется с зимы.

Дезертир — сынок родной —
Прохлаждается с женой.
Трында-брында, трында-брында,
Прохлаждается с женой.

То скрывается в лесу.
Ан беда-то на носу.
Трында-брында, трында-брында,
Ан беда-то на носу.

Дезертирам всем беда,
Не уйти вам от суда!
Трында-брында, трында-брында,
Не уйти вам от суда!

II

МУРАВЬИНАЯ КОММУНА

Дремлет Митя на прогалинке лесной,
Хорошо лежать на травушке весной,
Эх, на травушке-муравушке лежать,
Резвы ножки то раскинуть, то поджать.
Смотрит Митя: рядом возится жучок,
Настоящий работяга-мужичок,
Копошится у навоза целый день;
Муравьи в труху изъели старый пень,
То туда бегут мурашки, то сюда,
После общего веселого труда
В муравейник мчат — порядки там навесь.
Муравьиная коммуна, так и есть!
Тронул Митя муравейник сапогом,
Муравьи из муравейника — бегом.
Дружно кинулись в атаку на врага,
Митя — смахивать рукой их с сапога,
Ан мурашки лезут тучей из травы,

За коммуну не жалеют головы, —
Храбрецы уже у Мити на руке.
Как ожженный, Митя бросился к реке,
Наступивши по дороге на жука.
Раскраснелась у Мити вся рука.
Раздеваться стал наш Митя — весь в огне,
Слышит — бегают мурашки по спине.
Окунулся Митя в речку с головой:
«Муравейник-то, иначе, боевой.
Что бы делал я, когда бы не вода?»
Ай, мурашки! Коммунисты хоть куда!

III

Митька, одевшись, сидит над рекой,
Мокрые волосы гладит рукой,
С маслицем хлеб уплетает.
Митьке невесело. Митька сердит.
На воду Митька печально глядит.
Думушка где-то витает.
Гложет Митюху и стыд и тоска:
«Где-то там красные быются войска...
Быются за правое дело...
Спутал мне голову тятенька мой...»
Вечером Митька плетется домой.
Ноет усталое тело.

Дома Митюхе, иначе, не спать:
Будет всю ночь лихорадка трепать,
Будет то слева, то справа
Слышаться лай растревоженных псов,
Топот и звуки чужих голосов:
«Не на меня ли облава?»
Митька всё чаще ночует в лесу.
«Глаша, еды принеси». — «Принесу».
— «Режь мне потолще краюхи».
Глаша смеется. Мигает свеча.
Эх, и сноха ж у Кузьмы Лукича!
Сам выбирал... для Митюхи.

IV

Митька прятался умело.
За потворство же ему
Волостной совет «на дело»
Приневолил стать Кузьму.

Муж на фронте у Малашки,
Неуправка ей самой, —
По наряду ползапашки
Ей запахано Кузьмой, —

Уделить пришлось навозу,
Нарубить, привезть дрова.
Затаил Кузьма угрозу:
«Вот они пошли права!

Митька, слышишь? Ваших пару
Подрядить бы молодцов:
Пусть-ка всыпят комиссару,
Чтоб не мучили отцов.

Мямли, будь вам разнеладно!
По другим-то волостям
Комиссаров беспощадно
Оптом бьют и по частям!»

На свирепого папашу
Митька жалобно смотрел:
«Так-то так... Заваришь кашу —
Угораздишь под расстрел!»

V

Пришло из города в деревню «обращенье»:
Мол, дезертирам всем объявлено прощенье
В последний раз.
Все, кто не явится исполнить долг свой честно,
Караться будут повсеместно —
Таков приказ.

Дается льготный срок. А после — не взыщите:
Тому, кто отказал республике в защите,
Пощады нет.
И кто предателя подобного укроет,
Тот сам себе могилу роет.
Один ответ.

Все, в «перелетчики» попавшие случайно,
Те были льготою довольны чрезвычайно:
Пришли на сбор.
Кулацкие ж сынки и сволочь всякой масти
Решили дать Советской власти
Лихой отпор.

У Митьки-бегунца приятели нашлись,
К нему с винтовками молодчики сошлись
В лесной отряд.
Митюха дробовик отцовский взял с собою.
«Слышь, не сдавайсь, сынок, без бою;
Всади заряд!»

Ватага молодцов, Вавила — коноводом,
А как рискованно в своих местах с народом
Стать на ножи, —
Ушли в чужой уезд. В лесу, в деревне, в поле
Пришлось пуститься поневоле
На грабежи:

Где выкрадут коров из-под чужой повети,
Где унесут добро, хранившееся в клетки.
В конце концов
Сумели насолить так трудовому люду,
Что мужики пошли повсюду
На бегунцов.

VI

О Колчаке ходили слухи.
Росли надежды кулачья.
«Большевики, едят вас мухи!
Что Волга? Чья?»

Читая каждый день газеты,
Кузьма Лукич глядел орлом:
«Чать, скоро, братцы, все советы
Пойдут на слом.

В Москве дошло до забастовок,
Шумят рабочие, хе-хе!»
Кузьма на радостях обновок
Привез снохе.

В лес дезертиры перестали
Крестьянских угонять коров:
Держаться все поближе стали
Своих дворов.

Но вот пошли другие вести.
Вновь кулаков тоска грызет:
«Колчак отогнан верст на двести...
Нет, не везет!

Знать, счастья долго дожидаться».
Пришла худая полоса.
И бегунцам пришлось податься
Опять в леса.

vii

Ванька, Фролка,
Пров, Николка
Да Панкрат,
Клим, Епишка
Да Микишка
Крепко спят.

Митька, Петька,
Гришка, Федька
У костра
Трубки курят,
Балагурят
До утра.

Вот светает,
Быстро тает
Синь-туман.
Лес проснулся,
Не вернулся
Атаман.

«Эх, Вавила!»
Охватила
Всех тут жуть:
«Поднимайтесь,
Собирайтесь,
Братцы, в путь!»

«Эх, Вавила!»
Приуныла
Вся семья.
Гнутся ветки.
«Гей, вы, детки!
Вот и я!»

Из разведки
Прямо редкий
Вышел прок.
Эвон, сколько —
Жрите только! —
Приволок.

Тише, Гришка:
Тут кумышка,
Не пролей.
Кто потянет
Сразу станет
Веселей.

В сборе все ли?»
Парни сели
На траве.
Пили смело,
Зашумело
В голове.

На кумышку
До излишку
Налегли.
«Эх калина!»
«Эх малина!»
«Ай люли!»

«Сдобна, пряна,
И румяна,
И бела,
Наша тетка,
Что лебедка,
Проплыла!»

Фролка пляшет,
Шапкой машет:
«Ну ж дела!
Слышь, ребята:
Женка брата
Родила!»

Фролка скачет,
Митька плачет,
Сам не свой,
Весь трясется,
Оземь бьется
Головой!

VIII

«Ой, лесные вы ребяташки, зеленые,
Вы головушки-головки забубенные,
Дезертиры, бегуны вы все проворные,
А настали дни-денечки нынче черные,
Пробежало лета больше половинушки,
А куда теперь податься нам, детинушки?
Возле Питера войска разбиты белые,
И колчаковцы бегут как ошалелые.
Войско красное с Урала как воротится,
По лесам оно за нами поохотится,

Покарает дезертиров всех без жалости,
Половину расстреляет нас по малости.
Уж и так-то мы в лесу боимся шороху,
А придется, видно, нам понюхать пороху,
А придется передаться нам Деникину.
Я, Вавилушка, флажок зеленый выкину,
Будь что будет, раз такое положение.
Не пошлют авось нас сразу же в сражение.
Той порою, может, смута и уляжется,
Как Деникин победителем окажется.
Все домой вернемся с честью мы с великою:
На коне донском, с нагайкою и с пикою!»

IX

«Ваше выс-с-превосходительство!
Верьте истинным словам,
Вы — законное правительство,
И явились мы к вам!»
— «Мо-лод-цы!»

«Мы не красные — зеленые,
Натерпелися мы бед.
Все в побегах закаленные:
Не угнать за нами вслед».
— «Мо-лод-цы!»

«Мы от красных отбивались,
Отбивались день и ночь:
По лесам густым скрывались,
Удирали во всю мочь».
— «Мо-лод-цы!»

«Еле-еле к вам пробились,
Трудный сделали мы путь,
Все ужасно истомились:
Нам бы малость отдохнуть!»
— «Мо-лод-цы!»

Был бы отдых вам, ребятушки,
Если б враг не напирал,

Все вы — brave солдатушки, —
Ухмыльнулся генерал: —
Мо-лод-цы!

Вашу доблесть в полной мере я
Оценю, само собой,
Всех зеленых — в знак доверия —
Назначаю в первый бой!
Мо-лод-цы!»

Х

Перекосились рожи сразу
У всех «зеленых молодцов»:
По генеральскому приказу
Ведут в окопы бегунцов.

Дрожат в руках у них винтовки,
И сердце так щемит-щемит,
А красный враг без остановки
Их артиллерией громит.

В груди у Митьки всё упало.
А сзади хохот казаков:
«Учили вас, чертей, да мало. . .
Сменять — на что?! — большевиков!»

«Ох, Митя, — плачется Вавила:
Раскис зеленый атаман, —
Могила всем нам тут, могила! . . .
Полезли сами мы в капкан!

Слышь? Тут что ночь, то перебежки:
К большевикам бегут донцы!»
А сзади злее всё насмешки:
«Эй вы, лесные храбрецы!

Вон там, за рощей, «враг» укрылся,
Идти в атаку ваш черед!»
Со страху в землю б Митька врылся,
Не то что двинуться вперед!

XI

Все зеленые вояки
Доигрались до конца:
Не вернулись из атаки,
Кроме. . . Митьки-бегунца!

«Вместе, Митя, плутовали, —
Вместе будем помирать!»
Но Митюху — Митькой звали:
Умудрился вновь удрать!

Засверкали только пятки.
Криков сзади не слышал.
Верст полсотни без оглядки,
Не присевши, отмахал.

В поле прятался за рожью
Иль в оврагах по кустам, —
Мчал, как волк, по бездорожью,
По неведомым местам.

Как-то утром заблестела
Перед Митькою река.
Камышами шелестела
Мутно-желтая Ока.

Тут дорожка уж знакома.
Огляделся бегунец:
«Скоро, скоро буду дома,
Скоро мукам всем конец.

Повинюся перед миром,
К комиссару сам приду.
Был, скажу я, дезертиром, —
Покарайте по суду.

Пусть я совесть успокою.
Смерть? Расстрел? Не задрожу,
Жизнью подлою такую
Больше я не дорожу.

Был досель в отцовской воле,
У отца на поводе,
По его указке боле
Я уж — баста! — не пойду.

Пощадить меня решите?
Дайте милость лишь одну:
Мне на фронте разрешите
Кровью смыть свою вину!»

ХИ

Входит Митя, словно вор,
На отцовский двор.

Никого среди двора.
Поздно. Спать пора.

«Глаша, Глаша... Сколько дней
Не видался с ней.

Рада будет как теперь!»
В дом открыта дверь.

Митя, ставши на порог,
Устоять не мог, —

Захватило сразу дух,
Свет в очах потух.

Старый свекор и сноха...
Нет для них греха!

Позабывши честь, закон,
Не стыдясь икон...

Глаша шепчет старику:
«Дверь-то... на крюку?»

Митька бросился, как зверь:
«Вот те, стерва, дверь!»

— «Ай, спасите!» — Глаша в крик.
Зарычал старик.

В горло сын отцу впился:
«Вот где правда вся?»

Старина тряхнул плечом:
«Всё мне нипочем!»

Подвернулся тут топор.
Кончен сразу спор.

Глаша вопит у ворот.
Прибежал народ.

Смотрит, ахает, скорбит:
Сын отцом убит!

XIII

Могилка свежая. И крест. А на кресте,
В сердечной простоте,

Под образком, глядящим кротко,
Каракулями кто-то вывел четко:

«Поплачьте все над Митей-бегунцом.
Боялся смерти он. Скитался дезертиром.

И дома смерть нашел: убит родным отцом.
Спи, дорогой товарищ, с миром!

Раскаявшийся дезертир Спиридоновского
лесного отряда *Тимофей Ряз...*

(Фамилия неразборчива.)

Между 20 и 26 июля 1919

ГЛАВНАЯ УЛИЦА

Поэма

1917—7/XI—1922 г.

Трум-ту-ту-тум!
Трум-ту-ту-тум!
Движутся, движутся, движутся, движутся,
В цепи железными звеньями нижутся,
Поступью гулкою грозно идут,
Грозно идут,
Идут,
Идут
На последний, на главный редут.

Главная Улица в панике бешеной:
Бледный, трясущийся, словно помешанный,
Страхом смертельным внезапно ужаленный,
Мечется — клубный делец накрахмаленный,
Плут-ростовщик и банкир продувной,
Мануфактурщик и модный портной,
Туз-меховщик, ювелир патентованный, —
Мечется каждый, тревожно-взволнованный
Гулом и криками, издали слышными,
У помещений с витринами пышными,
Средь облигаций меняльной конторы, —
Русский и немец, француз и еврей
Пробуют петли, сигналы, запоры:
— Эй, опускайте железные шторы!
— Скорей!

— Скорей!
— Скорей!
— Скорей!
— Вот их проучат, проклятых зверей,
Чтоб бунтовать зареклися навеки! —
С грохотом падают тяжкие веки
Окон зеркальных, дубовых дверей.
— Скорей!
— Скорей!
— Что же вы топчетесь, будто калек?
Или измена таится и тут!
Духом одним с этой сволочью дышите?
— Слышите? . . .
— Слышите? . . .
— Слышите? . . .
— Слышите? . . .
— Вот они. . . Видите? Вот они, тут! . . .
— Идут!
— Идут!

С силами, зревшими в нем, необъятными,
С волей единой и сердцем одним,
С общею болью, с кровавыми пятнами
Алых знамен, полыхавших над ним,
Из закоулков,
Из переулков,
Темных, размытых, разрытых, извилистых,
Гневно взметнув свои тысячи жилистых,
Черных, корявых, мозолистых рук,
Тысячелетьями связанный, скованный,
Бурным порывом прорвав заколдованный
Каторжный круг,
Из закоптелых фабричных окраин
Вышел на Улицу Новый Хозяин,
Вышел — и всё изменилось вдруг:
Дрогнула, замерла Улица Главная,
В смутно-тревожное впав забытье, —
Воля стальная, рабоче-державная,
Властной угрозой сковала ее:
— Это — мое!!
Улица эта, дворцы и каналы,
Банки, пассажи, витрины, подвалы,

- Впрок ли пойдут им уроки печальные?
— Что же, дорвутся до горшей беды!

Вновь засверкали витрины зеркальные.
Всюду кровавые смыты следы.
Улица злого полна ликования,
Залита светом вечерних огней.
Чистая публика всякого звания
Шаркает, чавкает снова на ней,
Чавкает с пошло-тупою беспечностью,
Меряя срок своих чавканий вечностью,
Веруя твердо, что с рабской судьбой
Стерпится, свыкнется «хам огорошенный»,
Что не вернется разбитый, отброшенный,
Глухо рокочущий где-то прибор!

Снова...

Снова.

Бьет роковая волна...

Гнется гнилая основа...

Падает грузно стена.

— На!..

— На!..

— Раз-два,

Сильно!..

— Раз-два,

Дружно!..

— Раз-два,

В ход! !.

Грянул семнадцатый год.

— Кто там?

Кто там

Хнычет испуганно: «Стой!»

— Кто по лихим живоглотам

Выстрел дает холостой?

— Кто там виляет умильно?

К черту господских пролаз!

— Раз-два,

Сильно!..

— Е-ще

Раз!..

— Нам подхалимов не нужно!
Власть — весь рабочий народ!
— Раз-два,
Дружно!..
— Раз-два,
В ход!!
— Кто нас отсюда тронет?
Силы не сыщется той!
. . . . .
Главная Улица стонет
Под пролетарской пятой!!

Эпиграф

Петли, узлы — колеи исторической...
Пробил — второй или первый? — звонок.
Грозные годы борьбы титанической —
Вот наш победный лавровый венок!

Братья, не верьте баюканью льстивому:
«Вы победители! Падаем ниц».
Хныканью также не верьте трусливому:
«Нашим скитаньям не видно границ!»

Пусть нашу Улицу числят задворками
Рядом с Проспектом врага — Мировым.
Разве не держится он лишь подпорками
И обольщемся, уже не живым?!

Мы, наступая на нашу, на Главную,
Разве потом не катились вспять?
Но, отступая пред силой неравною,
Мы наступали. Опять и опять.

Красного фронта всемирная линия
Пусть перерывиста, пусть не ровна.
Мы ль разразимся словами уныния?
Разве не крепнет, не крепнет она?

Стойте ж на страже добытого муками,
Зорко следите за стрелкой часов.
Даль сотрясается бодрими звуками,
Громом живых боевых голосов!

Братья, всмотритесь в огни отдаленные,
Вслушайтесь в дальний рокочущий шум:
Это резервы идут закаленные.
Трум-ту-ту-тум!
Трум-ту-ту-тум!

Двигутся, движутся, движутся, движутся,
В цепи железными звеньями нижутся,
Поступью гулкою грозно идут,
Грозно идут,
Идут,
Идут
На последний всемирный редут! . .

. <7 ноября> 1922

**ЗАНИМАТЕЛЬНАЯ, ДИВА И ЛЮБОПЫТСТВА ДОСТОЙНАЯ,
СИЛОЮ БЛАГОЧЕСТИЯ И УБЕЖДЕНИЯ ИСПОЛНЕННАЯ
И КРАСНОРЕЧИЕМ ДЫШАЩАЯ**

**ПОВЕСТЬ О ТОМ,
КАК ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ ДИВИЗИЯ В РАЙ ШЛА**

Поужинавши с попадьёю обильно,
Глядел поп на попадьёю умильно:
«Кончала б уж ты, мать, свое чаепитие,
Потому как я чувствую в себе нантие».
И так-то поп в мыслях своих распалился,
Ан, тут мужик к нему в горницу ввалился
И, не отдышавшись, забубнил у дверей:
«Иди ко мне, батя, скорей.
Прибилась ко мне утресь старушка,
Убогая побирушка,
Попросилась с устатку — прилечь,
Пособил я ей взобратсья на печь.
Бесперечь весь день на печи она кашлем давилася,
А нынче у нее икотка появилась,
Губами шевелит, что-то сказать старается,
Видать по всему — помирать собирается!»
Очухавшись от прилива супружеской нежности,
Завернул поп в епитрахиль, какие нужно,
принадлежности
И пошел вдоль деревни, огоньками мелькающей,
К старухе, предсмертно икающей.
Как приложил поп старухе к губам распятие,
Пришла старуха в понятие.
Спросил ее батя: «Как звать тебя, сердешную?»
— «Маланьей... Маланьей... зовут меня...
грешную...»
Простерши епитрахиль волосатою дланью,

Стал батя исповедовать «рабу божью Маланью»:
«Повеждь ми, каковы твои дела?
До скольких лет ты свою непорочность блюла
И во браке иль до брака
Лишилася девственного знака? . . .»

Не дав ему доспросить до конца,
Перебила старуха святого отца:
«Вот, — прошамкала старая, — вот, как пред
богом. . .»

Грешна я, батюшка, во многом. . .
Но в одном грехе не повинна я,
Хотя жизнь моя была длинная
И двойной бабий век я пересрочила. . .
Свово девства, отче, я ни разу не опорочила».
Удивился поп этакому чуду:
«Так-таки ни разу не поддалась ты блуду? . .
Поборола необоримые желанья?!»
— «Поборола. . .» — прошамкала Маланья.
Завопил тут батя, привскочивши с места:
«Радуйся, Христова невеста!
Зане уберегла ты себя от греха,
Гряди в объятия небесного жениха!»
Старуха в кашле опять затрепыхалась,
Хрипела, задыхалась,
Потом раз-другой икнула
И ноги протянула.
Зазвонил батя в пору полуночную:
Прибрал-де господь старуху непорочную!
Обрадованная этакою вестью,
Схоронила деревня старуху честь честью
В церковной ограде у самого придела.
Маланья ж душа той порой полетела
Туда, где обитает небесное правительство,
То бишь в рай на вечное местожительство.

«Прими мя, господи, Сусе Христе!»
Очутилася Маланья в громадном хвосте
И добралась до райской пропускной будки
На четвертые иль пятые сутки.
Непорочная Маланья, на свою беду,
Померла в том самом году,

Когда царь, не щадя ни стариков, ни новобранцев,
Гнал их, безоружных и раздетых, в поход на германцев
И, сколько их ни гибло от пуль и от морозу,
Говорил, что «у нас хватит этого навозу»,
А посею у рая, само собою,
От покойников не было отбою.
Апостолу Петру и днями и ночами
Приходилось вертеть райскими ключами, —
Без того был он дряхлый, крепко состарился,
А тут с пропусками окончательно запарился —
Из будки на всех без толку орет.
Как пришел Маланьин черед,
Апостол так взъерепенился,
Инда рот у него весь запенился:
«Ты чего тут топчешься, бездомная?
Видишь, очередь какая огромная?
Без тебя тут старух всяких вредных в раю...
Больше я старухам пропусков не даю.
За какие заслуги тебе келья бессрочная?»
— «Отче! .. Девственница я... непорочная...
Всю жизнь свою девство некорыстно блюла...»
— «Экие, подумаешь, важные дела!
На тебе, боже,
Что другим негоже? ..
А Мария Магдалина, по-твоему, что же?
Недостойна, выходит, преподобного звания?
Гордость тебя обуяла, Малания!
«Хри-сто-ва не-ве-ста!.. К плоти пре-зрение!»
А от доктора есть у тебя удостоверение?
То-то! Ты мне очков не втирай!
Отчаливай! Нет тебе пропуска в рай!
Ну? — закричал апостол, пропусками заведующий: —
Подходи, кто там следующий?!»

В рай небесным ключарем не пущенная,
Побрела старуха как в воду опущенная,
И когда притомилися старые ноги,
Присела у края дороги.
Сидит — и плачет и охает.
Вдруг слышит: вдалеке что-то грохает,
Пыль поднимая, на старуху несется,
Ажно небо трясется,

И гул идет от такой матерщины,
Что старуха покраснела до последней морщины.
«Свят-свят-свят, пречестная мати-царица!
Да что ж это такое на небе творится?!»

А сотворилось сначала на земле.
Было это в месяце феврале,
В самую мерзкопакающую погоду:
Царю-батюшке в угоду
И на пользу церкви и отечеству
(То бишь попам, помещикам, фабрикантам и купечеству)
Генерал — не помню фамилии, хоть помню физию. —
Повел в наступление *четырнадцатую дивизию*,
Да назад не вернулся уж боле:
Нарвавшись на минное поле,
Вся дивизия, с пушками, с запряжками,
Взорвалась, полетев вверх тормашками,
Остался бы в живых хоть один калека!
Погибли все до последнего человека!
И, как воины, верно царю послужившие,
Живот свой на поле брани положившие,
Согласно с церковными канонами,
Двинулись в рай походными колоннами!

Не замечая старухи убогой,
Первым делом небесной дорогой —
Благо не мешали никакие барьеры —
Проскакали дивизионные квартирьеры
И всякие там адъютанты,
Штабные вояки и франты, —
Подскакали к райским вратам, чертыхнулись.
Врата перед ними распахнулись,
И было слышно за вратами раскрытыми,
Как стучали кони копытами
И командовал кто-то голосом пропойным:
«Отмечай мелом: помещение конвойным.
Здесь дивизионному. Рядом для штаба».
— «Ах ты, дьявол! И смазливая ж баба!»
— «А вона еще, загребай их гуртом!»
— «Вахрамеев! Сволочь! Успеешь потом!»
— «Флигель для его сиятельства графа. . .»
— «Помещенье для полевого телеграфа!»

- «У святого Николая офицерское собрание!»
- «Эх, кабы знать это, братцы, заранее! Рай-то — истинный бабий малинник!»
- «Вот ругается. . .»
- «Кто?»
- «Преподобный Калинин!»
- «Да пошли его к. . .»
- «Эй вы, святые тетери!

Поживей открывайте-ка двери.
Ничего. Потеснитесь. Не одним вам обители.
Как по части махорочки? А? Не любители?»

Пронеслася мимо старухи кавалерия.
Прогремела за ней артиллерия.
Потом, за ротою рота,
Пошла боевая пехота —
До раю шла, кому как угодно,
Свободно.
Перед раем — построившись повзводно,
С музыкой впереди, словно на параде
Где-нибудь в Москве аль Петрограде.

«Ать — два!
Ать — два!
Ать!
Ать — два!
Ать!
Левой!
Левой!
В ногу!
Ать — два!
Ать!
В ногу!
В ногу!

Р-р-равнение. . . напр-р-аво!
«Жулев! Гляди bravo!
Должон понимать, балда:
В рай идешь аль куда?
Лифатов! Опять перепутался местом.
Выдержу в раю месяц под арестом!»
В раю раздавались окрики те же:
«Ать — два! Реже.
Реже!

Головкин! Раскаталась шинель!»
«Ой, братцы! Гляди на панель!
Захороваю ж я себе тут девчонку!»
«Не отставай, сто чертей тебе в печенку!»

А старуха всё проливала у дороги слезы.
Вот уж потянулись дивизионные обозы
Со всяким добром — боевым и провизионным,
С хламом награбленным и казенным,
С рухлядью сборной и командой сбродной.
А всех сзади, на кухне походной,
По пути светлые огоньки роняя,
Ленивую клячу лениво подгоняя,
Ехал плут из плутов,
Обозный кашевар Петруха Котов.
Проигравшись накануне до последнего гроша,
Рискнувши всею наворованной суммой,
Уныло пел он, добрая душа,
О том, как «на диком бреге Иртыша
Си-де-е-ел Ермак, объятый дум-мой».
И только хотел сплунуть вбок Петруха,
Глядь — у дороги сидит старуха, —
Сидит, чегой-то убивается,
Горькими слезами заливается.
Чувствительный к бабьему плачу,
Осадил Петруха клячу:
«Стой ты, безногая! . . .
О чем плачешь, старушка убогая?»
— «О том я плачу, родной,
Что после праведной жизни земной
Вот как обошлись на небе со мной».
И рассказала старуха всё в точности,
Какой вышел толк из ее непорочности.
«Н-да. . . — сказал Петруха, закручивая сигарку, —
Пошло, значит, твое девство насмарку! . . .
Так тебе и надо, дуре стоеросовой,
С твоей непорочностью бросовой! . . .
Ну, неча пущать понапрасну слезу.
Полезай на передок, я тебя в рай проведу! —
Утешил кашевар несчастную старуху: —
Сойдешь за полковую потаскуху!»

КЛЯТВА ЗАЙНЕТ

Поэма

1

Вошла и сказала ему: «Саламат!»
Мирза потянулся и хмыкнул в халат.
Жена у Мирзы — хоть картину пиши.
Якши!

Жена у Мирзы — его третья жена —
Юна и, как тополь высокий, стройна.
Средь женщин узбекских прекраснее нет
Зайнет.

Узбекам, двум братьям ее удалым,
Большой за нее уплатил он калым,
И третий замок он навесил на дверь
В ичкерь.

2

Под присмотром свирепой свекрови,
Злобно хмурившей брови,
Проходила Зайнет, прикрываясь чадрой,
Мимо — страшно сказать! — «Комсомола»,
Где, гудя, как пчелиный встревоженный рой,
Жизнью новой бурлила советская школа,
Где на все голоса и лады

Нараспев повторяли, твердили склады
Из украшенной ленинским обликом книжки
Черноглазые бой-ребятишки:
«Ну-дыр-бай, бай-ляр-дан ер-ал-ды
Ек-са-ляра бер-ды. . .»

Дома, сонный, обрюзглый, помятый,
Ждал Зайнет ее муж и владыка, Мирза.
И вздохнула Зайнет, опуская глаза:
«Пр-ро-клятый!!»

3

«Велик Алла!
Велик Алла!» —
На минарете пел мулла
Святой напев молитвы краткой.
Презрев домашний произвол,
Зайнет вбежала в «Комсомол»,
Скользнувши в дверь, как тень, украдкой.

«Зайнет! Откуда ты, скажи,
Пришла домой без паранджи?
Ты осквернила дом изменой!
Где ты была, шакаля кровь?» —
Шипела яростно свекровь,
Кривя злой рот, покрытый пеной.

И отвечала ей Зайнет:
«Была я там, где светит свет,
Где учат ленинским законам,
Где объясняют, как найти
К свободе верные пути
Узбекским девушкам и женам!»

А через день тупой Мирза,
Покорных жен своих гроза,
Рычал от злости и от боли:
Он потерял Зайнет-жену.
Зайнет бежала в Фергану,
Зайнет спаслася от неволи!

Год тяжкого труда — по дням и по ночам —
 Прошел, как светлый сон, для боевой беглянки.
 С какою верою живой ее речам
 Внимали бедные дехканки!

На фронте — шла она в разведку и в секрет.
 И басмачи не раз бранились бранью злобной:
 «Поймаем — пуля в лоб! У красных больше нет
 Другой разведчицы подобной!»

Рвалась к подвигам — и тем была жива,
 Всегда — на скакуне иль полковой двуколке.
 И легендарная уже росла молва
 О черноглазой комсомолке.

Хмурый Мирза в Фергане
 В грязной сидит чайхане,
 Полон замыслом темным.
 Дал, не скупясь, он монет,
 Кун за убийство Зайнет,
 Двум убийцам наемным.

Был их ответ: «Потерпи,
 Мы уж разыщем в степи
 След твоей комсомолки!»
 Ночью, напавши на след,
 Смяли узбеки Зайнет, —
 Словно дикие волки,

Рвали, оскалив клыки,
 Жилы из левой руки,
 — Будешь вечно калека! —
 В шею, дробя позвонок,
 Острый вонзили клинок
 Два преступных узбека.

Прошло пять месяцев. Ферганская больница.
 Зайнет — в повязках вся, лицо — кровавый струп
 Нет, не кошмарный сон ей снится,
 Она — калека, полутруп.

Блуждает взор, и речь Зайнет звучит невнятно,
 Слух острый притуплен, трясется голова.
 Врачи дивятся: «Непонятно,
 Как ты осталась жива!»

Зайнет свезли в Москву. Москва сильна наукой.
 Зайнет возвращены и речь, и взор, и слух.
 И в комсомолке однорукой
 Зажегся вновь бунтарский дух.

«Комуниверситет трудящихся Востока»
 Зайнет мерещится во сне и наяву.
 У гроба нового пророка
 Она сказала: *«Я живу!»*

*И ты — живешь во мне заветами твоими.
 На родине моей — в кишлак из кишлака —
 Дехканкам темным я их понесу, пока
 Сумеет начертить твоё родное имя
 Моя последняя рука!»*

<8 марта> 1925

Пояснение некоторых слов:

С а л а м а т — приветствие. Я к ш и — хорошо. К а л ы м — выкуп за невесту. И ч к е р ь — внутренний двор. П а р а н д ж а — лицевое покрывало. Д е х к а н к и — крестьянки. Ч а й х а н а — вроде чайной. К у н — награда за месть. К и ш л а к — деревня.

УРАЛЬСКИЕ СКАЗЫ

Это — сумрачный лес, а не розовый сад:
Всё живет в нем таинственно и суеверно.
Дед — всем видом колдун, сед как лунь,
волосат —

Эти сказы рассказывал этак примерно
Лет полсотни назад.

Есть про это такая погудка:

На горе было Думной — стояла там будка, —

Дед Василий ночной караул в ней держал,

Он себя в караул свой детьми окружал,

Быстроногими да остроглазыми

Шалунами-пролазами.

Привлекал он их тайными сказами

Про хозяйку ли Медной горы,

Иль про Полоза, иль про Змеевку,

Иль про девку-Азовку. . .

Если кто из прильнувшей к нему детворы

Станет деда просить: «Расскажи-ка нам

сказку!» —

Дед гневился — для виду (он знал одну ласку).

И того, кто про сказку ему говорил,

За его непонятливость мягко журил:

«Сказку, ты говоришь? Сказка, так я толкую,

Это ежели там про попа, попадю,

Так раненько тебе нюхать эту кутью,

Слушать сказку такую, —

Ну, а сказку совсем на иное лицо —

Там про дедушку-бабушку

Да про курочку-рябушку,

Что снесла старикам золотое яйцо,

Иль про то, как свое золотое кольцо
Уронила царевна, купаясь в речке,
А его золотые рыбешки хранят, —
Эти сказки старухи бубнят
Перед сном малым детям на печке.
Эти сказки ты слушать уже запоздал,
Да и сказывать их я совсем не умею,
Позабыл я все сказки, которые знал.
Вот про старую жизнь — тут я память имею.
Много слыхивал я от своих стариков,
Да и после слышал от других знатоков,
Тоже на людях жил я, поди-ко:
Поносил на себе синяков,
И в канавах топтали, и дули не мало.
Всяко, друг мой, бывало.
Всё бывало — и солнце и слякоть.
Вон тебе еще сколько пожить до усов,
Я ж восьмой уж десяток беру на засов, —
Это, братец, не восемь часов
В этот колокол наш караульный отбрякать.
Надо знать, чем порядок на свете не гожд,
Почему у господ всё из бархату-шелку,
А вот мы — жилы рвем, а без толку,
Не вылезим всю жизнь из рогож, —
Почему столько всюду корыстной заразы,
Почему правда-матка кладется под нож?
Только это, мой голубь, не сказки, а — сказы,
Побывальщины тожд.
Их не всякому скажешь. Тут надо с опаской.
Нет, не смешивай сказа со сказкой.
Сказ про тайные силы с умом надо весть».
— «Разве тайные силы-то, дедушка, есть?»
— «А то как же? . . .»
— «А вот объясняли нам в школе. . .»
— «Ты учись да ума набирайся поболее,
Дураком не стоять чтоб у всех позади.
Стариков же, иначе, того. . . не суди.
Как жилось им постыло,
Приходилось всю жизнь как страдать!
Может, им веселее-то было
Всё за правду считать.
Ты и слушай, что в сказах и как говорится.

Подрастешь — сам поставишь значок,
Кое в сказах-то было, кое в них — небылица.
Так-то вот, милачок!
Клад сыскав, ты останешься снова без клада,
Коль его ты в дырявую сунешь суму,
Понимать это надо:
Что к чему».

1939

МАСТЕРСТВО

Мастеров знали мраморских все:
Мастера занимались каменным делом,
А работа у них по красе —
Где еще поискать-то на свете на белом?
Только всё ж в Полевой
Были тож мастера с головой,
Шла молва и об их мастерстве знаменитом —
Вся различка от мраморских та, что они
Обращались не с мрамором, а с малахитом.
А Фомич между ними — ни с кем не сравни:
Если речь шла о новом о чем, не избитом,
Знали все, что работа, мол, та по плечу
Одному Фомичу.
Пожилой уж он был: шесть десятков да лишек.
Барин тут и надумал средь прочих делишек:
Надо, дескать, запрячь в фомичевский хомут,
Сдать на выучку то бишь способных парнишек,
Пусть до тонкости всё у него переймут.

«На кой, — мастер ворчал, — мне дрянных
шалунишек!»

Было ль жаль расставаться ему с мастерством,
То ль таков уж Фомич был своим естеством,
Шибко худо учил он Микишек да Тишек,
Всё с рывка.
Да с тычка.
«Вот какого приладили мне дурачка!»

Понаставит по всей голове ему шишек
И объявит приказчику: «Малый не гожд,
И рука не несет, да и глаз неспособный, —
Ни к чему ученик мне подобный».
Отвечает приказчик: «Ну что ж,
Наряжу тебе завтра другого какого».
И другого Фомич учит столь же сурово:
То ухватит за чуб,
То к загорбку приложит тяжелую руку.
Ребятишки, прослыша про эту науку,
Спозаранку ревут: «Не попасть к Фомичу б!»
У отцов-матерей слезы тож не от луку:
Им не сладко — на срок и не долгий хотя —
Отпускать поневоле родное дитя
На такую-то муку,
До того был Фомич с ребятишками строг.
Выгораживать стали своих, кто как мог.
Не одно обращенье пугало суровое:
Мастерство то само по себе нездоровое —
Малахит
Ядовит,
Кашлем злым потрясает он плоские груди,
Потому от него уклоняются люди.

Всё бракует Фомич да бракует мальцов,
Так в конце-то концов
И приказчику тож это дело
До чертей надоело:
«Всё не гожд да не гожд. А когда ж будет гожд?
Наряжать мне кого ж?
Принимай и учи мне вот этого!»
А Фомич знай свое: «Мне-то что ж!
Наряжай мне любого отпетого,
С ним возиться готов
Хоть десяток годов.
Ты кого мне даешь? Лопухова Николку?
Никакого с него не получится толку».
— «Хоть какого-нибудь у себя ты оставь.
Я который уж раз малышей назначаю».
— «А по мне; хоть и вовсе не ставь,
Я о том не скупаю».
Уж приказчик не знает, кого наряжать,

Перебрал он едва ли не всех ребятишек, —
Толк один: на головушке — дюжина шишек,
А в головушке — как бы сбежать.
Попадался который малец похитрее,
Тут попортил, а там и совсем доконал —
Для того чтоб Фомич осерчал и прогнал
От себя поскорее.
Так дошел до Данилки-сиротки черед,
Но Фомич и совсем уж его не берет.

Был сиротка годков под тринадцать, не боле,
Сам высоконький, только худой-расхудой,
В чем душа только держится. Вырос не в холе,
С детства горько приласкан сиротской бедой.
Как имел он кудрявенькие волосенки
Да совсем голубые глазенки,
Так сперва в барский дом был он взят в казачки.
Работенка на вид — пустячки,
Для проворного, скажем мы так, ребятенка —
За игру работенка:
Табакерку, платочек подать,
Прихоть барскую нюхом вперед угадать.
На таком-то местечке проныра-мальчонка
Извивается этаким склизким вьюном, —
Позовут — «Что прикажете?» — Тянется в струнку,
По господскому жить привыкает рисунку,
Сладко есть, угощаться господским вином, —
Пребольшуший подлец вырастает в ином.
А Данилка тихонечко в угол забьется,
В украшение какое вопьется,
На картину какую оставит глаза
И стоит, весь замрет, еле дышит.
Барский крик: «Эй, Данилка! Слетай-ка мне за...»
А тому хоть бы что, разразится гроза —
Не услышит,
Он очнется от крепкого только тычка.
Били, знамо, его поначалу за это
(Бьют всегда новичка),
Под конец отослали назад казачка:
«Не понять, что в его голове-то,
Не мозги (все мозги у господ!),
А какое-то крошево.

Он блаженный какой-то совсем. Тихоход.
И слуги из него не дожидаться хорошего».

Не послали его на завод,
Не отправили в гору,
Ни к чему посылать на короткую пору:
На неделю не хватит такого бойца.
Так приказчик надумал поставить мальчика,
Раз нельзя его сбыть никуда без опаски,
К пастуху, деду Власу, в подпаски,
Но Данилка и тут оказался не гош,
Всё чудит, на ребят на других не похож,
Голубые глазенки устает в травинку
И забудет совсем про скотинку,
А скотинка-то эвона где!
Долго ль так очутиться в беде?
И старик, хоть он ласковый очень попался
И жалел сироту, временами ругался:
«Эх, Данилка, что будет с тобой?
Сам погубишь себя, растерявши скотину,
И мою без того уж избитую спину
Подведешь ты под бой.
Ну, куда это, парень, годится?
И о чем твои думки, — ворчал старый Влас. —
Что с травинки не сводишь ты глаз?»
— «Сам я, дедко, не знаю. . . Смотрел
на травинку. . .

Думка так. . . ни о чем. . .
Загляделся маленечко я на росинку,
Как играет в ней солнышко ярким лучом. . .
К той росинке ползет по листочку букашечка,
Вся-то сизая эта букашка сама,
Из-под крылышек словно желтест рубашечка,
По рубашечке той — голубая кайма,
И листочек широконыйкий, прям без подпорочки,
По краям его — зубчики, вроде оборочки,
И края потемней,
А середка зеленая вся, презеленая,
И по-своему, видно, букашка смышленная —
Так ползет осторожно по ней. . .»
— «Ой, Данилка! Дурак ты, дурашек!
Да к чему же тебе разбирать всех букашек?

Ну, ползет и ползи, коль не хочешь сидеть.
А тебе за коровами надо глядеть.
Выбрось всю эту дурь да подумай-ко здраво. . .
А не то. . . заявлю я приказчику. Право. . .
Я ведь строгий». Старик сдвинул брови смешно.

Лишь далось Данилке одно.
Не понять, как он так изловчился,
Мастерство кто такое внушил пареньку:
На рожке он играть научился,
Ну, куда старику!
Днем ли гонят коров к водопою,
Стадо ль вечером гонят домой,
Нет от баб да от девок Данилке отбою:
«Поиграй-ко нам песню, Данилка, родной!»
У Данилки все песни такие приятные,
Незнакомые все, только сердцу понятные:
То в них лес прошумит,
То ручей прожурчит,
То как будто кто горько заплачет сторонкой,
Пташки вдруг зазвонят перекличкою звонкой.
И так сладостно слушать, и сердце стучит. . .
Ах, закроешь ли сердце какую заслонкой!
Стали женщины лаской Данилку встречать
И дареньем на песни его отвечать:
Кто холста на онучи отрежет в избыток,
Кто ему починит его рваный пониток
Иль рубашку сошьет, —
Про кусок нет и речи, играй лишь почаще!
Ему каждая в сумочку что-то сует,
Да побольше дает,
Да послаще!

Деду Власу — ну, мед ровно свежий в ковше! —
Тоже песни Данилки пришлись по душе.
Да нескладица также и тут выходила:
Заиграется этак Данила,
Всё забудет, коровы ж какая куда.
На игре и пристигла Данилу беда:
Заигрался он так, а старик грешным делом
Задремал, поразмякнув и духом и телом.
Коровенок тут несколько в лес — погулять

(Коровенка иная — всё в лес бы смотреть ей!).
Стали стадо собирать, глядь-поглядь,
Нет коровы одной, нет другой, нету третьей...
Дед с Данилкой метнулись искать на авось,
Да какое!
Возле Ельничной стадо паслось,
Место самое волчье, глухое.
Лишь сыскали одну. Вот со стадом — домой.
Что тут сделалось, боже ты мой!
Сколько ругани было и бабьего вою!
Понапрасну на розыски бегал народ.
Крыли деда: «Всё спать тебе, старый урод!»
И Данилку: «Всё песни играть, сумасброд!»
Приуныл старина: «Не уйти нам от бою».

Да и можно ли было от бою уйти?
За провинность любую спиною плати,
За большие и малые вины
Отвечали крестьянские спины.
От приказчика ждать ли какого добра?
Как на грех, из его-то двора
Оказалась пропавшей одна коровенка.
Потащили под бой старика и ребенка.
Был растянут старик наперед,
А за ним и Данилкин черед.
Уж такой-то он тоненький, вроде бы тросточки,
Поглядеть — одни косточки.
«Это что же, один только плач!»
Даже лютый господский палач
Перед этою поркой
Выдал жалость свою оговоркой:
«Тут, по совести, бить-то чего?
От удара мово
Одного
Он сомлеет,
А то вовсе, гляди, околет, —
Растянувшись, как пласт,
Богу душу отдаст».
Но, иначе, ударил по малости.
А Данилка молчит.
Он вдругоряд, покрепче — какие тут шалости, —
А Данилка молчит.

В третий раз он ударил. Данилка молчит...
Тут палач стал Данилку тиранить без
жалости,

Сам он порет и сам же кричит:
«Вот какой оказался молчальник!
Что же скажет теперь про меня-то начальник?
(У приказчика делалось всё на виду.)
Шкуру всю искромсаю тебе я, котенку!
Ты мне голос подашь! Я тебя доведу!
Доведу!
Доведу!..»
А Данилка молчит, закусивши губенку.
Слезы каплют у малого, весь он дрожит,
Но молчит,
Укрепился.
Наконец он сомлел, помертвевши с лица,
Но никто не слышал от него ни словца.
Видя это, приказчик весьма подивился:
«Эк, сыскался какой терпеливый, гляди.
Так-так-так. Погоди.
Уж теперь-то я знаю, кому ты достанешься,
Коли жив ты останешься!»

Отлежался Данилка. Душа
Его тельца разбитого всё ж не оставила.
Его на ноги бабка Фетинья поставила.
Шибко бабка была хороша.
По заводам была и за лекаря
И заместо аптекаря.
Сила в травах раскрыта была для нее:
Для чего и какое питье —
От зубов, от надсады, ломоты,
От сердечной заботы...
Всё-то бабке Фетинье в знатье.
Собирать она разные травы умела,
Когда силу какую трава заимела.
Из всех трав-корешков
Наготовит настоек различных
Да отваров наварит отличных —
И не счесть всех горшков, —
Мазь Фетиньей готовилась разная,
Видом вроде смола.

Словом, всем от Фетиньи помога была
Безотказная.

Как ни тяжело Данилке пришлось,
Хорошо у Фетиньи зато пожилось.
Шибко добрая бабка была да заботливая,
А к тому же еще — словоохотливая.
Всяких трав, корешков
Да цветков
У нее понасушено да повешено.
Этим сердце Данилки куда как утешено:
«Как зовут эту травку? А этот цветок?
Где растет?» — так Данилка старуху допрашивает,
А она развернет свой словесный моток,
Уж чего не наскажет, — ну, бабий роток:
Может, что и прикрашивает, —
Горький корень, что мед у нее на устах.
«Все цветки знаешь, бабка, ты в наших местах?»
— «Что ж хвалиться? Местечки тут все мною изрыты,
Все цветки мне известны, какие открытые».

— «Разве есть неоткрытые?»
— «Сколько бог весть,

Только есть.

Ты про папорт слыхал? Говорят, загляденье.

У него под Иванов денечек цветенье... .

Но оно — для отравы людской.

Тот цветок — колдовской.

Клады им открывают

И разрывом-травой

Потому называют.

На разрыве-траве, паренек,

Расцветает бегучий цветок-огонек.

Кто поймает цветок этот пламенный,

Для того ко всем кладам открытый мосток.

Воровской, одним словом, цветок.

А еще есть цветок, называется — каменный,

В малахитовой будто растет он горе.

Он в своей самой сильной поре

Расцветает на миг на единый

В страшный праздник змеиный.

Кто увидит его, тот навек

Разнесчастный уже человек».

— «Почему же несчастный?»

Старуха вздыхала:

«Уж не знаю сама, только так я слыхала».

Отходила Фетинья Данилку. Привстал.

А ищейки приказчицы то углядели,

Донесли: вот уж больше недели,

Как парнишка похаживать стал.

Был к приказчику позван Данилка.

У приказчика злая ухмылка:

«Из тебя человека я сделать хочу,

Малахитному делу тебя обучу.

Терпеливый ты, знаю тебя я, чертенка.

Наряжаю в ученье тебя к Фомичу.

В самый раз по тебе работенка».

Вот Данилка к сердитому деду идет,

Самого еще ветром качает.

Старый мастер его привечает,

Он такого-де только парнишку и ждет:

Получал он заморышей всяких немало,

Браковать их ему не впервой,

Но такого еще не бывало, —

Даже крепких парнишек шатало

От учебы его боевой,

А с такого что взыщешь — он еле живой.

Объяснять стал приказчику мастер толково:

«Мне не надо мальчишки такого,

Ненароком убьешь, как приложишь печать,

А потом за него отвечать.

Дайте парня покрепче». Фомич так хлопочет,

А приказчик хохочет:

Отговорок и слушать не хочет.

«Ладно, ладно, старик, не дури,

Я какого даю, ты такого бери,

Мальчик вытерпит этот любую обиду,

Не гляди, что он слабенький с виду.

Сухарек. А они ведь крепки — сухари».

— «Дело ваше. Возьмите-ко всё ж на примету,

Мне-то что: поучу, мастерство покажу,

А вот что я скажу,

Коль меня за него да потянут к ответу?»

— «Одинокий парнишка. Родителей нету,
Так что некому будет к ответу тянуть.
Как учить паренька, я тебе не указчик.
В три погибели можешь его ты согнуть,
Что с ним хочешь, то делай», — ответил приказчик.
С тем Фомич и вернулся домой.

«Ну-ко, где никудышник-то мой?»
А Данилка стоит, ни о чем не догадывается,
К малахитовой досточке зорко приглядывается.
Чтобы кромку отбить, на ней сделан зарез.

Что-то шибко парнишку, видать, озадачивает,
Он глядит, головенкой покачивает.

«Неужель он, — берет Фомича интерес, —
Недостаток в работе какой примечает?»

На парнишку, по правилу, мастер орет:
Для чего он поделку ту в руки берет?

Кто позволил? — Данилка ему отвечает:

«На мой глаз, вот узоры тут, дедко, видны.

Отбивать надо кромку с другой стороны,
Чтоб не срезать узоров».

— «Что? — Фомич закричал, показал, значит,
норов. —

Вишь ты мастер какой! На тебя — угодить.

Что ты тут понимаешь, чтоб этак судить?»

— «Понимаю я то, что испорчена штука».

— «Кто испортил-то? Ну-ка!

Вон ты как! Видно сразу, что черту земляк.

На заводе первейшего мастера учишь?

Покажу тебе порку, такое получишь. . .

Жив не будешь, сопляк!»

Пошумел-покричал, а потом пообмяк.

Сам про досточку думал не первую ночь,

Где сподручнее кромку срезать.

«Ведь парнишка попал, надо правду сказать,

Прямо в самую точку.

Много ль смыслит? Берет, не иначе, нутром».

Так Фомич рассуждал, в свое дело влюбленный.

И сказал он Данилке уж вовсе добром:

«Ну-ко, ты, чудо-мастер явленный,

Мастерство мне свое покажи,

Как по-твоему сделать, скажи».

Объясняет Данилушка речью негромкой:

«Вот какой тут узор мог бы всё расцветить.
Лучше было бы досточку уже пустить
И пройти по полю по чистому кромкой,
А под самый вершок —
Тут бы малый оставили мы плетешок, —
Если, дедко, ты тут не сломаешь,
Выйдет заводь, по ней — серебристая зыбь».
А Фомич знай ворчит: «Много ты понимаешь,
Накопил — не просыпь.
Ну-ко, ну!.. Что еще?» Про себя рассуждает:
«Из парнишки — всё это меня убеждает —
Выйдет толк, — меткий, верный глазок.
Только хлябенький он. Поглядеть — сердце вянет.
Как учить его? Стукнешь разок,
Он и ноги протянет».
«Ну, довольно твоих мне речей, —
Молвил дед, — появился ученый.
Ты скажи-ко мне, друг нареченный,
Сам-то будешь ты чей?»
Был ответ: сирота, всей родни, что могилка,
Мать лежит в ней, не помнит ее, —
Кто отец, то Данилке совсем не в знатье,
Дали кличку ему — Недокормыш Данилка,
В дворне был, да прогнали; со стадом ходил —
Провинился, под бой угодил.

«Да, — Фомич пожалел тут парнишку, —
Позавидовать трудно такому житьишку.
Как еще ты совсем не пропал.
А сменил ты житьишко убогое
Не на лучшее тоже, ко мне вот попал:
Ведь у нас мастерство шибко строгое.
Не для всякого это надежный причал.
Я не сладким житьем в мастерстве утвердился».
Тут Фомич не на шутку как бы рассердился,
Заворчал:
«Ладно, хватит. Весь вечер мне лясы
Да балясы.
Эк ты мастер плескать языком!
Поплескать языком любят все пустоплясы.
Ты на деле себя покажи на каком.
Вот тогда мы увидим.

Тоже зря не обидим.
За учебу ставать тебе завтра с утра.
Вот садись-ко да ужинай. Спать уж пора».

Жил Фомич одиноко, без близкого роду.
Овдовел он давно, и в дому
Старушонка, соседка Петровна, с находу
По утрам помогала в хозяйстве ему:
Что-нибудь там постряпает, сварит,
Напечет аль нажарит,
Наготовит чего про запас наперед
Да в избе уберет.
Вечерами Фомич — не в родимой семейке —
Смотрит сам за собой, сиротлив, одиноко.

Вот поели. Фомич говорит: «Ну, щенок,
Спать ложися вон там, на скамейке».
Сел малец на скамью,
Вмиг разулся — устал он ведь за день
с избытком —

Да под голову сунул котомку свою
И накрылся понитком.
Время было осеннее, в лужах — ледок,
А в избе — холодок.
Под понитком Данилка маленько поежился,
Покорежился,
Весь комком, ножки так под себя подогнул,
Надышал под пониток и вскоре уснул.

Лег Фомич, только сердце его что-то гложет,
Всё заснуть он не может,
Разговор о той досточке всё в голове,
Как блоха в рукаве:
Нет ни сна, ни покою
От нее Фомичу.
Поворочался он, встал, пошарил рукою,
Зажигает свечу
И — к станку: разговор проверяет,
Эту досточку так он и сяк примеряет;
То он кромку закроет одну,
То другую — «ну-ну!» —
То прибавит он поля, то поля убавит,

То он досточку этак поставит,
То другой стороной повернет,
Поглядит и рукою махнет:
«Ну чего же, выходит, я стою,
Это ж прямо позор,
Ведь парнишечка сметкой простою
Лучше понял узор.
Нет, не сметка одна в этом всем выявляется.
Вот тебе Недокормыш! Войдет ежли в сок. . .»
На Данилушку смотрит старик, умиляется,
Умиляется и удивляется:
«Ну, глазок! . . Ну, глазок! . .»
Потихоньку пошел в кладовушку, —
Туп, туп, туп!
Притащил для Данилки оттуда подушку
И овчинный тулуп,
Осторожно парнишки коснулся —
До чего ж оказался Фомич легкокрыл! —
Пододвинул подушку, тулупом накрыл.
«Спи, глазастенький!» Тот не проснулся,
На другой лишь бочок повернулся —
Под тулупом тепло! — растянулся
И давай полегонечку носом свистать.
Фомича бы кому в это время застать!

Ребятишек своих у него не бывало,
А вот тут ему в сердце запало:
Сирота и умом на особую статью.
Свою память, что книжечку, он перелистывает,
Вспоминая, как в детстве таким же был вот.
На Данилку любитесь старый. А тот
Знай спокойненько спит да посвистывает.
Вот что значит тепло и покой!
После горестей, вишь, добрался до причала.
«Эх ты, — думал Фомич, — кабы вид был другой!
Надо на ноги крепче поставить сначала,
Чтобы не был он слабый да тощий такой.
Провинится — какая с таким-то расправа?
Мастерство ж наше трудное — пыль да отрава
Повреднее, чем в кузнице дым.
Не с его здоровьишком худым
Труд такой одолеть, мастерству научиться.

Сразу чахнуть начнет. Может всё приключиться.
Сникнет, точно под ранним морозом трава.
Отдохнуть бы парнишке сперва.
Укрепить его надо, а там и за холку:
От него можно ждать презренного толку».

Вот как минула ночь,
Старый мастер ворчит: «Ну-ко, ты! Недоглядок!
Навязали. Мозги тут с тобою морочь.
Ты сперва по хозяйству сумей мне помочь.
У меня, брат, такой уж порядок.
Понял? То-то. Я — строг.
Для начала слетай-ко ты в лес за калипой.
Обмотал ее иней седой паутиной.
В самый раз она будет теперь на пирог.
Далеко не ходи. Собирай, да не жадно.
Сколько там наберешь, то и ладно.
Хлеба больше возьми. То имей ты в виду:
Шибко тянет в лесу на еду,
Особливо когда, как сегодня, прохладно.
Да к Петровне еще не забудь-ко зайти.
Я уж ей говорил поутру-то,
Чтоб яичек тебе испекла она круто,
Молочка в туесок налила б. Ну, лети,
Да не так, чтобы пот тебя пронял.
Враз простудишься. Понял?»

Через день вновь заводит Фомич разговор:
«Вот сходи-ко ты в бор,
Подлови-ко мне птичек.
Как щебечет щегол, а собой невеличек!
В нашем, слышь-ко, бору все щеглы на подбор.
Да к чечетке, которая там побойчее,
Подберися ловчее.
Чтобы к вечеру были, гляди.
Понял? То-то. Иди».
А как с птичками резво Данилка вернулся,
Дед Фомич усмехнулся:
«Ладно, брат, да не вовсе. Себя прояви,
Голосистеньких пташек еще налови.
Вот как будет в избушечке нашей напевно!»
Так-то всё и пошло, и пошло каждодневно.

Всё Данилке уроки Фомич задает,
Всё работу дает,
А работа — одна только слава:
Не работа — забава,
В лес на воздух, на вольный пробег.

Выпал снег.

Дед к Данилке опять со словами:
«Поезжай-ко с соседом ты в лес за дровами.
Уж готовы дрова — не рубить.
Чем другим подсобить?
А какая подмога:
В лес — прогулка дорога,
На саях посидеть, помахать ремешком,
А обратно — за возом вприпрыжку пешком».
Вот промнется Данилушка так, наматается,
Дома сытно поест и вовсю отсыпается.
Хорошо его дед обрядил для зимы —
Ведь в понитке была теплота ли? —
Шуба, шапка на нем, рукавицы, — пимы
На заказ для Данилки скатали.
Был Фомич при достатке, работал, не пил,
По оброку ходил,
Кое-что прикопил.
А к Данилке прирос. Полюбил он парнишку,
Стал держать его, прямо сказать, за сынишку.
На него он глядел
И от нежности млеет.
Ничего для него не жалел.
Не кладя на него непосильного бремени,
Обучать мастерству не пытался до времени.
Так Данилка в хорошем житье и окреп.
Оказалось, Фомич-то совсем не свиреп,
И Данилка всем сердцем прильнул к нему тоже:
Никого для него нет на свете дороже.
Вот вошла и весна в свою силу-красу.
Стало вовсе Данилке вольготно:
То на пруд он бежит, то шныряет в лесу.
К мастерству между тем тож стремится охотно.
Как домой прибежит, с Фомичом разговор:
Что да как? Забирает Данилку задор.
А Фомич ему всё досконально расскажет,

То-другое на деле покажет.
Примечает Данила. Не стерпит порой:
«Ну-ко, я!» Мастерство накаплиет игрой.
Дед ошибку поправит: «Пригонка есть лучшая.
Не спеши. Тут вниманье утрой». —
И так ласково. Речь не скрипучая.
А чтоб ругань, затрещина — не было случая.

Шел однажды приказчик — такая беда! —
И заметил Данилушку он у пруда.
«Это чей же такой рыболов разудаленький?
Всё тут с удочкой вижу, который денек.
В будни, вишь, баловство. А меж тем паренек
Не такой-то уж маленький.
От работы его кто-то прячет, видать!»
И приказчик-собака клыки уже щерит.
Ему нюхалки: так, мол, и так. Он не верит:
«Сам дознаюсь. Сейчас мне парнишку подать!»
Привели. Его грозно приказчик встречает:
«Чей?»

Данилка ему отвечает:
«У такого-то мастера, дескать, верчусь,
Малахитному делу учусь».
— «То-то, вижу, ты учишься: рыбочку удишь!»
Хвать Данилушку за ухо: «Врать ты мне будешь?
Я тебя от вранья отучу!»
И Данилку повел к Фомичу.
Тот увидел — неладное дело,
Но Данилку однако же смело
Выгораживать стал:
«Стар уж я. От работы устал.
Нездоров, скорой смерти себе уж я чаю.
Есть, oprичь окуньков, ничего не могу
И по ним, окунькам, я скучаю.
Вот парнишечку я, чтоб себе сноровить,
И послал окуньков наловить».
А приказчик ярится, не верит ни слову —
Приглядеться успел к рыболову:
Парень — кровь с молоком,
И в наряде каком —
Хороши сапоги на ногах у парнишки,
Рубашонка добра, не похуже — штанишки.

Что бы значило это? Фомич
Для ребят был для всех божий бич,
А теперь у него вдруг парнишка в заботе.
«Ладно, старый. Проверим его на работе».

Вот былой пастушок
Свой надел фартушок,
Вовсе новый — из кожи — запончик,
И подходит к станку. Страху — капельки нет,
Что ни спросит приказчик, чеканный ответ:
Как у камня отрезать уродливый кончик,
Камень как околтать, распилить,
Фаску снять и когда чем склеить,
Как на камне — для этого дела готовом —
Политуру и быстро и чисто навесть,
Как на медь присадить, как — на дерево, — словом,
Всё, что есть.

Так приказчику сделалось вроде обидно.

Всё пытал он, пытал,

Под конец сам устал.

«Ладно!» — молвил Данилке. Потом злоехидно

Говорит Фомичу:

«Этот гожд тебе, видно?»

— «Не пожалуюсь. Доброго парня учу».

— «То-то вот: не пожалуюсь. Этой погудочкой

Приучаешь его к баловству.

Обучаться он должен чему? Мастерству.

Он же, вишь, у пруда развлекается с удочкой.

Я за это, чтоб знал, как держать пареньков,

Отпущу тебе свежих таких окуньков,

Не забудешь до грома, ведерко сколь весило.

И парнишке, поди-кося, станет не весело!»

Погрозился приказчик вот так и ушел.

А Фомич всё дивуется,

На Данилку любится:

«Ты когда же всё понял? Где знание нашел?

Я ведь вовсе тебя не учил еще ровню»,

А Данилка любовно

Старику отвечал:

«Да ведь сам же ты мне обо всем-то рассказывал,

Мастерство мне на деле показывал.

Ты работал, а я примечал.

Понял?»

Мастеру было понятно,
И понятно и шибко приятно.
Прослезился старик:
«Я-то думал, сынок, был ты занят игрою,
Ты же эвон как в дело, играючи, вник!
Всё мое мастерство пред тобою
Открою.
Пусть узнают, какой у меня ученик!»

С той поры у Данилки не стало вольготной
Прежней жизни его беззаботной.
Плут-приказчик, сжимая по-всякому срок,
Стал Данилке работу давать на урок, —
Поначалу, что проще, всё женское — пряжки,
Да шкатулки, да разные бляшки,
А потом — с ним стесняться какого рожна? —
Стал давать и такое, где точка нужна, —
Ну, подсвечники, всякие там украшения:
Украшать господам надо их помещения,
Тем отличны они от мужицкой избы.
Жмет приказчик да жмет. После точки
Дело вскоре дошло до резьбы.
Вырезать стал Данилка листочки,
Всяких видов цветочки,
Да узорчики, да лепесточки;
Подвернется еще вокруг узора — тесьма,
Малахитчику много возни, проволочки,
Дело мешкотно это весьма,
А порой — настоящая мука,
С виду вещь — пустяковая вроде бы штука,
На нее же ухлопана, смотришь, зима.
Так Данилка и вырос за этой работой.
Как работу любил, то работал с охотой,
На отделку вещей не жалея труда:
У станка назеркалил штанами скамейку.
А из цельного камня когда
Зарукавье искусно он выточил, змейку, —
«Э, прибыточком пахнет тут мне не в копейку!» —
Так приказчик решил, карандаш обсосал
И хозяину-барину так отписал:
«Честь имею поставить в известность:

Малахитное дело у нас на всю местность!
Новый мастер мной выхожен. Думать хочу,
В мастерстве не уступит потом Фомичу.
Видно сразу: природная жилка.
Прозывается он — Недокормыш Данилка.
Шибко молод еще, потому не в укор,
Что в работе не скор.
Торопливее будет. Сумеем заставить.
Будет всё выпускать он в указанный срок.
Как мне с ним поступить: на уроках оставить,
Отпустить ли его на оброк?»

Скор Данилка в работе на диво,
Но научен был так Фомичом:
«Не работай, Данилушка, слишком ретиво,
Не оказывай силы своей нипочем».
Даст приказчик Данилке урок пятидневный,
А Фомич начинает на голос плачевный
Петь приказчику, пряча ухмылку в усы:
«Вещь такую, такой-то красы,
Самому мне сработать в пять дней невозможно.
Парень учится ведь. Надо с ним осторожно.
Только камень он зря изведет,
Коль работу ускорит.
Тут полмесяца, прямо скажу я, уйдет».
Ну, приказчик поспорит-поспорит:
«Врешь ты! Зубы изгрыз на вранье до пеньков.
Мало били вас. Гнуть из вас надобно дуги».
Ан, глядишь, и прибавит деньков,
Так Данилка работал без лишней натуги.
От приказчика втайне — чтоб время спасти —
Поучился Данилка читать да писать
Малость самую, знал-таки грамоту всё же.
В этом деле Фомич сноровлял ему тоже:
«Почитай, попиши!» Той порою не раз
За Данилку пытался доделать заказ.
Но Данилушка был против этой работы:
«Что ты, родненький! Что ты!
Своего ль тебе мало труда?
У тебя, погляди-ко, — глотнул малахита! —
Уж зеленою стала совсем борода.
И работа сама по себе ядовита,

И под старость здоровье твое уж не то.
Ну, а мне — хоть бы что!»

Впрямь, Данила в ту пору
Здоровенным стал парнем, без спору.
Где заморыш былой?
Нет его и в поминке.
Хоть звался Недокормышем он по старинке,
Был Данила красавец прямой:
Уж такой-то дебелий,
Остальные парнишки пред ним — мелкота,
Рослый парень, румяный, кудрявый, веселый, —
Словом, девичья, как говорят, сухота.
Стал Фомич напевать: та девица иль та
На невесту хорошую смахивает.
А Данилушка знай головою потряхивает,
Разговор на другое сведет:
«Ладно! Наше от нас не уйдет.
Нету девки такой, чтоб по ком не скучала...
Мне бы мастером стать настоящим сначала».

Барин, зная, не ногой себе брюхо чесал,
Он приказчику так отписал.
«Пусть тот парень, хваленый Данилка,
Мне докажет, какая в нем жилка,
По любому пускай чертежу
Мне точеную сделает чашу на пожке, —
Я тогда погляжу,
По какой его можно направить дорожке:
На оброк отпустить аль зажать —
На уроках держать.
Да смотри — за твоим за строжайшим ответом! —
Чтоб Фомич не посмел помогать ему в этом».
Не промедлил приказчик единого дня,
Сразу вызвал Данилку: «Работа имеется.
Для тебя здесь наладят станок у меня.
Камень тож привезут — первый сорт,
разумеется».

Грусть взяла Фомича.
Он к приказчику: «Парня берешь ты для ча?
Кабы пользу какую всё это имело».

Его вытолкал в спину приказчик, рыча:
«Не твое это дело!»

«Ну, что будет. На новое место пойду».
Стал прощаться Данилка, свой узел завязывать.
А Фомич на прощанье стал парню наказывать:
«Не спеши лишь в работе, имей ты в виду:
Полной силы своей ты не должен оказывать».
Так сперва-то Данилка себя и держал,
Не ахти как у чаши ходил торопливо,
Да потом показалось всё это тоскливо,
Он сорвался, на полную силу нажал.
Вышла чаша из дела в короткое время.
Вот приказчик очки на сопатку надел,
Долго скреб себе темя
Да на чашу глядел,
Всё глядит, не сопит, не ругается,
Сделал вид, будто так тому быть полагается,
И сказал, уходя: «Ты другую готовь».
И другая готова. И третья.
Тут приказчику в рожу ударила кровь:
«А! Теперь всё сумел подсмотреть я,
Вас накрыл-таки я с Фомичом,
Понял хитрость я вашу.
Написал-то мне барин о чем:
В срок такой-то одну изготовить мне чашу.
Ты же выточил три.
Уж теперь ты со мной не хитри.
Не поможет тебе никакое притворство:
Знаю силу твою и в работе проворство.
А уж этому старому псу
Угощеньице я поднесу
За такое потворство!»

Карандашик приказчик опять пососал
И хозяину-барину всё написал,
Что Фомич заслужил-де березовой каши,
А Данилка всю силу свою показал.
Отослал он письмо и с письмом все три чаши.
Только умный ли стих на него накати,
То ль приказчиком был он за что недоволен,
Барин всё на свой лад обратил:

«Без парнишки, — писал он, — Фомич обездолен?
Так назначить Даниле пустяшный оброк
И вернуть к Фомичу. Мастерство их готовенькое,
Сообща-то что-либо придумают новенькое.
Им то лучше, и нам будет впрок.
А пока пусть Данила берет себе срок
Хоть пять лет, дело вовсе не в срочности,
Но чтоб чаша по этому вот чертежу
Мне Данилой была б изготовлена в точности».
А на том чертеже не простые дела,
Не пустая колодина с дыркою:
Нарисована чаша была,
А все штуки на ней — с заковыркою:
Ободок обведен весь каймою резной,
Пояс каменной лентой обвит троекратно,
А по ленте — узор очень трудный, сквозной,
На подножке листочки торчат аккуртно,
И цветочки и почки — набор мелюзги.
Одним словом, придумали чьи-то мозги!

У приказчика инда в глазах стало зелено.
Зря грозился: мол, я Фомича проучу.
Объявил он Даниле, что барином велено,
И, отдавши чертеж, отпустил к Фомичу.
Те-то рады!
Лучше всякой награды.
Жизнь у них потекла, как зеркальный ручей,
И работа пошла побойчей.
С чашей возится парень. Сплошать неохота.
Есть капризы у камня, их все разужнай.
Чуть неладно ударил, пропала работа.
Вновь ее начинай.
Но и глаз его верен, и хватка умелая,
И уверенно-смелая
У Данилы рука.
Сил хватает. Работа спорится пока.
Только часто он охает: «Эко художество!
Наворочено хитростей многое множество,
А меж тем ровно нет никакой красоты.
Пустяка не хватает совсем: простоты.
Что надумали, а?» Паренек удивляется.
А Фомич ухмыляется:

«Да тебе что до этого? Право, чудак.
Так придумали, надобно, значит, им так.
Мало ль всяких я штук вырезал да вытачивал,
Так и сяк пред собой поворачивал,
Не поймешь даже толком, где — зад, где — перед,
И на кой они ляд, шут их там разберет!»

Обратился Данила к приказчику даже:
«Ох, и чаша рисунком худа же!»
Тот ногами затопал, рукой замахал:
«За рисунок заплачено сколько, слышал?
Да художник первейший в столице, пожалуй,
Делал этот чертеж. А ты что? Очумел?
Пересуживать вздумал башкой своей шалой?
Как ты смел?
Чтоб мужик господам хамский вкус свой навязывал!»
А потом, видно, вспомнил, что барин наказывал:
Мол, Фомич и Данила вдвоем
Могут в новеньком в чем отличиться, в своем.
Так сказал он Даниле: «Об этой-то чаше
Рассуждать — дело вовсе не наше.
Но коль чашу сумеешь ты сделать свою
Рядом с этой совсем на иную статью,
По другому какому-то, лучшему плану,
Мне-то что, бьет меня по карману?
Я на чашу вторую согласье даю
И мешать тебе в этом не стану.
Камня хватит, поди-ко. Глади, отличай,
Какой надо, такой получай».

Вот какое Даниле вниманье оказано.
Да и то ведь подумать, — не помню, кем сказано:
Уж не так это дело хитро,
Чтоб охаять чужое добро,
А свое вот придумать — да в самую точку,
Чтобы стать по заслуге у всех впереди, —
С боку на бок, поди,
Не одну тут повертишься ночку.

После этого думка одна
Завладела Данилой сполна.

Он над чашей сидит над чертежной,
Малахит покоряет рукою надежной.
Подгоняя на нем к завитку завиток,
В голове ж на другое совсем переводит:
К малахиту какой лепесток
Да цветок
Лучше прочих подходит?
Стал задумчив Данилка, невесел на вид.
Поразвлечь его как-то Фомич норовит:
«Ты здоров ли, дружок? Гнал бы мысли
ты взашей!

Да полегче бы, право, ты с этою чашей.
Торопиться какая нужда?
Без того ты на чашу свою нагяделся.
Ты вот лучше в разгулку сходил бы куда.
Дома сиднем сидишь. Засиделся.
— «Верно, — парень ответил, — и то рассудить:
Торопливости нету. Досужно.
В лес, пожалуй, не прочь я сходить,
Не увижу ль того, что мне нужно».

Лето в самую только вошло красоту.
Время было покосное.
Зреют ягоды. Травы в цвету.
Чуть не каждое утречко росное
Стал побегивать в лес паренек.
У полянки торчал обомшелый пенек.
Тут Данилка сидит спозаранку
Да глядит на полянку,
А не то по покосам пойдет,
Да не просто бредет,
А идет по траве деловую походкой,
Смотрит вниз, будто занят какою находкой:
Вот! Нашлась! И опять затерялась в траве!
А людей на покосе-то много,
Знать хотят, что у парня сидит в голове.
«Потерял, — спросят, — что?» Но посмотрит он
строго,

Будто гнет его горе какое в дугу,
А потом всех улыбкой осветит
И печально ответит:
«Нет, терять — не терял, а найти не могу».

Ну, пошел разговор средь людей, разумеется:
«С парнем что-то неладное дется!»

Он вернется домой и — к станку. И сидит.
В голове его гудом гудит,
Мысли мечутся, как раздраженные осы,
Эта той вперерез.
Он сидит до рассвета, а с солнышком — в лес
Иль опять на покосы.
Стал домой приносить он листки
Да цветки,
Собирая их в поле,
Всё из объеди боле —
Черемицу, багульник, омег да дурман,
Резунами набьет себе полный карман.
Спал с лица он, в глазах — беспокойство,
И в руках уже смелость не та.
Стал тревожен Фомич, видя это расстройство:
«Что с тобой, сирота?»
— «Не дает мне всё чаша покою
(Не чертежную чашу он тут разумел).
Брежу, дедушка, чашей такую,
Чтобы камень в ней полную силу имел».

Начинает Данилу Фомич отговаривать:
«Ни к чему тебе кашу такую заваривать.
Ну, на что тебе чаша такая далась?
И затея такая отколь родилась?
Препустая затея, скажу тебе грубо.
Пусть там тешатся баре, как это им любо.
Мы ведь сыты с тобой, нам чего горевать.
Нас бы меньше лишь стали они задевать.
Мне подсунут узор хоть какой, не перечу.
Самому-то мне лезть для чего им навстречу?
Только лишний хомут на себя надевать».
А Данила свое: «Я худым не мараюсь,
Не для барина вовсе стараюсь.
Не уходит из глаз, всё стоит предо мной
Чудо-чаша совсем в обработке иной.
Посуди: первый камень у нас, между прочим,
Ну, а мы — нас с тобой для примера возьму, —
Что мы делаем с ним? Лишь себя мы порочим:

Дивный камень мы режем да точим,
Политуру наводим, — и всё ни к чему.
Не хвалюсь — может быть, не рука мне,
Но желанье припало — себя растерзать,
Только полную силу, живущую в камне,
Самому поглядеть и другим показать!»

Время шло. Приказание барское в силе.
Хоть бедняге Даниле
Это было острее ножа,
Сел за барскую чашу, держась чертежа, —
За работою грусть понемногу рассеивается,
Парень смотрит на чашу, посмеивается,
Прикасается к ней, точно гладит ежа:
В ленте каменной дырки,
Да листки-растопырки,
Да резная кайма. . .
Можно спятить с ума!
Бросил эту работу, взялся за другую,
Не отходит почти от станка.
«Знаешь, дедко, я сделаю чашу какую?
Красоту всю возьму у дурмана-цветка».
— «Эко выискал диво! Бурьян у окошка!»
Парень слушать не хочет. В запале. Горит.
А денька через три Фомичу говорит,
Как в работе какая-то вышла оплошка:
«Ладно! Дело одно надо делать — не два.
Кончу барскую чашу сперва.
А потом — за свою. Ни твои отговоры
Уж тогда не удержат меня, ни укоры.
Вижу чашу. . . дурманный цветок. . . без листвы. . .
Не выходит она из моей головы!»
— «Эк ты как пристрастился к дурману.
Делай, делай. Мешать я не стану».
Так Фомич отвечал,
В мыслях то намечал:
Время выветрит дурь всю у парня, как водится, —
Про дурман позабудет Данилка, уходится, —
Можно к лучшему всё изменить,
Если б только парнишку женить, —
Ребятишки пойдут да заботы семейные,
Сразу сникнут все эти дурманы затейные.

Барской чашей Данила опять занялся.
В год не кончить. Резьба шибко тонкая вся.
Малахит обрабатывать надо, не глину,
Ничего тут не сделать в присест.
Вот уж чаша готова почти вполовину.
Про дурманый цветок нет у парня помину.
Стал талдычить Фомич: «Среди наших-то мест
Сколько славных невест! Но среди всех невест
Нет милее Демехиной Кати.
Ты, Данилушка, к ней пригляделся бы кстати.
Девка, прямо сказать, красота!»
Так Фомич говорил неспроста,
Твердо знал он, не только угадывал,
Что Данилка на девушку сильно поглядывал.
Стал Данила красней кумачу.
«Погоди, — отвечал Фомичу, —
С чашей кончить мне дай, — до чего надоела!
Вот того и гляди, что хвачу молотком.
Ты же мне про женитьбу. Пристал с пустяком.
Подождет меня Катя. Ей думать о ком?
Есть у нас уговор насчет этого дела».

Чашу вскоре Данила довел до конца.
Но про это приказчику он ни словца.
Дома всё же надумал он — пьянку не пьянку,
Просто так — небольшую устроить гулянку.
Катю, знамо, позвал и ее мать-отца.
Мастера тож пришли — малахитные боле.
Катя чаши его не видала дотоле,
Удивилась: «Узор очень мил, —
Вот гляжу, сколько хитрости тут наворочено,
В камне крошку меж тем ты хотя обломил,
До чего же всё чисто да гладко обточено!»
Мастера хвалят тоже: «Ну, ловко ж ты, брат!»
«Молодец!»

— «Подогнал к чертежу в аккурат!»
— «Не придраться!»
— «Сработано чисто!»
— «Сделал скоро и спору».
— «Блеснул ты резьбой.
Этак трудно нам будет тягаться с тобой!»
По-хорошему хвалят, хотя не речисто.

Слушал-слушал Данила и молвил: «Да, да!
В том-то вся и беда,
Что похаять тут нечем, всё гладко да ровно,
Чист узор и чертеж соблюден безусловно,
А меж тем никакой красоты.
То ли дело — живые цветы:
Самый плохонький чем-то пленяет,
Сердце радостью нам наполняет.
Чем же чаша вот эта порадует взгляд?
И на кой она ляд?
Вот Катюшу она подивила
Тем, что мастера руку и глаз проявила:
Хоть бы крошечку камешка где обломил!»
— «Эк беда! — Мастера засмеялись. —
Обломил — заклеил,
Политурой покрыл,
Вот и всё. Кабы этого все мы боялись!»
— «Вот, вот, вот! Политура — и ты не в беде.
Ну, а где ж красота его, камня-то? Где?
Где прожилка прошла — место метим для точки,
Или дырки сверлим, или режем цветочки.
Что к прожилке грешно прикоснуться рукой,
То у нас не в примете.
А ведь камень какой! . .
Ух ты, камень какой! . .
Первый камень на свете!»
Вот какие Данила слова закатил.
«С непривычки: маленько хватил». —
Мастера все на это:
«Что творится, Данила, в твоей голове-то?
Намолол ты чего нам бог весть.
Камень — камень и есть.
Что с ним делать? Порядком рабочим
Мы сверлим его, режем да точим».

Только был тут один старичок,
Фомича и других он учил в свою пору,
Он Даниле сказал: «Твоему разговору
Грош цена, милачок.
Я покрепче сказал бы, да вот при девице...
Не ходи-ко по этой ты, друг, половице.
Аль ты в горные хочешь попасть мастера?»

— «Есть такие?»

— «Не маленький. Знать бы пора,
Что хозяйкою Медной горы-то
Под землей мастеров этих много укрыто.
Их работа в горе на хозяйкин заказ.
Вот у них мастерство! Мне случилось раз
Видеть ихней работы вещичку.
От работы от нашей совсем на отличку.
Кто такую добудет, в руках — капитал,
На всю жизнь обеспечит себя и семейку».
Все пристали: «Какую поделку видал?»
Старичок отвечал:
«Малахитную змейку.
Зарукавья у нас вроде змеечки той,
Нынче делать их змейкою стало в привычку».
— «Что ж она? Чем взяла-то?»

«Какой красотой?»

— «Говорю, что от нашей совсем на отличку.
Сразу может признать ее мастер любой.
Наша змейка иная,
Распрекрасна, допустим, собой,
Щеголяет отточкой своей и резьбой,
Мертвым, каменным блеском своим отливая.
А вот змеечка горной работы — живая:
Хребтик черненький, глазки в зеленой меди
Искры мечут. Ну, клюнет, того и гляди! . .
Мастера! Им ведь что. Вся работа резная.
В красоте из них каждый — первейший знаток,
Потому что он каменный видел цветок».

Старичка про цветок стал Данила выпрашивать.
Тот сказал: «Сам цветка я не видел, сынок,
А не видевши, что же враньем-то раскрашивать?
Расцветает он, людям беду грозя:
Повидать его нашему брату нельзя,
Сколько б ни было к этому жажды, —
Кто случайно хотя бы однажды
На цветок этот глаз устремил,
Белый свет ему больше не мил».
— «Я, — Данила сказал, — ничего б не страшился,
На цветок поглядеть бы решился».
Он не думал о счастье тогда ни о чем,

Позабыл, что сидит он с невестой-девицей.
Трепыхнулась Катя подстреленной птицей,
У бедняжечки хлынули слезы ручьем:
«Ах, Данилушка, этим себя ль ты измучил?
Белый свет тебе ровно наскучил?»

Тут другие смекнули: с такой болтовни
Получилась неважная вовсе беседа.
Старика поднимать стали на смех они:
«Из ума выживаешь ты явственно, дедушка.
Лучшей сказки не мог ты найти.
Парня зря только этим сбиваешь с пути».
— «Что?! — Старик по столу кулаком даже
стукнул, —
В камне, правда, не смыслим мы все ни черта!
А в цветке том показана вся красота».
Мастера снова смехом: «Ты, дедушка, клюкнул.
Нет такого цветка да в такой-то красе».
— «Есть такой, провалитесь вы все!»

Вот не стало гостей. Но Даниле не спится.
А вздремнет — разговор недоконченный снится.
Паренек загрустил,
Снова в лес зачастил,
С дурман-чашею возится снова,
А про свадьбу ни слова.
Стал Фомич уж его понуждать:
«Что ты девушку зря покрываешь позором?
Сколь лет ей в невестах томиться да ждать?
Смотниц мало ль? Начнут пересмеивать хором».
У Данилы на это всё те же слова:
«Мне придумать... да камень найти бы сперва».

Ни себя не жалея, ни доброй одежды,
Он повадился бегать на медный рудник
На Гумёшки,
Всё там камня искал — сам себе проводник,
Он в забои забытые всеми проник
Иль искал наверху, камень трогая каждый.
Оглядев очень пристально камень однажды
И увидя, что камень не стоит хлопот,
Он сказал: «Нет, не тот!»

Вдруг он слышит в ответ, хоть души ни единой
Не виднелось кругом:
«Поищи-ко ты в месте другом...
Возле горки Змеиной».
Огляделся Данилушка. Нет никого.
Ладно. Верно, морочит кто-либо его,
Шутит. Где он запрятался, шут-то?
Место голое, спрятаться некуда будто.
Зашагал он домой. Дома ждут его ши
Да Фомич будет охать, о Кате горюя.
Вдруг опять слышит голос: «Ты камня ищи
Возле горки Змеиной, тебе говорю я».
Оглянулся Данила: «Ну, что за обман?»
Только голос приятненький, женский,

не грубенький.

Верно! Женщина... вон... чуть видна, как туман
Над рекою вечерний, голубенький.
Был туман и — не стало. «Эх-ма!..
Да неуж — то сама?
Ладно ль будет на это давать отговорку?»
И Данила пошел на Змеиную горку.

Еще засветло к ней он дойти норовит.
Недалечко она. Небольшая на вид,
А крута, и с одной стороны, как нарочно,
Кем-то срезана точно.
Получилось глядельце — не надо гадать
О богатстве подземном владельцу:
Все пласты — лучше некуда — сразу видать.
Вот подходит Данила к глядельцу,
Камень сразу приметил — с собой не унести,
Малахитина в точку, как есть,
То, что надо как раз для Данилки:
Вроде кустика сделан природой самой,
Снизу цветом погуще, где надо — прожилки.
За лошадкой Данилка дорожкой прямой.
Камень этот быстренько привез он домой,
Показал Фомичу: «Не находочка, ну-ка?
Для меня ровно кем-то подброшена штука!
Живо сделаю. Знаешь ведь сам — не ленюсь.
А как сделаю, тут и женюсь.
Заждалась меня Катенька. Мне-то легко ли?

Не давала работа, вишь, эта мне воли.
Попытаюсь управиться с ней
Поскорей.
Свадьба, стало, совсем у дверей».

Заработал он впрямь что есть силушки-мочи.
Возле камня проводит и дни он и ночи.
А Фомич знай молчит,
Про себя лишь ворчит:
«Камень, правда... Редчайшую сделал находку.
Успокоится, может, как стешит охотку.
А работа Данилкина ходко идет.
Низ отделан: как есть, куст дурмана цветет,
Листья кучкой, широкие листья, дурманские,
И прожилки, и зубчики, словно чеканные.
«М-да! — Фомич говорит. — А цветочек-то твой
И взаправду — рукой хоть пощупать — живой».
Но доверху дошло — заколодило сразу.
Стебелечек был выточен — всем для показу,
Боковые листочки — на чудо взгляни! —
И на чем только держатся, право, они?
По дурману-цветку отработана чашка.
Всё, иначе, не то!.. Получилась затяжка.
Не дается работа. Данилка застрял:
«Неживой стал цветок и красу потерял.
Как его оживить?!» Сна Данилка лишился.
«И с чего паренек крушился? —
Мастера этак все про него говорят. —
Чашу может кто сделать такую? Навряд.
Чаша прямо на диво, смотреть-то отрадно,
А Данила мудрит, а ему всё не ладно.
С небывалым бывалое хочет сличить.
Парня надо лечить».
Катя слушала речи, им мысленно вторя, —
Истомилась, поплакивать стала от горя.

Образумило это Данилку: «Конец!
Не подняться мне выше. Не те, видно, крылья.
Не поймать силу камня. Напрасны усилья».
Торопить стал Катюшу: «Идем под венец!»
А чего торопить? Молвил только бы слово.
Всё давным уж давно у невесты готово.

Весел парень. Колечки уже заказал,
Ну, и всякую новую справу одежную.
Он про чашу — чертежную —
Ведь приказчику-то не сказал,
А тот сам набежал: «Ух, вещица какая!
Надо барину чашу немедля отвезть».
Но Данила ему: «Не довел пустяка я.
Погоди-ко маленько. Доделочка есть».
Время было осеннее. День уж не длинный.
Кто-то к слову сказал: «Скоро праздник Змеиный.
Соберутся все змеи на праздник на свой».
Услыхал то Данила, поник головой.
Про цветок он про каменный снова
Вспомнил все разговоры от слова до слова.
Если к пороху кто-то подносит фитиль,
Порох вспыхнет. Данила забился в каморку.
Думать стал: «Мне в последний разок не пойти ль
На Змеиную горку?
Может быть, мне удастся что-либо узнать».
И про камень-находку он стал вспоминать,
И про голос о горке... — «ведь был он не ложен:
Камень вроде нарочно у горки положен!..»
И Данилка пошел. Важен первый шагок.
Уж мороз серебром темный лес разукрашивал,
Подмерзала земля, и снежок,
Первый, мягкий снежок припорошивал.
Подойдя к тому месту, где камень он брал,
Видит выемку парень. «Тут камень ломали».
Не подумал он, мыслей своих не собрал:
Кто ломал? Не *сама* ли?
Он зашел в этот выбой, в его глубину.
Парень — трудно найти посмелее.
«Посижу, — он решил, — отдохну.
Тут за ветром теплее».
Камень он увидал у стены серовик,
Видом весь вроде стула.
Сел на каменный стул, головою поник.
Мысли всё про цветок: увидеть бы на миг!
Только чувствует — осень холодная дула,
Тут же сразу крутой перелом:
Потянуло откуда-то летним теплом,
Будто рядом не камень, а зелень, лужайка.

Поднял голову парень: напротив сидит
— Как ее не признать? Всѣ на ней — малахит! —
Медной, значит, горы чаровница-хозяйка!
Но не верит Данила глазам.

«Мне мерещится. Болен я. Чувствую сам».

Он сидит и молчит. Перед ним никого-де.

И хозяйка молчит, призадумалась вроде,

А потом говорит (значит, всѣ не во сне!):

«Ну-тко, мастер Данила, скажи-ко ты мне,

Дурман-чаша твоя чем себя отличает?»

— «Чем? Не вышла!» — Данила ей так отвечает.

«Вешать голову, мастер, — в том радости нет:

Кто повесил ее, тот уже обезглавлен.

Попытай что другое, мой добрый совет.

Камень будет по мыслям твоим предоставлен».

— «Нет, измаялся я. Размотал весь моток,

Сколько было, терпенья.

Все — любые! — исполню твои повеленья,

Только каменный мне покажи ты цветок.

Есть такой?»

— «Ты обдумал вопрос-то?

Показать — дело просто.

Пожалеешь потом. С этим нету игры».

— «Ты потом не отпустишь меня из горы?»

— «Нет, бегут лишь оттуда, где хилость

да гнилость, —

От меня же дорога открыта вполне,

Только все возвращаются снова ко мне».

— «Покажи мне цветок, сделай милость!»

Уговаривать долго пыталась она:

«Мастерам настоящим нельзя торопиться.

К мастерству есть дорога одна:

Самому его надо добиться».

Фомича помянула: «Из пчел, не шмелей.

Он тебя пожалел, ты его пожалей».

Про невесту напомнила: «Как привечает!

Ведь души в тебе девка не чает!

Жизнь она ли твою омрачит?

Ты же в сторону смотришь. А будет что дале?»

— «Знаю! Всѣ же цветок покажи мне! — В запале

Так Данила хозяйке кричит: —

Покажи. Для меня это жизни дороже!
Всё равно мне, вернусь, не вернусь ли назад!»
Отвечала хозяйка: «Ну, мастер, добро же,
Ты увидишь мой сад».

Будто осыпь обрушилась где земляная.
Шум пошел и утих.
Смотрит парень — картина иная:
Нету стен никаких,
А деревья стоят вида все необычного,
Не как в наших лесах, а из камня различного:
Мрамор там, змеевик — словом, всяких пород,
И что главное — парень раскрыл даже рот! —
Все деревья — живые: надутые почки,
И зеленые ветки на них, и листочки, —
Ветерок подует — поднимется голк,
И пока он не замер, не смолк,
Будто галечки кто — так на слух представляется —
Стал подбрасывать, чирканьем их занимается.
А понизу — трава,
Тож из камня и тож, как деревья, жива,
Цветом травка та разная,
Рядом с травкой лазеревой — красная, —
И светло, хотя солнышка нет, —
Извивая хвосты, свои тулова, шейки,
Золотые в деревьях трепещутся змейки,
И от них этот свет —
Мягкий, ласковый, глазу приятный,
Ровно свет предзакатный.

Вот хозяйка Данилу — дорога светла —
Скорым шагом к полянке большой привела.
На полянке земля, точно глина простая,
А по ней черным бархатом поросль густая,
И куда ни посмотришь, во всех-то местах
Дурман-цветом та поросль покрыта —
Красоты ненаглядной на черных кустах
Колокольца зеленые из малахита,
И сурьянная звездочка в каждом цветке, —
Огоньки над цветками сверкают живые,
Это пчелки мелькают везде огневые,
Отдыхают на том, на другом лепестке,

В колокольца спускаются, росы медвяные,
Ядовито-дурманские, с жадностью пьют
И потом вылетают оттуда, как пьяные, —
Колокольца колышутся, звезды сурьмяные
Тонкий-тонкий, серебряный звон издают,
Ровно песню поют.

Тут хозяйка спросила: «Что, мастер Данила?
Я тебя своим садом пленила?»
Отвечал он: «Мне трудно из сада уйти.
За показ твой спасибо.
Чтобы мог я подобное сделать что-либо,
Можно ль камень найти?»
— «Верный глаз у тебя, руки тоже не слабы,
Лучший мастер из всех в мастерском ты кругу.
Кабы сам ты придумал, я камень дала бы,
А теперь не могу!»
Так сказала хозяйка — и кончено дело:
Где-то осыпью вновь зашумело, —
Вкруг себя паренек поглядел,
Он на камне на том же, где раньше сидел,
В той же ямине. Холод насквозь пробивает.
По-осеннему ветер свистит, завывает.

В этот вечер — совпали какие дела! —
У невесты как раз вечеринка была.
Вот Данила туда и направился.
Поначалу невесте лицом он понравился:
Уж такое веселое — любо глядеть.
Стал плясать он и петь,
Молодцом приосанился,
А потом затуманился.
«Что с тобой? Аль сошлись мы кого хоронить?»
Испугалась невеста, ей это не мило.
Он ей стал непонятное что-то бубнить:
«Нездоров я. Мне голову всю разломило...
И в глазах зарябило...
На полянке лазурь... чернота...
И зеленое с красным...
Поросль пьяно-дурманная с листьем атласным...
И сурьмяные звездочки, ах, красота!..
Всё при свете волшебном казалось ясным...»

И опять темнота...

Воет ветер... Дорога с промерзшими лужками...
Страшно!.. В памяти как это всё удержать?..»
Видит Катя: больной, стали руки дрожать.

Вечеринка окончилась. Катя с подружками
По обряду пошла жениха провожать.

Ну, а много ль дороги?

Жили рядом они, через дом — через два.

Сердце Кати щемит от неясной тревоги,

Но со смехом она произносит слова:

«Этак, девушки, рано мы спать приохотимся.

Мы не сразу домой жениха поведем,

До конца мы по улице нашей дойдем,

По Еланской воротимся».

Мысль о том у самой:

Голова у Данилки с чего-то кружится,

Пусть на улице он просвежится,

Перед тем как ему возвращаться домой.

А подружки довольны, того только ждали.

«Впрямь, — вскричали, — жених-то едва ли

Не живет у невесты в дому!

Мы по-доброму вовсе еще не певали

Провожальную песню ему».

Голоса на морозе разливисты, гулки.

Кстати ветер утих. Падал редкий снежок.

Все пошли. Самый час для разгулки.

Впереди шел с невестой жених, мил-дружок,

А веселой гурьбою за ними

Шли подружки невесты с парнями своими.

Поначалу хи-хи да ха-ха.

Насмеявшись, девушки в честь жениха

Загорланили песню свою провожальную,

Уж такую печальную,

По покойнику чисто, ну, подлинно, вой.

Катя видит — неладно всё это,

Причитанье какое запето, —

Без того ведь Данилка с больной головой,

Невеселый, всё думушки где-то,

Так уж Катя его стала всяк тормошить,

Всё, что было, тащила из памятной сумки,

Все слова, чтоб его поразвлечь, рассмешить,
На другие свернуть, на веселье, думки.
В разговор он вошел, будто стал отмерзать,
Стал хорошее слово на слово низать,
Отвечать стал на ласку такую же лаской,
Но — с какой-то сторожкой опаской,
Будто лишнее слово боялся сказать, —
Под конец мыслью снова какой-то ужалился
И опять запечалился.

А подружки Катюшины тою порой
Завели уже песню на новый настрой,
Был настрой этот шибко заборист и весел.
После шутки пошли, суетня,
Беготня.

Но Данилушка голову грустно повесил,
Сам он тут, а все мысли его где-то там...
Проводили его. Разошлись по домам.
С ним невеста. Целуй без чужого догляду!
Но Данила — что мертвый: глухой и немой.
Проводил он невесту — уже без обряду —
И вернулся домой.

Тихо-тихо домой он вернулся,
Чтоб Фомич не проснулся.
Осторожно зажег паренек
Огонек,
На середку избы обе чаши извлек
И стоит их оглядывает,
В мыслях что-то прикладывает.
Кашлем стало тут бить Фомича,
Надрывается прямо. Что с мастером случилось?
От здоровья его ничего не осталось,
Надломил и старость и хворь силача.
Пред Данилой ученье его промелькнуло:
Приобрел он отца в человеке чужом,
Точно по сердцу острым ножом,
Этим кашлем его резануло.
Крепко жаль старика. Век бы с ним вековать.
Тот откашлялся, сразу к Даниле с вопросом:
«Ты с чего это в чаши уткнулся так носом?»
— «Да гляжу, не пора ли сдавать».
— «И сдавай... ках-ках-ках!.. И прекрасно...»

Мастера все признали: готовы давно.
Занимают... ках-ках!.. Только место напрасно...
Лучше сделать нельзя всё равно».
Рад Фомич: образумился, дескать, чудила.
С тем заснул, чтобы встать на работу чуть свет.

Вслед за ним тож прилег и Данила.
Только сна ему нет.
Поворочался он. Всё не спится.
Встал, зажег огонек, подошел к Фомичу.
Фомичу что-то снится.
Парень тяжело вздохнул: «Вот как я оплачу
За добро за его. Без меня он зачахнет».
На дурманную чашу потом поглядел,
Взял балодку, в руках повертел
Да по чаше по этой как трахнет,
Только схрупало. Чаши другой
— На господский чертеж дорогой —
Он не тронул, а только отбросил балодку,
Подошел к этой чаше и плюнул в середку.
А потом, в чем он был, в том стрелою на двор!..

Так Данилу с тех пор,
Хоть искали его повсеместно,
А найти не могли. Где пропал — неизвестно.
Шел про то разговор:
Фомича и невесту покинул —
Знать, решился ума, в лес ушел со двора
Да в лесу где-нибудь и загнул:
Ведь раздетый ушел, а такая пора.
Но иные несмело, а всё же поспаривали
Про Данилу и так шепотком разговаривали:
Не хозяйкой ли в горные взят мастера?

К месту будет иному сказать пустоплету:
Мастерство никому не дается с налету,
Стоит мук — очень тяжких порой — мастерство, —
В мастерстве высочайшем — в нем есть колдовство.
Вон с Данилой какие дела приключились.
В старину мастерству-то как люди учились!

СИЛА

О тагильских Демидовых весь разговор:
Шибко эта порода у нас знаменита,
Имена у Демидовых шли до сих пор
Вперемежку — Окинтій, а следом Никита,
За Никитой — Окинтій. Цари-короли!
Не заводчик богатый, не выжига тертый,
А Никита Четвертый!
Турчаниновы моду от них завели,
Тоже, дескать, и мы перед вами не марки:
Имена у них всё иль Петры или Марки.
Дело их, рассуждает народ так простой,
Петр аль Марк, а всё барин — богат и у власти.
Человеку рабочему в прихоти той
Мало сласти.
Не к тому разговор — языка не марать, —
Чтобы их имена разбирать.
А вот чуть ли не в самой середке
Заводской нашей дачи гора есть одна,
«Марков камень» зовется она.
Турчанинову Марку — по общей наметке —
Этим честь воздана:
То ли Марк тут, который гонялся за дичью,
По другому ль какому приличью.
Только зря так про гору плетут:
Ни один Турчанинов не хаживал тут,
Вовсе место у этой горы не такое,
Чтобы барским его освятить сапогом:
Шибко место глухое,

И болото кругом, —
Ежель барин с ружьем побродить тут захочет,
Никакой вовсе дичи он тут не спугнет,
Только ноги промочит
Да сморкаться начнет.
Лишь рабочие люди в том месте пошныривали,
Мягкий камень маленько в горе поковыривали.

Сотня лет аль поболее прошло с той поры,
Как такое названье пошло у горы.
Срок, чтоб спутать всех Марков, достаточно длинен.
Только Марк был другой в том прозванье повинен.
Вишь ты, барынька тут на заводах жила,
Турчаниновской душечкой прежде была,
Накопила деньжат от любовных получек, —
Как, бывало, красотке иной подопрет!
Брали замуж особо нагулянных щучек, —
Так женился на ней генерал аль поручик,
Шут их там разберет.
Вот и стала она госпожою Колтовскою.
А с чего она в Сысерти больше жила,
Овдовела аль с мужем своим порвала,
Неизвестно, а памятью только людскою —
Хоть порой забывают такие дела! —
Удержалось, что барыня, дескать, такая,
Госпожа Колтовская,
На заводах была.
Много барынь старинных людьми позабыто,
Будто с гробом и звание в землю зарыто.
Колтовчиху ж всё помнят который годок!
Особливый сумела оставить следок:
Где, к примеру, девчонка
Иль какая бабенка
Загуляет теперь во всю прыть,
Говорят про нее: «У, негодница,
Греховодница!
Колтовчиху, никак, норовит перекрыть!»
Колтовчиха — какой в ней характер возрос-то!
Всё же баба, скажи, не петух на току,
А ведь падкой была до чего к мужику,
Удивление просто!
Господишек вокруг-то нее без числа.

Что им делать, известно?
Никакого другого у них ремесла,
Для того лишь годились они повсеместно.
Только барыне этой всё куча мала.
Всё ей мало да мало,
Господишек одних ей уже не хватало,
Так не брезговать стала рабочими тож,
Даже стала склоняться к ним чаще да чаще:
Поскладнее который, побаше,
Тот и к делу пригож.
Тут уж мало сказать: вертихвостка.
Ежель слышали: барыней кучер Семен
На Ерему сменен,
Знали все, в чем загвоздка.
Что ж! Ерему взяла? Ну, взяла и взяла.
Подневольное дело, обязан, нет спору,
Человека-то всё ж нарядили не в гору.
Посмеются еще: «Парню жизнь весела!»
А того не подумают: барыня зла,
Парню с лаской глядеть на такое корыто...
Может, это похуже горы-то!

И случилось этой-то вот Колтовской
Препожаловать как-то в завод Полевской
В Петра-Павла как раз. После церкви — гулянка.
У плотинки у старенькой, там, где полянка,
Погоулять собирался почти весь завод.
Начинается с малого — бабки, орлянка.
Средь мальчишек найдется всегда коновод,
Ткнет он этого в бок, а другого в живот:
«Не поборешь!»

— «Давай!»

Так борьба разгорается.
Смотришь, пара-другая старается.
Ребятишки столкнутся вперед,
А потом и до взрослых доходит черед.
Лучше нету того, как похвастаться силой.
Сильный быть не обязан верзилой:
Были сильные очень борцы
И собой молодцы.
А борьба та была, видно, на руку барам:
Не шептались бы только в углах по амбарам, —

Развлекаются люди в конце-то концов,
Так хороших борцов
Баре важно хвалили обычно
И подарком изволили жаловать лично.

Те борцы, что работали в Медной горе,
Были шибко худые
И по виду больные,
Только крепость у них и в руке и в бедре,
Ой какая! И спины — стальные,
Так облапит иной, затрещат позвонки,
От такого обхвата порою — на койку.
А фабричным борцам — им совсем не с руки
Против них оказать неустойку.
Круг рудничным отдать — велика ль похвала!
Да и тоже у них ведь силенка была,
У борцов у фабричных,
Особливо у кричных:
Закалили себя у огня да в дыму,
Крепко слажены все, и ловки и упруги,
У которого грыжа давно от натуги,
А попробуй-ко сунься к нему!
Отошлет за припарками к бабке Лукерье.

Был в ту пору средь кричных один подмастерье.
Марком звали. Ну, парень! Года — самый сок.
Ликом — чист, да плечист, да высок,
Ловок так, будто ртутью он налит,
А в нем сила — медведя повалит.
Кто пред ним устоит? Всех вповалку косил.
Молодой, а уж круг сколько лет уносил.
Ну конечно, гора похвальбы хоть посбавила,
Ей не любо, чтоб крична ее обесславила,
Так она в этот год
Учинила подвод,
Прихитрилась, взяла да Вавилу подставила.
А Вавила был, истинно, в людях урод,
И в годах уж он был, уж о внуках печаловался,
И на грудь на больную он жаловался,
Человек чуть не завтра готов помереть,
А меж тем просто страх на него посмотреть:
Согнут весь, превратился в сутулую топалу,

Так подумать, совсем человек уж зачах,
А сажень-то печатная, вишь ты, в плечах,
Две руки — две клешни — свисли чуть ли
не до полу.

Вот он был, этот самый Вавила, каков.
Проработал в горе двадцать пять он годков!
Не работа ведь это, а каторга та же.
Но не сгрызла гора его даже.

С ним, с Вавилой, никто не боролся давно,
Да и сам он к тому не охотился.
А вот тут задудили ему все в одно,
Чтобы он о горе позаботился,
Крична больно зазналась, пора осадить.
Тут и вышло: когда разыгрались кричные
И от них преотличные,
Самолучшие стали борцы выходить,
Против них и затопал Вавила.
Видят кричные — выперла сила,
А поддаться-то всё ж не хотят.
Ну, Вавила их всех разметал, как котят.
Тут до Марка дошло. Кричне дело не нравится,
Закричала: «Вавила совсем не в зачет!»
«Хоть кого припечет!»
«Ни один человек с этим зверем не справится!»
А гора знай орет:
«Марков, Марков черед!»
«Жаль вам парня, на праздничный лад разодетого?
Да какие ж борцы все у вас после этого?!»

Шибко сильный в горячке пошел перекор.
Сам Вавила тут с Марком вступил в разговор:
«Выходи-ко, Маркуша, для круглого счета.
Какова в тебе силка, узнать мне охота».
Марк ответил: «Ну что ж? Попытаем нето.
Я бы против тебя не пошел ни за что.
Но коль сам ты так хочешь, я что ж... не перечу».
Вышел Марк. Поглядеть на такую-то встречу!
Наши борются как? Всем известно: в замок,
Ждут, чья хрустнет спина и не выдюжат ноги.
Ну, а всё же сноровка нужна и умок,
Сила вся — полусила без этой подмоги.

Марка бросить Вавиле и бог сам велел:
Марк Вавилы казался пожиже,
А поди же!
Одоле!
Из трех раз только раз был Вавилою брошен,
А его бросил дважды. И то: молодой.
Нет у старого силы и ловкости той.
Крична, знамо, ликует: подарок не прошен.
А рудничный народ огорошен,
Стал кричать:
«Надо снова начать!»
«Не по правилу вовсе боролись!»
Так натужно кричали —дохнуть тяжело,
У иных от натуги все швы распоролись,
А до драки-то всё ж не дошло.
Крикунов сам Вавила стал резко осаживать:
«Ну, чего себя зря взбудораживать?
Было правильно всё. Марк, взаправду, удал.
Фальши я от него никакой не видал.
А бороться уж пыл на меня не накатит.
Попытал,
С меня хватит.
Уж не тот в старом дереве сок!»

Одарили борцов без обману:
Кому шапку, кому поясок,
А Вавиле да Марку — так тем по кафтану.
А затем — повелось уж исстари так —
Все в кабак.
Соблюдать надо Марку такой же порядок,
Хоть он был на вино и не падок.
Неохота ему в кабачишке сидеть,
Есть иной интерес в молодые-то годы —
Марка тянет на девок, на баб поглядеть,
Как они поведут хороводы,
Поплясать вместе с ними да песни попеть.
Только всё ж мужики, как им в этом откажешь?
Круг унес, — так ужель мужиков не уважишь?
Вместе с ними пошел, сам жене стал кричать:
«Без меня тут, Манюша, не вздумай скучать!
Я ненадолго, Маня, с тобой разлучуся,
Лишь кафтан окроплю и сейчас ворочуся».

С молодою женой да на первом году
Миловались они у людей на виду,
Друг без друга они что иголка без нитки.
Баб да девок других даже брали завидки.

Мужики не успели войти в кабачок,
Барский к ним подбежал казачок:
Марка барыня требует. Не было дела!
Колтовчиха на круг из коляски глядела.
Из коляски видней.
Господишки тут разные были при ней,
И приказчик, и всё заводское начальство.
Вот подходит к ней Марк — за каким-то добром?
А она оказала свое генеральство:
Подала ему рубль серебром.
«Окажу тебе честь, — так сказала, — немалую,
Из своих белых рук тебя жалую».
Он ей, значит: «Покорнейше вас!»
А она на него так прищурила глаз
И себя обратила в такую-то душечку, —
То есть в барыне нету стыда на полшечку!
Всем видать. Только Марку не в разум тот вид,
Отойти норовит.
А она тут и выкинь неладную штуку:
«Подойди-ко сюда, покажи-ко мне руку».
Марка это дивит (а других не дивит).
Подошел, руку кверху ладонью показывает.
«Хи-хи-хи! Ты, парнишка, лукав!
Ты повыше загни-ко рукав», —
Колтовчиха так Марку приказывает.
Он загнул. А она его за руку — хватъ!
Стала щупать, ну, лошадь бы смотрит, похоже.
Господишки за барыней тянутся тоже,
Меж собой не по-русски пошли толковать,
Смотрят, щупают. Марку всё это в обиду,
Но не хочет оказывать виду:
«Потерплю, будь что будь».
А уж барыня ворот велит расстегнуть:
«Покажи-ко мне шею... и грудь!»
Всё лицо Марку залило кровью,
Но крепится, не дрогнул и бровью.
А уж барыня стала дышать горячо:

«Покажи мне плечо!»
И плечо ему этак легонько щекочет,
С господишками что-то лопочет,
Не лопочет — воркует, поет
И какое-то всё повторяет словечко,
Вроде имя нерусское Марку дает.

Заводские бабешки стоят недалечко.
Шу-шу-шу! Несуразное стали молоть:
«На венчальное, Маня, взглянула б колечко:
Потускнело оно. — Стали Маню колоть: —
Эвон барыня как твоего озирает,
В жеребцы выбирает».
«Уж и кличку дала ему новую. Да!»
Ну, а Маня — девчонка, совсем молода
И проста, вроде божьей коровки,
К жизни нету еще настоящей споровки —
Где скажи, где смолчи, где душой покриви,
Так она тут возьми зареви,
Да ведь как! Словно в доме покойник имеется:
«Ой, да что ж это, девоньки, деется?»
Марк прислушался, вздрогнул, потрянул головой:
«Манин вой!»

Колтовчиха спросила приказчика строго:
«Кто завыл?»
Призамялся приказчик немного,
Тоже в страхе пред барыней был,
Шапку снял, доложил: «Воет баба евонная,
Манька, значит, супруга законная».
— «Что ж ей выть? Разве муж у меня не в чести?
Побеседую с этою дуροю.
Привести!»
Привели. Перед барыней хмурою
Маня робко стоит с головою понурою.
«Ты о чем?»

А Манюша возьми с простоты
Да и ляпни: «Мой муж он законный,
А все бабы смеются, что будто бы ты
Увезти хочешь Марка на конный».
Усмехнулася барыня тут:

«Не ревела б, не будь ты глупа бы.
Хорошо ведь придумали бабы.
В конюха молодцы ведь какие идут?
Подюжей, помоложе.
Так, пожалуй, и твой будет конюхом тоже».
Маня стала совсем без ума:
Надоумила барыню, значит, сама!
Так она хлоп ей в ноги: «Ой, барыня!
Ой, сударыня!
Но ведь мы с ним живем только первый годок,
Замени лучше Марка другими парнями!
Да ведь он у меня на конях не ездок,
Не умеет с конями!»

Колтовчиха на то говорит:

«Он, гляжу, и с тобой не умеет управиться.
Разве может мне это понравиться,
Что бабенка его предо мной так дурит?
Проучить вас обоих-то следует разум!»
Колтовчиха к приказчику тут же с приказом:
«Ты ей дури посбавь.
У меня быть ей в горничных. Завтра ж доставь.
Вон как щеки наела.
Ест у мужа, знать, сытенько, сладенько пьет.
Да моя-то Устинья ей лишнего тела
Быстро сбавит, уж так обобьет! . .
Ну, а ты, молодец, что жены-то не учишь?
Ты за это урок свой получишь».
Только Марк без того изорвался уж весь,
То он густо скраснеет,
То он весь побелеет.
Разожгла его барская спесь.
Пред народом ему шибко стыдно.
Не в себе эта барыня, видно:
Эвон, как его стала пытаться,
Перед всеми за голое тело хватать.
На весь век его этим ославила.
Да и Маня сглупа тоже на смех поставила.
В этой барыне он не оставил души б,
Господишкам такую б устроил он баню!
Осерчал. Так бы ровно весь свет он расшиб! . .
И хватил он тут по уху. . . Маню.

Та свалилася наземь — жива
Аль мертва?
И дыхания нет, и глаза закатила.
И вся стая бабешек, что Маню смутила,
Завопила: «Убил!»

— «Ой, родные, убил!»
— «Маня!.. Маня!.. Не дышит!»
— «Ой, боже мой, боже!»

Марк стоит. Колтовчиха орет на него же:
— «Эвон женушку как ты свою полюбил,
Баловством стал каким ее нежить, сударить,
Что нельзя и ударить!»

Парень тут не стерпел,
Озверел.

«Ах ты, сука Федосья!»

Как сгребет эту барыню он за волосья
Да как шмякнет на землю, ой-ой!

Каблучки только сбрякнули,

Черева только чвякнули, —

А он в рожу еще ей ногой,

Да другой!

Господишки к нему. Им-то с ним врукопашку!

Стражник вытащил шашку.

Колтовчиха визжит: «Настояю на своем!..

Я расправлюсь по-своему с этим злодеем!..

Забирайте живьем!..

Забирайте живьем!»

Только где им!

Без пожарников им, видят, дело — табак,

Так пожарников звать скорым ходом.

А другие ж опять побежали в кабак

За народом.

Вот пожарники мчат, сколько крючьев-желез!

А народ — вперерез.

«Эх, лихая судьбина!»

С грозным криком Вавила гребет впереди,

Машет страшной дубиною — этак, поди,

В три сажени дубина!

«Эй, — кричит, — берегися, убую!

Коль посмеет кто пальцем задеть лишь Маркушку,

Негодяю тому я дубину свою

Опущу на макушку!»
Тут сердчишки у всех у господчиков — ёк!
Видят, дело худое, скорей наутек,
Неохота до срока ложиться в могилу.
Но один — Колтовчихин как будто зятек —
На бегу и пальни это, значит, в Вавилу.
И ведь что же, собачье он мясо? Попал!
Угодил, видно, в самую жилу.
Охнул тот, носом в землю упал
И уж больше не встал.
А какой был могучный! Как дуб. Не качался.
Не сломали ветра,
Не сжевала гора,
От дворянской поганенькой пульки скончался!

Баринок этот порох подбросил в огонь:
Весь народ разъярился
Да за ним, за убийцей, в погонь.
Тот на лошадь. По сысертской скрылся.
Господишки другие — взяла б их чума! —
И хозяйюшка их, Колтовчиха сама,
Вещи быстро в коляски свалили,
Вслед за ним упалили.
Ну, пожарникам знатно намяли бока.
Изувечили многих. Душа — в облака,
Тело — в землю, — таких оказалось двое.
Вот случилось дело какое!
Для пожарников вышел крутой оборот:
Барской щедростью прихвостни эти питались,
На пожарной нещадно пороли народ,
Так за это за всё с ними тут и сквитались!

Через день, через два в Полевой —
Городское начальство, солдатский конвой.
Прикатила и подлая барыня тоже.
Так судили — не выдумать строже.
Всё пускалося в ход,
Чтобы дрогнул народ,
Указал, куда Марк подевался.
Но народ не сдавался.
Все, кого ни спроси, смотрят вбок.
В потолок.

«Нам откудава знать-то?» — бубнят виновато.
«Не могли удержать. Убежал он куда-то
И Манюшку с собой уволок».
Ну конечно, всем походя спины чесали.
Марка с Маней как беглых списали,
Разослали бумажку по разным местам,
Не объявятся ль беглые где-либо там.

Обстояло же с беглыми дело иначе:
Тут же рядом они — не в чужой полосе,
В заводской жили даче.
То пожарники знали, хотя и не все,
Но боялись народа: откроют — расправа.
Сами Марка порой известят:
«На тебя собирается, слышь-ко, облава».
Марк и Маня где-либо день-два погостят,
Пока злые ищейки за ними охотятся,
А потом в свое место воротятся.
У ключа в половине горы
Была срублена ими избушечка,
Сени в ней да клетушечка,
Можно жить, пока нет детворы.

Три зимы Марк тут выжил,
На дороге хотел Колтовчиху накрыть.
Да ее от езды словно черт отчекрыжил.
Когда в город, случится, летит во всю прыть,
С нею уйма народу,
Снаряженного, ровно к походу.
А чтоб в лес, покататься ли ей на пруду, —
Никогда. Стала барыня чують беду,
Всех слезливо корила:
«Вы неверные слуги, — она говорила, —
Укрываете беглых в лесах.
Вижу подлость я в ваших глазах.
Марк укрылся не сам, а с женой молодою.
Кто обоих снабжает едою?»
— «Что вы, барыня! Разве же я очумел?»
«Да чтоб я!..»
«Да чтоб мы!..»
«Да взбредет мне со сна ли?»
Каждый врал как умел.

А ведь многие знали,
Чуть не все почитай.

Марк потом перебрался с женой на Алтай.
Колтовчихе сказали, что Марка уж нету,
В воду словно бы канул, куда-то исчез.
Колтовчиха на то: «Бросьте сказочку эту!
Этой сказкой меня не заманите в лес».
И с заводов куда-то убралася вскоре.
Марк, слышать, на Алтае жил год или два,
На казенных заводах работал сперва.
Увидал: те ж порядки, такое же горе,
Изматывают, заперют, засадят в тюрьму.
Были там удальцы, с ними он побратался —
Не привыкшие люди к ярму, —
Так он с ними — и с Маней, конечно, — подался
Под Китай в Бухтарму.
В рай попал, показалось ему:
«Вот где вольная жизнь! И зима тут за лето!»

Много мест распрекраснейших есть на земле-го!

1939

РУССКИЕ ДЕВУШКИ

Зеркальная гладь серебристой речушки
В зеленой оправе из ивовых лоз,
Ленивый призыв разомлевшей лягушки,
Мелькание белых и синих стрекоз,
Табун загорелых, шумливых детишек
В сверкании солнечном радужных брызг,
Задорные личики Мишек, Аришек,
И всплески, и смех, и восторженный визг.
У Вани — льняной, солнцем выжженный волос,
Загар — отойдет разве поздней зимой.
Малец разыгрался, а маменькин голос
Зовет почему-то: «Ванюша-а! Домо-о-ой!»

У мамки — он знает — большая забота:
С хозяйством управься, за всем присмотри, —
У взрослых в деревне и в поле работа
Идет хлопотливо с зари до зари, —
А вечером в роще зальется гармошка
И девичьи будут звенеть голоса.
«Сестре гармонист шибко нравится, Прощка, —
О нем говорят: комсомолец — краса!»
Но дома — лицо было мамки сурово,
Всё с тятьей о чем-то шепталась она,
Дошло до Ванюши одно только слово,
Ему непонятное слово — «война».
Сестрица роняла то миску, то ложки,
И мать ей за это не стала пенять.

А вечером не было слышно гармошки
И девичьих песен. Чудно. Не понять.
Анюта прощалась утречком с Прошей:
«Героем себя окажи на войне!
Прощай, мой любимый, прощай, мой хороший! —
Прижалась к нему. — Вспоминай обо мне!»
А тятя сказал: «Будь я, парень, моложе...
Хотя — при нужде — молодых упрежу!»
«Я, — Ваня решил, — когда вырасту, тоже
Героем себя на войне окажу!»

Осенняя рябь потемневшей речушки
Уже не манила к себе детворы.
Ушли мужики из деревни Верхушки,
Оставив на женщин родные двory.
А ночью однажды, осипший от воя,
Ее разбудил чей-то голос: «Беда!
Наш фронт отошел после жаркого боя!
Спасайтесь! Немцы подходят сюда!»
Под утро уже полдеревни горело,
Металась огненным вихрем гроза.
У Ваниной мамки лицо побурело,
У Ани, как угли, сверкали глаза.
В избу вдруг вломились страшные люди,
В кровь мамку избили, расшибли ей бровь.
Сестрицу щипали, хватали за груди:
«Ти будешь иметь з нами сильный любовь!»

Ванюшу толчками затискали в угол.
Ограбили всё, не оставив зерна.
Ванюша глядел на невиданных пугал
И думал, что это совсем не война,
Что Проше сестрица сказала недаром:
«Героем себя окажи на войне!»,
Что тятя ушел не за тем, чтоб пожаром
Деревню сжигать и жестоким ударом
Бить в кровь чью-то мамку в чужой стороне.

Всю зиму в Верхушках враги лютовали,
Подчистили всё — до гнилых сухарей,
А ранней весною приказом созвали

Всех девушек и молодых матерей.
Злой немец — все звали его офицером —
Сказал им: «Ви есть наш рабочая зкот,
Ми всех вас отправим мит зкорым карьером
В Германия наша на сельский работ!»
Ответила Аня: «Пусть лучше я сгину
И сердце мое прорастет пусть травой!
До смерти земли я родной не покину:
Отсюда меня не возьмешь ты живой!»
За Анею то же сказали подружки.
Злой немец взъярился: «Ах, ви не жалайт
Уехать из ваша несчастный «Верхушки»!
За это зейчас я вас всех застреляйт!»
Пред целым немецким солдатским отрядом
И их офицером с крестом на груди
Стояли одиннадцать девушек рядом.
Простившись с Ванюшею ласковым взглядом,
Анюта сказала: «Ванёк, уходи!»
К ней бросился Ваня и голосом детским
Прикрикнул на немца: «Сестрицу не тронь!»
Но голосом хриплым, пропойным, немецким
Злой немец скомандовал: «Фёйер! Огонь!»
Упали, не вскрикнули девушки. Ваня
Упал окровавленный рядом с сестрой.
Злой немец сказал, по-солдатски чекаяя:
«У рузких один будет меньше керой!»
Всё было так просто — не выдумать проще:
Средь ночи заплаканный месяц глядел,
Как старые матери, шаткие мощи,
Тайком хоронили в березовой роще
Дитя и одиннадцать девичьих тел.
Бойцы, не забудем деревни Верхушки,
Где, с жизнью прощаясь, подростки-подружки
Не дрогнули, нет, как был ворог ни лют!
Сметая врагов, все советские пушки
В их честь боевой прогрехочут салют!
В их честь выйдет снайпер на подвиг-охоту
И метку отметит — «сто сорок второй»!
Рассказом о них вдохновит свою роту
И ринется в схватку отважный герой!
Герой по-геройски убийцам ответит,
Себя обессмертив на все времена,

И подвиг героя любовно отметит
Родная, великая наша страна!

Но... если — без чести, без стойкости твердой —
Кто плен предпочтет смерти славной и гордой,
Кто долг свой забудет — «борися и мсти!»,
Кого пред немецкой звериной мордой
Начнет лихорадка со страху трясти,
Кто робко опустит дрожащие веки
И шею подставит чужому ярму,
Тот Родиной будет отвержен навеки:
На свет не родиться бы лучше ему!

<21 августа> 1942

ХОЗЯИН

Повесть

Бывает так, что мы — одни,
И всё же мы не одиноки.
В те исторические дни,
Когда пишу я эти строки,
Богатыри родной страны,
Я вижу вас в делах войны.
Наш враг в панической тревоге:
Сомнений нет ни у кого,
Что в скором времени его
Добьете вы в его берлоге
И — победители — потом
Сквозь гул приветствий по дороге
Вернетесь в свой иль отчий дом.
Здесь ждет вас встреча на пороге
С отцом и с матерью родной,
Иль с бабушкой еще не хилой,
С сестрою, братом и женой,
С подругой иль невестой милой.
Соседи набегут на двор.
Пойдет всеобщий разговор,
Слова тут станут сами литься.
Всем будет что порассказать,
Про что спросить, что показать,
Чем горделиво похвалиться.
Придется вам, бойцам, не раз,
Домашний слушая рассказ,
Иному делу подивиться,

Иным примером умилиться:
«Так вот вы, значит, как без нас!
Шагали, значит, с нами в ногу.
Да вы ж герои все, ей-богу!»

Герои, да, и старики
И, что важней всего, подростки.
Героев юных не с руки
Хвалить мне с первой же строки,
Их ставить сразу на подмости:
Они и так ведь на виду,
Отмечены чертой глубинной,
Чертой исконной в их роду —
Недетской, сказочно-былинной
Любовью к родине, к труду.

Об этом в повести недлинной
Я речь правдиво поведу.

Казалась жизнь извечным благом,
И вдруг — огонь прожег сердца:
Война! На фронт зовут бойца.
Егорка шел широким шагом,
Не отставая от отца.
Мать с малышами шла за ними,
Полна вся думами своими:
Муж уцелеет ли в бою?
Руками женскими одними
Как поддержать ей дом, семью?

В конце деревни, возле клена,
Побагровевший чей убор
Осыпал землю и забор,
Сказал отец: «Не плачь, Алена:
Авось, как немцев победим,
Вернуся жив и невредим.
Заметь, проверено войною,
Что смелых пуля не берет!»
С детьми простившись и с женою,
Он быстро зашагал вперед.
Пройдя немного, обернулся,

На деревушку оглянулся,
Не видел вроде до сих пор,
Проникся чувством умиления:
«Вон детский сад... Вон дом правленья...
А вон — просторный скотный двор...
Чей поработал здесь топор?
Вся эта плотничья работа
Моя, Раздолина Федота!»

Он на пригорок бросил взор.
Пред ним, не уходя с пригорка,
Его родная вся четверка,
Жена, сынок старшой Егорка
И двое малышей-ребят
Стоят, как на портрете, в ряд:
Жена в платке крестьянском черном,
Дочь, Валя, с личиком задорным,
Вцепилась в маму, егоза,
Девятилетний Анатолий
Трет хмуρο кулачком глаза, —
Егорка всех взрослых, поболей...
«Проворен парень и толков.
Придется — нету мужиков! —
Ему хозяйство весть неволей.
Как сладит? Возраст ведь каков:
Всего четырнадцать годков!»
Мог про Егорку кто угодно
Сказать: он не пойдет с сумой,
Безделье малому не сродно.
Учился в школе он зимой
И возвращался ежегодно
С похвальной грамотой домой.
Служа другим во всем примером,
Был образцовым пионером,
Ребятам дружным — друг прямой.
Был крепко падок он на книгу:
Иному сунь скорей ковригу,
Он — хлеба мог не взять куса
В ночное летом, жадно книгу
Суя за пряжку пояса.
Над рыбной ловлею парнишки
Смеялись люди сколько раз:

Клюет рыбешка, но от книжки
Не оторвать парнишке глаз!

Сказал отцу его, Федоту,
Однажды так сосед Кузьма:
«О сыне поймей заботу,
Парнишка — умственный весьма.
Его, в моей будь это власти,
Я б двинул по ученой части».
Федот на это промолчал,
Не оказаться чтоб в конфузе,
Но сам давно уж намечал
Для сына умственный причал
В каком-нибудь советском вузе.
И, раздобыв комплект программ,
В них в каждую вникая строчку,
Частенько он по вечерам
«Путевку в жизнь» искал сыночку.
Его отцовские мечты
Пленялись не одним примером:
Он видел — строит сын мосты,
Став первоклассным инженером;
То крупным стал Егор врачом,
И обязательно колхозным,
То образованным ткачом,
То агрономом стал серьезным;
То сын его средь гор и скал
Руду железную искал...

Война отцовские подборки
Смела, лишила всех корней.
Война! Везде лишь речь о ней.
Ушел на фронт отец Егорки:
Артиллеристы там нужней.
О книгах нету речи боле:
Сошел с Егорки книжный хмель.
Сложил он книги все в портфель
(Им премирован был он в школе!).
«Лежите, — он сказал, — доколе
Вновь не понадобятся мне,
Когда придет конец войне!»

И с грустью после предисловья,
Вбив толстый гвоздь у изголовья,
Портфель повесил на стене.

Как и везде, в деревне Горки
Война народ подобрала.
С войной у юного Егорки
Пошли по-взрослому дела.
Как взрослый, он пахал и сеял;
Как взрослый, хлеб он убирал,
Хлеб убирал — скирды метал;
Как взрослый, молотил и веял.
Потом с пилой и топором,
С отцовским, стало быть, добром,
Он, практикуясь понемногу,
Встал на отцовскую дорогу.
Хотя не строил он хором,
Но все почуяли нутром:
В нем плотник редкостный открылся,
Ему, что хочешь, закажи.
Он в разных справочниках рылся.
Учился делать чертежи.
Что дело у него спорится,
В соседнем знали уж селе.
Он голову, как говорится,
Умел прикладывать к пиле.
И не к одной пиле. Телега
В трясину ухнула с разбега.
Как быть? Подмоги нет кругом.
Егорка объяснит «научно»,
Как одному благополучно
Поднять телегу — рычагом.
Рычаг! Слово загнет какое!
Егорка не сидит в покое:
Прелюбопытную на взгляд
Затеял мастерить игрушку,
«Модель», особую кормушку
Для самых маленьких телят.
Но было всем не до кормушки:
Уж невдали гремели пушки,
Скот угонялся на восток.

И вот до Горок, деревушки,
Достигнул вражеский поток,
Верней, немецкий хоботок,
Мразь, батальон какой-то сводный,
Сплошь весь ободранный, голодный.
Вошло ворье во все дома.
Полезли немцы в закрома,
Обшарили все кладовушки,
Ташили платье и подушки,
Из печек брали хлеб сырой,
Еще не обданный жарой;
Что попадалось из съестного,
Из рыбного или мясного,
Всё пожиралось немчурой.
Фашисты с бабушки Егорки
Содрали валенки-опорки,
Сорвали с матери платок,
Большой платок, тот самый, черный;
Какой-то немец тошнотворный
Платок в бестарку поволок,
Где вся поклажа состояла
Лишь из одних таких платков.
«Мороз. Платки для наш полков
Позлужит зместо одеяла!»
Сидела дома детвора,
А в школе грелась немчура:

Глотая спирт за стопкой стопку,
Бросали немцы книги в печь.
Не удалось книг сберечь:
Пошел Тургенев на растопку!

Ждала деревня светлых дней
И дождалась. Вздохнув вольней,
Она впивала воздух чистый.
Не засиделись немцы в ней:
Их наши выбили танкисты.
Войдя за ними, наш отряд
Узрел знакомую картину:
Бурлит огонь, дома горят,
Не все, однако же, подряд:
Спеша, боясь подставить спину

Под штык, под пулю, под снаряд,
Враг свой разбойничий обряд
Исполнил лишь наполовину.
Семье Федотовой судьба
Отрадных дней не предвещала:
Там, где была ее изба,
Лишь обгорелая труба
Над пеплом тлеющим торчала.

Война! В ней есть своя краса.
Далеких предков голоса
Нам слышатся в ее тревогах.
И не пустые словеса,
Что на больших ее дорогах
Порой бывают чудеса.
Случилось так: с немецкой сворой
В районе том сводила счет
Как раз дивизия, в которой
Бойцом Раздолин был Федот.
Тоска по родине что шило:
Вонзится в сердце, сердце — ёк!
Федота счастье оглушило:
Ему начальство разрешило
С родной семьей провесть денек.
И вот немецкое злодейство
Пред ним открылось: холод лют,
А дом сожжен, его семейство
В чужом углу нашло приют.
«Ну, немец, я ж тебя согрею!» —
Федот от бешенства дрожал.
День проведя с семьей своею,
Федот вернулся в батарею.

Отца Егорка провожал.
В пути продрог. Был день морозный.
Жилья чужого теплота,
Как ни приятна, но — не та.
Егорка хмурый стал, серьезный,
Вдруг перерос свои лета.
Жизнь без работы — маята.
Чтоб уберечь запас навозный,

Стал чистить скотный двор колхозный,
В котором не было скота.
Вновь занялся уж не игрушкой,
А настоящей кормушкой,
На удивление ребят:
«Кормушка есть, а нет телят!»
— «Аль скот вернуть нам позабудут?»
На то Егоркин был ответ:
«Телят покамест, верно, нет, —
Вернется скот, телята будут,
Всё будет малость погодя!»
Ребята это понимали.
В колхозе немцы, уходя,
Весь инвентарь переломали,
Ни вил не стало, ни лопат,
А сору — выше подбородка.
Егорка подобрал ребят
Себе под стать, своих погодков, —
И вот — в колхозе грабли есть,
Их изготовили на честь,
Есть метлы, мусор чем подмести,
На ручки вилы насадили,
Везде порядок наводили,
В конюшню — сделали что с ней! —
Хоть заводи сейчас коней!

У погорельцев уйма дела.
Нужда со всех сторон глядела:
Всё — избы, утварь и белье —
Сожгло немецкое жулье, —
Амбарчик, банька уцелела,
То счастье: всё-таки жильё.
Другим — уж тут не до гулянки! —
Пришлось наспех рыть землянки
Иль забиваться в блиндажи.
Житьё! Что может быть плачевней?
Егорка тут пред всей деревней
Себя возьми и окажи:
«Не стану я копать землянку!»
И к председателю: «В лесу
Прошу мне выделить делянку,
На сруб я бревен припасу».

— «На сруб?»

— «На ладный, без обману,
Небось клетушки класть не стану.
Война красна своим концом.
Как с фронта мой отец вернется,
Пусть он довольно улыбнется,
Не стыдно будет пред отцом:
Я покажу товар лицом!»

— «В делянке нет тебе отказу».

Егорка встрял в работу сразу.
На стройке зазвенел топор,
Сруб рос всё выше, выше, выше.
Топор звенел уже на крыше.
Прошла сквозь крышу уж труба.
Все видят: ладная изба!
«Что ж мы в землянках-то спасались?»
У многих руки зачесались.
Пошли дела наперебой.
Видали б немцы-душегубы:
Где после них остались трубы,
Там, рядом с первою избой,
Белели новенькие срубы.
Нет стройки радостней труда.
Устройство своего гнезда —
Наиприятнейшее бремя.
И то сказать: ведь не на время
Гнездились люди — навсегда!
Какой-то новою приметой,
Великим новым образом
Труд выражался в стройке этой,
Упорным начатой юнцом.

Любуясь новою избой,
Ее отделкой и резьбою,
Егорка пред своим крыльцом
Стоял с сияющим лицом:
«Есть, как отец вернется с бою,
Чем похвалиться пред отцом!»
Через неделю — вот веселье! —
Справлял Егорка новоселье.
От стен сосновый свежий дух.

Дорожки. Чисто, словно в келье,
А на столе шумел, не тух,
Гостей вгоняя в пот обильный,
Огромный самовар «фамильный»
(От немчуры он был укрыт,
В саду с вещами был зарыт).
Тарелки на столе с брусникой,
Превкусной ягодкою дикой.
Чай пили с блюдецек взасос.
Была закуска небогатой,
Ведь дом достатком не оброс.
Егорка, тонок, востронос,
Сидел с улыбкой виноватой
Над книгой пухлой и лохматой,
Его прельстившею весьма
Презанимательной начинкой,
Амурной разной чертовщинкой,
Точней — мальчика сводил с ума
«Виконт де Бражелон» Дюма.
Сидел он в праздничной одежде.
Еще потертой не вполне.
Его портфель висел, как прежде,
У изголовья на стене.

Письмо лежало перед Валею
Отцу на фронт — поди узнай,
За Днестр, за Вислу, за Дунай
Или еще куда подалей!
Отец узнает из письма,
То скажет первая уж строчка,
Что Валя — грамотная дочка,
Письмо составила сама
С пренебреженьем трудных правил.
В письме весть главная о том,
Что брат Егорка дом поставил,
С сениями, во! Хороший дом!
Потом... потом... Что, бишь, потом?
Ах да! Придумывать не надо:
Вернулося в деревню стадо.
Теперь деревня со скотом.
Всем стойлам сделали просушку.
Какой в телятнике уют!

Телятницы в ладоши бьют,
Когда в Егоркину кормушку
Телята мордочки суют!
К ярму приучены коровы —
Коней нехватка ведь сейчас.
«С тем будьте, тятенька, здоровы,
Не беспокойтесь о нас!»

Письмо найдет отца, нагонит,
Хоть бьет он немцев далеко.
Его письмо дочурки тронет,
Он на письмо слезу уронит,
На сердце станет так легко.
Как разговор пойдет про семьи,
Федот при случае таком
Перед товарищами всеми
Родным похвалится сынком:
Вот, мол, каков Егор Раздолин!
Умишком впрямь не обездолен:
Чего способен натворить!
«Сынишкой крепко я доволен:
Хозяин, что и говорить!»

Товарищи на речь Федота
Ответят весело: «Ну, вот!
Грустил порою ты, Федот,
О детях мучила забота.
А что мы видим там и тут?
Что ты тревожился напрасно:
Дела у нас идут прекрасно,
И в детях наших — это ясно —
Герои новые растут!»

<28 января> 1945

ПРИМЕЧАНИЯ

Первая книга Демьяна Бедного «Басни» была подготовлена автором осенью 1912 г. и вышла в свет в конце января 1913 г. Последнюю свою книгу — «Слава» — Демьян Бедный подготовил в начале 1945 г.; к печати она была подписана спустя неделю после его смерти. С 1913 по 1945 гг. было издано свыше двухсот книг и брошюр поэта.

За время литературной деятельности Демьяна Бедного трижды выпускались собрания его сочинений. Первое из них, в одном томе, было издано в связи с его сорокалетием в 1923 г. Оно объединяло произведения 1908—1922 гг. и было повторено (с включением ряда новых произведений) в 1924 г. Вскоре поэт приступил к подготовке полного собрания сочинений. Оно было задумано сначала в десяти, потом в двенадцати томах и должно было включить все поэтические произведения, в том числе и не входившие в предыдущие издания. В 1925 г. появились первые три тома этого собрания, переизданные затем в 1930 г., в последующие три года вышли остальные девять томов. Они, однако, не вместили всего созданного поэтом, и в 1929 г. был подготовлен 13-й том. В дальнейшем выпускаемым ежегодно новым томам присваивались соответствующие порядковые номера. Собрание это было прекращено в 1933 г. на 19-м томе. Наиболее поздние стихи, вошедшие в него, датированы 1931 г. Называясь «полным», собрание это в действительности не является таковым: как показывают проведенные нами изыскания, ряд произведений, затерянных в дореволюционной периодике, во фронтовых изданиях, среди плакатов, листовок и т. п., в него не вошел. Несмотря на серьезные недостатки, указанное собрание шире, чем другие издания, знакомит нас с важнейшими этапами литературной работы Д. Бедного. Особую ценность по своему составу имеет однотомное собрание сочинений поэта, выпущенное Гослитиздатом в 1937 г. Готовя это издание, Д. Бедный провел над текстами большую работу. В этом собрании представлена последняя авторская воля в отношении значительной части его поэтического наследия. При этом следует заметить, что авторские коррективы почти не коснулись произведений дооктябрьских лет, они распространялись главным образом на стихи и повести о деревне, написанные в годы гражданской войны, а также на некоторые произведения двадцатых и, особенно, тридцатых годов.

После 1937 г. ни одной книги Демьяна Бедного, охватывающей его прежнее творчество (кроме сборника антирелигиозных произведений «Церковный дурман». М., 1938), при жизни автора не вышло. Следовательно, при формировании современных изданий

Д. Бедного надо исходить из двух последних прижизненных собраний его сочинений.

Принцип этот, к сожалению, не был принят в расчет при подготовке к печати некоторых посмертных сборников сочинений поэта. В книгах, выпущенных Гослитиздатом (1950) и Военным издательством (1951), были допущены редакторский произвол и грубое искажение текстов. Центральный комитет КПСС отметил это в специальном постановлении от 24 апреля 1952 г. (см.: «О партийной и советской печати». Сборник документов. М., 1954, стр. 627—628). Осудив неверные методы публикации текстов в этих изданиях, ЦК партии поручил Государственному издательству художественной литературы выпустить новое, пятитомное собрание сочинений Д. Бедного, обеспечив ему надежную текстологическую подготовку.

Собрание это, выдержанное в духе современных текстологических требований и снабженное необходимыми комментариями, выпущено в 1953—1954 гг. Оно базируется на однотомном собрании 1937 г., 19-томном собрании сочинений (1925—1933), а также на других прижизненных изданиях.

Все предыдущие выпуски «Библиотеки поэта», посвященные Демьяну Бедному (второе и третье издания Малой серии, 1949 и 1957 гг., первое издание Большой серии, 1951 г.), основаны на тех же текстологических принципах.

Настоящая книга значительно превосходит по своему объему прежние выпуски «Библиотеки поэта» и охватывает все этапы творческого пути Д. Бедного, все виды его поэтической работы. В сборник включено двести тридцать шесть произведений, в том числе такие, которые до сих пор были неизвестны читателям или, во всяком случае, не воспроизводились в печати на протяжении многих лет. К ним относятся: произведения, затерянные в старой периодике и не вошедшие ни в один из прижизненных сборников стихотворений поэта, произведения, включавшиеся в авторизованные сборники, но не попавшие ни в одно из посмертных изданий, произведения, не печатавшиеся при жизни поэта.

Все тексты воспроизводятся нами в последних авторизованных редакциях. Если произведение при жизни автора печаталось лишь однажды или если оно приводилось в авторизованных сборниках без изменений, то источником текста служит первопечатное издание. В примечаниях оговаривается включение текста в основные собрания сочинений, а также в сборники, подводившие итог творческой деятельности поэта за определенный период.

Некоторых пояснений требует датировка текстов. Демьян Бедный, как правило, не хранил своих черновиков. Его рукописный архив, находящийся в фондах Института мировой литературы им. А. М. Горького, состоит из материалов, относящихся главным образом к последним годам жизни поэта. Единичные автографы более ранних произведений, сохранившиеся случайно (как в этом, так и в других архивах), не датированы. Все же даты создания ряда произведений, точные или приблизительные (в пределах нескольких дней, иногда месяца или года), удалось установить по косвенным источникам. Эти даты проставлены нами под текстами.

О времени написания всех других произведений можно судить по датам их появления в печати, поскольку большинство текстов

Демьяна Бедного проходило через периодическую прессу. За отдельными исключениями, касающимися в основном произведений до-октябрьских лет, тексты эти публиковались вскоре — иногда на другой день — после завершения авторской работы над ними. Даты, обозначающие время первой публикации текста, заключаются в угловые скобки.

В тех случаях, когда к основному тексту стихотворения автор делал дополнения в позднейшие годы (чаще всего в виде послесловий), он датировал каждую часть текста в отдельности. Эта датировка нами сохраняется. Все даты до 25 октября (7 ноября) 1917 г. указаны по старому стилю.

В повременной и книжной печати поэт пользовался псевдонимом «Демьян Бедный». Но иногда он подписывался своей настоящей фамилией (Е. Придворов), инициалами (Е. П., Д. Б.) и другими псевдонимами (Мужик Вредный, Друг сердечный, Яким Нагой, Д. Боевой и т. п.). Все случаи, когда произведения подписаны иначе, нежели основным псевдонимом поэта, оговорены в примечаниях.

Встречающиеся в примечаниях наименования «Путь правды», «Правда труда», «За правду», «Трудовая правда», «Рабочая правда», «Рабочий путь», «Рабочий», «Северная правда» являются разными названиями большевистской «Правды», которая, преследуемая властями, часто меняла свои заглавия.

Книга делится на две части: в первой собраны стихотворения и басни, во второй — произведения эпического жанра: повести, сказы, поэмы. Внутри каждой части тексты расположены в хронологическом порядке, причем первая часть, наиболее обширная, состоит из пяти хронологических разделов, обозначающих основные этапы творческой деятельности поэта.

Условные сокращения

«Басни» — Демьян Бедный. Басни. Пб., 1913.

В и В — Демьян Бедный. Вперед и выше! М.-Л., 1927.

«Героическое» — Демьян Бедный. Героическое. М. — Л., 1926 (повторное изд., 1928 г.).

Изд. 1923 — Демьян Бедный. Собрание сочинений в одном томе (1909—1922). М.—Пг., 1923.

Изд. 1924 — Демьян Бедный. Собрание сочинений в одном томе (1909—1923). М., 1924.

Изд. 1937 — Демьян Бедный. Собрание сочинений в одном томе. М., 1937.

ИМЛИ — Институт мировой литературы им. А. М. Горького Академии наук СССР, Москва.

НЗ — газета «Невская звезда».

НУ — Демьян Бедный. Несокрушимая уверенность. Стихи и басни. М., 1943.

«Очередное» — Демьян Бедный. Очередное. Новые стихи. М., 1935.

ПД — Институт русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР, Ленинград.

ПП — Демьян Бедный. Песни прошлого. Пг., 1919 (повторные изд. М., 1919; М., 1920).

С и Б — Демьян Бедный. Стихи и басни 1912—1914 гг. (К XX-летию «Правды»). М.—Л., 1932.

С и Н — Демьян Бедный. Старое и новое (Юной гвардии). Избранные произведения. М.—Л., 1928.

«Слава» — Демьян Бедный. Слава. М., 1945.

СМ — журнал «Современный мир».

Собр. 5 — Демьян Бедный. Собрание сочинений в пяти томах. М., 1953—1954.

Собр. 19 — Демьян Бедный. Полное собрание сочинений (в девятнадцати томах). М.—Л., 1925—1933.

Сто басен — Сто басен Демьяна Бедного. М., 1935.

ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства, Москва.

СТИХОТВОРЕНИЯ

1908—1916

«С тревогой жуткою привык встречать я день...». Впервые — «Русское богатство», 1909, № 1, стр. 231, за подписью «Е. Придворов». Вошло в ПП; изд. 1923; Собр. 19, т. 1; В и В. Написано под впечатлением многочисленных официальных известий о смертных и каторжных приговорах участникам революционного движения, выносившихся царским судом. Первоначально рассматривалось Д. Бедным как набросок к большому произведению, посвященному жизни русского общества в период реакции. П. Ф. Якубович-Мельшин по этому поводу писал автору: «Отрывок имеет, по моему, значение совершенно цельной пьески и не нуждается ни в какой дальнейшей разработке. Уверяю Вас, что тот большой замысел, конспект которого Вы мне сообщили, не удастся Вам и напрасно только изменит Вас... Бросьте!» (письмо от 3 января 1909 г. — ЦГАЛИ).

Брату моему. Впервые — ПП, стр. 22. Вошло в изд. 1923; Собр. 19, т. 1; В и В.

О Демьяне Бедном, мужике вредном. Впервые — «Звезда», 1911, 16 апреля, за подписью «Е. Придворов». В ПП и в изд. 1923 под заглавием «Касьян». Печ. по Собр. 19, т. 1, стр. 11. Вошло в изд. 1937. Предназначалось для журнала «Русское богатство», но было отклонено редакцией по идейным соображениям. Публикацией этого произведения началось сотрудничество Д. Бедного в большевистской печати.

«Бывает час: тоска шемящая я...». Впервые — «Звезда», 1912, 25 марта. Вошло в ПП; изд. 1923; Собр. 19, т. 1; изд. 1937. Эпиграф — из стих. Ф. И. Тютчева «Silentium!» («Молчание!»). Д. Бедный первоначально рассчитывал, по-видимому, поместить стихотворение в «Русском богатстве» (см.: письмо П. Ф. Якубовича-Мельшина Д. Бедному от 6 декабря 1909 — ЦГАЛИ).

«Чудных три песни нашел я в книге родного поэта...». Впервые — «Русское богатство», 1910, № 6, стр. 180.

под заглавием «Три песни» и за подписью «Е. Придворов». С данным заглавием — ПП; с первоначальным заглавием — В и В. Печ. по кн. «1905 год». М.—Л., 1931, стр. 48. Вошло в изд. 1923; Собр. 19, т. 1.

Сонет. Впервые — «Звезда», 1911, 7 мая, за подписью «Е. Придворов». Вошло в ПП; изд. 1923; В и В; Собр. 19, т. 1.

«По просьбе обер-прокурора...». Впервые — «Звезда», 1912, 26 января, за подписью «Е. Придворов». *На беглеца Илиодора*. Имеется в виду бегство монаха-черносотенца Илиодора (С. М. Труфанова) из Флорищевой пустыни, куда он был сослан после ссоры с Распутиным (см. примеч., стр. 565).

Кукушка. Впервые — «Звезда», 1912, 23 февраля. Вошло в изд. 1923; Собр. 19, т. 1; Сто басен; изд. 1937. *Так, оскорбляя прах борца и гражданина*. Речь идет о праздновании юбилея А. И. Герцена (столетие со дня рождения которого исполнилось 25 марта 1912 г.) буржуазным обществом. Д. Бедный имел в виду выступление по случаю юбилея крупного помещика, одного из лидеров кадетской партии Ф. И. Родичева, который пытался изобразить Герцена духовным отцом русского либерализма. «Чествует его, — писал В. И. Ленин, — вся либеральная Россия, заботливо обходя серьезные вопросы социализма, тщательно скрывая, чем отличался революционер Герцен от либерала» (Соч., т. 18, стр. 9).¹

Звезда. Впервые — «Звезда», 1912, 8 марта (опубликование фельетона послужило причиной конфискации номера). Вошло в Собр. 19, т. 1.

«Трибун». Впервые — «Звезда», 1912, 13 марта. Вошло в «Басни»; изд. 1923, Собр. 19, т. 1; Сто басен; изд. 1937. *Маклаций* — Маклаков В. А. (1870—1959), адвокат, депутат от правых кадетов в Государственной думе. Выступая в суде по уголовным делам, он за большие гонорары охотно защищал проворовавшихся дельцов и крупных казнокрадов. По воспоминаниям В. Д. Бонч-Бруевича, басня «Трибун» «до такой степени понравилась левому ее (Государственной думы. — *Ред.*) сектору, что с тех пор Маклакова так и называют „Маклаций“» (В. Д. Бонч-Бруевич. Ленин о поэзии. — «На литературном посту», 1931, № 4, стр. 6).

Хозяин и батрак. Впервые — «Звезда», 1912, 22 марта, с другой концовкой, следовавшей после заключительной строки:

Шепнул бы на ушко я кой-кому:
Хозяев много я таких видал на свете.
Посмотришь — Еремей! А по уму,
Ну, так и кажется, ему
Быть в Государственном совете!

¹ Здесь и далее ссылки на Сочинения В. И. Ленина даются по 4-му изданию.

Без этой концовки и без эпитафии — изд. 1923. Печ. по Собр. 19, т. 1, стр. 32. Вошло в С и Н; Сто басен; изд. 1937. *Государственный совет* — одно из высших правительственных учреждений царской России.

«Д и в о». Впервые — «Звезда», 1912, 5 апреля. Здесь последняя строфа:

Писатель так иной — шумит, гремит, грозит:
Твореньем новым он полсвета поразит!
Ан, смотришь, кончилась нахвалка делом плевым,
Примерно — «Сашкой Жигулевым».

Печ. по кн. «Басни», стр. 91. Вошло в Собр. 19, т. 1. Басня была направлена против писателя Андреева Леонида Николаевича (1870—1919), автора романа «Сашка Жигулев», в котором дана искаженная картина массовых революционных выступлений русских крестьян.

Л е н а. Впервые — «Звезда», 1912, 8 апреля, за подписью «Е. Придворов», без эпитафии. Печ. по газ. «Правда», 1918, 17 апреля. Вошло в ПП; изд. 1923; Собр. 19, т. 1; изд. 1937. Является откликом на расстрел царскими властями рабочих золотых приисков на Лене. К шестой годовщине Ленских событий состоялась повторная публикация стихотворения в «Правде». Положено на музыку М. Красевым.

Г у м а н н о с т ь. Впервые — «Звезда», 1912, 12 апреля. Вошло в «Басни»; изд. 1923; Собр. 19, т. 1; С и Н; Сто басен; изд. 1937. *Слышал про Лисий Нос?* Имеются в виду казни революционеров, совершившиеся на берегу Финского залива, неподалеку от поселка Лисий нос, под Петербургом. *На Ленских приисках* — см. примеч. выше.

П р и т о н. Впервые — «Звезда», 1912, 15 апреля, без последних четырех строк. Печ. по кн. «Куй железо, пока горячо». М., 1918, стр. 15. Вошло в изд. 1923; Собр. 19, т. 1; С и Н; изд. 1937. *Дума* (государственная) — представительное учреждение, существовавшее в царской России с 1905 до 1917 г.

«Полна страданий наших чаша...». Впервые — «Правда», 1912, 22 апреля, за подписью «Е. Придворов». Вошло в ПП; изд. 1923; Собр. 19, т. 1; С и Б. Целиком включено в поэму «Рождение „Правды“» («Большевистская печать», 1937, № 5). Написано в связи с созданием первой ежедневной легальной большевистской рабочей газеты.

П о р о д а. Впервые — «Правда», 1912, 29 мая. Вошло в «Басни»; изд. 1923; Собр. 19, т. 1; С и Б; Сто басен; изд. 1937.

Сынок. Впервые — «Правда», 1912, 2 июня. Здесь после ст. 23:

«Ах ты, шенок. Ах, озорник!
Птиц божьих не жалеть — куда как грех велик, —
Так было начал петь купчина,
Да вдруг, ослабившись, умолк.
И мыслит про себя: «А вправду, молодчина
Сынок-то у меня. С мальчонки будет толк».
То бишь, толкую я, купец в довольстве грубом
Так думал: мол, сынок в количестве сугубом
Усвоил жадность с молоком, —
Был тятка кулаком,
Сын будет душегубом!

В кн. «Басни», «Читай, Фома, набирайся ума! (Для юных грамотеев)», М., 1919, а также в изд. 1923 эти строки сняты. Печ. по Собр. 19, т. 1, стр. 80. Вошло в С и Б; Сто басен; изд. 1937.

Гости. Впервые — «Правда», 1912, 8 июня, за подписью «Д. Б.».

Правдолюб. Впервые — «Правда», 1912, 10 июня. Вошло в «Басни»; изд. 1923 и 1924; Собр. 19, т. 1; С и Н; С и Б.

Метаморфоза. Впервые — НЗ, 1912, 10 июня. *Марков Н. Е.* (Марков 2-й) (род. 1876) — крупный помещик, один из руководителей погромно-черносотенной организации «Союз русского народа». Организация эта привлекала к участию в хулиганских вылазках и погромах отсталые слои городского мещанства, деклассированные и уголовные элементы.

«Соседка». Впервые — «Правда», 1912, 15 июля. «Земщина» — реакционная газета, орган крайне правых депутатов Государственной думы; выступала с погромной травлей демократов.

Лето. Впервые — «Правда», 1912, 17 июля. Вошло в С и Б. *Ингул* — река, на берегу которой (в деревне Губовка, бывшей Херсонской губернии) родился и провел свое раннее детство Д. Бедный.

«Про «демагогию» слова...». Впервые — НЗ, 1912, 5 августа, под заглавием «Запросам жизни» и без эпиграфа. Печ. по изд. 1937, стр. 333. «Запросы жизни» — буржуазный еженедельник, в котором сотрудничали кадеты, «народные социалисты» и меньшевики. *Коробка Н. И.* (1872—1920) — буржуазный критик и публицист, выступавший в печати с нападками на большевиков.

Дом. Впервые — НЗ, 1912, 12 августа. С послесловием (не имевшим заглавия) и без эпиграфа — «Правда», 1919, 17 июля. Печ. по Собр. 19, т. 1, стр. 101, с исправлением ошибочной даты «1920 г.», которой помечено послесловие. Вошло в «Басни»; Сто басен; изд. 1937. *Не дом ли то другой.* Намек на «дом Романовых» — царствующую

щий дом, который готовился к празднованию своего трехсотлетия, исполнявшегося в 1913 г. Антимонархическое содержание басни было замаскировано эпитафией, о чем автор сообщал в письме журналисту П. П. Мирецкому в мае 1913 г.: «Вы обратили ли внимание, что у меня несколько эпитафий служат специально для проведения под их флагом контрабанды, вроде басни «Дом». Уберите эпитафию — и «Дом» погибнет по 128 ст<атье>...», — т. е. по 128 статье Уголовного уложения, предусматривающей меры против публикации материалов антигосударственного характера (Собр. 5, т. 5, стр. 271).

Лапоть и сапог. Впервые — НЗ, 1912, 19 августа, без первого эпитафия. В кн. «Басни» — без второго эпитафия и без последних 26 строк, снятых цензурой и замсненных точками. «В басне „Лапоть и сапог“ сапога-то и нет», — сообщал автор в мае 1913 г. П. П. Мирецкому (Собр. 5, т. 5, стр. 271). Полностью, но без эпитафий — в кн. «Всяк Еремей про себя разумей. Пролетарские басни». Пг., 1917 и в изд. 1923. Печ. по Собр. 19, т. 1, стр. 75. Вошло в Сто басен; изд. 1937. Басня написана в связи с массовым разорением крестьян, вызванным столыпинской земельной реформой (переселением на хутора). «В этой басне, — доносил цензор Петербургскому комитету по делам печати, — автор возбуждает крестьян сплотиться, подобно рабочим, и противодействовать правительству, а то и воевать с ним, если оно будет вводить реформы среди крестьян, подобные отрубной, которая приводит их к окончательному разорению» («Пролетарские поэты», т. 2. «Библиотека поэта». Л., 1936, стр. 298). «Россия» — монархическая газета, официальный орган министерства внутренних дел. *Ослопина* — дубина.

Кларнет и рожок. Впервые — СМ, 1912, № 10, стр. 136. Вошло в «Басни»; Собр. 19, т. 1; В и В; Сто басен; изд. 1937. Положено на музыку В. Пергаментом.

Размахнулся б я басней задорною... Впервые — «Правда», 1912, 11 ноября, под заглавием «Запевка». Печ. по Собр. 19, т. 1, стр. 115. Вошло в С и Н; С и Б.

Полноправие. Впервые — «Правда», 1912, 13 ноября, без заглавия. Печ. по Собр. 19, т. 1, стр. 114. Вошло в С и Б. *Царкосельская тюрьма* — тюрьма в Царском Селе, под Петербургом (ныне — г. Пушкин).

Эстетик. Впервые — СМ, 1912, № 11, стр. 189, с эпитафией: «Убеждения эстетические выше и необходимее убеждений политических (из газет)». Печ. по кн. «Басни», стр. 55. Вошло в Собр. 19, т. 1.

Опекун. Впервые — СМ, 1912, № 12, стр. 324, в цикле «Сытые и голодные», объединившем, наряду с этой, две другие басни Д. Бедного: «Телушка» (позднейшее название «Ложка») и «Гастроном». Печ. по кн. «Басни», стр. 33. Вошло в Собр. 19, т. 1; С и Н; изд. 1937.

Бунтующие зайцы. Впервые — «Правда и Кривда». Пг., 1918, стр. 28. Вошло в изд. 1923; Собр. 19, т. 1; Сто басен. Аллегорическое значение этой басни раскрывает В. Д. Бонч-Бруевич в своих воспоминаниях о В. И. Ленине. «Когда мы, — пишет Бонч-Бруевич, — дошли, наконец, до басни «Бунтующие зайцы», где Гучков изображен главарем этих зайцев, стоящим на пригорке и ораторствующим, а все его последователи, октябристы, в конце концов с перепугу бесконечной чередой улепетывающими во все лопатки в кусты, — Владимир Ильич пришел в восторг: „Вот это настоящая оппозиция его величества. Вот это, с позволения сказать, русский парламент! Замечательно! Но они-то сами понимают, что Демьян так их разделявает?“» (В. Д. Бонч-Бруевич. Ленин о поэзии. — «На литературном посту», 1931, № 4, стр. 5—6). Гучков А. И. (1862—1936) — глава буржуазно-помещичьей партии «октябристов» в Государственной думе. Положено на музыку А. Туренковым.

Поминокки. Впервые — «Басни», стр. 98. Вошло в Собр. 19, т. 1. Написано на сюжет одноименной басни Эзопа. Ясинский Иероним Иеронимович (1850—1931) — реакционный писатель и журналист, автор романов-пасквилей о революционных народниках.

Свеча. Впервые — «Просвещение», 1913, № 2, стр. 20. Вошло в изд. 1923; Собр. 19, т. 1; С и Н; Сто басен; изд. 1937. *Копеечный огарок.* Подразумевается царский манифест от 17 октября 1905 г., изданный в страхе перед нараставшей революцией и рассчитанный на обман народных масс обещанием «незыблемых основ гражданских свобод» (в басне эти обещания именуется *сотенной свечой*). Цензор, процитировав в своем донесении вторую часть басни и усмотрев в ней выпад против «высочайшего манифеста», потребовал применения к редактору журнала «Просвещение» 128-й статьи уголовного уложения. Редактор был арестован, а на журнал наложен штраф. Репрессии эти были с возмущением отмечены В. И. Лениным в статье «К вопросу о политике министерства народного просвещения» (см.: В. И. Ленин. Соч., т. 19, стр. 120). Еще до появления этой статьи Д. Бедный писал В. И. Ленину: «Вот Вы, вероятно, уже прочли мою басню «Свеча»?.. Басня ли это, наконец? Я же знаю, как ее стали все читать! Как призыв» («День поэзии». М., 1963, стр. 247). В кн. «Басни» стихотворение не было пропущено цензурой.

Моя молитва. Впервые — «Просвещение», 1913, № 4, стр. 50. Вошло в Собр. 19, т. 1. Написано вскоре после ареста и обыска, которым подвергся Д. Бедный 19 февраля 1913 г. За отсутствием «компрометирующих» данных поэт был отпущен. *Кресты* — тюрьма с одиночными камерами в Петербурге.

Урожай. Впервые — «Просвещение», 1913, № 5, стр. 16. Вошло в изд. 1923; Собр. 19, т. 7; С и Н.; Сто басен; изд. 1937.

Предпраздничное. Впервые — «Правда», 1913, 8 июня, без эпиграфа, снятого по цензурным соображениям, во избежание кон-

фискации номера. В кн. «Всяк Еремей про себя разумеи» (Пг., 1917) эпиграф начинался словами: «Милиция не позволяла...» и относился к действиям милиции Временного правительства 1917 г. Печ. по изд. 1923, стр. 49, с исправлением неверной даты «1914 г.». Вошло в изд. 1923; Собр. 19, т. 1; Сто басен.

Д ó м а. Впервые — СМ, 1913, № 6, стр. 271. Вошло в Собр. 19, т. 1. *Октябрист* — см. примеч., стр. 531.

Х о з я и н. Впервые — «Рабочая правда», 1913, 23 июля. Вошло в Собр. 19, т. 1; С и Б; Сто басен; изд. 1937. Номер газеты был конфискован властями на основании донесения цензора о том, что «такого рода изображения возбуждают в среде рабочих чувства неприемлимой ненависти и вражды по отношению к хозяевам» («Пролетарские поэты», т. 2. Л., 1936, стр. 301).

К л о п. Впервые — СМ, 1913, № 7, стр. 264. Вошло в Собр. 19, т. 1; изд. 1937.

«Г а з е т а - к о п е й к а». Впервые — «Северная правда», 1913, 11 августа. Вошло в Собр. 19, т. 1; С и Б. «Газета-копейка» — ежедневная газета бульварного типа, выходившая в Петербурге. Основной доход владельцы газеты извлекали, печатая на ее страницах рекламу низкого пошиба.

Е р ш и и в ь ю н ы. Впервые — «Наш путь», 1913, 5 сентября, с двумя эпиграфами: 1) «Выражаем надежду, что «Московская рабочая газета» станет... органом объединения. Ликвидаторы «Новой рабочей газеты» № 21»; 2) «Рабочая масса весьма недвусмысленно намекнула ликвидаторам, что ей с ними не по пути» («Северная правда», № 24)». Печ. по кн. «Всякому свое». Пг., 1920, стр. 16. Вошло в изд. 1923; Собр. 19, т. 1; Сто басен; изд. 1937. «Московская рабочая газета» — большевистская газета «Наш путь». «Новая рабочая газета» — ежедневная газета меньшевиков, выходившая в Петербурге.

«С о в р е м е н к а». Впервые — «Северная правда», 1913, 7 сентября. «Современка» — «Современное слово», ежедневная газета, выходившая под флагом «беспартийного демократизма». «Речь» — ежедневная газета, орган кадетов (партии крупной буржуазии).

Ц е н з о р. Впервые — «Правда труда», 1913, 12 сентября. «Русская правда» — древнейший памятник русского права (XI в.). «Правда труда» — одно из названий большевистской «Правды».

Б е с ы. Впервые — СМ, 1913, № 10, стр. 254. Написано в защиту М. Горького от нападок, которые вызвала его статья «О карамазовщине». Горький возражал против инсценировок романов Достоевского «Братья Карамазовы» (в 1910 г.), «Бесы» и «Идиот» (в 1913 г.), в которых были затушеваны прогрессивные стороны творчества До-

стоевского и резко выделены его реакционные идеи. Буржуазная пресса начала в связи с этим «поход против Горького». Писателя сразу же поддержала большевистская печать. *Письмо Максима* — вышеназванная статья Горького. *Бедняга, числяся в смутьянах* и т. д. М. Горький, подлежащий суду за революционную деятельность, в 1906 г. эмигрировал из России. *Феодор покойный* — Ф. М. Достоевский. *Бесы лезут отовсюду*. Имеется в виду роман «Бесы», в котором клеветнически изображены участники революционного движения 1870-х гг. *Слободские скоморохи*. Подразумевается Московский Художественный театр, готовивший в то время инсценировку «Бесов». «*Биржевка*» — полубульварная газета «Биржевые ведомости», близкая к финансовым кругам столицы. По поводу письма группы литераторов, опубликованного этой газетой, Горький писал: «Протест был напечатан в вечернем издании «Биржевых ведомостей» и сводился к обвинению меня в том, что я пытаюсь установить цензуру общества над свободой художника» (М. Горький. Собр. соч. в тридцати томах, т. 24. М., 1953, стр. 150). О той же группе литераторов Д. Бедный сообщал в письме В. Д. Бонч-Бруевичу от 17 октября 1913 г., разъясняя смысл своей басни: «Очень свирепая басня, залеты личности (Батюшков, Куприн, Сологуб, Ясинский, Арабжин, Потапенко и вся «биржевая рать») («Рукописный фонд Гос. библиотеки СССР им В. И. Ленина). Кроме названных лиц в выступлениях против Горького на страницах «Биржевых ведомостей» участвовали Мережковский, Будишев и др. (см. утренний выпуск этой газеты, 1913, 9 октября). *Ясинский* — см. примеч., стр. 531. «*Профессор*» из *Гельсингфорса*. Кто имеет в виду — установить не удалось.

Д р у з ь я м. Впервые — «Просвещение», 1913, № 11, стр. 49. Вошло в Собр. 19, т. 1.

Р а з н а я м е р а. Впервые — Собр. 19, т. 1, стр. 217, в цикле «Черное дело. Бейлисиада». «Черное дело» — цикл фельетонов и басен, написанных в связи с «делом Бейлиса». Весной 1912 г. киевский мещанин, еврей М. Бейлис, был арестован и затем судим по обвинению в ритуальном убийстве. Явно провокационное дело, основанное на ложном обвинении, вызвало широкую волну общественного протеста, охватившую прогрессивных людей многих стран мира. Суд присяжных вынес Бейлису оправдательный приговор. Подзаголовок — авторская мистификация, рассчитанная на обман цензуры (мистификация эта все же не помогла, и фельетон до революции не печатался). *Счегло дедля Вита* — Щегловитов И. Г. (1861—1918), царский министр юстиции, крайний реакционер, организатор суда над Бейлисом. *Вера дель Чибера* — Чеберяк Вера, участница воровской шайки, совершившей в Киеве убийство, которое было приписано Бейлису.

Н а к а з. Впервые — «Правда», 1925, 15 января, под рубрикой «Учительский съезд в 1913 г.» С подзаголовком «Баллада» — Собр. 19, т. 1. Печ. по Собр. 19, т. 12, стр. 145. До революции не публиковалось по цензурным условиям. *Съезд наставников народных* — 2-й Всерос-

сийский съезд народных учителей, происходивший в Петербурге с 30 декабря 1913 г. по 5 января 1914 г. На съезде обсуждались вопросы правового и материального положения лиц учительского звания. Съезд, продемонстрировавший тяжелые условия работы учителей, происходил в обстановке политических ограничений и негласной полицейской слежки за делегатами. Некоторые делегаты съезда подверглись репрессиям. *Темно-синие рейтузы*. Такие рейтузы носили служащие тайной полиции. *Сановный покровитель* — по всей вероятности, Кассо Л. А. (1865—1914) — министр народного просвещения, известный реакционер.

У могилы Тараса Шевченко. Впервые — Собр. 19, т. 1, стр. 291. По цензурным условиям до революции не публиковалось. Написано к столетию со дня рождения Т. Г. Шевченко, которое исполнялось 25 февраля 1914 г. Министерство внутренних дел запретило публичное празднование годовщины. У могилы поэта (в Каневе, над Днепром) были выставлены полицейские посты для недопущения митингов и демонстраций. Эти меры, а также провокационные измышления реакционной печати о том, что украинский народ якобы забыл своего поэта, вызвали резкий протест прогрессивной общественности. Рабочие депутаты сделали по поводу правительственных мер специальный запрос в Государственной думе. В. И. Ленин с возмущением писал об этих репрессиях в статье «К вопросу о национальной политике» (см.: Соч., т. 20, стр. 199). *Реве тай стогне* и т. д. — начальная строка стих. Шевченко «Причиння» («Порченая»). Первые строфы этого стихотворения, положенные на музыку, стали широко известной украинской песней.

Обреченные. Впервые — «Путь правды», 1914, 22 марта. Написано в связи с подъемом массового рабочего движения, которое предприниматели пытались сорвать, прибегая к локаутам.

Диво дивное. Впервые — «Путь правды», 1914, 9 апреля, с подзаголовком «сказка» и сноской: «Сюжет позаимствован из академического «Сборника материалов для изучения быта и языка русского народа», сост. П. Шейном, т. II, стр. 165, сказка № 79», без 14 заключительных строк, написанных в 1918 г. Печ. по кн. «Диво дивное». М., 1919, стр. 3. Вошло в изд. 1923; Собр. 19, т. 2; С и Б; изд. 1937.

«Скакун». Впервые — «Путь правды», 1914, 15 апреля. «Речь» — см. примеч., стр. 532.

Май. Впервые — «Путь правды», 1914, 1 мая. Вошло в изд. 1923; Собр. 19, т. 1; Сто басен; изд. 1937.

Невыносимая брань. Впервые — «Трудовая правда», 1914, 27 июня. «Союз русского народа», Марков — см. примеч., стр. 529. *Пуришкевич* В. М. (1870—1920) — реакционный политический деятель, монархист и черносотенец, известный своими погром-

ными выступлениями в Государственной думе. *Крушеван П. А.* (1860—1909) — реакционер-черносотенец, организатор погромной травли евреев в Бессарабии.

Почему? Впервые — СМ, 1914, № 6, стр. 130. Вошло в Собр. 19, т. 1.

Пушка и соха. Впервые — «Утро», 1914, 26 октября. Вошло в изд. 1923; Сто басен.

Усы да борода. Впервые — «Утро», 1915, 12 апреля, без последних 4-х строк. Печ. по кн. «Сказки». Пг., 1917, стр. 35. Вошло в изд. 1923; Собр. 19, т. 2. В основу сюжета положена народная сказка «Кузнец и черт» (см.: А. Афанасьев. Народные русские легенды, т. 1, 1914, № 31).

«Баталисты». Впервые — «Утро», 1915, 23 апреля. Вошло в Собр. 19, т. 2, где неправильно датировано 1916 г. и неверно указано в комментарии, что до революции стихотворение не печаталось. *Федоров Александр Митрофанович* (1868—1949) — автор либерально-народнических романов и декадентских стихов; в первые годы войны выступал на страницах печати с военно-шовинистическими очерками и рассказами. *Муйжель Виктор Васильевич* (1880—1924) — автор ряда произведений о жизни пореформенной русской деревни («Аренда», «Год» и др.); писал корреспонденции о военных действиях в Галиции и Польше. *Тиртей* (VII—VI вв. до н. э.) — древнегреческий поэт, автор маршевых военных песен.

«Предусмотренные». Впервые — СМ, 1915, № 10, стр. 210. Вошло в Собр. 19, т. 2.

Закон и «Правда». Впервые — СМ, 1915, № 11, стр. 152. Вошло в Собр. 19, т. 2. *«Правда» жила во время оно.* «Правда» была закрыта, а редакция разгромлена петербургской охранкой 8 июля 1914 г., т. е. за шестнадцать с половиной месяцев до того, как царские законники приняли решение, о котором сообщается в эпиграфе.

Мое. Впервые — СМ, 1915, № 11, стр. 149. *Киновия* — монастырь. *Пиндар* (ок. 522 — ок. 442 до н. э.) — древнегреческий поэт, классик хоровой лирики. *Тиртей* — см. примеч. выше. *Эзон* (VI—V вв. до н. э.) — полубогатый древнегреческий поэт-баснописец.

Столп отечества. Впервые — СМ, 1915, № 12, стр. 176, под заглавием «Катон». Печ. по изд. 1923, стр. 42. Вошло в Собр. 19, т. 2; Сто басен. *Катон Старший Марк Порций* (234—149 до н. э.) — римский государственный деятель, цензор и писатель.

Строки. Впервые — «Жизнь для всех», 1916, № 1, стр. 59. Вошло в Собр. 19, т. 2. Эпиграф — из стих. Ф. И. Тютчева «Весенняя гроза». *Идешь-бредешь, как по пустыне.* Намек на пустые полосы га-

зет, образуемые цензурными изъятиями (военная цензура удаляла текст непосредственно из сверстанных полос). «Три пальмы» — стихотворение М. Ю. Лермонтова.

П о х в а л ы. Впервые — «Жизнь для всех», 1916, № 9, стр. 1058. Вошло в Сто басен. *Ток отдающих явно ... бойней!* — намек на империалистическую войну.

БАСНИ ЭЗОПА

Впервые объединены в цикл под заглавием «Басни Эзопа» — «Жизнь для всех», 1916, № 2, стр. 179. До этого разрозненные басни печатались в газете «Утро» с 22 марта по 6 августа 1915 г. Переводом басен Эзопа Д. Бедный занимался и раньше. Так, одна из басен Эзопа была использована в фельетоне «Поминки» (см. стр. 77), другая легла в основу басни «Суд» («Устроивши гнездо...»), написанной по поводу судебной расправы над рабочими Обуховского завода в Петербурге (см.: «Путь Правды», 1914, 21 мая). С начала империалистической войны поэт особенно интенсивно занимался переводом басен Эзопа ввиду жестоких условий, в которые он был поставлен военной цензурой. Всего в 1914—1916 гг. было переведено 22 басни Эзопа. Они представлены неполными подборками во всех собраниях сочинений. Мы приводим из этого цикла пять басен, наиболее характерных.

Б р а к б о г о в. Впервые — «Жизнь для всех», 1916, № 2, стр. 181, под заглавием «Бог богатства». В беловом автографе ПД — под заглавием «Брак богов», со сноской: См. «Избранные песни Эзопа» изд. А. М. Суворина. Автограф был передан поэтом А. М. Горькому в конце 1914 г., во время приезда с фронта. Опубликовать басню в тот период, по цензурным условиям, не удалось. Под заглавием «Боги» — «Красная новь», 1922, № 1 (5). Печ. по изд. 1923, стр. 192. Вошло в Собр. 19, т. 2; Сто басен.

П о м о щ ь. Впервые — «Правда», 1917, 31 декабря, с другой копкой:

Вот басенка — Эзопа перевод —
В бумагах у меня лежит четвертый год.
«Покойный» цензор мне черкнул на ней приписку:
«Союзнику нельзя нам оскорблять без риску».

Печ. по изд. 1923, стр. 192. Вошло в Собр. 19, т. 2; Сто басен; изд. 1937. Союзница — Англия. Басня намекает на взаимоотношения Англии — Кита — и России — Медведя — в период первой мировой войны. Слон — кайзеровская Германия. Речь идет об использовании военно-морского флота Великобритании в операциях против Германии.

П л а к а л ь щ и ц ы. Впервые — «Жизнь для всех», 1916, № 2, стр. 179. Вошло в изд. 1923; Собр. 19, т. 2; Сто басен; изд. 1937.

Волк и Овца. Впервые — «Жизнь для всех», 1916, № 2, стр. 180. Вошло в изд. 1923; Собр. 19, т. 2; Сто басен; изд. 1937.

Д о б р я к. Впервые — изд. 1923, стр. 192. Вошло в Собр. 19, т. 2; Сто басен; изд. 1937.

1917—1920

Т о ф у т а м у д р ы й. Впервые — «Известия Петроградского Совета рабочих депутатов», 1917, 1 марта. Вошло в изд. 1923; Сто басен. О том, какие отклики вызвало опубликование басни, рассказывал В. И. Ленину весной 1917 г. В. Д. Бонч-Бруевич, участвовавший в издании первых номеров «Известий Петроградского Совета»: «Как зашнпели все меньшевики, находившиеся в президиуме Совета рабочих депутатов. Они ругали меня на каждом шагу: как это я в правительственную газету, которая должна отражать желания всего Совета, поместил — кого? — Демьяна Бедного, который им стал, конечно, поперек горла». В. И. Ленин, по тому же свидетельству, ответил: «Эти пошляки не понимают всего значения творчества Демьяна Бедного. Оно действительно пролетарское творчество, оно близко рабочей массе, которая его прекрасно должна понимать...» (В. Д. Бонч-Бруевич. Ленин о поэзии. — «На литературном посту», 1931, № 4, стр. 6). *Царь Тофута* — император Николай II (Романов Н. А., 1868—1918). *Злодей Протоплут* — Протопопов А. Д. (1866—1918) — министр внутренних дел в царском правительстве. *Власть, отбитую народом у Тофуты* и т. д. Речь идет о Февральской буржуазной революции.

«Мест больше нет». Впервые — «Известия Петроградского Совета рабочих депутатов», 1917, 4 марта (указание автора в подстрочном примечании неточно), под заглавием «Без места» и с подзаголовком «эпиграмма». Печ. по Собр. 19, т. 13, стр. 286. *Без манифеста.* Имеется в виду манифест царя Николая II об «отречении» от престола, изданный 2 марта 1917 г., через три дня после того, как народ уже сверг самодержавие.

З а ж и в о е. Впервые — «Правда», 1917, 8 апреля. *Со всех сторон на нас поход.* Имеются в виду нападки буржуазно-черносоственной прессы на большевистскую газету «Правда».

Н а р о д н а я п р и м е т а. Впервые — «Правда», 1917, 16 апреля, за подписью «Мужик Вредный». *Бьюкенен Д.* (1854—1924) — посол Великобритании в России; в качестве представителя союзной державы оказывал сильнейшее влияние на русскую государственную политику. *Милюков П. Н.* (1859—1943) — лидер кадетской партии, министр иностранных дел во Временном правительстве.

К о м п а н и я д р у з ь е й Впервые — «Солдатская правда», 1917, 12 мая. *Гамзей* — обиходное название погромщиков из «черной сотни». *Иоаннитка* — участница религиозной секты иоаннитов, поклонни-

ков Иоанна Кронштадтского (Сергеева И. И.) — реакционного клерикала, служившего протоиереем в Кронштадтском морском соборе.

Разгрузка. Впервые — «Правда», 1917, 14 мая, за подписью «Мужик Вредный». Вошло в Собр. 19, т. 2.

Я б хотел... Впервые — «Правда», 1917, 13 июня, за подписью «Иван Заводской». Вошло в Собр. 19, т. 2. Эпиграф — из стих. Н. А. Добролюбова «Грустная дума гимназиста лютеранского вероисповедания и не Киевского округа», высмеивающего систему телесных наказаний, предложенную для гимназий. Курсив в последней строке эпиграфа принадлежит Д. Бедному. «Заговор!.. Спасайте!.. Караул!..» Меншевики и эсеры, возглавившие I Всероссийский съезд Советов в июне 1917 г., обвинили большевиков в «заговоре против Временного правительства и поддерживающего его съезда» на том основании, что большевики назначили на 10 июня мирную политическую манифестацию петроградских рабочих и солдат. *Церетели* И. Г. (1882—1959) — лидер меньшевиков, министр Временного правительства, отстаивавший политику войны и соглашения с буржуазией. *Мне грозит их» Церетели боем.* Имеется в виду выступление Церетели с требованием принять закон о «преступлениях против государственного спокойствия». В заявлении ЦК партии большевиков по этому поводу говорилось, что меньшевистский министр пользуется версией о «заговоре», для того чтобы «провести обезоружение петроградского пролетариата и раскассирование петроградского гарнизона» («Правда», 1917, 13 июня).

Мой стих. Впервые — «Рабочий путь», 1917, 22 сентября, под заглавием «Стиль», за подписью «Мужик Вредный», с эпиграфом: «„Новая жизнь“ не одобряет стиля «Мужика Вредного», Демьяна Бедного тож». Здесь, после ст. 16:

Мне так смешно, когда чувствительная дама

Из «*Новой жизни*» закричит:

«Собака! Ай-ай-ай, укусит вдруг! Ай, мама,

Она рычит!»

Рычу! Мадам, прошу: очнитесь от испуга,

Вы испугались друга.

Ну да, я — грубый бас,

Вы — нежное сопрано.

Всё ж ноты общие покамест рвать нам рано:

Он не уйдет от нас — грядущей ссоры час,

И может, он придет скорее,

Чем знамя общее мы к цели донесем:

Вы чахнуть будете, витая в эмпирее,

А мы упрямся в чернозем.

В ПП — без этих строк, без заглавия и без эпиграфа. Опущенная часть текста приводилась автором в виде самостоятельного стихотворения, с тем же эпиграфом, под заглавием «Стиль» — Собр. 19,

т. 2, стр. 155. Печ. по изд. 1923, стр. 60. Вошло в В и В; изд. 1937. «Новая жизнь» — ежедневная газета, которую с апреля 1917 г. выпускала группа так называемых «интернационалистов», занимавших меньшевистские позиции и часто выступавших с нападками на «Правду».

Социал-зак. Впервые — «Рабочий путь», 1917, 23 сентября, за подписью «Друг сердечный» и с эпиграфом — откровением некоего «представителя рабочего класса» (социал-соглашателя), напечатанным в реакционной буржуазной газете «Русская воля»: «Разум революционной демократии сейчас помутился... Я был бы рад, если бы буржуазия была бы в состоянии одна взять власть в свои руки и удержать ее, а демократия перешла бы к выполнению своих прямых задач... Требование передвинуть власть налево неосуществимо». Здесь за последней строкой следовало еще 4 строки:

Товарищи, с программой этой
Вы ознакомитесь вполне,
Поговоривши с тем, кто ищет правды в «Дне»
И упивается «Рабочей газетой».

Печ. по кн. «Всяк Еремей про себя разумея». Пг., 1917, стр. 33. Вошло в изд. 1923; Собр. 19, т. 2. «День» — буржуазная газета, с мая 1917 г. издавалась меньшевиками. «Рабочая газета» — центральный орган меньшевиков.

Страдания следователя по корниловскому (только ли?) делу. Впервые — «Рабочий путь», 1917, 24 сентября, под заглавием «Песня», за подписью «Мужик Вредный». Здесь между 1-й и 2-й строфой:

Упекут меня,
Друга милова.
Правду как узнать
У Корнилова?

Затаил секрет
И не кается,
На стене ж портрет
Усмехается!

Стихотворение сопровождалось рисунком, на котором изображен следователь, допрашивающий Корнилова с оглядкой на портрет Керенского. Печ. по Собр. 19, т. 2, стр. 156. Корнилов Л. Г. (1870—1918) — царский генерал, назначенный Временным правительством на пост Верховного главнокомандующего русской армией. В августе 1917 г. с целью подавления революции и установления военной диктатуры он поднял мятеж и начал поход на Петроград. Благодаря мерам по обороне города, принятым большевиками, а также успешной большевистской агитации среди корниловских солдат поход на Петроград был приостановлен и заговор сорван. Корнилов-

ское дело — подготовка Временным правительством «суда» над Корниловым за организацию контрреволюционного мятежа. *Керенский А. Ф.* (род. 1881) — эсер, занимал ряд министерских постов во Временном правительстве, а после июльских дней 1917 г. стал во главе коалиционного кабинета; служа интересам империалистической буржуазии, проводил политику «войны до победного конца» и борьбы с нарастающей революцией; в ноябре 1917 г. бежал за границу. *Корнилится, керится* — слова, производные от фамилий Корнилова и Керенского. Эти слова В. И. Ленин использовал для характеристики буржуазной государственности в статье «Удержат ли большевики государственную власть?», написанной через неделю после опубликования фельетона Д. Бедного (см.: В. И. Ленин. Соч., т. 26, стр. 81).

Послевыборный астрономический бюллетень. Впервые — «Солдатская правда», 1917, 21 ноября, без заглавия и за подписью «Мужик Вредный». Печ. по газ. «Правда», 1917, 30 ноября. Вошло в Собр. 19, т. 2. Написано к выборам в Учредительное собрание в Петрограде, где большевики получили перевес над буржуазными и социал-соглашательскими партиями.

Птицеловы. Впервые — «Правда», 1917, 21 декабря. Вошло в изд. 1923; Собр. 19, т. 2.

У господ на елке. Впервые — «Правда», 1918, 6 января. Вошло в изд. 1923; Собр. 19, т. 2; В и В; изд. 1937.

Мы не одни. Впервые — «Правда», 1918, 1 февраля. *И вот горит заря пожаром.* Имеются в виду революционные выступления трудящихся в Финляндии, Германии, Австрии.

Последний перевал. Впервые — «Правда», 1918, 5 февраля. *Гады ползают внизу.* Речь идет о контрреволюционных вылазках монархистов, кадетов и других противников советского строя.

Ново жизненские лягушки. Впервые — «Правда», 1918, 17 февраля, за подписью «Мужик Вредный». Вошло в Собр. 19, т. 3. «Новая жизнь» — см. примеч., стр. 539. *Не ваши ль это предки.* Имеется в виду мотив басни Эзопа «Лягушки просят себе царя».

Революционный гудок. Впервые — «Правда», 1918, 28 февраля, с дополнительной строфой (между 2-й и 3-й):

Бросая свой клич от предместья к предместью,
Ты миру всему прозвучал грозной вестью:
«Вставай, поднимайся, рабочий народ!
Разбойник у наших ворот!»

Печ. по кн. «В огненном кольце». Пг., 1918, стр. 42. Вошло в изд. 1923; Собр. 19, т. 9; «Героическое»; изд. 1937. Написано в связи

с наступлением германских империалистических войск на Советскую Россию. В ночь на 23 февраля 1918 г. жители Петрограда были разбужены тревожными гудками: кайзеровская армия подходила к Нарве и Пскову. «Социалистическое отечество в опасности!» — гласил декрет Советского правительства, призывавший двинуть навстречу германским захватчикам революционные отряды рабочих и крестьян. Этот день — 23 февраля — стал днем рождения Красной Армии. Положено на музыку М. Красевым.

Работнице. Впервые — «Правда», 1918, 8 марта. Вошло в изд. 1923; Собр. 19, т. 10; «Героическое»; изд. 1937. Написано по предложению секретаря редакции «Правды» М. И. Ульяновой, готовившей специальный номер газеты, посвященный первому празднованию в Советской стране Международного женского дня. Об этом сообщается в заметке В. Сорокина «Демьян Бедный ко дню работниц» (газета «Правдист», орган партбюро редакции «Правды», 1951, 7 марта).

Маяк. Впервые — «Правда», 1918, 9 марта. Вошло в изд. 1923; Собр. 19, т. 9; В и В; изд. 1937.

Песня деда Софрона. Впервые — «Красная газета», 1918, 12 марта, под заглавием «Дудка-погудка», без ст. 21—24, 45—48. Печ. по кн. «В огненном кольце». М., 1918, стр. 32. Вошло в изд. 1923; Собр. 19, т. 9; «Героическое». *Дед Софрон* — персонаж, названный по имени деда поэта, Придворова Софрона Никитича (ум. 1908). В автобиографии Д. Бедный отмечал, что с семи до тринадцати лет он жил «в деревне у деда Софрона, удивительно душевного старика, любившего и жалевшего меня очень» (Собр. 5, т. 5, стр. 257). Из большого числа произведений, в которых представлен этот образ («Беседы деда Софрона», «На завалинке» и др.), в настоящий сборник включена «Песня деда Софрона». Положена на музыку А. Титовым.

«Правде». Впервые — «Правда», 1918, 17 марта. Вошло в Собр. 19, т. 10; изд. 1937. Написано к первой годовщине возобновления издания «Правды».

Господская тень. Впервые — «Правда», 1918, 3 мая, с подзаголовком «Быль». Печ. по кн. «В огненном кольце». Пг., 1919, стр. 16. Вошло в изд. 1923; Собр. 19, т. 3, с неверной датой «30 мая 1918 г.»; С и Н.

«Христос воскрес». Впервые — «Беднота», 1918, 4 мая. Вошло в изд. 1923; Собр. 19, т. 7; С и Н; Сто басен; изд. 1937.

Молодняк. Впервые — «Беднота», 1918, 17 мая. Вошло в изд. 1923; Собр. 19, т. 3; Сто басен; изд. 1937.

Крещение. Впервые — «Правда», 1918, 9 июня, с подзаголовком «Деревенская быль». Печ. по кн. «Отцы духовные, их по-

мысли греховные...». М., 1922, стр. 19. Вошло в изд. 1923; Собр. 19, т. 7; С и Н; Сто басен; изд. 1937. *Ослоп* — дубинка, жердь; попасть под ослоп — быть избитым.

Два гренадера. Впервые — «Правда», 1918, 28 июня. Вошло в Собр. 19, т. 3. Написано в виде пародии на стих. Г. Гейне «Гренадеры», которое в переводе М. Л. Михайлова начинается словами:

Во Францию два гренадера
Из русского плена брели.

Милюков — см. примеч., стр. 537. *Виновер* М. М. (1863—1925) — деятель кадетской партии, впоследствии — белоэмигрант. *Вильгельм II* (1859—1941) — германский император. *Четвертая дума* — последний созыв Государственной думы в России. *Родзянко* М. В. (1859—1924) — крупный помещик, реакционер, председатель 3-й и 4-й Государственной думы. *Мартов* Л. (1873—1923), *Дан* Ф. И. (1871—1947) — лидеры меньшевиков. *Дурново* П. Н. (1844—1915) — министр внутренних дел в 1905 г. *Начнется еврейский погром*. Будучи в прошлом адвокатом и депутатом 1-й Государственной думы, Винавер выступал на судебных процессах и в Думе с речами против еврейских погромов.

Под Самарой. Впервые — «Беднота», 1918, 2 октября, под заглавием «На биваке», с подзаголовком «Под Самарой». Без 2-й части — «Правда», 1918, 9 октября. Печ. по кн. «Красноармейцы». М., 1919, стр. 53. Вошло в изд. 1923; Собр. 19, т. 5. Повторная публикация стихотворения в «Правде» была вызвана сообщением об освобождении Самары от белогвардейско-эсеровских войск 7 октября 1918 г.

Путеводная звезда. Впервые — «Беднота», 1918, 2 октября. Вошло в изд. 1923; Собр. 19, т. 5; изд. 1937.

«До этого места!» Впервые — «Беднота», 1918, 6 ноября. Вошло в изд. 1923; Собр. 19, т. 6; изд. 1937. Написано к первой годовщине Октябрьской революции. *Комитеты бедноты* (комбеды) были образованы в августе — сентябре 1918 г. на основе декрета ВЦИК «Об организации деревенской бедноты и снабжении ее хлебом, предметами первой необходимости и сельскохозяйственными орудиями», принятого 11 июня 1918 г. и опубликованного за подписями В. И. Ленина и Я. М. Свердлова. Комитеты бедноты сыграли большую роль в борьбе с кулачеством и упрочении советской власти в деревне. Они же были зачинателями первых сельскохозяйственных кооперативов.

Предисловие к поэме А. С. Пушкина «Гавриилиада». Впервые — В и В, стр. 60. Вошло в Собр. 19, т. 10; изд. 1937. Предисловие было предназначено для одного из первых

изданий полного текста «Гавриилиады», подвергавшейся до 1917 г. грубейшим цензурным искажениям. В 1918—1920 гг. поэма Пушкина выпускалась неоднократно (с восстановлением цензурных купюр), однако ни в одном из обследованных нами изданий предисловия Д. Бедного нет. Сохранились лишь гранки предисловия с авторским обозначением даты — ИМЛИ. «*Тиран несправедливый*» и т. д. — слегка измененные строки «Гавриилиады»: «*Тиран несправедливый, еврейский бог, угрюмый и ревнивый. Бродил другой тиран — император Николай I (Романов Н. П., 1796—1855).*»

Проводы. Впервые — «Беднота», 1918, 15 декабря, в составе повести Д. Бедного «Красноармейцы» (9-я глава). Печ. по газ. «Боевая правда», 1919, 28 ноября. Вошло в изд. 1923; Собр. 19, т. 5; изд. 1937. Написано во время пребывания поэта на Восточном фронте. Появление этой песни связано с происходившей незадолго до того в Москве беседой Д. Бедного с В. И. Лениным. «Вам следует, — говорил, по словам поэта, В. И. Ленин, — в своих агитационных обращениях постоянно, упорно, систематически, не боясь повторений, указывать на то, что вот прежде была, дескать, «распроклятая злодейка служба царская», а теперь служба рабоче-крестьянскому, советскому государству, — раньше из-под кнута, из-под палки, а теперь сознательно, выполняя революционно-народный долг, — прежде шли воевать за черт знает что, а теперь за свое и т. д.» (Собр. 5, т. 5, стр. 287). Стихотворение приобрело популярность сразу же после его опубликования, в некоторых фронтовых изданиях оно печаталось без подписи, как произведение народное. О том, как распространена была эта песня в двадцатые годы, можно судить, например, по зарисовке, сделанной А. М. Горьким во время его пребывания на севере, за Полярным кругом, летом 1929 года: «По рельсам идет группа молодежи, человек десять парней и девушек, они поют:

Без тебя большевики
Обойдутся...»

(М. Горький. На краю земли. — Собр. соч., т. 17. М., 1952, стр. 235). В процессе устного бытования текст песни претерпел ряд изменений, зафиксированных собирателями фольклора. В 1922 г. положена на музыку Д. С. Васильевым-Буглаем. *Малюта* — от имени Малюты Скуратова (ум. 1572), думного дворянина, начальника царской охраны и исполнителя казней при Иване Грозном.

Центрошишка. Впервые — «Правда», 1919, 28 января. Вошло в Собр. 19, т. 12. Стихотворение направлено против руководителей «Пролеткульта». «Пролеткульт» — объединение пролетарских культурных организаций. Его идеологи пытались централизовать в своих руках руководство литературой и искусством, изолировать советскую культуру от влияния партии и государства. Утверждая, что социалистическая культура может быть создана лишь самостоятельными силами рабочего класса, пролеткультовцы всячески

третировали художественную интеллигенцию (отношение *квеста* к *дрозду*), игнорировали наследие старой культуры. Политика «Пролеткульта» подвергалась резкой критике в работах В. И. Ленина (см.: В. И. Ленин. Соч., т. 31, стр. 291—292; Ленинский сборник 35, стр. 147—148).

В монастыре. Впервые — «Правда», 1919, 16 января. Вошло в изд. 1923; Собр. 19, т. 7; изд. 1937; С и Н. Положено на музыку Д. С. Васильевым-Буглаем.

Товарищу. Впервые — «Героическое», стр. 26. Вошло в Собр. 19, т. 9.

Снежок. Впервые — «Правда», 1919, 4 марта, с подзаголовком «Посв(ящается) всем, всем... Центроглавкам». Печ. по кн. «По коню и по оглоблям». М., 1920, стр. 63. Вошло в изд. 1923; Собр. 19, т. 3. *Падера* — зимнее ненастье, буря с дождем или снегом.

Частушки. Впервые — «Правда», 1919, 4 марта. Вошло в Собр. 19, т. 3. Написано, как и предыдущее стихотворение, к Международному женскому дню. *Канифас* — полосатая бумажная ткань.

Французская булка. Впервые — «Правда», 1919, 1 мая и «Беднота», 1919, 1 мая. Вошло в изд. 1923; Собр. 19, т. 3. *Колчак* А. В. (1875—1920) — царский адмирал, в 1918—1919 гг. возглавлял контрреволюционные силы в Сибири и на Урале.

Кандидаты на... фонари. Впервые — «Известия», 1919, 14 сентября. Вошло в Собр. 19, т. 4. Написано в связи с попытками интервентов поставить во главе войск, направляемых в советскую Россию, кайзеровского генерала *фон дер Гольца*, одного из активных проводников захватнической политики германского империализма. В 1918 г. он был одним из руководителей немецкой оккупации Украины. Во время первой мировой войны находился в Турции и был известен под именем *Гольц-паши*.

Братские могилы. Впервые — «Правда», 1919, 30 сентября. Печ. по изд. 1923, стр. 66. Вошло в Собр. 19, т. 9; «Героическое». Написано ко дню похорон коммунистов, погибших 25 сентября 1919 г. при взрыве бомбы, брошенной анархистами в здание Московского комитета ВКП(б). Положено на музыку М. Красевым.

Красный Флот. Впервые — «Правда», 1919, 23 октября. Вошло в изд. 1923; Собр. 19, т. 5. *Я жду из Питера вестей*. В день опубликования стихотворения советские войска очистили от войск генерала Юденича ближайшие предместья Петрограда — Детское Село (ныне — г. Пушкин) и Павловск. В боевых операциях активное участие принимал Балтийский флот.

Правда - матка.. Впервые — «Правда», 1919, 7 ноября, с подзаголовком «Красноармейский рассказ. Введение». С другим подзаголовком — «Красноармейская повесть. Введение» — «Петроградская правда», 1919, 7 ноября. Печ. по Собр. 19, т. 5, стр. 43.

О черте. Впервые — «Красная газета», 1920, 1 января. *Синай* — горный массив на юге Синайского полуострова (юго-западная Азия). По библейской легенде, на Синае были даны Моисею скрижали (заповеди, законы). *Платон* (423—347 до н. э.) — древнегреческий философ-идеалист; его социально-политические воззрения изложены в труде «Государство». *Эс-Де* — социалист-демократ (в смысле — социал-соглашатель). *Главбум* — Главное управление бумажной промышленности.

На помощь красным бойцам. Впервые — «Правда», 1920, 16 января. «Неделя фронта» проводилась с 21 по 27 января 1920 г.

День прозрения. Впервые — «Правда», 1920, 22 января и «Петроградская правда», 1920, 22 января, с подзаголовками: «9 января 1905 г.» и «Отрывок из поэмы «Бурелом», глава XXXVI». Кроме данной главы была написана лишь еще одна («Царский сон», глава XXXVI), опубликованная вместе с предыдущей. Печ. по изд. 1937, стр. 262. Поэма «Бурелом» была задумана автором как произведение о революционном движении русских рабочих. Замысел не был осуществлен.

Гули м д ж а н. Впервые — «Правда», 1920, 25 января и «Петроградская правда», 1920, 25 января. Печ. по изд. 1923, стр. 121. Вошло в Собр. 19, т. 3. *Чхеидзе Н. С.* (1864—1926) — один из лидеров грузинских меньшевиков, возглавлял «Закавказский сейм», созданный для борьбы против советской власти. *Церетели* — см. примеч., стр. 538. *В Париж гулялся.* Имеется в виду поездка Чхеидзе и Церетели в Париж в качестве представителей меньшевистского правительства Грузии для переговоров с Антантой об отделении Грузии от Советской России. *Клемансо Ж. Б.* (1841—1929) — премьер и военный министр правительства Франции, один из главных организаторов интервенции против СССР. *Ллойд-Джорджданья* — контаминация имен Ллойд Джорджа Д. (1863—1945) — премьер-министра Великобритании, одного из главных организаторов антисоветской интервенции, и *Жордания Н. Н.* (1870—1953) — главы меньшевистского правительства Грузии. По свидетельствам современников, фельетон «Гули м д ж а н» пользовался в Грузии широкой известностью и помог большевикам разоблачить кавказских социал-предателей. «За «Гули м д ж а н», — говорил Ф. Махарадзе, — надо бы поставить Демьяну памятник» (см.: «Вопросы литературы», 1963, № 5, стр. 252).

Благословение. Впервые — «Петроградская правда», 1920, 11 февраля, с подзаголовком «Посвящается Петроградской революционной армии труда». Здесь 3-я строфа:

Отбив рукой вооруженной
Напор двух вражеских осад,
Работой дружной, напряженной
Спасли мы Красный Петроград.

Печ. по кн. «По коню и по оглоблям». М., 1920, стр. 8. Вошло в изд. 1923; Собр. 19, т. 9. Написано в связи с принятым 10 февраля 1920 г. за подписью В. И. Ленина декретом Совета труда и обороны о превращении 7-й армии, разгромившей войска Юденича, в Революционную армию труда. *Напор двух вражеских осад*. Имеются в виду попытки белогвардейских войск захватить Петроград в мае и в октябре 1919 г.

Ученому и борцу. Впервые — «Правда», 1920, 21 февраля. Написано в связи с избранием в Московский совет *Тимирязева* Климента Аркадьевича (1843—1920) — выдающегося советского ученого, естествоиспытателя-дарвиниста.

Оценка. Впервые — «Правда», 1920, 15 июня и «Красная газета», 1920, 15 июня. «*Последние новости*» — белоэмигрантская газета, издававшаяся в Париже.

Жесткий срок. Впервые — «Звезда» (Минск), 1920, 23 сентября. Печ. по Собр. 19, т. 5, стр. 179. *Путь известен: до Варшавы*. Речь идет о преследовании советскими войсками отступающей армии белополяков. Река Неман была форсирована нашими войсками в середине июля 1920 г.

Печаль. Впервые — «Красная новь», 1921, № 3, стр. 97. Вошло в изд. 1923; В и В; Собр. 19, т. 10; изд. 1937.

Манифест барона фон Врангеля. Впервые — листовка под тем же заглавием, издание Политического управления Революционного военного совета Южного фронта, 1920, 5 октября. Первая газетная публикация — «Правда», 1920, 24 октября. Вошло в изд. 1923; Собр. 19, т. 5; изд. 1937. Написано в штабном вагоне командующего Южным фронтом М. В. Фрунзе во время подготовки генерального наступления наших войск в Крыму. О том, как это произведение было воспринято М. В. Фрунзе, поэт вспоминал в стих. «Памяти милого друга, боевого товарища», написанном по поводу смерти М. В. Фрунзе («Правда», 1925, 1 ноября). В ноябре — декабре 1920 г. стихотворение было инсценировано на арене Одесского цирка. *Врангель П. Н.* (1878—1928) — царский генерал, возглавил весной 1920 г. контрреволюционные силы на юге России. На оккупированной территории проводил политику кровавого террора и возвращал земли помещикам, требуя от крестьян выкупа земельных наделов. Последней ставкой врангелевских войск был Крымский полуостров. *Вильгельм II* — см. примеч., стр. 542. *Антантой признанный на треть* — т. е. официально признанный правительством Франции, одним из трех государств Антанты.

Латышские красные бойцы. Впервые — «Красная газета», 1920, 23 октября. Вошло в Собр. 19, т. 5. Написано во время подготовки наступления Красной Армии против врангелевских войск. Скажи: «барон!» — барон Врангель (см. примеч., стр. 546).

Честь красноармейцу! Впервые — «Правда», 1920, 7 ноября, без эпитафия. Печ. по Собр. 19, т. 5, стр. 210. Вошло в изд. 1923; изд. 1937. Написано в дни решающих побед советских войск над врангелевской армией в Крыму. Эпитаф — заключительные строки стих. Г. Р. Державина «Видение Мурзы». *Колчак* — см. примеч., стр. 544. Был арестован и расстрелян советскими властями в январе 1920 г. *Деникин А. И.* (1877—1947) — царский генерал, в 1919 г. сформировал контрреволюционную «Добровольческую армию» на юге России. После разгрома армии в апреле 1920 г. бежал за границу. *Юденич Н. Н.* (1862—1933) — царский генерал, возглавил в 1919 г. белогвардейскую армию «Северо-западного правительства». Армия эта была разгромлена под Петроградом, а Юденич с остатками своих войск бежал за границу. *Польская свора*. Имеются в виду войска белополяков, изгнанные с советской территории летом 1920 г. *Последний барон* — Врангель (см. примеч., стр. 546).

Стрелка. Впервые — «Правда», 1920, 21 ноября, со следующими конечными строками:

А в Москве лукаво тоже
Кто-то щурит острый глаз,
Всё внимательней и строже
Озираясь на Кавказ.

У Чичерина работа —
Пишет, пишет, не спеша,
Ноты, ноты, ноты, ноты...
«Алейкум селям, паша!»

Наступленьем, «мирной» сделкой,
Чем и кто нам ни грози,
Я твержу, следя за стрелкой:
«Наше дело на мазни!»

Печ. по Собр. 19, т. 4, стр. 150. *Крым — еще он полон дыма*. 14—16 ноября 1920 г. советские войска освободили от врангелевских банд Севастополь, Феодосию, Керчь и другие города Крыма. Победа над Врангелем послужила поводом для массовых выступлений батумских трудящихся, демонстрировавших свои симпатии советскому строю. На кораблях, стоявших в Батумском порту, и над зданием Всероссийского союза моряков были подняты советские флаги. В марте 1921 г. в Батуми победила Советская власть. *Ллойд Джордж* — см. примеч., стр. 545. *Керзон Д.* (1859—1925) — министр иностранных дел Великобритании, один из организаторов интервен-

ции против СССР. *Чичерин* Георгий Васильевич (1872—1936) — народный комиссар по иностранным делам. *Ноты, ноты*. Речь идет о дипломатической переписке со странами Ближнего Востока.

Последняя капля. Впервые — «Правда», 1920, 17 декабря. Вошло в Собр. 19, т. 6. *Нескучный* — Нескучный сад в Москве. *Сухарев рынок* — рынок на Сухаревой (ныне — Колхозной) площади в Москве, в годы военного коммунизма был рассадником спекуляции.

Воронье. Впервые — в кн. «Земля!.. Земля!..». М., 1920, стр. 22. Вошло в изд. 1923; Собр. 19, т. 3.

Завязь. Впервые — в кн. «Земля!.. Земля!..». М., 1920, стр. 24. Вошло в изд. 1923; Собр. 19, т. 10.

Новогоднее. Впервые — «Красная газета», 1921, 1 января. Вошло в изд. 1923; Собр. 19, т. 3. *Электризованная Русь*. Имеется в виду план электрификации страны, принятый на VIII Всероссийском съезде Советов в конце декабря 1920 г.

1921—1929

На перевале. Впервые — «Труд», 1921, 25 февраля. Вошло в Собр. 19, т. 3. *Гамзей* — см. примеч., стр. 537. *Охотнорядцы* — купцы (по названию торгового квартала «Охотный ряд» в центре старой Москвы).

Так было, но так не будет вновь. Впервые — «Правда», 1921, 1 мая, под названием «Красная пролетарская пасха». Печ. по Собр. 19, т. 8, стр. 63. Вошло в С. и Н.

Братское дело. Впервые — «Правда», 1921, 16 июля. Печ. по Собр. 19, т. 9, стр. 134. Написано в связи с голодом в поволжских губерниях, который явился результатом засухи и тяжелым последствием империалистической и гражданской войн. Капиталистические государства препятствовали оказанию материальной помощи голодающим, ставя ее в зависимость от уплаты Советским правительством царских долгов. Борьбе с голодом Д. Бедный посвятил два специальных сборника: «Проклятие». М., 1922 и «Братское дело». М.—Л., 1927.

Либерал. Впервые — «Правда», 1921, 3 августа. Вошло в Собр. 19, т. 4. *Павел I* (Романов П. П., 1754—1801) — российский император. *Аракчеев* А. А. (1769—1834) — всемогущий временщик при императоре Александре I, олицетворявший своей деятельностью полицейский деспотизм и грубую военщину. *Яблоновский* А. А. (1870—1934) — сотрудник дореволюционной либерально-буржуазной печати, после 1917 г. — белоэмигрант. «*Общее дело*» — белоэмигрантская газета, издававшаяся в Париже.

Сверхлиберал. Впервые — «Правда», 1921, 14 августа, без заглавия. Печ. по Собр. 19, т. 4, стр. 269. *Недавно я писал* — см. предыдущее стихотворение. *Тамерлан* (Тимур) (1336—1405) — среднеазиатский полководец и завоеватель, известный своими жестокостями и грабежами.

«Владимирка». Впервые — «Беднота», 1921, 6 ноября. Вошло в изд. 1924 (изд. 1924 здесь и ниже указывается лишь в случаях, когда произведение не вошло в изд. 1923); «Героическое»; Собр. 19, т. 9; изд. 1937. *Владимирка* — тракт от Москвы до Владимира (ныне — шоссе Энтузиастов), по которому в царское время вели осужденных революционеров на сибирскую каторгу. *Врезалась в твердую землю соха*. Во время реконструкции Владимирского тракта в 1921 г. часть его осталась вне магистральной дороги и была перепахана под огороды.

Азбука. Впервые — «Правда», 1921, 22 ноября. Вошло в изд. 1923; Собр. 19, т. 3. *Я б знал всех нытиков долой*. Имеются в виду поэты и писатели, проявившие скептическое отношение к новой экономической политике, не понявшие революционного содержания нового курса. О них, в частности, говорил В. И. Ленин на XI съезде партии в 1922 г.: «У нас даже поэты были, которые писали, что вот, мол, и голод и холод в Москве, «тогда как раньше было чисто, красиво, теперь — торговля, спекуляция». У нас есть целый ряд таких поэтических произведений» (Соч., т. 33, стр. 252).

Семена. Впервые — «Правда», 1921, 6 декабря. Вошло в Собр. 19, т. 10; В и В. Написано к столетию со дня рождения Н. А. Некрасова.

Труд и порядок. Впервые — «Правда», 1921, 13 декабря. Вошло в Собр. 19, т. 9. Вторую часть стихотворения (со слов «Простор — для творчества...») Д. Бедный процитировал в своей речи на 1-й партийной конференции Ленинского района Москвы 2 января 1931 г., предварив цитату следующими словами: «Не тем ли мы как раз и сильны, что мы организуем нашу жизнь, что мы вводим в нее тот порядок, которого она прежде не знала? Еще в 1921 году наша партия четко отметила это словами: „В нашем государстве мы — партия порядка“». В речи Д. Бедный привел также слова из «Правды», поставленные эпитафией к стихотворению (см.: Собр. 19, т. 18, стр. 222).

Давно пора. Публикация в периодических изданиях не установлена. Печ. по Собр. 19, т. 5, стр. 252. Написано в связи с массовым переходом казачества на сторону Советской власти.

Советский часовой. Впервые — «Правда», 1922, 15 января, с эпитафией: «„Из-за Днестра выстрелом убит наш часовой“. Донесение с русско-румынской «мирной» границы». Печ. по изд. 1923, стр. 368. Вошло в Собр. 19, т. 5. Граница по Днестру, воз-

никшая в 1918 г., после захвата боярской Румынией значительной части нынешней Молдавской ССР (так называемой Бессарабии), была использована зарубежными империалистами для провокационных вылазок против Советского Союза. Граница эта была уничтожена в 1940 г. при освобождении территории, расположенной западнее Днестра. Положено на музыку В. Пергаментом и С. Василенко.

За этой линией. Впервые — «Правда», 1922, 23 июля. Вошло в Собр. 19, т. 4. «Гааги» нету. Имеется в виду окончание (19 июля 1922 г.) международной конференции в Гааге, которая вследствие непримиримой позиции, занятой по отношению к СССР делегатами капиталистических государств, не дала никаких результатов. *На конференции на третьей.* Гаагская конференция была второй по счету после Генуэзской, происходившей в апреле — мае 1922 г.

Пугало. Впервые — «Правда», 1922, 11 августа, с подзаголовком: «Проект надписи на петербургском памятнике Александру III, который решено оставить на месте „в назидание потомству“». Печ. по Собр. 19, т. 3, стр. 199, с исправлением неверной даты «11 октября 1922 г.». На цоколе конного памятника, сооруженного в 1909 г. по проекту скульптора П. П. Трубецкого, эта надпись была высечена в конце 1922 г. Памятник стоял на площади Восстания в Ленинграде. Впоследствии он был снят (ныне хранится в Русском музее).

Юной гвардии. Впервые — «Правда», 1922, 3 сентября. Вошло в изд. 1924; Собр. 19, т. 9; В и В; С и Н; изд. 1937. Написано к Международному юношескому дню, отмечаемому ежегодно в первое воскресенье сентября.

Кружево. Впервые — «Правда», 1922, 6 декабря. Вошло в Собр. 19, т. 4. *Чичерин* — см. примеч., стр. 548. Чичерин возглавлял советскую делегацию на конференции в Лозанне, где с ноября 1922 г. по июль 1923 г. происходила международная конференция по вопросам Ближнего Востока.

Социал-болонки. Впервые — «Правда», 1923, 1 февраля. Вошло в Собр. 19, т. 4. *Вандервельде Э.* (1866—1938) — лидер бельгийской «рабочей партии», ревизионист и оппортунист, один из руководителей II Интернационала.

Любимому. Впервые — «Правда», 1923, 22 апреля. Вошло в изд. 1924; Собр. 19, т. 9; изд. 1937. Посвящено В. И. Ленину, опубликовано в день его 53-летия. *Исход опасности неведом.* Речь идет о болезни В. И. Ленина. Начиная с 12 марта 1923 г. газеты сообщали о состоянии здоровья Владимира Ильича в медицинских бюллетенях.

Кровавые долги. Впервые — «Правда», 1923, 20 мая, с подзаголовком «У новой могилы». Печ. по кн. «Героическое», стр. 52. Вошло в Собр. 19, т. 9. *Воровский* Вацлав Вацлавович (1871—1923) — советский дипломат, публицист и критик, пал от руки фашистского убийцы 10 мая 1923 г. в Лозанне (Швейцария), куда он был послан в качестве советского делегата на международную конференцию. Похороны Воровского, превратившиеся в демонстрацию протеста против антисоветских происков империалистов, состоялись в Москве. Стихотворение опубликовано в день прибытия в Москву гроба с телом Воровского. *Не в пример иным долгам*. Намек на долги царского правительства, оплаты которых империалисты незаконно требовали у Советского Союза.

На что покойнику сапоги? Впервые — «Безбожник», 1923, № 5, стр. 10. Вошло в Собр. 19, т. 8; С и Н; изд. 1937.

Ленинскому на бору. Впервые — «Правда», 1924, 24 февраля, под заглавием «Новым коммунистам». С этим же заглавием — изд. 1924. Печ. по кн. «О любимом». М.—Л., 1926, стр. 18. Вошло в Собр. 19, т. 9. Посвящено ленинскому призыву в Коммунистическую партию.

О соловье. Впервые — «Жизнь», 1924, № 1, стр. 343. Вошло в В и В; Собр. 19, т. 10; изд. 1937. Эпиграф — из статьи К. Цеткин «Воспоминания о В. И. Ленине». Курсив в эпиграфе Д. Бедного. Этот отрывок из статьи К. Цеткин Д. Бедный процитировал в беседе с молодыми писателями, организованной редакцией газеты «Комсомольская правда» 25 февраля 1931 г. (см.: Демьян Бедный. Вперед и выше. М., 1933, стр. 14—16). Стихотворение написано в атмосфере ожесточенных идейно-творческих споров, развернувшихся между литературными группировками в 1923—1924 гг. и вызванных в значительной своей части активизацией буржуазно-эстетских влияний в первый период нэпа. Его написанию предшествовало обсуждение вопросов литературной политики на специальном совещании при отделе печати ЦК ВКП(б) 9—10 мая 1924 г. Принятое на совещании решение отстаивало социалистические принципы советской литературы и указывало на «необходимость создания массовой художественной литературы для рабочих, крестьян и красноармейцев». Решение это легло в основу соответствующего раздела резолюции «О печати», принятой XIII съездом ВКП(б). Стихотворение создано в один из дней работы съезда (съезд происходил с 23 по 31 мая 1924 г.). *Писали до сих пор историю вралю*. Имеются в виду буржуазные историки, принявшие роль народных масс в развитии исторического процесса. *Нас потчует мистическою гилью* *Наш театральный водолей*. Намек на теорию «мистического реализма» В. Э. Мейерхольда, разъяснявшего в «Письмах о театре»: «Это тот реализм, который, не избегая быта, однако, преодолевает его, так как ищет только символа вещи и ее мистической подоплеку» («Золотое руно», 1908, № 7—9, стр. 110). По этому же поводу Д. Бедный в январе 1927 г. написал фельетон в стихах «Мейерхольдовская

старина — из „Золотого руна“» (см.: Собр. 19, т. 13, стр. 152); *«Цветы, взращенные болотиною зыбкой.* Подразумевается эстетско-идеалистическая концепция примата формы над содержанием («цветов» над «корнями»), которую изложил теоретик символизма А. Белый в статье «Об идейном искусстве и презрительном „Терсите“» (см.: «Русская мысль», 1911, № 12). *Речь заузная, космоязычный бред.* Имеются в виду изыскания формалистов в области литературного языка. *Ей разъясняют по Крылову.* Подразумевается басня Крылова «Осел и соловей». Истолкование этой басни в стихотворении Д. Бедного не может быть признано верным. *Марк Аврелий* (121—180) — римский император, представитель «просвещенного абсолютизма».

Вперед и выше! Впервые — «Октябрь», 1924, № 3, стр. 5. Вошло в В и В; Собр. 19, т. 10; изд. 1937.

Снежинки. Впервые — «Правда», 1925, 21 января. Печ. по Собр. 19, т. 9, стр. 20. Вошло в изд. 1937. Написано к годовщине со дня смерти В. И. Ленина. Положено на музыку М. Ковалем (песенный цикл о Ленине), М. Красевым, Я. Солодухо и др.

«Товарищ борода». Впервые — «Правда», 1926, 1 мая. Вошло в Собр. 19, т. 12; С и Н; изд. 1937. Материал для этого стихотворения позаимствован автором из очерка «Студенты революции», напечатанного в харьковской газете «Коммунист», 1926, 10 марта. *Какие там уклоны?* Имеются в виду «правый» и «левый» уклоны, т. е. отход от генеральной линии партии в важнейших вопросах экономики и политики.

Неповторимые. Впервые — «Правда», 1926, 24 июля. Вошло в Собр. 19, т. 12. Написано в связи с кончиной Ф. Э. Дзержинского 20 июля 1926 г.

На ленинский маяк! Впервые — «Правда», 1926, 16 октября. Печ. по Собр. 19, т. 9, стр. 237. *«Марсовой» по званию.* 21 сентября 1926 г. был издан приказ Революционного военного совета СССР о присвоении Д. Бедному звания почетного краснофлотца, «марсового» одного из эскадренных миноносцев Черноморского флота. *Кого-то оторопь берет.* Намек на выступления фракционеров, испугавшихся темпов социалистического развития, взятых Коммунистической партией по ленинскому курсу.

Завет сраженного бойца Впервые — «Правда», 1927, 5 февраля. Вошло в Собр. 19, т. 12. *Нетте* Теодор Иванович (1896—1926) — советский дипломатический работник, был убит фашистским наймитом в поезде на территории буржуазной Латвии. Похоронен в Москве.

Три чучела. Впервые — «Известия», 1927, 12 марта, в виде текста к карикатурам Б. Ефимова, изображающим, как сказано в подписи к рисунку, «ныне благополучно здравствующих авгу-

стейших особ». Печ. по Собр. 19, т. 11, стр. 160. Написано к десятилетию со дня свержения самодержавия. *Кирилл* — Романов К. В. (1876—1938), двоюродный брат императора Николая II. *Николай Длинный* — Романов Н. Н. (1865—1929), двоюродный дядя Николая II; прозвища Длинный удостоился за свой высокий рост. *Вдова порфиросная* — Романова М. Ф. (1847—1928), жена императора Александра III.

Разговор с редактором по поводу Шанхая. Впервые — «Известия», 1927, 22 марта. Вошло в Собр. 19, т. 11. *Скворцов-Степанов* Иван Иванович (1870—1928) — ответственный редактор «Известий». *Шанхай... кантонцы взяли*. 21 марта 1927 г. народно-революционная армия Китая (кантонцы) заняла город Шанхай. *Чемберлен* О. (1863—1937) — министр иностранных дел Великобритании, крайний реакционер, лидер консервативной партии («твердолобых»).

Китайские тени. Впервые — «Правда», 1927, 17 апреля. Вошло в Собр. 19, т. 11. *Чжан Цзо-лин* (1876—1928) — реакционный китайский генерал, в 1926—1927 гг. был главнокомандующим «армии умиротворения страны», которая объединяла все силы контрреволюции против народа. *Чан Кай-ши* (род. 1887) — китайский реакционер, захвативший в 1926—1927 гг. важнейшие посты в народно-революционной армии и в Гоминьдане. 12 апреля 1927 г., используя помощь империалистических держав и опираясь на крупную буржуазию, совершил контрреволюционный переворот, поставив у власти так называемое «национальное правительство» помещиков и буржуазии. *Кантонский экс-герой*. До переворота 12 апреля резиденцией Чан Кай-ши был город Кантон. *Кто-то третий*. Намек на империалистические государства, руководившие действиями китайских реакционеров.

Никто не знал... Впервые — «Правда», 1927, 22 апреля. Вошло в Собр. 19, т. 9; изд. 1937. Написано к 57-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина. *Камилавка* — головной убор православных священников. *Обрывок «манифеста»*. Имеется в виду манифест об «освобождении крестьян», принятый 19 февраля 1861 г.

Да, вспомнить есть о чем... Впервые — «Правда», 1927, 5 мая. Вошло в Собр. 19, т. 9.

Читают Демьяна Бедного. Впервые — «30 дней», 1927, № 11, стр. 26, в виде подписи к фотоснимку Э. Гершовича, сделанному в московском Доме крестьянина и присланному в редакцию журнала: пятеро постояльцев читают за чайным столом стихотворение Д. Бедного, напечатанное в газете. Вошло в Собр. 19, т. 12. Написано экспромтом.

Черта с два! Впервые — «Правда», 1928, 28 октября. Написано к десятилетию Всесоюзного Ленинского комсомола.

То же американский рекорд. Впервые — «Правда», 1928, 16 ноября. Вошло в Собр. 19, т. 14. *Доллар против дарвинизма!* Имеется в виду гонение американских реакционеров на материалистическое учение Дарвина. В июле 1925 г., в штате Теннесси (США) был организован так называемый «обезьяний процесс» — суд над преподавателем колледжа, разъяснявшим на уроках основы дарвинизма.

О жглись. Впервые — «Правда», 1928, 16 ноября. Вошло в Собр. 19, т. 14.

Такие капитализму не нужны. Впервые — «Правда», 1929, 27 января. Вошло в Собр. 19, т. 14. *Лоуренс Т. Э.* (1888—1935) — агент британской разведки, известный своей подрывной и колонизаторской деятельностью в странах Востока. В 1928 г. был одним из организаторов реакционного мятежа в Афганистане.

Мрак! Впервые — «Правда», 1929, 30 мая. Вошло в Собр. 19, т. 14. *«Кандид»* — сатирический роман Вольтера, обличавший средневековое мракобесие. *Недавно Дарвина кляли* — см. примеч. выше.

У нас не то, у нас иначе. Впервые — «Правда», 1929, 2 июня. Вошло в Собр. 19, т. 14.

Муза, воспой... Впервые — «Правда», 1929, 9 июня. Вошло в Собр. 19, т. 15. *«Муза, воспой»* — первые слова русского перевода «Одиссеи» Гомера.

Подлинно черный. Впервые — «Правда», 1929, 15 июня. Вошло в Собр. 19, т. 14.

За работу. Впервые — «Правда», 1929, 11 сентября. Вошло в Собр. 19, т. 16. Написано в связи с возобновлением работы после летнего перерыва 1929 г. *«Обо всем»* — отдел стихотворных фельетонов и эпиграмм, который Д. Бедный вел в «Правде» в 1929—1930 гг. Стих. «Такие капитализму не нужны», «Мрак!», «У нас не то, у нас иначе», «Подлинно черный», «Грехи простимые и непростимые» были помещены в этом отделе.

Басову-Верхоянцеву. Впервые — «Известия», 1929, 15 сентября. Вошло в Собр. 19, т. 17. Написано к 60-летию *Басова-Верхоянцева* Сергея Александровича (1869—1952) — поэта, автора стихотворной сатирической сказки «Конек-скакунок» (1906), в которой высмеян царский строй. Произведение это пользовалось большой популярностью в предоктябрьские годы.

Нас побить, побить хотели! Впервые — «Правда», 1929, 29 ноября, с эпиграфом, в котором приведена телеграмма ав-

тора командующему войсками Особой Дальневосточной армии В. К. Блюхеру: «Дорогой товарищ! Некоторое время тому назад Вы обратились ко мне непосредственно с телеграфным заданием — написать боевую песенку, посвященную дальневосточным красным бойцам, чье героическое революционное дело нынче в центре сочувственного, любовного, сторожкого внимания всех трудящихся. Это было за несколько дней до того, как, ошеломив наших врагов и приведя в пламенный восторг наших друзей, весь мир облетело сообщение о сокрушительном, блестящем отпоре, какой дала китайским генерал-налетчикам руководимая Вами Дальневосточная...» С тем же эпиграфом — Собр. 19, т. 17. Печ. по изд. 1937, стр. 115. Стихотворение написано вслед за известием о победе Особой Дальневосточной армии над бандами китайских милитаристов, спровоцировавших при поддержке японской военщины конфликт на Китайско-Восточной железной дороге и организовавших летом и осенью 1929 г. ряд нападений на советскую территорию. Чжан Сюэ-лян (род. 1901) — сын Чжан Цзо-лина (см. примеч., стр. 553), китайский милитарист, главный организатор провокаций против СССР. По свидетельству М. Э. Зингера (см. его «Воспоминания о Демьяне Бедном» — «Вечерний Ленинград», 1963, 11 апреля), в своем стихотворении Д. Бедный трансформировал народную частушку, которую Зингер записал летом 1928 г. на Северной Двине, показав ее поэту:

Нас побить, поколотить
В деревне собирались,
Мы, ребята-ухорезы,
Того дожидались.

Известна также народная частушка, записанная в Сибири:

Нас побить, побить хотели,
Побить собирались,
А мы сами, атаманы,
Того дожидались.

(См.: «Литературная газета», 1954, 16 ноября). А. Давиденко положил стихотворение Д. Бедного на музыку, после чего оно, уже в качестве песни, получило широкое распространение.

1930—1937

Грехи простимые и непростимые. Впервые — «Правда», 1930, 2 февраля. Вошло в Собр. 19, т. 16.

Диво-дивное, коллективное. Впервые — «Правда», 1930, 3 февраля. Написано в период развертывания колхозного строя, когда основная масса трудового крестьянства пошла в колхозы. Положено на музыку М. Красевым.

Старые куклы. Впервые — отд. изд. с рисунками Кукрышников. М., 1930. Вошло в Собр. 19, т. 19.

О писательском труде. Впервые — «На литературном посту», 1931, № 1, стр. 4. Отд. изд. (включающее также стенограмму беседы Д. Бедного с молодыми писателями) — М. — Л., 1931. Вошло в Собр. 19, т. 18.

«Перекопская». Впервые — «Известия», 1931, 23 февраля, за подписью «Почетный красноармеец 51-й Перекопской дивизии Демьян Бедный». Здесь после ст. 16 дополнительная строфа:

Против нас плетут капканы
Все Брианы,
Черчилли!
Эх-х! Лю-ли, лю-ли, лю-ли!
Лиходеи Черчилли!

Печ. по изд. 1937, стр. 116. Вошло в Собр. 19, т. 18. *Почетный красноармеец*. Д. Бедный был удостоен звания почетного красноармейца и зачислен в списки 1-й роты 153-го Замоскворецкого полка 51-й Перекопской дивизии. *Бриан А.* (1862—1932) — министр иностранных дел Франции.

Бойцам за красную жизнь. Впервые — «Известия», 1931, 7 ноября. Вошло в Собр. 19, т. 19; изд. 1937.

Смелей! Впервые — «Социалистическое земледелие», 1931, 7 ноября, с подзаголовком «Певцам-ударникам полей». Здесь: ст. 8: «И призывал крестьян к борьбе»; ст. 19: «Кропил и нивы и заводы»; ст. 26: «Деревня, царство тьмы и вони». В Собр. 19, т. 19, стр. 92, без подзаголовка. Печ. по изд. 1937, стр. 127, с исправлением неверной даты «7 ноября 1933 г.». Стихотворение было переработано в связи с критикой, которой подверглись отдельные произведения Д. Бедного, страдавшие односторонним изображением дооктябрьского прошлого («Слезай с печи!» и др.).

«З а д у л и». Впервые — «Известия», 1932, 3 апреля. Вошло в изд. 1937. *Кузнецкстрой* — строительство металлургического комбината на южной окраине Кузнецкого угольного бассейна (Западная Сибирь). Первый чугу́н домной № 1 был выдан 2 апреля 1932 г.

Пороги. Впервые — «Известия», 1932, 10 октября. Вошло в «Очередное»; изд. 1937. *Работы горьковской итоги*. 25 сентября 1932 г. исполнилось сорокалетие общественно-литературной деятельности А. М. Горького, широко отмеченное в нашей стране и за рубежом.

Е ж. Впервые — «Правда», 1933, 16 мая, вместе с басней «Пчела» под общим заглавием «Две полит. басни» и с общим подзаго-

ловком «Перевод с Детердинг-Розенберго-итакдальского языка». Печ. по кн. «Очередное», стр. 43. Вошло в Сто басен; изд. 1937. *Детердинг* Г. (1866—1939) — английский монополист-нефтепромышленник, один из вдохновителей империалистических планов нападения на СССР. *Розенберг* А. (1898—1946) — германо-фашистский «геополитик», занимавшийся «теоретическим» обоснованием планов германской империалистической экспансии, один из главных военных преступников во второй мировой войне. *Итакдальский* — от слов «и так далее».

Пчела. Впервые — «Правда», 1933, 16 мая (см. выше). Печ. по кн. «Очередное», стр. 45. Вошло в Сто басен; изд. 1937.

Лодырский паек. Впервые — «Правда», 1933, 4 июня, с рисунками художника А. Каневского. В кн. «Чудесное письмо (колхозникам)». М., 1934 — с неверной датой «2 ноября 1933 г.».

Неизлечимый. Впервые — «Правда», 1933, 13 июня. Вошло в «Очередное»; Сто басен; изд. 1937. *Фашистских подвигов вскрываемы изнанку*. Речь идет о «подвигах» фашистских террористических отрядов, руководимых одним из сподвижников Гитлера, Ремом. Боясь усиления власти этого главаря многочисленной армии, Гитлер 30 мая 1933 г. расправился с Ремом и распустил отряды штурмовиков.

Даем!! Впервые — «Правда», 1934, 14 апреля. Вошло в «Очередное». *Рыть метро*. Речь идет о сооружении первой очереди московского метрополитена, которая начала функционировать в мае 1935 г. *И до челюскинского льда*. Имеется в виду спасение экипажа ледокола «Челюскин», потерпевшего аварию в Чукотском море 13 февраля 1934 г. Операция по спасению челюскинцев, организованная специальной правительственной комиссией, успешно завершилась 14 апреля 1934 г. *Магниткой сделано воззвание*. Речь идет о письме рабочих Магнитостроя, опубликованном в «Правде» 12 апреля 1934 г., с предложением выпустить внутренний заем для финансирования второго года второй пятилетки.

Наша родина. Впервые — «Известия», 1934, 1 августа. Вошло в «Очередное»; изд. 1937. Написано к двадцатилетию со дня начала первой мировой войны.

Обороняться — значит бить! Впервые — «Правда», 1935, 23 февраля. Вошло в «Очередное»; изд. 1937. Написано к 17-й годовщине Советской армии *«Фелькишер беобахтер»* — немецкая газета, центральный орган гитлеровской партии. *Розенберг* — см. примеч. выше. *Араки* — японский генерал, лидер агрессивной военщины, разработавшей план войны с СССР. *Не среди друзей пододсяльных*. Намек на сексуальные извращения, принесшие скандальную известность одному из фашистских главарей — Рему (см. примеч. выше).

Живое звено. Впервые — «Правда», 1935, 3 сентября. Посвящено памяти Барбюса Анри (1873—1935) — французского писателя-коммуниста, скончавшегося в Москве 30 августа 1935 г.

Кого мы били. Впервые — отд. плакат с рисунками Кукрыниксов. М., 1935. Отд. изд. — М., 1937. В тексте частично использован стихотворный цикл «Тени прошлого», написанный Д. Бедным в 1933 г. (впервые напечатанный в «Правде» 7 ноября 1933 с рисунками Кукрыниксов и вошедший в кн.: В. Маяковский и Д. Бедный. Тени прошлого. М., 1934). Из цикла «Тени прошлого» в цикл «Кого мы били» целиком включены стихотворения (служившие ранее отдельными строфами): «Колчак», «Анненков», «Юденич» и частично — «Деникин», «Врангель». Корнилов Л. Г. — см. примеч., стр. 539. Краснов П. Н. (1869—1947) — царский генерал, был атаманом «Все-великого войска Донского», разгромленного Красной Армией; бежал за границу, где писал «воспоминания» и «романы». Деникин — см. примеч., стр. 547. Шкуро А. Г. (1886—1945) — казачий офицер, командовал кавалерийским корпусом в белой армии; попав в эмиграцию, выступал с конной группой в цирке. Мамонтов К. К. (1869—1919) — белогвардейский генерал, совершил со своей конницей пресловутый «рейд» в тыл советских войск (1919), сопровождавшийся массовыми убийствами и грабежами. Колчак — см. примеч., стр. 544. Анненков Б. В. (1890—1927) — белогвардейский атаман, действовал в 1918—1919 гг. в Семипалатинской и Семиреченской областях. Семенов Г. М. (1890—1946) — казачий атаман, возглавлял «Особый маньчжурский отряд», свирепствовавший в 1918—1920 гг. в Забайкалье; бежал в Японию, где формировал отряды русских белогвардейцев. Хорват А. Д. — царский генерал, объявивший себя в 1918 г. «временным правителем» Приморья. Юденич — см. примеч., стр. 547. Миллер Е. К. (род. 1867) — генерал царской армии, ставленник англо-американских интервентов на севере России. Махно Н. И. (1884—1934) — анархист, возглавлявший в 1919—1921 гг. банды, боровшиеся с Советской властью. Врангель П. Н. — см. примеч., стр. 546.

Первое слово. Впервые — «Правда», 1936, 8 февраля. Вошло в изд. 1937.

Художник, боец, друг. Впервые — «Правда», 1936, 19 июня. Написано в день смерти А. М. Горького.

А такие типы есть! Впервые — «Большевистская печать», 1937, № 1, стр. 40, с рисунком художника К. Ротова.

«Сиротская доля». Впервые — изд. 1937, стр. 7.

Рабочий отдых в старину и теперь. Впервые — «Труд», 1937, 22 октября. Вошло в изд. 1937.

1941—1945

Анка - партизанка. Впервые — «Правда», 1941, 13 августа, под заглавием «Комсомолка-партизанка». Печ. по НУ, стр. 46.

Драй петук! Впервые — «Правда», 1941, 24 августа, с подзаголовками «Три петуха», «Антифашистская сатирическая баллада». Печ. по НУ, стр. 34.

Гитлер и смерть. Впервые — «Правда», 1941, 28 сентября, под заглавием «Неразлучные спутники», с рисунком художника Дени (Н. Денисовского). Печ. по кн. «Наша сила». М., 1942, стр. 36.

Я верю в свой народ. Впервые — «Правда», 1941, 7 ноября. Вошло в НУ. *Пусть приняла борьба опасный оборот.* Стихотворение написано в период, когда значительная часть территории СССР (Украина, Белоруссия, Прибалтика, подступы к Москве и Ленинграду) была оккупирована немецко-фашистскими войсками.

Подарки с «Ост-фронта». Впервые — «Волжская коммуна» (Куйбышев), 1941, 25 декабря. Вошло в НУ.

Прилетела ворона издавеча — какова птица, такова ей и встреча. Первая публикация не установлена. Печ. по кн. «Наша сила». М., 1942, стр. 46.

Счастливый Бенито. Первая публикация не установлена. Печ. по кн. «Наша сила». М., 1942, стр. 54. Вошла в НУ. *Венгры, итальянцы.* Имеются в виду венгерские и итальянские солдаты, посланные фашистскими правителями этих стран на Восточный фронт для участия в войне гитлеровской Германии против СССР.

Ярость. Впервые — «Правда», 1942, 28 мая. Вошло в НУ.

Помянем, братья, старину! Впервые — «Правда», 1942, 30 июля. Текст использован в виде подписи к плакату художника П. Соколова-Скаля. Вошло в НУ. *Куликово поле* — поле исторического сражения, происшедшего 8 сентября 1380 г. на берегу реки Непрядвы (приток Дона). В этом сражении русские войска под командованием Дмитрия Донского разбили полчища татарского хана *Мамай* (ум. 1380), правителя Золотой орды. *Враг новый рыщет на Дону.* Речь идет о наступлении фашистских войск, предпринятом летом 1942 г.; немцы подошли к Дону и намеревались выйти к Волге.

Боевой зарок. Впервые — «Правда», 1942, 7 сентября. Вошло в НУ.

Это — то, что нужно! Впервые — «Правда», 1942, 22 декабря. Вошло в НУ.

Боевой сигнал. Впервые — «Окно ТАСС», № 618, с рисунком художника С. Костина, на котором изображены Петэн и Лаваль, пытающиеся посадить Гитлера на шею Франции. *Петэн А. Ф.* (1856—1951) — французский маршал, изменивший своему народу, отдавший Францию под власть гитлеровских захватчиков и активно сотрудничавший с ними. *Лаваль П.* (1883—1945) — бывший премьер-министр Франции, после захвата страны гитлеровцами вошел в правительство, активно сотрудничавшее с оккупантами; отправлял сотни тысяч французских трудящихся в гитлеровское рабство. *Героический Тулон.* На рассвете 27 ноября 1942 г., в момент вступления немецких войск во французский порт Тулон, моряки-патриоты потопили в порту свои корабли и взорвали береговые сооружения, дабы они не достались захватчикам.

Мечь. Впервые — «Комсомольская правда», 1943, 9 января. Вошло в кн. «Слава».

Народным героиням. Впервые — «Комсомольская правда», 1943, 7 марта. Вошло в кн. «Слава», с ошибочной датой «8 марта 1943 г.» Написано к празднованию Международного женского дня.

Волк-моралист. Впервые — «Правда», 1943, 18 июня. Вошло в кн. «Слава».

По гостю — встреча. Впервые — «Красная звезда», 1943, 20 августа. Использовано в виде подписи к плакату художника В. Ладыгина. («Окно ТАСС», № 816). Вошло в кн. «Слава».

Салют победителям. Впервые — «Правда», 1943, 22 сентября. Использовано в виде подписи к плакату художников Д. Моора и Долгорукова. («Окно ТАСС», № 819). Вошло в кн. «Слава». Написано в связи с победами, одержанными Советской Армией над немецко-фашистскими войсками в период с 10 по 21 сентября 1943 г. Победы эти были отмечены торжественными салютами в Москве. Киев был освобожден от оккупантов 6 ноября 1943 г.

Мудрый сказ. Впервые — «Труд», 1943, 21 ноября. *Бажов — Бажов Павел Петрович* (1879—1950) — советский писатель. «*Живинка в деле*» — сказ Бажова, опубликованный в том же номере газеты.

Встреча. Впервые — «Правда», 1944, 1 января. Вошло в кн. «Слава».

Ленин — с нами! Впервые — «Знамя», 1944, № 1—2, стр. 1. Вошло в кн. «Слава». Написано к 20-й годовщине со дня смерти В. И. Ленина.

Обиженный вор. Впервые — «Красная звезда», 1944, 6 апреля. Вошло в кн. «Слава». *Антонеску И.* (1882—1946) — генерал,

военно-фашистский диктатор Румынии, ставленник Гитлера, один из главных военных преступников в 1941—1945 гг.

Освободителям. Впервые — «Правда», 1944, 24 июля. Вошло в кн. «Слава». Написано в честь освобождения Пскова от германских захватчиков. *Уж немцы здесь бывали ране* и т. д. Имеется в виду поход рыцарей Ливонского ордена на русскую землю и разгром их на льду Чудского озера в 1242 г.

«Ф а р г е л е т». Впервые — «Труд», 1944, 4 августа.

В летний день на реке. Впервые — «Комсомольская правда», 1944, 5 сентября, под заглавием «Севастополь, сентябрь 1944 г.» Печ. по кн. «Слава», стр. 108.

Змеиняя природа. Впервые — «Красная звезда», 1944, 31 октября. Вошло в кн. «Слава». Эпиграф — из басни И. А. Крылова «Крестьянин и змея».

За Советское Отечество! Впервые — «Правда», 1944, 4 декабря. Вошло в кн. «Слава», с ошибочной датой «5 декабря 1944 г.».

Москва — Варшаве. Впервые — «Правда», 1945, 18 января. Вошло в кн. «Слава». *Освободителям Варшавы*. Варшава была очищена от фашистских войск 17 января 1945 г.

Поступь истории. Впервые — «Известия», 1945, 23 февраля, за подписью «Д. Боевой». Вошло в кн. «Слава».

Автоэпитафия. Впервые — «Русские писатели о литературном труде». Л., 1956, т. 4, стр. 581. В черновом автографе ИМЛН имеется незачеркнутый вариант ст. 4: «Переживая с ним и непогодь и вёдро».

Таковы факты! Впервые — «Известия», 1945, 11 марта, за подписью «Д. Боевой». Вошло в кн. «Слава».

Заплетающимся языком... Впервые — «Правда», 1945, 8 апреля. Вошло в кн. «Слава». *Гейбельс И. (1897—1945)* — министр пропаганды фашистской Германии, один из ближайших сподвижников Гитлера.

Побежденное варварство. Впервые — «Красная звезда», 1945, 6 мая. *Ницше Ф. (1844—1900)* — немецкий философ-идеалист, считавший волю одиночки — «сверхчеловека» — определяющей силой общественного развития и оправдывавший любые действия господствующих классов (касты «избранных») по отношению к народу («рабам»). Ницшеанство стало идеологической основой фашизма. *Волк ночью* и т. д. — из басни И. А. Крылова «Волк на псарне». *Тевтонский меч* — символ завоеваний, осуществлявшихся в Восточной Европе (в XIII—XIV вв.) тевтонским духовно-рыцар-

ским орденом. Войска этого ордена были разбиты польскими, литовскими и русскими войсками в 1410 г. *И полатилися — Берлином!* 2 мая 1945 г. Советская Армия завершила операцию по освобождению Берлина от фашистских войск.

ПОВЕСТИ, ПОЭМЫ, СКАЗЫ

Про землю, про волю, про рабочую долю. Впервые отд. стихотворения: «Барабан» — «Жизнь для всех», 1916, № 1, стр. 59. «Бюрократ говорит...» — «Новый колос», 1916, № 11, стр. 171, под заглавием «Всё равно-с!». В январе 1916 г. должно было печататься в СМ, но было снято цензурой. «Колобок» — СМ, 1916, № 2, стр. 147, с подзаголовком «Политический, но крайне невинный». «В деревне» — СМ, 1915, № 12, стр. 174, под заглавием «Васька в деревне (с натуры)». «Разоренные» — «Правда», 1917, 26 марта. «На столичном рынке» — СМ, 1915, № 11, стр. 149, под заглавием «Рынок». «Кочующие дармоеды» — «Правда», 1917, 20 мая. «Песня о земле» — «Правда», 1917, 9 апреля. «Бабушка Ненила» — «Правда», 1917, 29 марта, под заглавием «В хвосте за хлебом». «Его величество — Капитал» — «Правда», 1917, 7 мая, за подписью «Мужик Вредный». «По бабушку» — «Правда», 1917, 11 апреля. «Рабочие — солдатам» — «Правда», 1917, 1 апреля, под заглавием «Братьям». «Под знамя „Правды“» — «Правда», 1917, 16 апреля. «Бука» — «Правда», 1917, 12 апреля, за подписью «Мужик Вредный». «Как у питерских господ...» — «Правда», 1917, 28 мая вместе с другим стих. Д. Бедного «Речь и „Единство“» под общей рубрикой «Выборные песни». Написано к началу выборов в районные думы столицы. «Барыня» — «Социал-демократ», 1917, 19 мая, с сокращениями. Полностью — отд. изд. Пг., 1917. «Приказано, да правды не сказано» — «Рабочий и солдат», 1917, 2 августа, за подписью «Солдат Яшка — медная пряжка». Стихотворение получило широкое распространение на фронте среди солдат. Буржуазная печать обвинила автора в попытке большевистского «разложения» войск и требовала применения к нему административных репрессий (см.: Биржевые ведомости, вечерний выпуск, 1917, 5 августа). «Письмо Якиме Нагого» — «Правда», 1917, 11 июля (датировка в тексте по новому стилю), без подписи. «Атаманская нагайка» — «Правда», 1917, 7 мая. «Контрразведчики» — «Правда», 1917, 25 июня, за подписью «Мужик Вредный». «Либердан» — «Социал-демократ», 1917, 25 августа. «Разрывтрава» — «Рабочий путь», 1917, 1 августа. «Похороны» — «Рабочий», 1917, 8 сентября, за подписью «Покойник». «Барские слезы» — «Правда», 1917, 25 ноября, за подписью «Мужик Вредный». Впервые повесть печаталась в отрывках (о чем свидетельствовало специальное уведомление в «Рабочем пути», 1917, 5 октября) — «Рабочий путь», 1917, 5, 10, 13, 15, 18, 20, 22, 23 октября и 8 ноября и «Правда», 1917, 11 и 13 ноября. Она имела подзаголовок:

Не за страх, а за совесть —

Истинная повесть

Демьяна Бедного — Мужика Вредного.

Всего было напечатано 44 главы. Вступительная глава под названием «Завет», «Плясовая» под заглавием «Тимошка». Стихотворения, появившиеся ранее в других изданиях и позднее включенные в повесть, в данную редакцию не вошли. В этой редакции, над которой автор работал с июля по октябрь 1917 г., повесть не имела деления на части. Впервые отд. изд. — Пг. 1917—1918 (дата «1917» на титульном листе, «1918» — на обложке; фактически книга вышла в начале 1918 г.), с рисунками художника А. Замирайло. Здесь вместо первоначального подзаголовка — стихотворное обращение автора:

Демьян Бедный
Мужик Вредный
просит
братьев мужиков
поддержать
большевиков.

Повесть делилась на две безымянные части. В ней были восстановлены все сокращенные ранее места и главы (общее число напечатанных глав составило теперь 74). В текст введены стихотворения, басни, фельетоны, песни, эпиграммы, печатавшиеся в периодических изданиях 1915—1917 гг. В виде приложения к повести даны «Примечания» к главе XV второй части (по нумерации окончательного текста) — цифровые данные о земельных богатствах высших чиновников и «Краткий толковник некоторых отдельных слов, встречающихся в повести». Второе отд. изд. — М., 1920—1921 (первая дата на титульном листе, вторая на обложке; фактическое время выпуска — начало 1921 г.). Здесь текст пополнен другой стихотворной повестью Д. Бедного — «Батраки», печатавшейся в «Правде» с 30 июня по 25 августа 1918 г. и одновременно в «Бедноте». Из повести «Батраки» составились следующие главы повести «Про землю, про волю, про рабочую долю»: в первой части — XIII—XXVIII, в третьей — XV—XIX, в четвертой — I—IX, в пятой — II—XIII. В повесть включена также песня «Барыня» (окопная). Заново для второго издания написаны (с использованием некоторых строк повести «Батраки») XVIII гл. пятой части и «Заключение». Печ. по изд. 1937, стр. 218. Вошло в изд. 1923; изд. 1924; Собр. 19, т. 2. В первой публикации в качестве самостоятельных стихотворений: стих. «Бюрократ говорит...» напечатано с эпиграфом из стих. И. П. Мятлева «Новый год»:

Кому крест,
                  говорит,
Кому пест,
                  говорит,
Кому чин,
                  говорит,
Кому блин,
                  говорит,
Кому нос,
                  говорит,

Часть вторая. *Очутились под судом От рабочих депутаты.*

Осенью 1914 г. пять большевиков, депутатов Государственной думы, были арестованы по обвинению в «противозаконном сообществе», под которым подразумевалось участие в партийной конференции, обсуждавшей вопрос о войне. В феврале 1915 г. депутаты судили и приговорили к ссылке в Сибирь. *Во всех газетах и журналах!* Имеются в виду газеты буржуазно-шовинистического направления. *Царьград* — древнее название Стамбула, столицы Турции; город расположен на берегах Босфора. Одной из целей, которую преследовала Россия в первой мировой войне, был захват черноморских проливов, в том числе Босфора. *Осовец* — русская военная крепость северо-западнее Белостока. Гарнизон крепости выдержал в 1915 г. восьмимесячную осаду германских войск и покинул ее в связи с общим отступлением русской армии. *Дядя ж фронтом управлял.* Имеется в виду Романов Н. Н. (см. примеч., стр. 553). Назначенный в июле 1914 г. верховным главнокомандующим, он обнаружил полную неспособность руководить войсками, в августе 1915 г. был отстранен и переведен на Кавказ. Верховное главнокомандование после этого принял Николай II, имевший военный чин полковника. *Распутин* (Новых) Г. Е. (1872—1916) — крестьянин Тобольской губернии, авантюрист, пройдох, в прошлом — сектант, выдававший себя за «святого»; был принят при дворе и введен богомольной царицей в круг придворных дам. Несмотря на свою малограмотность и политическое невежество, пользовался большим влиянием при решении государственных дел, особенно при подборе кандидатур на правительственные посты. *Государственная дума* — см. примеч., стр. 528. *Штюрмер* Б. В. (1848—1917) — премьер-министр, министр внутренних дел, сторонник «войны до победного конца». *«Вот шта, милай».* Этими словами Распутин обычно начинал свои полуграмотные записки по поводу назначения государственных лиц, адресованные царю. *Столыпин* П. А. (1862—1911) — глава черносотенной реакции, в течение пяти последних лет своей деятельности занимал посты министра внутренних дел и председателя Совета министров; был инициатором земельной реформы 1907 г. (о ней — см. примеч., стр. 530). *Кокорцев* В. Н. (1853—1943) — министр, возглавивший царское правительство после убийства Столыпина. *Горемыкин* И. Л. (1839—1917) — председатель Совета министров в 1914—1916 гг. *Вильгельм* — см. примеч., стр. 542. *Алиса* — Романова А. Ф. (1872—1918), жена Николая II, до замужества — принцесса Гессенская; во время войны поддерживала связи со своими германскими родственниками. *Заманив к себе Гришутку.* В декабре 1916 г. группа монархистов заманила Распутина во дворец князя Юсупова в Петрограде и умертвила его. Отстранением «старца», скомпрометировавшего царский двор, эта группа намеревалась спасти правящую династию.

Часть третья. *«Ах вы, Сашки, канашки мои...»* — народная частушка, отразившая обесценение бумажных денег во время войны. *Хабалов* С. С. — командующий войсками Петроградского военного округа в начале 1917 г. В ответ на полученное им телеграфное повеление царя «прекратить в столице беспорядки» Хабалов приказал командирам полков и начальникам полицейских участков

применить оружие против демонстрантов. На площадях и улицах 26 февраля осталось много убитых и раненых. К вечеру город был очищен от демонстрантов. *Протопопов* — см. примеч., стр. 537. *В ставку послан был доклад.* Ставка верховного главнокомандующего, где в это время находился Николай II, располагалась в г. Могилеве. *Усмирять пустились сразу.* Речь идет о событиях, происходивших в Петрограде 26 февраля 1917 г. (см. выше). *Волынский полк* — полк Петроградского гарнизона. В ночь на 27 февраля учебная команда полка решила отказаться от применения оружия против демонстрантов. В тот же день полк поднял восстание и присоединился к рабочим. *Москвичи* — солдаты Московского пехотного полка, расквартированного в Петрограде. *Повернул казак лошадку.* 25 февраля 1917 г. на Выборгской стороне в Петрограде казаки 1-го Донского полка, высланные против демонстрантов, повернули своих лошадей и возвратились в казармы. *«Усмирили в воскресенье»* — 26 февраля 1917 г. (см. выше). *Дно* — название железнодорожной станции, где по дороге из Могилева в Петроград был задержан царский поезд. *В бывшей Думе — толчея.* В Таврическом дворце (здании бывшей Государственной думы) после Февральской революции разместился Совет рабочих и солдатских депутатов. Руководство советами находилось тогда в руках меньшевиков и эсеров. *Учредительное собрание.* Под давлением масс Временное правительство вынуждено было обещать созыв Учредительного собрания, которое решило бы вопрос о форме государственного строя и управления. Но, захватив власть, буржуазия боялась изъятия воли народа и потому оттягивала созыв Учредительного собрания. Так до Октябрьской революции оно и не было созвано. После же октября 1917 г. лозунг Учредительного собрания был подхвачен реакционными силами для борьбы против Советской власти. *Бабушка Ненила.* Образ бабушки Ненилы заимствован из стих. Н. А. Некрасова «Забятая деревня». *Пир кровавый.* Речь идет об империалистической войне. *«Правда» первая была Жертвой хищного орла.* Имеется в виду закрытие газеты и разгром редакции незадолго до начала войны. *Возродилась «Правда» вновь.* Издание «Правды» возобновилось в марте 1917 г.

Часть четвертая. *Мир для мира* — это враки. *Мир бывает после драки.* Перефразировка стих. Д. Бедного «Эволюция лозунгов» («Правда», 1917, 23 июня). *«От Матфея».* Евангелие от Матфея — одно из канонических Евангелий. *К архипастырю Андрею.* Из Уфы архиепископу. Имеется в виду епископ Андрей Уфимский, выступавший с призывами «спасать родину» и продолжать войну. *«Братие! — возглашал епископ. — Господа руководители политических партий! Пора одуматься. . . Братья социалисты русские. . . послушайте мое слово и спрячьте ваши интернациональные знамена: спрячьте хоть на время эти лозунги борьбы и злобы»* («Биржевые ведомости», вечерний вып., 1917, 3 и 6 мая). Слова эти приведены эпиграфом к стих. Д. Бедного «Туман» («Правда», 1917, 10 мая), которое в несколько перефразированном виде вошло в текст повести (со слов «Архиерей наш, архиерей. . .» до конца XV гл.). *Воры, сыщики, громилы* и следующие 9 строк взяты из стих. Д. Бедного

«Откуда гром» («Правда», 1917, 11 апреля). «*Правду* стал корить... «изменой!» Имеются в виду нападки буржуазных реакционеров на большевистскую «Правду» за проводимую ею политику борьбы против продолжения империалистической войны. *Черносотенная рать Стала шишко напирать*. Слова взяты из стих. Д. Бедного «Долг» («Правда», 1917, 23 июня). *Разгромили «Правду» снова!* Разгром редакции «Правды» был учинен 5 июля 1917 г. войсками Временного правительства. После этого вплоть до Октябрьских дней газета выходила под другими наименованиями («Рабочий и солдат», «Рабочий путь» и др.). *Съезд в Москве*. Имеется в виду Московское государственное совещание, проведенное 12—15 августа 1917 г. по инициативе Временного правительства для мобилизации всех военных и гражданских реакционных сил против нарастающей революции. Активное участие в этом совещании приняли меньшевики и эсеры. *Либер М. И.* (1880—1937) и *Дан Ф. И.* (1871—1947) — лидеры меньшевиков, участники Московского совещания. «*Либердан*» — контаминация имен *Либер* и *Дан*. После опубликования фельетона Д. Бедного эта кличка стала синонимом меньшевистского предательства. В. И. Ленин неоднократно использовал ее в статьях 1917 г.: «*Либо переход к Либерданам и открытый отказ от лозунга «вся власть Советам», либо восстание. Середины нет*» (Соч., т. 26, стр. 171). «*Вся суть политики Либерданов и Черновых, а также «левых» среди эсеров и меньшевиков состоит в колебаниях*» (там же, стр. 175). См. также статьи В. И. Ленина «*Из дневника публициста*», «*Кризис назрел*» и др. *Милюков* — см. примеч., стр. 537.

Часть пятая. *Смольный* — здание бывшего «Смольного института для благородных девиц» в Петрограде. Осенью 1917 г. в нем находились Центральный Комитет партии большевиков и Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов с Военно-революционным комитетом. Смольный был штабом Октябрьского вооруженного восстания. *Улица Суворовская*. Здание Смольного расположено на площади, примыкающей к Суворовскому проспекту. *Милюков — Сладкопевцев Дарданельский*. Кличка «Дарданельский» была присвоена Милюкову (см. примеч., стр. 537) за проводившуюся им политику продолжения войны. Дарданеллы — название одного из черноморских проливов, к обладанию которым стремилась русская буржуазия в ходе войны. *Церетели* — см. примеч., стр. 538. *Авксентьев Н. Д.* (1878—1943) — один из лидеров эсеро-вской партии, был министром внутренних дел в коалиционном правительстве после июльских дней 1917 г. *Калединской* — по имени Каледина А. М. (1861—1918), атамана Донского казачьего войска, одного из главарей контрреволюции в 1917 г. *Корниловской* — по имени *Корнилова Л. Г.* (см. примеч., стр. 539). *Керенский* — см. примеч., стр. 540. *Бывши в Думе депутатом*. Керенский был депутатом IV Государственной думы, где возглавил группу «трудовиков». В марте 1917 г. он перешел к эсерам. *Как Корнилов-генерал* и следующие 17 строк взяты с некоторыми изменениями из стих. Д. Бедного «*Корниловская (солдатская хоровая песня)*» («Правда», 1917, 27 апреля). Здесь ст. 8—12:

В тех, кто хочет *власть* свалить!
А кто лучше всех запалит,
Тех *Правительство* похвалит,
Я ж, похлопав по плечу,
Дам им всем по целкачу.

Вместо ст. 17—18:

Мы народные солдаты —
Не гучковские ребята!
За подобный твой приказ —
Бог простит на первый раз!
А вдругорядь сунься с этим,
Так мы иначе ответим.

Гучковские — т. е. руководимые Гучковым (см. примеч., стр. 531), военным министром Временного правительства. Гл. XV была написана после реформирования Временного правительства (в мае 1917 г.), когда Гучков вышел из состава правительства, и после корниловского мятежа (см. примеч., стр. 539). Этим и были вызваны изменения, внесенные автором в текст стихотворения. *Предпарламентик*. Речь идет о Предпарламенте (Временном Совете республики), который был образован 21 сентября меньшевистско-эсеровским «Демократическим совещанием». Созданием Предпарламента была сделана попытка приостановить революцию и перевести страну на путь буржуазного парламентаризма. Попытка эта провалилась. *Идет сражение*. Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Днем этого восстания помечено завершение первой редакции повести. *Первым... декретом*. Имеется в виду «Декрет о земле», принятый 2-м Всероссийским съездом советов после победы Октябрьского восстания. *Государственный совет* — см. примеч., стр. 528.

О Митьке-бегунце и об его конце. Впервые «Правда», 1919, 27 июля, с подзаголовком — «Горькая дезертирская повесть». Печ. по изд. 1937, стр. 108. Написана во время «Недели борьбы с дезертирством», объявленной 20 июля 1919 г. В основу повести легло небольшое стихотворение, историю создания которого автор рассказал на открытии Рабочего литературного университета в Москве 1 декабря 1933 г.: «Была ударная работа. Надо было писать и писать... Ко мне с фронта звонят, что надо дать ударно. Утром сажусь — и к вечеру у меня готовая вещь в 50 строк: „О Митьке и борьбе с дезертирством“» («Новый мир», 1963, № 4, стр. 219). В какой из фронтовых газет появилось это стихотворение, не установлено. Текст повести в сокращенном виде приведен на плакате «Митька-бегунец», издание Всероссийского бюро военных комиссаров, 1919. Полный текст много раз выпускался отдельными изданиями. В годы гражданской войны повесть пользовалась широкой известностью. «На фронтах читали и... вычитывали главное, — вспоминал автор. — И за нестойкими парнями так и утвердилась кличка „Митьки-бегунца“» (Д. Бедный. Вперед и выше. М., 1933, стр. 31).

Главная Улица. Впервые — «Правда», 1922, 7 ноября, без двух начальных строк. Здесь в эпилоге последние строки 1-й строфы:

Годы мучений, борьбы титанической
Вот наш победный, терновый венок!

Первые строки 3-й строфы эпилога:

Пусть наша Улица будет задворками
Перед проспектом иным, Мировым.

Та же редакция, но с новыми ст. 1—2 — во втором отд. изд. М.—Л., 1930. Печ. по изд. 1937, стр. 124. Вошло в изд. 1924; «Героическое»; Собр. 19, т. 9; «Избранные произведения». Л.—М., 1933. Написанная к пятой годовщине Октябрьской революции, поэма стала одним из самых популярных произведений Д. Бедного. Ее читали с эстрады, включали в хрестоматии, в антологии революционной поэзии. Было сделано несколько инсценировок. В архиве поэта (ИМЛИ) хранится письмо А. Орлова, датированное 4 июня 1943 г.: «Я написал на текст Вашей поэмы «Главная Улица» симфоническую поэму «Октябрь»... 1-й вариант для хора и симфонического оркестра, 2-й вариант — только для симфонического оркестра. К этому варианту приложена краткая программа — выдержки из Вашей поэмы». Сведениями об исполнении или публикации этого произведения мы не располагаем.

Повесть о том, как четырнадцатая дивизия в рай шла. Впервые — отд. изд. М.—Пг., 1923, под заглавием «Как 14-я дивизия в рай шла. Занимательная повесть Демьяна Бедного», с иллюстрациями художника М. Черемных. Здесь вместо ст. 27—30 приведен полностью «Чин исповедания женам», взятый из церковного требника и воспроизведенный на церковнославянском языке фототипическим способом. Менее существенные разночтения — в главах V и VI. Печ. по изд. 1937, стр. 159. Вошло в Собр. 19, т. 8; отд. изд. М.—Л., 1927 и 1928. На материале повести в 1932—1933 гг. автором была сделана инсценировка для Московского мюзиколла. «Родилась пьеса «Как четырнадцатая дивизия в рай шла», — сообщал Д. Бедный, — из мсей односименной сатирической поэмки, изданной лет восемь назад, а сама поэмка базировалась на анекдоте, который не мне одному показался по его остроумию и глубине заслуживающим того, чтоб над ним поработать». Сюжет повести, по словам автора, «основан на чисто народных юмористических представлениях о земле, рае и аде, не раз уже использованных в нашей и мировой литературе, но под влиянием внешней цензуры, буржуазной ограниченности и мещанского лицемерия искаженных и изуродованных, фальсифицированных правящим классом в своих интересах». Д. Бедный предлагал использовать его произведение так, «чтобы насмешливая народная издевка не была затухавапа, чтобы слова звучали прямо и сочно, чтобы образ не был зализан. Мне думается, что мною в «Дивизии» пересела не было допущено» («Биография 14-й дивизии». Беседа с Демьяном Бедным». — «Театральная дека-

да», 1934, № 1, стр. 8). Спектакль шел в сезоне 1933—1934 гг. в постановке Ф. Каверина, оформление художника М. Сапегина, музыка композитора М. Пульвера, с участием артистов В. Лепко, М. Мировой, Б. Тенина, Л. Мирова и др. «Обозрение Демьяна, — вспоминает О. Литовский, — не ограничивалось разоблачением божественных и поповских махинаций. Это была также едкая и гневная сатира, разоблачавшая поджигателей империалистической войны, яркий рассказ о народных страданиях. Пожалуй, никто так, как Демьян, не умел показать подлинно народную трагедию через призму едкой насмешки над барами, генералами и попами... Спектакль нравился и шел весь сезон» (О. Литовский. Так и было. М., 1958, стр. 107—108). Инсценировку повести показал также рабочий самодеятельный театр в Ленинграде (см.: М. Загорский. Демьян Бедный в театре и на эстраде. — «Литературная газета», 1936, 20 мая). *Когда царь... гнал их... в поход на германцев* — т. е. во время первой мировой войны. «*На диком берегу Иртыша*» и т. д. — из стих. К. Ф. Рылеева «Смерть Ермака», ставшего популярной песней («Ревела буря, дождь шумел...»).

Клятва Зайнет. Впервые — «Правда», 1925, 8 марта, с подзаголовком «Эскиз», к которому дана сноски: «В этом стихотворении описывается факт из бухарского быта». Печ. по С и Н, стр. 36. Вошло в Собр. 19, т. 10; С и Н; изд. 1937. Прообразом героини поэмы явилась коммунистка-узбечка Зайнет Хесмитова, с которой автор познакомился в Коммунистическом университете трудящихся Востока (Москва). *У гроба нового пророка* — у гроба В. И. Ленина.

Уральские сказы. Впервые — «Смена», 1951, № 4, стр. 19. Авторизованная машинописная копия — ИМЛИ. Написано как вступление в цикл стихотворных переложений уральских сказов Бажова, выпустившего в 1939 г. книгу «Малахитовая шкатулка», в которой собраны записанные и обработанные им сказы уральских горнорабочих. Д. Бедный заинтересовался работой Бажова и в том же, 1939 г., приступил к стихотворному переложению уральских сказов. Тринадцати сказам и легендам, переложенным в стихи, он предпослал данное стихотворение. К ним он впоследствии добавил четыре стихотворения, являющихся поэтической обработкой алтайских народных сказов, взятых из различных фольклорных источников. Так составила книга «Горная порода», которой Д. Бедный дал подзаголовок «Эпопея» и сопроводил ее заметкой, датированной 28 ноября 1939 г. «Индивидуальный гений, — писал поэт, — не мог создать таких сказов. Их создавали поколения уральских горнорабочих, создавали при тягчайших условиях, когда сказывать эти сказы приходилось тайно... Сказы полны революционной напряженности и несокрушимого оптимизма. В своей обработке их я стремился везде подчеркнуть именно эту их основную черту». И далее: «...в сказах налицо все элементы, дающие нам основание признать их в целом эпопеей. Да, это героическая рабочая эпопея. Такое они производят впечатление единством своей тематики. Некоторые мои сокращения, добавления и изменения имели цель уси-

лить это впечатление». Рукпись сборника в 1941 г. была подготовлена автором к печати, но книга не вышла. Из 17 сказов, составляющих этот сборник (впервые изданный после смерти поэта в 1959 г.), нами приводятся два — «Мастерство» и «Сила». Гора *Думная* — большая гора со скалистым спуском в одном из горных округов старого Урала; на горе был медный рудник. *Дед Василий* — Хмелинин Василий Алексеевич, уральский сказитель. *Хозяйка... Медной горы* — по легендам, распорядительница богатств Медной горы и покровительница рудокопов. *Полоз* — большая змея, по легендам, хранитель золота. *Змеевка* — по легендам, дочь Полоза, обладавшая свойством проходить сквозь камень, оставляя за собой золотой след. *Девка-Азовка* — по легендам, хранительница горных кладов (по имени Азов-горы на среднем Урале).

Мастерство. Впервые — Собр. 5, т. 4, стр. 342. Авторизованная машинописная копия — ИМЛИ. В основу сюжета положен сказ «Каменный цветок» (см.: П. Бажов. Малахитовая шкатулка. Сказы старого Урала. Свердловск, 1939, стр. 95). *Мраморские мастера* — камнерезы Мраморного завода на Урале, занимались обработкой мрамора, яшмы, змеевика. *В Полевой* — Полевский завод. *Потник* — верхняя одежда из домотканого сукна. *Запончик* — фартучек. *Фаску снять* — обточить грань. *Зарукавье* — браслет. *Гумзики* — Гумешский рудник, месторождение малахита. *Глядельце* — разлом горы; место, где видно напластование горных пород. *Балодка* — одноручный молот.

Сила. Впервые — «Горная порода. Сказы и легенды». М., 1959, стр. 295. Авторизованная машинописная копия — ИМЛИ. В основу сюжета положен сказ «Марков камень» (см.: П. Бажов. Малахитовая шкатулка. Свердловск, 1939, стр. 135). *Демидовы* — династия уральских горнопромышленников, ведущая свою родословную от Антупьева (впоследствии Демидова) Никиты Демидовича (1656—1725), богатого мастера-предпринимателя, и его брата Демидова Акинфия (1678—1745), владевшего к концу жизни двадцатью пятью заводами. *Сысерть* — Сысертский горный округ (от названия реки Сысерть Обской водной системы), знаменитый Сысертским заводом. *Крична* — заводская кузница; *кричные* — кузнецы. *Бухтарма* — река на Алтае, правый приток Иртыша.

Русские девушки. Впервые — «Правда», 1942, 21 августа, со сноской к ст. 62: «В основу положен действительный факт». Печ. по НУ, стр. 5.

Хозяин. Впервые — «Комсомольская правда», 1945, 28 января, со сноской: «В основу повести положен действительный случай, имевший место в одной из деревень Верейского района Московской области» — и без заключительных 10 ст. второй части повести. С подзаголовком «Повесть в стихах» и с иллюстрациями художника А. Каневского — «Дружные ребята», 1945, № 1. Печ. по кн. «Слава», стр. 109.

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

1. *Фронтиспис*. Д. Бедный. Фотография 1926 г.
2. *Между стр. 64 и 65*. Фотография 1904—1905 гг.
3. *Между стр. 80 и 81*. Обложка 1-го издания кн. «Басни».
4. *Между стр. 112—113*. Фотография 1916—1917 гг.
5. *Между стр. 240 и 241*. Дружеский шарж В. Дени 1933—1934 гг. «М. Горький и Д. Бедный».
6. *Между стр. 272 и 273*. Д. Бедный. Фотография 1938 г.
7. *На стр. 287*. Черновой автограф стих. «Автоэпитафия».

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ¹

- А такие типы есть! («На редактора-тетерю...») 254
Автопитатия («Не плачьте обо мне, простершемся в гробу...») 286
Азбука («Я не скажу, что нынче ведро...») 181
«Ай, люли-люли-люли...» (Барыня) 374
«„Андрюха — вот столяр! Андрюха — вот мастак!..“» («Диво») 58
Анка-партизанка («Любовались люди Анкой...») 260
Атаманская нагайка («Товарищ дорогой...») 387
- Бабушка Ненила («Крепко бабушка Ненила...») 358
Барабан («Какой-то барабан — хороший аль плохой...») 322
«„Барбос!“ — „Трезор!“...» (Гуманность) 59
Барские слезы («Как во славном было городе во Питере...») 408
Барыня («Ай, люли-люли-люли...») 374
Басни Эзопа (1—5) 112
Басову-Верхоянцеву («Да, добрый, старший друг мой, Басов...») 213
«Баталисты» («На всё наведена искусно позолота...») 108
«Батрак Лука не спал ночей...» (Разрыв-трава) 395
«Бедняжка „Земщина“ в горячечном припадке!..» («Соседка») 66
«Бескрайной гладью снеговою...» (Встреча) 278
Бесы («К Холуйским мужикам пришло издалека...») 86
«Билет...» («Газета-копейка») 83
«Благодарю тебя, создатель...» (Моя молитва) 79
Благословение («Былых господ прогнавши взашей...») 159
«Бог знает что творится...» (На столичном рынке) 346
Боевой зарок («Лик этот скорбный, слезы эти...») 269
Боевой сигнал («Прекрасной Франции поруганная честь...») 272
Бойцам за красную жизнь («Октябрьский праздник... Речи... Флаги...») 226
«Большевицкая звезда...» (Послевыборный астрономический бюллетень) 124
Брак богов (Басни Эзопа. «Когда, среди богинь метнувши жребий, боги...») 112

¹ Помимо произведений, значащихся в содержании тома, настоящий указатель содержит также названия стихотворений, вошедших в повесть «Про землю, про волю, про рабочую долю».

- Братские могилы («На Красной площади, у древних стен Кремля. . .») 149
- Братское дело («С весны, все лето, ежедневно. . .») 177
- Брату моему («Порой, тоску мою пытаюсь превозмочь. . .») 50
- «Брожение юных сил, надежд моих весна. . .» («Правде») 132
- «Бука» («Спи, дитя мое, усни. . .») 363
- Бунтующие зайцы («Взбежавши на пригорок. . .») 76
- «Бывает так, что мы — одни. . .» (Хозяин) 510
- «Бывает час: тоска щемящая. . .» 52
- «Бывают случаи — не выдумать нарочно. . .» (Кочующие дармоеды) 346
- «„Быки-то!“ „Господи!“ . . .» (Похвалы) 112
- «Был день как день, простой, обычный. . .» (Никто не знал. . .) 207
- «Былых господ прогнавши взашей. . .» (Благословение) 159
- «В Германию цвей гренадирен. . .» (Два гренадера) 136
- «В далеком-далеком царстве. . .» (Тофута мудрый) 116
- В деревне («У Прокофьевны в избушке. . .») 343
- «В деревне был мужик Хаврош, головорез. . .» (По гостю — встреча) 276
- «В жаркой битве, в стычке мелкой. . .» (Стрелка) 168
- В летний день на реке («Шумят детишки на реке. . .») 282
- «В любом поповском вертограде. . .» (Грехи простимые и непростимые) 216
- В монастыре («„Здесь, — богомолке так шептал монах смиренный. . .“») 145
- «В непроезжей, в непролазной. . .» (Наказ) 90
- «В промокших дырявых онучах. . .» («До этого места!») 139
- «В работе яростно-кипучей. . .» (Ярость) 268
- «В родных полях вечерний тихий звон. . .» (Сонет) 53
- «В руках мозолистых — икона. . .» (День прозрения) 156
- «В саду зеленом и густом. . .» (Пчела) 235
- «В таком-то вот селе, в таком-то вот приходе. . .» (Правдолюб) 65
- «В те дни, когда в стране голодной. . .» («Сиротская доля») 255
- «В чем сказалась перемена. . .» (Народная примета) 118
- «Везут меня иль сам я еду. . .» (Последний перевал) 128
- «Весною некий птицелов. . .» (Птицеловы) 124
- «Вечор девки, вечор девки. . .» («Контрразведчики») 390
- «Вешней ласкою Алешку. . .» (Лодырский паек) 235
- «Взбежавши на пригорок. . .» (Бунтующие зайцы) 76
- «Взращенный деревенским полем. . .» («Товарищ борода») 200
- «Видали? Сцена недурна. . .» (Подлинно черный) 213
- «Владимирка» («„Н-но!.. Туда же, брыкаться. . . Нашлась недотрога!..“») 180
- «Во времена, как говорится, в оны. . .» (Читают Демьяна Бедного) 209
- «Вожу пером, ребяташки. . .» (Правда-матка, или — как отличить на фронтах подлинные листовки Демьяна Бедного от белогвардейских подделок под них) 150
- «Волга желтою волною. . .» (Под Самарой) 137
- Волк и Овца (Басни Эзопа. «Волк тяжело занемог. . .») 114

- Волк-моралист («Расскажем басенку, тряхнем... не стариной...») 275
- «Волк тяжко занемог...» (Басни Эзопа. Волк и Овца) 114
- «Воробушек воробушку...» (Разоренные) 345
- Воронье («При свете трепетном луны...») 171
- «Восходит день... И как там дальше?...» (Друзьям) 88
- «Вот для поэзии лирической...» (Муза, воспой...) 212
- «Вот Корнилов, гнус отборный...» (Кого мы били) 247
- «Вот мы чего в стране микадо дождались...» (Ожглись) 210
- «Вот это строгий суд! Суда не надо строже...» (Новожиизненские лягушки) 128
- «Вошла и сказала ему: „Саламат!“...» (Клятва Зайнет) 447
- Вперед и выше! («На ниве черной пахарь скромный...») 199
- «Вперед иди не без оглядки...» (Даем!!) 237
- «Время темное, глухое...» (Юной гвардии) 188
- «Всем миром правил — царь небесный...» (Рабочий отдых в стa-рину и теперь) 258
- Встреча («Бескрайной гладью снеговою...») 278
- «Вы, братцы, други милые...» (Письмо Якима Нагого) 381
- «Вы полюбуйтесь, что за франты...» (Социал-болонки) 190
- «Высоких гениев творенья...» (Ленин — с нами!) 279
- «Выхожу один я на дорогу...» (Я б хотел...) 120
- «Газета-копейка» («Билет...») 83
- «Гамзей...» (Компания друзей) 118
- «Где объявился еж, змее уж там не место...» (Еж) 233
- Гитлер и смерть («Сил самых мерзостных подручный...») 263
- Главная Улица («Трум-ту-ту-тум!...») 435
- «Глубокою ночью воздух морозный...» (Революционный гудок) 129
- «Глухая ночь — не навсегда...» (Путеводная звезда) 138
- «Говорила дураку...» (Частушки) 147
- «Годков тому примерно пять...» (Молодняк) 134
- «Горькая чаша, но славная чаша...» (На помощь красным бойцам) 155
- Господская тень («На Красной площади намелни три туза...») 133
- Гости («Приятель мне сказал: „Демьян, голубчик мой...“») 64
- Грехи простимые и непростимые («В любом поповском вертограде...») 216
- Гулимджан («Ми садился на ишак...») 157
- Гуманность («„Барбос!“ — „Трезор!“...») 59
- Да, вспомнить есть о чем («Да, вспомнить есть о чем, и есть чем похвалиться...») 208
- «Да, вспомнить есть о чем, и есть чем похвалиться...» (Да, вспомнить есть о чем) 208
- «Да, добрый, старший друг мой, Басов...» (Басову-Верхоянцеву) 213
- «Давая прошлому оценку...» (Новогоднее) 172
- Давно пора («Даль степную застиляет...») 185
- Даем! («Вперед иди не без оглядки...») 237
- «Даль степную застиляет...» (Давно пора) 185
- Два гренадера («В Германию цвей гренадирен...») 136

- «Дворяне, банкиры, попы и купечество . . .» (Наша родина) 242
 «Дед Мокша со сноих трудился на покосе. . .» (По бабушку) 360
 День прозрения («В руках мозолистых — икона. . .») 156
 «Диво» («„Андрюха — вот столяр! Андрюха — вот мастак!..“») 58
 Диво дивное («Ну, вот. . .») 96
 Диво-дивное, коллективное («„Но, но, но, ты, разледающая!..“») 216
 «„Дилектор?.. Хор-рошо!.. Учителя?.. Прекрасно!..“» (Столп отечества) 110
 «До этого места!» («В промокших дырявых онучах. . .») 139
 Добряк (Басни Эзопа. «Расхвастался Медведь перед Лисой. . .») 115
 «Доллар против дарвинизма! . . .» (Тоже американский рекорд) 210
 Дом («Знавал я дом. . .») 68
 Дóма («Так много слов. . .») 81
 «Донна Счегло делля Вита. . .» (Разная мера) 89
 «Дошел до станового слух. . .» (Притон) 60
 Драй петук! («Офицер фашистский роту. . .») 261
 «Дрожит вагон. Стучат колеса. . .» (Печаль) 163
 «Друзья мои, открыто говорю. . .» (Предисловие к поэме А. С. Пушкина «Гавриилиада») 140
 Друзьям («Восходит день. . . И как там дальше? . . .») 88
 «Дьячок Кирилл да поп Ипат. . .» (Крещение) 135
- Его Величество — Капитал («Изобретательны на доводы. . .») 359
 Еж («Где объявился еж, змея уж там не место. . .») 233
 Ерши и выюны («Слоняся без дела. . .») 84
- «Жена кормильца-мужа ждет. . .» (Лена) 59
 Жесткий срок («Разжигатель неумный. . .») 162
 Живое звено («Смерть. С ней мирится ум, но сердце не мирится. . .») 247
 «Живые, думаем с волненьем о живом. . .» (Любимому) 191
 «Жил-был на свете клоп. И жил мужик Панкрат. . .» (Клоп) 83
 «Жуя огрызок папиросы. . .» (Красный Флот) 150
- За живое («Со всех сторон на нас поход. . .») 118
 За работу («Ушли, мелькнув, весна и лето. . .») 213
 За Советское Отечество! («Любовь к Отечеству всех доблестей начало. . .») 284
 За этой линией («Я опоздал с моею сказкой. . .») 187
 Завет сраженного бойца («Сраженный вражеским свинцом. . .») 203
 «Заводчик с книжечкой застал однажды внука. . .» (Хозяин) 82
 Завязь («Святое царство правды строится. . .») 171
 «Задули» («„Задули дому, голова!..“») 229
 «„Задули дому, голова!..“» («Задули») 229
 Закон и «Правда» («На белом свете «Правда». . .») 109
 Заплетающимся языком. . . («Как эти выклики смешны. . .») 288
 «Засыпала звериные тропинки. . .» (Снежинки) 199
 «Заткало пряжею туманной. . .» (Советский часовой) 186
 Звезда («Куда ни кинь, везде беда! . .») 55
 «„Здесь, — богомолке так шептал монах смиренный. . .“» (В монастыре) 145
 «Зеркальная гладь серебристой речушки. . .» (Русские девушки) 506

«Злой, рыже-красный клёст, взобравшись на елку...» (Центрошишка) 144

Зменная природа («Стрелок был в сапогах добротных...») 283

«Знавал я дом...» (Дом) 68

«Играй, моя гармошка...» (Метаморфоза) 65

«Изобретательны на доводы...» (Его Величество — Капитал) 359

«Из-под тучки ветер веет...» (Снежок) 146

«Ихь фанге ан. Я нашаю...» (Манифест барона фон Врангеля) 165

«К игрушкам дооктябрьским, детки...» (Старые куклы) 217

«К Холуйским мужикам пришло издалека...» (Бесы) 86

«Как волны, дыбятся панели...» (На ленинский маяк!) 203

«Как во славном было городе во Питере...» (Барские слезы) 408

«Как родная мать меня провожала...» (Проводы) 142

«Как у питерских господ...» 364

«Как у попа Ипата...» (Урожай) 79

«Как фрейлейн Берте летом...» (Подарки с «Ост-фронта») 264

«Как эти выклики смешны...» (Заплетающимся языком...) 288

«Каким-то случаем сошлись — Медведь с Китом...» (Басни Эзопа. Помощь) 113

«Какой-то барабан — хороший аль плохой...» (Барабан) 322

«Какой-то тип страдал запоем...» (Неизлечимый) 236

Кандидаты на ... фонари («Фон дер Гольц в родном Берлине...») 148

Китайские тени («Писать мне тушью иль кармином?») 206

Кларнет и рожок («Однажды летом...») 72

Клоп («Жил-был на свете клоп. И жил мужик Панкрат...») 83

Клятва Зайнет («Вошла и сказала ему: «Саламат!»...») 447

«Когда, среди богинь метнувши жребий, боги...» (Басни Эзопа. Брак богов) 112

Кого мы били («Вот Корнилов, гнус отборный...») 247

«Колдун уральский бородатый...» (Мудрый сказ) 277

«Колобок» («Помнил колобок иную пору...») 329

Компания друзей («Гамзей...») 118

«Контрразведчики» («Вечор девки, вечор девки...») 390

Кочующие дармоеды («Бывают случаи — не выдумать нарочно...») 346

«Красноармеец — Пров, Мефодий...» (Честь красноармейцу!) 167

Красный Флот («Жуя огрызок папиросы...») 150

«Крепко бабушка Ненила...» (Бабушка Ненила) 358

Крещение («Дьячок Кирилл да поп Ипат...») 135

Кровавые долги («Рать пролетарская знамена преклонила...») 191

Кружево («Се — вход Чичерина в Лозанну...») 189

«Куда ни кинь, везде беда!...» (Звезда) 55

Кукушка («Кукушка...») 54

Лапоть и сапог («Над переулочком стал дождик частый крапать...») 71

«Латыш хорош без аттестации...» (Латышские красные бойцы) 166

Латышские красные бойцы («Латыш хорош без аттестации...») 166

- Лена («Жена кормильца-мужа ждет. . .») 59
 Ленин — с нами! («Высоких гениев творенья. . .») 279
 Ленинскому набору («Печаль моя, тебя ли утаю? . .») 192
 Лето («Над высохшим Ингулом. . .») 66
 Либерал («То-то, братцы, и оно. . .») 179
 «Либердан» («Пред военным барабаном. . .») 394
 «Лик этот скорбный, слезы эти. . .» (Боевой зарок) 269
 «Лишившись дочери любимой, Антигоны. . .» (Басни Эзопа. Плакальщицы) 113
 Лодырский паек («Вешней ласкою Алешку. . .») 235
 Любимому («Живые, думаем с волнением о живом. . .») 191
 «Любители хвастливо привирать. . .» («Фаргелет») 281
 «Люблю «читать» газеты ныне. . .» (Строки) 111
 «Любовались люди Анкой. . .» (Анка-партизанка) 260
 «Любовь к Отечеству всех доблестей начало. . .» (За Советское Отечество!) 284
- Май («Подмяв под голову пеньку. . .») 102
 Манифест барона фон Врангеля («Ихъ фанге ан. Я нашаю. . .») 165
 Мастерство («Мастеров знали мраморских все. . .») 454
 «Мастеров знали мраморских все. . .» (Мастерство) 454
 Маяк («Мой ум — мужичкой складки. . .») 130
 «Мест больше нет» («Что Николай «лишился места». . .») 117
 Месь («С грустной матерью, ставшей недавно вдовой. . .») 272
 Метаморфоза («Играй, моя гармошка. . .») 65
 «Ми садился на ишак. . .» (Гулимджан) 157
 «Много, много их, «злодеев». . .» («Предусмотренные») 108
 Мое («От шумных городов и до глухих киновий. . .») 109
 Мой стих («Пою. Но разве я «пою»? . .») 121
 «Мой стол — вот весь мой наркомат. . .» (Обороняться — значит бить!) 243
 «Мой сын и мой отец при жизни казнены. . .» (Пугало) 188
 «Мой ум — мужичкой складки. . .» (Маяк) 130
 Молодняк («Годков тому примерно пять. . .») 134
 «Морщины новые на лбу. . .» (Товарищу) 145
 Москва — Варшаве («Освободителям Варшавы наш салют! . .») 284
 Моя молитва («Благодарю тебя, создатель. . .») 79
 Мрак! («Недавно Дарвина кляни. . .») 211
 Мудрый сказ («Колдун уральский бородатый. . .») 277
 «Мужик, Исай Слепых, уже давно больно. . .» (На что покойнику сапоги?) 191
 Муза, воспой. . . («Вот для поэзии лирической. . .») 212
 «Муссолини — речь о нем! . .» (Это — то, что нужно!) 270
 «Мы бурю подняли не бурелома ради. . .» (Труд и порядок) 184
 «Мы вдаль наши взоры вперяем. . .» (Неповторимые) 202
 «Мы ждали, в даль вперяя очи. . .» (Мы не одни) 127
 Мы не одни («Мы ждали, в даль вперяя очи. . .») 127
- «На белом свете «Правда». . .» (Закон и «Правда») 109
 «На всё наведена искусно позолота. . .» («Баталисты») 108
 «На Красной площади намедни три туза. . .» (Господская тень) 133

- «На Красной площади, у древних стен Кремля...» (Братские могилы) 149
- На ленинский маяк! («Как волны, дыбятся панели...») 203
- «На ниве черной пахарь скромный...» (Вперед и выше!) 199
- На перевале («Товарищи!..») 175
- На помощь красным бойцам («Горькая чаша, но славная чаша...») 155
- «На редактора-тетерю...» (А такие типы есть!) 254
- На столичном рынке («Бог знает что творится...») 346
- На что покойнику сапоги? («Мужик, Исая Слепых, уже давно больной...») 191
- «Над высохшим Ингулом...» (Лето) 66
- «Над мужиком, над Еремеем...» (Хозяин и батрак) 57
- «Над переулочком стал дождик частый крапать...» (Лапоть и сапог) 71
- Наказ («В непроезжей, в непролазной...») 90
- «Нам в бой идти приказано...» (Приказано, да правды не сказано) 379
- Народная примета («В чем сказалась перемена...») 118
- Народным героиням («Сестры наши и подруги...») 274
- Нас побить, побить хотели! («Нас побить, побить хотели...») 214
- «Наш взор к минувшему мы обращаем году...» (Поступь истории) 285
- Наша родина («Дворяне, банкиры, попы и купечество...») 242
- «„Не веришь?“ Мужикку смышленому Назару...» («Скакун») 101
- «Не заражен я глупым чванством...» (Смелей!) 227
- «Не плачьте обо мне, простершемся в гробу...» (Автоэпитафия) 286
- «Не та уж кровь. Не те уж годы...» (Черта с два!) 209
- Невыносимая брань («„Н-но, Марков, гром тебя убей!..“») 103
- «Недавно Дарвина кляли...» (Мрак!) 211
- «Недавно я писал о русских либералах...» (Сверхлиберал) 179
- Неизлечимый («Какой-то тип страдал запоем...») 236
- «Немцы лазаря поют...» (Таковы факты!) 286
- Неповторимые («Мы вдаль наши взоры вперяем...») 202
- Никто не знал... («Был день как день, простой, обычный...») 207
- «„Н-но, Марков, гром тебя убей!..“» (Невыносимая брань) 103
- «„Н-но!.. Туда же, брыкаться... Нашлась недотрога!..“» («Владимирка») 180
- «„Но, но, ты, разледающая!..“» (Диво-дивное, коллективно) 216
- Новогоднее («Давая прошлому оценку...») 172
- Новожиженские лягушки («Вот это строгий суд! Суда не надо строже...») 128
- «Ну, вот...» (Диво дивное) 96
- «Ну-тка, братцы, все в кружок...» (О Митьке-бегунце и об его конце) 421
- «Ну-тка, милые мои!..» (Про землю, про волю, про рабочую долю) 293
- О Демьяне Бедном, мужике вредном («Поемный низ порос крапивою...») 51
- О Митьке-бегунце и об его конце («Ну-тка, братцы, все в кружок...») 421

- О писательском труде («Склонясь к бумажному листу...») 219
 «О поле, поле Куликово...» (Помянем, братья, старину!) 269
 «О русской славе незаходной...» (Салют победителям) 277
 О соловье («Писали до сих пор историю вдали...») 193
 «О тагильских Демидовых весь разговор...» (Сила) 493
 О черте («Среди поэтов — я политик...») 153
 Обиженный вор («Один пройдошливый румын, кривой Антон...») 279
 Обороняться — значит бить! («Мой стол — вот весь мой наркомат...») 243
 Обреченные («Устроив мстительный локаут...») 96
 «Один пройдошливый румын, кривой Антон...» (Обиженный вор) 279
 «Однажды в час, когда дню знойному на смену...» («Поминки») 77
 «Однажды летом...» (Кларнет и рожок) 72
 Ожглись («Вот мы чего в стране микадо дождались...») 210
 «Ой вы, головы, головушки кручинные...» (Песня о земле) 357
 «Октябрьский праздник... Речи... Флаги...» (Бойцам за красную жизнь) 226
 Опекун («Такое диво в кои веки...») 75
 Освободителям («Уж немцы здесь бывали ране...») 280
 «Освободителям Варшавы наш салют!...» (Москва — Варшаве) 284
 «Ослу, каких теперь немало...» (Эстетик) 74
 «От шумных городов и до глухих киноив...» (Мое) 109
 Отец, как водится, был зlostным воротилой...» (Социал-заики) 122
 «Отец служил у «дорогих господ»...» (Французская булка) 148
 «Отчего не поплясать?..» (Плясовая) 298
 «Офицер фашистский роту...» (Драй петук!) 261
 «Ох, сложу-сложу...» (Страдания следователя по корниловскому (только ли?) делу) 123
 Оценка («Персоной будучи в кругах известных видной...») 161
 «Парадный ход с дощечкой медной...» (Последняя капля) 169
 Первое слово («Через Минск шли части фронтовые...») 253
 «Первокурсник Голодаев...» (Полноправие) 74
 «Перекопская» («Уж как мы под Перекопом...») 224
 «Персоной будучи в кругах известных видной...» (Оценка) 161
 Песня деда Софрона («Ты играй, моя дуда: ду-ду, ду-ду...») 131
 Песня о земле («Ой вы, головы, головушки кручинные...») 357
 Песня («У ворот мамзель стоит...») 301
 Печаль («Дрожит вагон. Стучат колеса...») 163
 «Печаль моя, тебя ли утаю?..» (Ленинскому набору) 192
 «Писали до сих пор историю вдали...» (О соловье) 193
 «Письме мне тушью иль кармином?..» (Китайские тени) 206
 Письмо Якимя Нагого («Вы, братцы, други милые...») 381
 Плакальщицы (Басни Эзопа. «Лишившись дочери любимой, Антигоны...») 113
 Плясовая («Отчего не поплясать?..») 298
 По бабушку («Дед Мокша со снохой трудился на покосе...») 360
 По гостю — встреча («В деревне был мужик Хаврош, головорез...») 276
 «По просьбе обер-прокурора...» 54

- Побежденное варварство («Уж это было с вами раз...») 289
- Повесть о том, как четырнадцатая дивизия в рай шла («Поужинавши с попадьёю обильно...») 441
- Под знамя «Правды» («Семья рабочая — едина...») 362
- Под Самарой («Волга желтою волною...») 137
- Подарки с «Ост-фронта» («Как фрейлейн Берте летом...») 264
- Подлинно черный («Видали? Сцена недурна...») 213
- «Подмяв под голову пеньку...» (Май) 102
- «Поемный низ порос крапивою...» (О Демьяне Бедном, мужике вредном) 51
- «Полна страданий наших чаша...» 62
- Полноправие («Первокурсник Голодаев...») 74
- «Помещик прогорел, не свесть конца с концом...» (Сынок) 63
- «Поминки» («Однажды в час, когда дню знойному на смену...») 77
- «Помнил колобок иную пору...» («Колобок») 329
- «Помню — господи прости!..» (У господ на елке) 125
- Помощь (Басни Эзопа. «Каким-то случаем сошлись — Медведь с Китом...») 113
- Помянем, братья, старину! («О поле, поле Куликово...») 269
- Пороги («Сегодня — день от всех отличный...») 230
- Порода («У барыни одной...») 62
- «Порой, тоску мою пытаюсь превозмочь...» (Брату моему) 50
- Послевыборный астрономический бюллетень («Большевистская звезда...») 124
- Последний перевал («Везут меня иль сам я еду...») 128
- Последняя капля («Парадный ход с дощечкой медной...») 169
- Поступь истории («Наш взор к минувшему мы обращаем году...») 285
- «Поужинавши с попадьёю обильно...» (Повесть о том, как четырнадцатая дивизия в рай шла) 441
- Похвалы («„Быки-то!“ „Господи!“...») 112
- Похороны («У буржуев шумный гир...») 408
- Почему? («„Хороший хлеб! Народный хлеб!..“») 103
- «Пою. Но разве я «пою»?..» (Мой стих) 121
- Правда-матка, или — как отличить на фронтах подлинные листовки Демьяна Бедного от белогвардейских подделок под них («Вожу пером, ребятушки...») 150
- «Правде» («Броженные юных сил. надежд моих весна...») 132
- Правдолюб («В таком-то вот селе, в таком-то вот приходе...») 65
- «Пред военным барабаном...» («Либердан») 394
- «Пред «Речью»-маменькой — невинная кадетка...» («Современка») 85
- Предисловие к поэме А. С. Пушкина «Гавриилиада» («Друзья мои, открыто говорю...») 140
- Предпраздничное («Хозяин потчует под праздник батраков...») 80
- «Предусмотренные» («Много, много их, «злодеев...») 108
- «Прекрасной Франции поруганная честь...» (Боевой сигнал) 272
- «При свете трепетно луны...» (Воронье) 171
- Приказано, да правды не сказано («Нам в бой идти приказано...») 379
- Прилетела ворона издалеца — какова птица, такова ей и встреча («Смотрят наши: „Гитлер! Вона!..“») 266

- «Пример, как деньги сушат чувства...» (У нас не то, у нас иначе)
212
- Притон («Дошел до станového слух...») 60
- «Приятель мне сказал: „Демьян, голубчик мой...“» (Гости) 64
- «Про «демагогию» слова...» 67
- Про землю, про волю, про рабочую долю («Ну-тка, милые мои!...»)
293
- Проводы («Как родная мать меня...») 142
- Птицеловы («Весною некий птицелов...») 124
- Пугало («Мой сын и мой отец при жизни казнены...») 188
- «Пусть приняла борьба опасный оборот...» (Я верю в свой народ)
263
- Путеводная звезда («Глухая ночь — не навсегда...») 138
- Пушка и соха («Увидевши соху, „Послушай-ка, старушка...“») 104
- Пчела («В саду зеленом и густом...») 235
- «Пыхтит несчастный паровоз...» (Разгрузка) 119
- Работнице («Язык мой груб. Душа сурова...») 129
- Рабочие — солдатам («Солдаты!...») 361
- Рабочий отдых в старину и теперь («Всем миром правил — царь небесный...») 258
- Разговор с редактором по поводу Шанхая («Скворцов-Степанов мне звонит...») 205
- Разгрузка («Пыхтит несчастный паровоз...») 119
- «Разжигатель неумный...» (Жесткий срок) 162
- Размахнулся б я басней задорною... («Размахнулся б я басней задорною...») 73
- Разная мера («Донна Счегло делля Вита...») 89
- Разоренные («Воробушек воробушку...») 345
- Разрыв-трава («Батрак Лука не спал ночей...») 395
- «Расскажем басенку, тряхнем... не стариной...» (Волк-моралист)
275
- «Расхвастался Медведь перед Лисой...» (Басни Эзопа. Добряк) 115
- «Рать пролетарская знамена преклонила...» (Кровавые долги) 191
- Революционный гудок («Глубокою ночью воздху морозный...») 129
- Русские девушки («Зеркальная гладь серебрястой речушки...») 506
- «С весны, все лето, ежедневно...» (Братское дело) 177
- «С грустной матерью, ставшей недавно вдовой...» (Месть) 272
- «С расейской эмиграцией...» (Три чучела) 204
- «С тревогой жуткою привык встречать я день...» 49
- «С фронта русского Бенито...» (Счастливый Бенито) 267
- Салют победителям («О русской славе незахдной...») 277
- «Самовар свистал в три свиста...» (Семена) 182
- Сверхлиберал («Недавно я писал о русских либералах...») 179
- Свеча («„Хозяин! Пантелей Ильич! Гляди-ко... Волга...“») 78
- «Святое царство правды строится...» (Завязь) 171
- «Се — вход Чичерина в Лозанну...» (Кружево) 189
- «Сегодня — день ст всех отличный...» (Пороги) 230
- «Седой мудрец, душой сколь многих ты моложе...» (Ученому и борцу) 161
- Семена («Самовар свистал в три свиста...») 182

- «Семья рабочая — едина...» (Под знамя «Правды») 362
 «Сестры наши и подружки...» (Народным героиням) 274
 «Сил самых мерзостных подручный...» (Гитлер и смерть) 263
 Сила («О тагильских Демидовых весь разговор...») 493
 «Сиротская доля» («В те дни, когда в стране голодной...») 255
 «Скакун» («„Не веришь?“ Мужикку смышленому Назару...») 101
 «Скворцов-Степанов мне звонит...» (Разговор с редактором по по-
 воду Шанхая) 205
 «Склоняюсь к бумажному листу...» (О писательском труде) 219
 «Сколачивать повстанческие штабы...» (Такие капитализму не
 нужны) 211
 «Слепых, скорбящих душ слепсе упованье...» (Так было, но так не
 будет вновь) 177
 «Слоняся без дела...» (Ерши и выюны) 84
 Смелей! («Не заражен я глупым чванством...») 227
 «Смерть. С ней мирится ум, но сердце не мирится...» (Живое звено)
 247
 «Смотрят наши: „Гитлер! Она!..“» (Прилетела ворона издалеца —
 какова птица, такова ей и встреча) 266
 Снежинки («Засыпала звериные тропинки...») 199
 Снежок («Из-под тучки ветер веет...») 146
 «Со всех сторон на нас поход...» (За живое) 118
 Советский часовой («Заткало пряжею туманной...») 186
 «Современка» («Пред «Речью»-маменькой — невинная кадетка...»)
 85
 «Солдаты!...» (Рабочие — солдатам) 361
 Сонет («В родных полях вечерний тихий звон...») 53
 «Соседка» («Бедняжка «Земщина» в горячечном припадке!...») 66
 Социал-болонки («Вы полюбуйтеесь, что за франты...») 190
 Социал-зайки («Отец, как водится, был злостным воротилой...») 122
 «Спи, дитя мое, усни...» («Бука») 363
 «Сраженный вражеским свинцом...» (Завет сраженного бойца) 203
 «Среди поэтов — я политик...» (О черте) 153
 Старые куклы («К игрушкам дооктябрьским, детки...») 217
 Столп отечества («„Дилехтор?.. Хор-рошо!.. Учителя?.. Прекрас-
 но!..“») 110
 Страдания следователя по коринловскому (только ли?) делу («Ох,
 сложу-сложу...») 123
 Стрелка («В жаркой битве, в стычке мелкой...») 168
 «Стрелок был в сапогах добротных...» (Зменная природа) 283
 Строки («Люблю «читать» газеты ныне...») 111
 Счастливый Бенито («С фронта русского Бенито...») 267
 Сынок («Помещик прогорел, не свесть конца с концом...») 63
- Так было, но так не будет вновь («Слепых, скорбящих душ слепое
 упованье...») 177
 «Так много слов...» (Дёма) 81
 Такие капитализму не нужны («Сколачивать повстанческие шта-
 бы...») 211
 Такovy факты! («Немцы лазаря поют...») 286
 «Такое диво в кои веки...» (Опекун) 75
 «Товарищ борода» («Взращенный деревенским полем...») 200

- «Товариш дорогой...» (Атаманская нагайка) 387
«Товарищи!...» (На перевале) 175
Товарищу («Морщины новые на лбу...») 145
Тоже американский рекорд («Доллар против дарвинизма!...») 210
«То-то, братцы, и оно...» (Либерал) 179
Тофута мудрый («В далеком-предалеком царстве...») 116
Три чучела («С расейской эмиграцией...») 204
«Трибун» («Трибуна славного, любимца муз и граций...») 56
«Трибуна славного, любимца муз и граций...» («Трибун») 56
Труд и порядок («Мы бурю подняли не бурелома ради...») 184
«Трум-ту-ту-тум!...» (Главная Улица) 435
«Ты играй, моя дуда: ду-ду, ду-ду...» (Песня деда Софрона) 131
- «У барыни одной...» (Порода) 62
«У батюшки Ипата...» («Христос воскрес») 133
«У буржуев шумный пир...» (Похороны) 408
«У ворот мамзель стоит...» (Песня) 301
У господ на елке («Помню — господи прости!...») 125
«У кузнеца, у дедушки Филата...» (Усы да борода) 104
У могилы Тараса Шевченко 94
У нас не то, у нас иначе («Пример, как деньги сушат чувства...») 212
«У Прокофьевны в избушке...» (В деревне) 343
«Увидевши соху, „Послушай-ка, старушка...“» (Пушка и соха) 104
«Уж как мы под Перекопом...» («Перекопская») 224
«Уж немцы здесь бывали ране...» (Освободителя) 280
«Уж это было с вами раз...» (Побежденное варварство) 289
Уральские сказы («Это — сумрачный лес, а не розовый сад...») 451
Урожай («Как у попа Ипата...») 79
«Устроив мстительный локаут...» (Обреченные) 96
Усы да борода («У кузнеца, у дедушки Филата...») 104
Ученому и борцу («Седой мудрец, душой сколь многих ты мо-
ложе...») 161
«Ушли, мелькнув, вссна и лето...» (За работу) 213
- «Фаргелет» («Любители хвастливо привирать...») 281
«Фон дер Гольц в родном Берлине...» (Кандидаты на ... фонари) 148
Французская булка («Отец служил у «дорогих господ»...») 148
- Хозяин («Бывает так, что мы — одни...») 510
Хозяин («Заводчик с книжечкой застал однажды внука...») 82
Хозяин и батрак («Над мужиком, над Еремеем...») 57
«„Хозяин! Пантелей Ильич! Гляди-ко... Волга...“» (Свеча) 78
«Хозяин потчует под праздник батраков...» (Предпраздничное) 80
«„Хороший хлеб! Народный хлеб!...“» (Почему?) 103
«Христос воскрес» («У батюшки Ипата...») 133
Художник, боец, друг («Художник удивительной судьбы...») 254
«Художник удивительной судьбы...» (Художник, боец, друг) 254
- Цензор («Цензурный некий генерал...») 85
«Цензурный некий генерал...» (Цензор) 85

Центрошишка («Злой, рыже-красный клёст, взобравшись на елку...») 144

Частушки («Говорила дураку...») 147

«Через Минск шли части фронтовые...» (Первое слово) 253

Черта с два! («Не та уж кровь. Не те уж годы...») 209

Честь красноармейцу! («Красноармеец — Пров, Мефодий...») 167

Читают Демьяна Бедного («Во времена, как говорится, в оны...») 209

«Что Николай «лишился места»...» («Мест больше нет») 117

«Чудных три песни нашел я в книге родного поэта...» 53

«Шумят детишки на реке...» (В летний день на реке) 282

Эстетик («Ослу, каких теперь немало...») 74

«Это — сумрачный лес, а не розовый сад...» (Уральские сказы) 451

Это — то, что нужно! («Муссолини — речь о нем!...») 270

Юной гвардии («Время темное, глухое...») 188

Я б хотел... («Выхожу один я на дорогу...») 120

Я верю в свой народ («Пусть приняла борьба опасный оборот...») 263

«Я не скажу, что нынче ведро...» (Азбука) 181

«Я опоздал с моею сказкой...» (За этой линией) 187

«Язык мой груб. Душа сурова...» (Работнице) 129

Ярость («В работе яростно-кипучей...») 268

СОДЕРЖАНИЕ

Поэзия Демьяна Бедного. <i>Вступительная статья И. С. Эвентова</i>	5
--	---

СТИХОТВОРЕНИЯ

1908—1916

«С тревогой жуткою привык встречать я день...»	49	526
Брату моему	50	526
О Демьяне Бедном, мужике вредном	51	526
«Бывает час: тоска щемящая...»	52	526
«Чудных три песни нашел я в книге родного поэта...»	53	526
Сонет	53	527
«По просьбе обер-прокурора...»	54	527
Кукушка	54	527
Звезда	55	527
«Трибун»	56	527
Хозяин и батрак	57	527
«Диво»	58	528
Лена	59	528
Гуманность	59	528
Притон	60	528
«Полна страданий наших чаша...»	62	528
Порода	62	528
Сынок	63	529
Гости	64	529
Правдолюб	65	529
Метаморфоза	65	529
Соседка	66	529
Лето	66	529
«Про «демагогию» слова...»	67	529
Дом	68	529
Лапоть и сапог	71	530
Кларнет и рожок	72	530

Размахнулся б я басней задорною...	73	530
Полноправие	74	530
Эстетик	74	530
Опекун	75	530
Бунтующие зайцы	76	531
«Поминки»	77	531
Свеча	78	531
Моя молитва	79	531
Урожай	79	531
Предпраздничное	80	531
Дёма	81	532
Хозяин	82	532
Клоп	83	532
«Газета-копейка»	83	532
Ерши и выюны	84	532
«Современка»	85	532
Цензор	85	532
Бесы	86	532
Друзьям	88	533
Разная мера	89	533
Наказ	90	533
У могилы Тараса Шевченко	94	534
Обреченные	96	534
Диво дивное (Сказка)	96	534
«Скакун»	101	534
Май	102	534
Невыносимая брань	103	534
Почему?	103	535
Пушка и соха	104	535
Усы да борода (Сказка)	104	535
«Баталисты»	108	535
«Предусмотренные»	108	535
Закон и «Правда»	109	535
Мое	109	535
Столп отечества	110	535
Строки	111	535
Похвалы	112	536
Б а с н и Э з о п а		
Брак богов	112	536
Помощь	113	536
Плакальщицы	113	536
Волк и Овца	114	537
Добряк	115	537

1917—1920

Тофута Мудрый	116	537
«Мест больше нет»	117	537
За живое	118	537
Народная примета	118	537
Компания друзей	118	537
Разгрузка	119	538

Я б хотел	120	538
Мой стих	121	538
Социал-заики	122	539
Страдания следователя по корниловскому (только ли?) делу	123	539
Послевыборный астрономический бюллетень	124	540
Птицеловы	124	540
У господ на елке	125	540
Мы не одни	127	540
Последний перевал	128	540
Новожиженские лягушки	128	540
Революционный гудок	129	540
Работнице	129	541
Маяк	130	541
Песня деда Софрона	131	541
«Правде»	132	541
Господская тень	133	541
«Христос воскрес»	133	541
Молодняк	134	541
Крещение	135	541
Два гренадера	136	542
Под Самарой	137	542
Путеводная звезда	138	542
«До этого места!»	139	542
Предисловие к поэме А. С. Пушкина «Гавриилиада»	140	542
Проводы	142	543
Центрошишка	144	543
В монастыре	145	544
Товарищу	145	544
Снежок	146	544
Частушки	147	544
Французская булка	148	544
Кандидаты на... фонари	148	544
Братские могилы	149	544
Красный Флот	150	544
Правда-матка...	150	545
О черте	153	545
На помощь красным бойцам	155	545
День прозрения	156	545
Гулимджан	157	545
Благословение	159	545
Ученому и борцу	161	546
Оценка	161	546
Жесткий срок	162	546
Печаль	163	546
Манифест барона фон Врангеля	165	546
Латышские красные бойцы	166	547
Честь красноармейцу!	167	547
Стрелка	168	547
Последняя капля	169	548
Воронье	171	548
Завязь	171	548
Новогоднее	172	548

1921—1929

На перевале	175 548
Так было, но так не будет внавь	177 548
Братское дело	177 548
Либерал	179 548
Сверхлиберал	179 549
«Владимирка»	180 549
Азбука	181 549
Семена	182 549
Труд и порядок	184 549
Давно пора	185 549
Советский часовой (<i>Баллада</i>)	186 549
За этой линией	187 550
Пугало	188 550
Юной гвардии	188 550
Кружево	189 550
Социал-болонки	190 550
Любимому	191 550
Кровавые долги	191 551
На что покойнику сапоги?	191 551
Ленинскому набору	192 551
О соловье	193 551
Вперед и выше!	199 552
Снежинки	199 552
«Товарищ борода»	200 552
Неповторимые	202 552
На ленинский маяк!	203 552
Завет сраженного бойца	203 552
Три чучела	204 552
Разговор с редактором по поводу Шанхая	205 553
Китайские тени	206 553
Никто не знал.	207 553
Да, вспомнить есть о чем.	208 553
Читают Демьяна Бедного	209 553
Черта с два!	209 553
Тоже американский рекорд	210 554
Ожглись	210 554
Такие капитализму не нужны	211 554
Мрак!	211 554
У нас не то, у нас иначе	212 554
Муза, воспой.	212 554
Подлинно черный	213 554
За работу	213 554
Басову-Верхоянцеву	213 554
Нас побить, побить хотели!	214 554

1930—1937

Грехи простимые и непростимые	216 555
Диво-дивное, коллективное	216 555
Старые куклы	217 556

О писательском труде	219 556
«Перекопская»	224 556
Бойцам за красную жизнь	226 556
Смелей!	227 556
«Задули»	229 556
Пороги	230 556
Еж	233 556
Пчела	235 557
Лодырский паек	235 557
Неизлечимый	236 557
Даем!!	237 557
Наша родина	242 557
Обороняться — значит бить!	243 557
Живое звено	247 558
Кого мы били	247 558
Первое слово	253 558
Художник, боец, друг	254 558
А такие типы есть!	254 558
«Сиротская доля»	255 558
Рабочий отдых в старину и теперь	258 558

1941—1945

Анка-партизанка (<i>Белорусская песня</i>)	260 559
Драй петук! (<i>Баллада</i>)	261 559
Гитлер и смерть	263 559
Я верю в свой народ	263 559
Подарки с «Ост-фронта» (<i>Баллада</i>)	264 559
Прилетела ворона издалеча — какова птица, такова ей и встреча	266 559
Счастливый Бенито	267 559
Ярость	268 559
Помянем, братья, старину!	269 559
Боевой зарок	269 559
Это — то, что нужно!	270 559
Боевой сигнал	272 560
Мечь (<i>Легенда</i>)	272 560
Народным героиням	274 560
Волк-моралист	275 560
По гостю — встреча	276 560
Салют победителям	277 560
Мудрый сказ	277 560
Встреча	278 560
Ленин — с нами!	279 560
Обиженный вор	279 560
Освободителям	280 561
«Фаргелет»	281 561
В летний день на реке	282 561
Зменная природа	283 561
За Советское Отечество!	284 561
Москва — Варшаве	284 561
Поступь истории	285 561

Автоэпитафия	286	561
Таковы факты!	286	561
Заплетаящимся языком...	288	561
Побежденное варварство	289	561

ПОВЕСТИ, ПОЭМЫ, СКАЗЫ

Про землю, про волю, про рабочую долю (<i>Повесть</i>)	293	562
О Митьке-бегунце и об его конце	421	568
Главная Улица (<i>Поэма</i>)	435	569
Повесть о том, как четырнадцатая дивизия в рай шла	441	569
Клятва Зайнет (<i>Поэма</i>)	447	570
Уральские сказы	451	570
Мастерство	454	571
Сила :	493	571
Русские девушки	506	571
Хозяин (<i>Повесть</i>)	510	571
 Примечания	 523	
 К иллюстрациям	 572	
Алфавитный указатель произведений	573	

Редакционная коллегия

*В. Н. Орлов (главный редактор), В. Г. Базанов,
Б. И. Бурсов, Б. Ф. Егоров (зам. главного редактора),
В. М. Жирмунский, В. О. Перцов, А. А. Прокофьев,
А. А. Сурков, А. Т. Твардовский, Н. С. Тихонов,
С. И. Чиковани, И. Г. Ямпольский.*

Демьян Бедный

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

Л. О. изд-ва «Советский писатель», 1965 г. 592 стр.

Тем. план вып. 1965 г. № 500

Редактор *Л. А. Николаева*

Художник *И. С. Серов*. Худож. редактор *А. Ф. Третьякова*.
Техн. редактор *В. Г. Комм*. Корректор *Г. Л. Черняк*

Слано в набор 23/ХІІ 1964 г. Подписано в печать 13/ІІІ 1965 г.
Бумага 84×108^{1/2}. Печ. л. 18^{1/2}+6 вкл. (31,71) Уч.-изд. л.
30,91. Тираж 25 000 экз. Заказ № 2404. Цена 1 р. 13 к.

Издательство «Советский писатель»

Ленинградское отделение. Ленинград, Невский пр., 28

Ленинградская типография № 5 Главполиграфпрома
Государственного комитета Совета Министров СССР
по печати, Красная ул., 1/3

